Лев Роднов

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА

Энциклопедия русского Духа
Поэма

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=Рус)6-4
Р609

Серия «Ижица»

Художник А. Балтин

Роднов Л.И.

Р609 Русская легенда. Энциклопедия русского Духа. Поэма / Л.И. Роднов. — Ижевск: ERGO, 2007. — 346 с.

ISBN 978-5-98904-026-1

«Русская легенда» — новая книга Льва Роднова. Увлекательный сюжет и немалое количество острых авторских идей и взглядов будут интересны всем, кто ценит интеллектуальную прозу.

© Роднов Л.И., 2007
© ООО Издательский дом «ERGO», 2007

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТАЙНОПИСИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале было что-то, потом оно сплелось в легенду, во-плотилось, о-существилось, о-веществилось. Короче, стало повседневностью, в которой первоначальное что-то затёрлось, потеряло звучание, а вообще-то и смысл. И нужна была реконструкция тайнописи, согласно которой мы живём, осуществляемся, страдаем, но смысл которой мы не понимаем. Мой друг, писатель Лев Роднов, взялся за эту реконструкцию великой русской легенды, определяющей наше бытие и оправдывающей наше небытие. Его гипотеза предельна: Россия — родина смерти; смерти вообще, смерти как таковой. Это то место, куда даже сама смерть приезжает умирать, возвращаясь к себе на родину, обретая себя и воплощая себя. Такой посыл психологически позволяет размышлять о самом сокровенном, пытаясь ответить на вопрос: почему в жизни так мало Жизни?

Текст этой книги подчинён не линейной логике, а логике ассоциаций, пара-логике бессознательного, логике, создающей многовекторные конструкции, вбирающей в себя и сталкивающей противоречия. Книга афористична, порою сквозь ритмичное повествование остротой своей прорываются неожиданные прозрения, фразы, которые долго не дают покоя, концентрируют в себе свет, боль, порыв и… наш диагноз. Книга вскрывает множество патогенных механизмов, обрекающих нас на бытие в глупости, в ханжестве, на бытие в смерти. Текст Льва Роднова вводит читающего в особый дискурс психологического и философского проживания российской маяты, осмысливания бессмыслицы и обессмысливания смыслов. Это дискурс хаотической нагромождённости неразобранного, нажитого духовного материала, казалось бы подготовленного для строительства чего-то, но лежащего россыпями и разрушающегося.

В мире, где многое становится напоказ, делается для показа, где жизнь вырождается в демонстрирование жизни, нужна иная, критическая оптика. Оптика, высвечивающая уродство, делающая зримым примелькавшееся; оптика не вездесущего контроля, а оптика фокусирующая свет. Честная и жёсткая книга Роднова может стать такой «оптической системой», взирающей в тебя, прочитывающей самого читателя в его помыслах и поисках.

В конце концов, какова же судьба девочки Ро (если угодно — России), согласно реконструированной русской легенде? В принятии идеи смерти и идеи рождения. В самостоятельном прозрении и в постоянном ответе на вопрос: о чём мы?

А что же в итоге?

В итоге — словами Автора:

«От России останется немного. Тексты».

Доводится до предела мысль о жизненной… невозможности жизни. Невозможная фигура может быть показана, нарисована, вообразима, но она невозможна в координатах реального. Существование этой фигуры возвращает нас к столкновению зримого и сущего. Проживаемая нами жизнь находится, видимо, где-то в зазоре — на границах зримого и неведомого бытия. Об этой сладостно-мучительной, вечной и странной «невозможности» русского существования и говорится на многих страницах книги, которую ты, Читатель, держишь сейчас в своих руках.

Сергей Сироткин,
зав.кафедрой, кандидат педагогических наук,
доцент, Удмуртский государственный университет

Мне грешница шептала,
как ангел заводной:
«Под Солнцем места мало —
не то, что под Луной!»

ИДЕЯ

Национальная идея России — смерть. Преображение! Россия — родина смерти. Город — её столица.

СОДЕРЖАНИЕ

Идея. Содержание. Вход. Они. Пожар. История Духа. История Грэя. Девочка Ро. Тишина. Полигон. Гоблин. Город, июнь. Дух и Гоблин. Лекция. Город, июль. Китайцы. Гипноз. Дом Гоблина и Ро. Черви. Маринад. Рыбалка. Город, август. Лицей. Физик. Дурнина. Дом Счастья. Фантомное счастье. Дом счастья. Исцеление разума. Может пригодиться! Тени. Чаепийцы. Чему научили? Запятая. Пере. Банкет. Дом счастья. Частный сектор. Зима. Бомж. Смерть Гоблина. Треугольник. Весна. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. Прошло девять лет. День Города. Эпилог. Дневник Духа.

ВХОД

Говорящее сердце замыкает уста.

Желаю всем хранить равновесие в чувствах и в разуме, — смотреть на этот мир так, как будто всё в жизни давно умерло. Всё, кроме взгляда. Книга тишины прочитает тебя больше, чем ты её. Сюжет и словесные построения не столь важны, однако история тех или иных жизненных прикосновений не бесследна. Зачастую язык с неохотою подбирает слова, потому что знаки не передают сути явлений. В этой преамбуле мне нечего дать твоему любопытству.

Песчинка живёт дольше скалы.

ОНИ

Уши слышат их, но сути слов не имеют. Взор повсюду на них набредает, но проходит насквозь беспрепятственно. Память рада бы их удержать, да не может. Они опыт свой не хранят. Они душу в душе не содержат. Они любят себя изменять, изменяя себе. Тот, кто хищен из них, ищет правду средь слабых. Тот кто слаб, верит в ложь, как в спасение. Безымянным не жаль безымянных. Они праздник от праздности не отличают. Они могут гордиться паденьем и мраком, они к свету идут по приказу, они верят в вождя, как язычник в болвана. Горе силу даёт им, счастье — разъединяет. Зеркала их украшены лестью и страхом. Они славят разбойников в прошлом, они завистью кормят живущего вора. Они якобы лучше других. Самомнение — солнце ослепших. Мысль убита здесь склонностью к вере. Ну а вера сидит на цепи у надежды. Они странное племя матёрых детей: безутешен их крик, безоглядно веселье. Они ищут чему подражать. Подражая, теряют века. Меж детьми и отцами не пропасть, а мода. Они любят быть копией истин и знаний. Что присвоено вдруг, то им ныне — Отчизна! Им чужое — не враг. Они строят плохие дороги. Города их в грязи, а селенья в унынии. Они смертью рабов добывают рекорды. Ожидание счастья — это воздух и плоть их безделья. Старики беспокойны, как грозы. Разум смотрится в крах с наслажденьем пророка. Реки их обмелели, и земли разрыты. Они пробуют жить, но, увы, — доживают. Им бы нужен герой, обладающий чудом. Как всегда, — говорят они, — как всегда... Преображение — жажда их маленьких душ, вечный внутренний зов, что сильнее инстинктов. Образа помещаются в сердце. Им бессмыслица — мать, оправданье — отец. Преображаться — их дикая страсть. Они целым народом впадают в иное, в новый образ случайный, как в пьянство. Они — сонмы актёров на сцене времён. Они ролью живут, и рождаются в роли, и в роли уходят. Коротки скетчи историй их дробных! И спектакли меняются слишком уж часто. Даже нет у них собственных слов для себя. И молитва, и песня, и платье — на время, на миг. Лицедеи судьбы, подменившие культом культуру. Опираться на прожитый грех — это значит стоять на ногах. Опираться на чей-то мираж — это значит служить балагану. Они так и живут: понарошку! Их вчерашние мысли — в чулане, их прожитые чувства — в земле. Они ждут потрясений, как славы. Но они не погибнут от пуль и разврата, потому что погибель их — сцена и роль. Они — маски и грим, они куколки правил, они — речь, что нашёптана званым суфлёром и званым жрецом. Похвальба их сидит на плечах похвалы. Нет, не здесь за наитием следует слово. Здесь же люди спешат за привадой отравленных снов! Мотыльки обожают жить вечным мечтанием. Они

строят плохие дома. Они сделали целым тюрьму и работу. Они копят заморские деньги. Они могут питаться и манной, и ядом. Призрачен мир, где фантазия — царь в голове. Они тешат своим лицедейством других. Театрален их жест, бутафорен их мир. Мода сменится вдруг, или сменится царь — декорации тотчас же пере-вернутся. О, судьба подражателей ловких! Все подвластно их быстрой игре: и бездушные вещи, и символ картонный. Они истово счастливы тем, что играют прекрасно: в Бога, в Родину, в миссию первых, в золотую историю сказок своих, в возрождение мёртвых и в охоту на ведьм. Они так поэтичны! Круг игры их велик. Ценность их жизни есть время спектакля. А время их — миг! Театральность пуста без последних пределов — нарисованный бог нужен им для картинной беды, для погибели и назиданья. Кто же смотрит на них, оглашённых, кто питает их бедный талант? Возрождение — жизнь после жизни — снова прежняя роль в изменившемся мире. Кому быть кукловодом — решают не куклы. Призрак искусства хозяевам служит. Лицедеи же призраку служат! Они сводят на сцене времен всю алхимию неба с алхимией ада. Они делают взрыв — свой «особенный путь» — катастрофу как свет. Имена им даны по ролям, а дела им даны, как условность. Кто придёт к ним собою самим, тот с собою покончит.

От имени Автора — лев роднов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЖАР

Оркестр в саду качал, как помпа,
Из лёгких музыкантов пену мая,
Чтоб возрождались: инвалиды, прокуроры,
Закройщицы, бухой ремесленник и бывший снайпер —
Ночная патока весны слепляла люд
Вокруг веранды, источавшей благодать.
От звуков веяло Манчжурией и смертью непорочной —
Хотелось жить, сынишку-русачёнка
Трепать рукой, освободившейся от пива.
И — танцевать! Неважно, как и в чём,
Пусть в сапогах, но горячо и безоглядно,
Как будто приговор заржавевшему чувству
Уже свершён: и лучший поцелуй — всегда прощальный…
Родное время. Ныли по утрам заводы,
Сипели паром из железных дырок в небеса,
Стекольщики блажили, кувыркались «ЯКи»,
Дразня шпану заоблачной романтикой машин,
Шипело радио, как камбала на сковородке,
Из черноты «тарелок» черпал пайку слух,
Гналась от бедности соседка-многодетность,
Ловила сетью и топила самогон
На двух гудящих, как тревога, керогазах,
А вслед за ней гнались: повестки, штрафы…
Дышали бури в тубах деревянных улиц,
Горели пробки, бранью исцелялись старики —
В лежащем граде, в лабиринтах лжи и лести
О, счастье, выли псы, живущие при скотобойне.
Божились водкой и клялись на кулаках
Под пену музыки в оазисе культуры
На миг сбежавшие от страха краснолюбцы.
Сколь искренне веселие рабов! Оно — дитя поминок!
Был мальчик-русачёк, введён и впечатлён насильно
Энтузиазмом, как проказой, жертвенным трудом,
Негрешным воровством с соседских огородов
И поркой в честь огромной лужи Духа,
В которой, аки по суху, носились демоны девизов,
А исполины — сохли. И чтоб не сдохнуть, многие легли.
На чудищах трамваев висли гроздья
Живых сосудов для хранения заветов оскопленья:
Внутри дракона выжить — раз, и выкормить потомство — два.
На этом счёт кончался, а жажда песен крепла.
И ныне так. Лишь с тою разницей, что в небе спутник

Уже не первый. А нота апокалипсиса длится,
Её узнать легко: ответов звон бьёт немоту вопросов.
Танцуй! Пусть видит бедное дитя, что ты богат безумьем,
Что сапоги опять скрипят, что пиво льётся и трепещут груди,
Что из родительской могилы бьют лучи,
И правда в том, что в световом тоннеле
Заложник семени задержан был на временную жизнь —
Из света в свет!

— Смерть! Смерть! Ты просто слепой! Зачем ты привёз меня в эту дыру? Зачем?! Ты ищешь здесь какую-то несуществующую идею, великое оправдание для невеликого себя? Это я подожгла твою богадельню. Я! Я!!! Россия — это смерть. И, знаешь, какая? Особенная, мучительная, которая заставляет ослепших дурачков любить её… Таких, как ты, Дух. Люди умирают здесь медленно, по частям, смакуя гибель свою по кусочкам. Сначала подыхает душа, потом разум, потом чувства… А уж когда наступает черёд для тела — это, действительно, избавление. Избавление от себя самого — трупа. Здесь нет ничего, кроме смерти, и никогда не было. Она всюду, во всём, в каждой пылинке этой проклятой страны, в каждом её мгновении, в каждом взгляде и в каждой двуногой гадине, мечтающей о счастье! Здесь прославляют мёртвых. Слепой! Ты не видишь, что опущенные люди не сильны в жизни, что они не умеют и не хотят подниматься, объединившись. Они сильны лишь в падении, в разрухе, в убийстве, в чёртовом их равенстве на самом дне. Смерть, смерть, смерть — желанное начало. И для толпы, и для каждого из них. Ты что, не понимаешь, что они на неё молятся, что это — единственная любовь лентяев и неудачников? Русская смерть заразна! Она проникла в жизнь, она научилась носить её одежды и говорить на её языке. Смерть — языческий культ её деток. В честь неё они готовы навсегда превратиться в стадо безропотных овец, гордящихся своей безропотностью и своим оскоплённым разумом. Так вот, героический конец — не для меня. Я не хочу жить в куче вашего поднебесного навоза. Мне не нужна ваша несуществующая «правда» — хватит! Я не желаю всегда быть настороже, чтобы не спятить, не свихнуться от трупного яда, вытекающего из русского прошлого, и не опьянеть от реальных иллюзий, взятых из нереального будущего. В царстве смерти слишком много говорят о духовности, потому что этого здесь нет и в помине. Духовное — бессловесно! Тебе ли этого не знать?! Здешнее небо кишит самовлюблёнными каннибалами и убийцами. Настоящего словно бы и нет вовсе. Потому что смерть ненавидит настоящее! А я его обожаю. Дух, я, я… я любила тебя. Я…

Девушка, крайне возбуждённая обвинительной речью, опустилась на колени и неожиданно поцеловала человека, безучастно лежащего

на носилках. Глаза Духа были открыты, губы бледны и плотно сжаты, одежда местами прогорела. Полукругом топтались у носилок спасатели, поджидающие экипаж медицинской «неотложки». Пахло гарью. Пожарные машины готовились к отъезду. Оперативная работа кончилась. Среди наступившей тишины стали слышны птичьи разговоры, да негромкий матерок специалистов, собирающих свой технический инвентарь; и как шум в шуме — привычно покрывал Город и окрестности отдалённый гул гигантского оружейного завода. Июньский ветер волнами окатывал пустырь полигона то теплом, то холодом. Деревянный терем — единственное диковинное украшение этой окраины — сгорел. Духа вынесли из огня спасатели; после оказания первой медицинской помощи пострадавший пришел в сознание, но был ко всему безучастен.

— Сама призналась, бильдюга, задержать бы надо, — начальник караула, молодой, решительный парень направился к девушке и уже протянул было руку, чтобы поднять её с коленей, но не успел… Гибкая и стремительная, как смуглая змейка, поджигательница отпрыгнула в сторону и, не оглядываясь, побежала по сухой тропинке в сторону Города. Начальник караула потянулся за рацией, но вдруг передумал. — Хер с ней. Пусть менты ловят, это, в конце концов, их работа.

ИСТОРИЯ ДУХА

Свою кличку Дух получил ещё в скаутском отряде. За то, что имел в пра-пра-прошлом дворянские корни, и за то, что запоем читал о России всё подряд. О стране, в которой он никогда не был, но о которой слышал много удивительных сказок. Мальчику казалось, что где-то там, на севере, небеса спускаются до самой земли, ледовые дома опасно непрочны, потому что купаются в холодных сырых облаках, а живые полустеклянные люди почти парят, всё время рискуя потерять контакт с этим миром. Он знал из книг: русские страдают и сами себя за это уважают, в то время как остальное население планеты над ними потешается. Это знание наполняло мальчика возвышенной патриотичной печалью и будило в нём неудобную для жизни и бизнеса черту — сострадательность. Русский ген уверенно подсказывал: «Эй, парень! В твоих руках ничего не окажется, если планы и фантазии опираются не на землю…». Родителей своих он не помнил, знал лишь их лица по фотографиям, да сохранил в памяти кое-что из рассказов добрейшей бездетной четы, в русском доме у которых воспитывался до официального совершеннолетия. Потом судьба выбросила на стол персонального бытия сразу две козырные карты — интересную службу в гуманитарной миссии и доступ к науке. Дух побывал на всех континентах, проповедуя искусство быть собой и распределяя гранты

среди тех, кто стремился к независимости мышления. Дух искренне любил упрямых оригиналов, понимающих и ценящих свою самобытность. Унификация жизни на земле и одинаковая техническая рациональность в поведении людей превращали неповторимый цветник земных культур и традиций в какой-то одинаково стриженый газон, в быструю и удобную повседневность машинного мира, принципиально не отличающего оцифрованное счастье материальной выгоды от идеи красоты вообще. Дух препятствовал, как мог, глобальному процессу ментальных ассимиляций — подражанию диктату цивилизационной моды ценой самозабвения. Набравшись опыта, он стал читать лекции в университетах, куда его охотно приглашали друзья и коллеги. Россия в его талантливых интерпретациях продолжала оставаться нераскрывшимся бутоном, потенциальным цветком, который век за веком питался самым лакомым из божественных нектаров — человеческой кровью. Эта аллегория будоражила воображение любой аудитории. Дух не просто выходил на кафедру и читал, нет, он всякий раз публично импровизировал, впадал, как одержимый учёный, как шаман, в транс темы — по-русски раскачивая амплитуду представлений о свободе личности до крайностей: быть или не быть, всё или ничего, пан или пропал. Эти вдохновенные речи о народе-язычнике и его размашистых понятиях завораживали. Через двадцать пять лет служба закончилась академическими почестями и прижизненной славой слависта-проповедника. Учёный перешёл на более спокойный, оседлый образ существования, снимая уютную квартирку в небольшом прибрежном городке. Изредка приезжали гости. Изредка выходили его новые книги. Однажды в обществе анонимных алкоголиков Дух-лектор повстречал единственного своего настоящего друга — Грэя, серого негра, прекрасно говорившего по-русски, бывшего военного лётчика, споткнувшегося на весёлом пристрастии к спиртному. Массу времени друзья проводили вместе.

ИСТОРИЯ ГРЭЯ

Кожа негра имела слегка сероватый оттенок, похожий на лёгкое посеребрение. Оптимистом Грэй был неисправимым, его не смущали ни трудности, ни победы. Он оглушительно хохотал там, где люди улыбались, и улыбался там, где люди плакали. Его шкала жизнелюбия сильно отличалась от общепринятой и, возможно, в силу именно этой особенности мировосприятия Грэй был одинок. Духовно одинок. Потому что земных женщин и земных собутыльников в его жизни не сосчитал бы никто. Комиссовали беднягу по причине психических феноменов, которые спонтанно начали вдруг проявляться вне всякой логики и объяснений. Русским он безо всяких видимых усилий

овладел ещё в юности, сразу и без акцента, — пять лет учился когда-то в интернациональной группе астронавтов под Москвой. У самого Грэя было ощущение, что новый язык просто «вспомнился». Как? Этого он не знал. Грэй влюбился в Россию и в русских безоговорочно. Его восхищало здесь всё: дикорастущие девчонки, драки, мужчины, мгновенно переходящие от мрачности к весёлым песням и обратно, непредсказуемость поступков, враньё политиков и капризы местной погоды, пренебрежение к качеству пищи и обилие анекдотов. Язык русских открыл для Грэя вход в обитаемую вселенную, где ни одно из светил не ведало постоянства: хаотичная свобода принципов с лёгкостью взрывала в русской истории сверхновые и бесследно уничтожала сияющих, казалось бы вечных, гигантов, искривляла прямолинейность интеллектуального света и здравого смысла, спутывала чувства в змееподобный свадебный клубок, скрещивала тьму и свет в удивительных гениях и монстрах, и эти монстры вновь рождали гениальных монстроподобных детей — русских одиночек, способных нести в себе силу постоянно мутирующего зерна, и в нём — продолжение своей непостижимой и неведомой вселенной… Россия! О, это было восхитительно: просыпаться утром и не знать, что тебя ожидает к вечеру! Астронавта из Грэя, увы, не получилось. В России случились очередные политические потрясения и сводный отряд по-тихому расформировали. Народ разъехался кто куда. Но все годы последующей службы в родной эскадрилье Грэя не покидало ощущение, что он обязательно ещё вернётся на самую интересную в мире землю. Туда, где всякий раз можно начать жизнь с самого начала. Как? С похмелья. С балаганного трёпа. С причуды. Просто сменив имя или убеждения. Бросив без сожаления одно дело и без особых раздумий начав другое. Как угодно! Карнавальная пестрота русских событий, их потешная цена и прихотливость меняющихся жизненных картин манили Грэя к себе, как сладостный наркотик. Душевная открытость жителей снежной страны, их распахнутость и благоговейное отношение к живому теплу возбуждали всякого деятельного иностранца сильнее, чем самая лучшая из любовниц. Здесь без устали хотелось хотеть всё и всего сразу! И что самое невероятное — это легко достигалось. Иностранцев русские безоговорочно превозносили, с непонятным холопским удовольствием ставя их над собой. Особенно провинциалы, тающие от встречи с представителем иноземной силы, как вечная мерзлота от глобального потепления. Возможно, в каждом породистом зарубежном представителе неорганизованные русичи подсознательно видели некую национальную выгоду, долгожданный исторический куш — надежду на порядок в собственном доме. Увы. И кто только не играл в веках на этой коллективной иллюзии народа-ребёнка! Грэй тоже мечтал развернуть в России свой бизнес. Начав с какой-нибудь идеи-блефа, с нахальной голой веры в богатый успех.

ДЕВОЧКА РО

Жизнь текла размеренно и стабильно. Друзья чувствовали себя не хуже ореховых ядрышек в надёжной скорлупе; с опытом и возрастом казалось: никакая сила теперь не способна проломить отвердевший панцирь устоявшихся человеческих пристрастий, милых традиций и удобных привычек, что музы судеб уже ни на что не жалуются и лишь с удовольствием насвистывают каждый день знакомый мотивчик… Пока гром не грянул. Такого крутого оборота дел никто не ожидал. Дух, привыкший к своему сиротству, к полному отсутствию чувства родства с кем-либо, просто остолбенел, когда на пороге его дома появилась грузная дама с папкой бумаг в многосекционном портфеле. Дама отёрла платочком пот со лба и сразу приступила к объяснению причины своего визита.

— Совет матерей рассмотрел трагический случай в судьбе Ро. Её родители, семья дипломатов, погибли полгода назад. Всё это время Ро находилась под присмотром врачей и психологов у нас в интернате. Сейчас её здоровье вне опасности, она адекватна и жизнедеятельна. Возраст девочки — шесть лет. Вы, судя по нашим тщательным документальным исследованиям и архивным поискам, являетесь, хотя и дальним, но прямым и единственным родственником этой молодой леди. Совет матерей предлагает вам стать её опекуном. Вам же перейдет право в течение четырнадцати лет распоряжаться половиной весьма крупного состояния, унаследованного Ро от родителей. Вот документы. Изучите. За ответом я зайду завтра в это же время.

Грузная дама исчезла, как наваждение. Оставив, впрочем, после своего явления стопку бумаг и бланков на столе. Дух с глупым выражением на лице так и застыл посреди комнаты, размышляя: чей же это такой некрасивый розыгрыш? Он потянул наугад одну из бумаг, ожидая увидеть дружескую карикатуру, буриме, эпиграмму или что-то в этом роде, но бумага содержала в себе абсолютно серьёзный текст и настоящую лиловую печать с четырьмя нотариальными подписями под ней. Другие бумаги были не легче. Дух попытался сосредоточиться, но все мысли вдруг выскочили из головы, как потревоженные насекомые, и кружили где-то рядом, поблизости, Дух даже слышал пронзительный звон их маленьких крылышек, но ни одна не возвращалась в привычную, удобную и упорядоченную обитель дисциплинированного мозга — в жизни произошло нечто непонятное, незапланированное. Возможно, чья-то раздражающая досадная ошибка. Но нет же, вот подробное письмо-ходатайство на вполне конкретное имя. Его имя… И его адрес… Сердце сдавило озорное болезненное предчувствие: а что, если это хороший шанс испробовать себя в новой роли? А что, если согласиться? Бред! Дух даже потряс головой, но звенящая пустота под теменем от этого отозвалась лишь новым дополнительным дребезгом.

Он вызвал Грэя. Вдвоём, они поочерёдно и не по разу перечитали всю стопку имеющихся бумаг. Что-то голливудское, комиксно-киношное было во всей этой ситуации, свалившейся невесть откуда. Дух часто говорил с трибун и кафедр о том, что лучшие повороты судьбе удаются, когда ей выпадает шанс встретиться с ситуацией, выражаемой словом «вдруг». Но одно дело — говорить об этом, рассуждая теоретически, кивая на литературные образцы и примеры из чьих-то исторических биографий. И совсем другое, когда это «вдруг» бьёт лично тебя без предупреждения кувалдой по лбу. С прочтением каждой новой бумаги Дух серьёзнел и хмурился всё больше. Грэй же, напротив, становился оживлённее некуда.

— Ни у тебя, ни у меня никогда не было детей, — Дух пытался рассуждать. — Я никогда не испытывал желания жить с кем-либо в браке, поэтому и не женился. Здоровый эгоизм противопоказан для педагогических практик. Правильно?

— Не было детей — будут! — Грэй разве что не приплясывал.

— Какие дети? Откуда? Зачем?

— Бог послал! — захохотал негр, подчёркивая розовым ногтем отдельную строчку в гербовой бумаге. — Два миллиона в придачу!

Богачами друзья не были.

Мать девочки была родом из Китая, сведений о её жизни до замужества не содержалось никаких. Отец, клерк дипломатического корпуса, был такой же сирота, как и Дух, чудом растущий на засохшем генеалогическом древе древнего дворянского рода отдельной тупиковой веточкой. Да, да, представьте-ка себе огромное сухое фамильное дерево, навек застывшее на фоне всего меняющегося, простёршее свои неживые сухие руки-ветви к небу, ещё крепко держащее окаменевший ствол на окаменевших корнях своей истории; и действительно как чудо — две зелёные веточки-судьбы на сухом гиганте. Если бы не несчастный случай и не хлопоты матрон из общественного Совета матерей, то никогда бы на земле не пересеклись нити различных сих судеб. Или же их пересечения задумывают не здесь? А где? Ну, где-то… Ангелы и черти поочерёдно, в едином котле замешивают, закручивают свои сюжеты и схемы, например, а потом с любопытством ждут реакции, ждут алхимического проявления невидимого в видимом: растёт в тщедушных человечьих душонках философский камушек или нет? О, растёт! — значит, победили ангелы. Не растёт? — празднуйте, черти. А людям что? Им бы вовек одно — вничью до конца дотянуть…

Напористая дама, как и обещала, нажала на кнопку домофона ровно через сутки. Дух открыл. В дверном проёме дама возникла не одна — рядом с ней стояла белокурая девчушка с восточным разрезом глаз на лице.

— Знакомьтесь, это — Ро.

— Моё полное имя — Россия, — сказала девочка, потом она сделала несколько шагов вперёд и доверчиво обняла Духа.

— Поживите вместе до завтрашнего дня. А завтра я зайду в это же время, — сказала дама вместо прощания и, не переступая порога, удалилась.

С этого всё и началось.

ТИШИНА

Как видишь, есть смычок и скрипка,
Но почему, сыграв, молчит
Угрюмый мастер?
Жизнь — ошибка!
И ею некого учить.

Сырое мясо, нарезанное тончайшими ломтиками, принесли быстро. Ресторан пустовал, если не считать нескольких скучающих официантов, присевших у телевизора с выключенным звуком. Звук выключали специально, потому что ресторан назывался «Silence», тишина, — здесь строго соблюдали заявленное вывеской обещание, поддерживая репутацию укромного уголка, пригодного для негромких встреч с друзьями или с собственными мыслями. Посетители очень ценили это постоянство в характере заведения. Здесь все друг друга знали, и те, кто приходил сюда постоянно, и те, кто обслуживал. Новости исключались в принципе.

Внезапное появление ребёнка у Духа и его неизменного спутника Грэя заставило, однако, чесать языками всех обитателей этого местечка.

Дух зажёг спиртовку, но не стал жарить мясо сразу же, а сначала долго и внимательно смотрел на трепещущий призрак — сине-прозрачное спиртовое пламя. Что происходит? За последние тридцать лет он в достаточной степени обрёл то, к чему стремился всю жизнь, — стабильные деньги и покой. Но вместе с достигнутой целью внутрь его существа прокралось и нечто другое, цепкое и невидимое, как вирус: тоска, физическое ощущение… бессмысленности жизни. Он всегда был один и наслаждался тем, что умел надеяться только на себя. Нынешнее же независимое одиночество почему-то не радовало его, как прежде, и уже не наполняло чувством интеллектуальной дистанции и личной свободы… Ему всегда нравился пример ночного неба, в котором далекие жёлтые существа располагались очень правильно: огромные расстояния разделяли их физическую сущность, зато связывал воедино нечто иное, непостижимое — невидимые силовые линии, вечное движение и свет.

На сей раз изменения произошли не над головой, а в самой голове, в личной вселенной Духа, изменения, названия которым он ещё

не придумал и подлинных причин их возникновения не знал. Некие расстояния внутри него самого стали вдруг произвольно меняться. Конечно, появление очень спокойной, умной и доверчивой девочки в казалось бы до краёв заполненной жизни учёного носило роковой отпечаток: девочка была необычайно естественна и обаятельна — она безо всяких усилий назначила свою жизненную содержательность главной, а весь жизненный скарб взрослого получил с этого момента статус второстепенного. Ро, на огромной скорости влетевшая в уравновешенный мир солидного человека, как чёрная дыра, всё в этом мире поколебала. Расстояния между мыслями, чувствами и временами пришли в хаотичное движение. Впрочем, Дух не волновался. Медитационая практика научила его философской здравости: катастрофы необходимы.

Он достал из кармана распечатку какого-то текста, аккуратно и тщательно скомкал его, а затем, кисло усмехнувшись, уложил шевелящийся бумажный колобок на небольшую сковородочку, предназначенную для жарки мяса. И — поставил на огонь. Повалил дым, в воздухе запахло бумажной гарью, официанты отвлеклись от беззвучного телевизора и с молчаливым любопытством переключились на созерцание пожара в чужой судьбе. Сцену в ресторане продолжала покрывать тишина — самый незаменимый посредник между непонимаемыми мирами.

На сковородочке театрально сгорела краткая «Памятка-инструкция для опекуна».

Чёрный пепел Дух сдул прямо на пол, а мясо пожарил, наконец, быстро и умело, как всегда. Еда придала бодрости, захотелось встать, размяться и уж только после этого перейти в соседний зал, где были мягкие кресла и посетителям подавали кофе, а сквозь огромные, во всю стену, слегка затонированные стёкла окон был виден морской пляж, пустынный в это время года. В конце пляжа, на самой его кромке тупо и безразлично волны бодали берег, чаруя своим неутомимым упорством такие же неутомимые взоры сухопутных наблюдателей.

Одна из стен ресторана содержала в себе различные зеркала, впаянные в бетонные ниши ещё при строительстве. Овальные зеркала смешили — они все были искривлённые. А прямые, узкие и высокие, как лезвия мечей, разрезали смешное на части. Дух подошёл к одному из таких зеркал. Из стены на него уставилось скуластое, как неотёсанная глыба, лицо чересчур серьёзного человека; глаза оригинала встретились с глазами отражения и между ними мгновенно установилась немигающая, натянутая до ощутимого напряжения, ось: «Кто это?» Дух смотрел на себя самого точно так же, как смотрел на тех, других, что время от времени приходили к нему — на консультацию или спросить жизненного совета; он смотрел куда-то мимо предмета наблюдения, поверх всего, что имеет форму; он ещё

выше поднял свои веки, словно шлюзы на реке времени, но ничего не произошло — какого-либо перепада времён снаружи и изнутри не случилось. Времена давным-давно выровнялись. Он смотрел в… тишину. И она смотрела в него. И обеим сторонам самосозерцание ради самосозерцания было искренне безразлично. В данном месте и в данном мгновении зеркало уже не делило образы миров на жизнь и не-жизнь. Его зрачки, не сфокусированные ни на чём конкретном, застыли особым образом. В такие моменты Духу казалось, что он видит то, что в мире людей называется «смыслом». Да, пожалуй, его можно видеть, но его нельзя взять — от подобранных слов и интерпретирующих изображений смысл тут же погибает. За всю историю человечества не было ни одной удачной попытки поймать и сохранить его живым. Дух ухмыльнулся, — двойник в зеркале ответил на ухмылку ухмылкой.

— Где Ро? В школе? — за спиной двойника в зеркале возникла сияющая беспечной жизнерадостностью физиономия негра. Буквально на днях Грэй — олицетворение человеческого сумбура — купил кисти и краски и стал рисовать библейские сюжеты в стиле ню. Два ни разу не женившихся бобыля радовали иногда друг друга неожиданными временными увлечениями. Дух, к слову сказать, однажды на спор совершил прыжок с парашютом. Различие темпераментов, лет и мировоззрений им ничуть не мешало, поскольку мужчин объединяла совершенно особая сила жизни — скука. Явление Ро, конечно, нарушило распорядок жизни холостяков, но нарушило, к счастью, вполне терпимо — всю рабочую неделю девочка находилась на полном обеспечении и под профессиональным присмотром педагогов в очень благоустроенном месте, в школе-интернате, а на субботу-воскресенье её можно было брать к себе. Педагоги честно утверждали, что домашней заботы и кровной, так сказать, любви они дать не могут. Это — незаменимо.

— Привет, Грэй! Спасибо, что пришёл. Мне нужна твоя помощь. Подожди соглашаться, не думая! Сначала выслушай. Это не совсем обычная просьба и она, возможно, злоупотребит твоим временем или нарушит личные планы…

— Ерунда, выкладывай. Хочешь, чтобы я последил за твоим домом? Или ты зовёшь меня на землю своих предков? Не стесняйся! Мне безразлично где пить, что пить и с кем пить. Ты ведь знаешь. Я живу для наслаждения. А с тех пор, как мы с тобой обнаружили, что всё на этой паршивой земле является наслаждением, — и лень, и горе от ума, и грех, и…

— Погоди, Грэй, погоди. Давай-ка лучше примем по чашечке-другой самого дорогого здешнего кофе. Я плачу.

— Похоже, дело и впрямь для тебя важное.

— Не знаю. Я всегда доверял своим неясным ощущениям, которые, как ни странно, многое знают наперёд, как пророки или как чрезмерные трусы. Но, сколько себя помню, в ощущениях присутствовала логика, рациональность, понимание цели…

— И теперь этого нет?

— Нет.

— А что есть?

— Понимаешь, Грэй, меня туда тянет, словно магнитом. Русские так и говорят об этом: тянет! Тоска ни при чем. Она — случайность в наших чувствах. Закономерность в чём-то другом. Тянет! Но я никак не возьму в толк, почему меня тянет именно туда?! Я же не птица, чтобы выводить самых закаленных птенцов на севере.

— Кто знает, кто знает. Русская душа почему-то любит вылупляться именно там, где жизни нет. В принципе.

— В принципе… — как эхо, повторил Дух и друзья неспешно направились в зал с мягкой мебелью с видом сразу на две синевы: вод и небес. Стена зеркал поочередно, то в прямом стекле, то в искривлённом, отражала их короткое путешествие.

Кофе принесли превосходный. Мелкими глотками Дух отпивал обжигающий напиток и молчал уже несколько минут. Сидеть было очень удобно. Тишина не беспокоила и не давила — она была неотъемлемой частью здешнего комфорта, самой привлекательной услугой для завсегдатаев ресторана. Взгляд сам собой уплывал куда-то туда, где перспектива простора его безвозвратно поглощала, опустошая смотрящего до младенческого состояния. Ни небо, ни слегка волнующееся море не были человеческими зеркалами, поэтому они и не отражали ничего привычного. Зато они отражали… нечеловеческое! Конечно, только у тех, кто имел его, нечеловеческое, либо воображал, что оно у него есть.

— Жизнь бессмысленна, — наконец произнес Дух. — Родившись, в этом легко убедиться через каких-нибудь три-четыре десятка лет.

— Слишком легко! — Грей озорно сверкнул белками.

— Что «слишком»? — не понял Дух.

— Бессмысленность жизни настолько наглядна, что это до бесчувствия настораживает умников и до интеллектуального паралича пугает дураков. Этот факт очень подозрителен. Я бы запросто навалял рекламациию Создателю. За издевательство над смертными, а также за моральный ущерб и халтуру.

— Опять богохульствуешь.

— Ой ли? Ты, учёный мэтр, лучше других осведомлён о том, что есть что-то, чего на самом деле нет. Поэтому его выдумывают и тогда оно — точно есть. Одежду демонам шьют наши выдумки, а кормятся эти твари нашими же страхами. Ладно, Дух, выкладывай, где плечо

подставить? Ты опять какой-то другой… Так уже случалось с тобой несколько раз. Слишком много думаешь. Это не полезно. Ну, колись, приятель. Ро тебя так пошатнула?

— Я здесь ничего не хочу, не хочу хотеть, понимаешь? — Дух невольно покатал в горле нечаянный комок. — Здесь! — Он подчеркнул это слово.

— Приехали! — Грэй оглушительным хохотом нарушил священную тишину пустого ресторана. Он грохнул, как бомба. — Ну, дурила! Ну, твою мать!

Прибежал официант. Потоптался, ничего не произнёс и ушёл в смущении.

Увлечение метафизикой и историей ещё в молодости для Духа стало примерно тем же, чем становится для нормально женатого мужчины нормально посещаемая любовница. А именно: она, любовница, становится женой его сердца. Карьера профессионального культуролога складывалась как бы сама по себе, но она не волновала глубин сознания, потому что в ежедневных механических действиях не содержалось даже намёка на какую-либо новизну; всё в человековедении, как и в религии, якобы было известно на тысячи лет и по всем направлениям бытия. Дух считал себя верующим, но не отдавал предпочтения ни одной из существующих вер и ритуалов не совершал. Вера для него означала особое, незащищённое состояние мозга, в котором «обесчувствленный и обессмысленный» мозг способен был преодолевать рубикон неизвестного. Получалось, что вера — это всего лишь психический инструмент исследования мира, основанный на парадоксальном подходе к нерешаемой задаче: явить неявленное. Дух-мистик и Дух-прагматик ничуть не страдал от осознания своей раздвоенности, не ощущал себя лицемером или притворщиком: жизнь и вера — это одно, а служба — это другое. Собственно, так думал не он один, общество вокруг без стеснения «справляло духовные нужды» и охотно платило за психотерапевтические услуги, оказанные в виде религиозных форм или в частных клиниках. Господствующие культы давно поумирали и превратились в явление культуры. Собственно, как и тысячи других состарившихся или погибших культов, без которых был бы теперь немыслим театр жизни землян; толщина сохраняемого прошлого — их питательный культурный пласт, «гумус», на котором возделываются новорождённые. С любой кафедры Дух декларировал: к понятию «вера» культы не имеют никакого отношения. Никогда не имели. Дух давно во всём этом хитросплетении разобрался и жил в земном и небесном быту, не смешивая их. Стиль его жизни напоминал стиль игры опытного и осторожного картёжника. Дух никогда не шулерствовал и не рвал банк — всего, чего он достиг здесь, было набрано «на пасах»: на умении не просить лишнего и не давать лишнего.

Пока вдруг что-то не треснуло в хорошо заведённом и хорошо налаженном механизме жизни. Что иногда заставляет зрелого человека совершать поступки ещё более необдуманные и отчаянные, чем те, которые он мог позволить себе в юности? Объяснения этому феномену нет. Хотя объясняющих и объясняющихся — предостаточно.

— Грэй, я хочу, чтобы ты посетил Россию. Мы начнём свой бизнес там. Грэй, честное слово, это не совсем моя идея…

— Аминь.

— Что?

— Аминь. Уже еду. Лечу. Торчу. Тащусь.

— У Духа больше нет друзей. Таких же, как ты. Свободных и… — Дух неожиданно, очевидно от волнения, перешёл к странноватой манере изъясняться от третьего лица. — Свободных и…

— И которые тебя, чуму, любят.

Дух внимательно посмотрел в глаза старому другу. В глубине негритянских зрачков плясали бесовские огоньки и насмешка.

— Спасибо, Грэй.

— Мы ведь ещё ни о чём не договорились!

Потрясения в жизни Духа случались несколько раз. Первое — случайная экскурсия на скотобойню, — что подвигло его к выбору гуманитарной профессии, а последнее — явление Ро, — застряло занозой в мыслях и настойчиво беспокоило взятой на себя немалой ответственностью за чужую жизнь и чужие деньги. Впрочем, Ро трудно было бы назвать «чужой»; с первых секунд встречи Дух ощутил замечательные невидимые волны, исходящие от белокурого существа. Что-то весьма далёкое, забытое, но желанное будили эти волны — так же хорошо было Духу рядом с родной его мамой когда-то, которой он не помнил… Разум до сих пор сопротивлялся случившемуся, а душа, захватившая управление поступками, ликовала. Жизнь и впрямь — кино! Да-да! Мы буквально «втягиваемся» в то, что нам «покажут», или, кто может и способен, — «рисуем» свои шаги сами. Причём, шоковые потрясения, видения, откровения, одержимость и прочие необъяснимые бзики в голове могут действительно всё поменять разом. Как если бы перед зрителем в кинотеатре вдруг неожиданно возник альтернативный экран с альтернативной темой. Такой зритель уходит в иное через иной просмотр.

Дух развернул карту, Грэй зажмурился и наугад ткнул пальцем приблизительно в середину изображения.

Дух вздрогнул. Большой знаток России, он читал карту как энциклопедию.

— Город. Оружейный город. Много железа, слишком много железа. К тому же, кругом болота. Может, ещё разок попробуешь?

— Провидение не искушают дважды, — отказался таким образом улучшать выбор Грэй.

Город! Приуральская военная амёба, по царскому указу героически лёгшая несколько веков тому назад на непроходимые топи и леса. Технический хищник, победивший природную дичь.

— В этом месте не может быть ничего.., — неопределённо пробормотал Дух.

Насчёт России у него имелась своя собственная оригинальная концепция, которой он охотно делился в любой форме — и в серьёзном академическом изложении, и в шутливой реплике. Дух нашёл, что в каждой стране обязательно имеется доминирующая национальная идея, напоминающая прокрустово ложе — всё лишнее, не подходящее под размер общепринятых представлений, отсекается, предаётся забвению или даже преследуется методами современной цензуры и инквизиции. А маломерное — искусственно «дотягивается» до требуемого стандарта. Так пропаганда и инквизиция превращают в общественный самообман патриотическую готовность — страстью жертвовать собой во имя жупела. Россия в этом примере была математически ясна. Правда, само прокрустово ложе русских идей непредсказуемо менялось в истории, становясь то карикатурно-коротким, как нары в холодном карцере, то непомерно свободным, как хаос. Из точки жизнь устремлялась здесь не меньше, чем сразу в бесконечность, или происходил обратный процесс. Где-то по дороге из одной крайности в другую многим поколениям русских чудилось диво-дивное, сказочная остановка, счастливый конец на все времена — «твёрдая рука», мера определённости, данная свыше, а не достигнутая в результате труда и последовательной эволюции.

Прокрустово ложе — размерность жизни. В русском варианте всё, что ни есть на нём, — смерть. И тысячекилометровые просторы, и религиозное убожество.

Школьники обычно пишут в начале задачи: «Дано». В общефилософском плане под этим можно подразумевать лишь данность самой жизни. А всего остального придётся достичь. Суммируясь поодиночке, либо объединившись в управляемое течение. И только русские под чертой данности ставят исходную непреложность иначе: «Дай!» После чего начинают делить жизнь «по справедливости»... Делить! Внушая себе при этом, что жизнь прибавляется...

Люди, не привыкшие к чёрному юмору, вздрагивали и отходили от «шутника» в сторону. Прочим Дух иногда пояснял: «Мы наблюдаем планетарный феномен, точку универсального «обнуления», почти сказочное место, абсурдное настоящее, в котором всевозможные «было», «есть» и «будет» истребляют друг друга с особой тщательностью. Эволюционное равновесие всегда находится здесь в самой своей нижней

точке, оно не признает и не приветствует никаких качаний жизни, и оно агрессивно-консервативно к любым новшествам».

Эти формулировки Дух выработал не случайно — ездил, читал свободные лекции в различных университетах. Студенты, интересующиеся Россией, приходили на пару академических часов послушать то, о чём не было написано ни в одном учебнике. Вольную интерпретацию. Студенты — свободные люди! — они, разумеется, не верят никакой субъективной отсебятине, но очень ценят умение её создавать. Дух весьма щедро создавал перед молодой аудиторией необычные образы, делал смелые подходы и рисовал захватывающие гипотезы. Тема смерти становилась на уменьшающейся планете весьма «модной». За это его и ценили. Что ж, жизнью всегда владел не тот, кто следовал её алгоритмам, а тот, кто умел их красиво конструировать. Из ничего создавать вполне прочные построения: из дерзкого нахальства, из опыта и фантазии, из шёпота наитий.

— Ро управляет моими желаниями. Она хочет, чтобы мы переехали жить в Россию. Я её боюсь. — Дух заказал третью порцию кофе.

— Она просто мечтает удрать из интерната. Чем не повод? Формальности опекунского оформления уже завершены? Завершены. Что ты теряешь? Ничего. И скажи: в твоей жизни было хоть одно настоящее приключение? То-то! Ты научился думать, конечно, по-своему, но ведь жил-то ты, как все. Как все! Значит, ни черта твои эксклюзивные мысли не стоят — без поступков! Я тебе так скажу: настоящее приключение возможно лишь в самом ненастоящем месте. Угадал, теоретик? — Грэй ворчал, как дизельный движок, ровно и неутомимо.

— Ах, Грэй!.. — внутри у Духа продолжало происходить какое-то тотальное опустошение. Словно внутренняя природа приготовляла невидимый мир человека к новому сезону — властно вела его сквозь осень увядающих мыслей, сквозь слякотное разочарование в себе, сквозь зиму чёрно-белых чувств к будущей реинкарнации — к новому сердечному теплу, к возрождённому цветению, к восхитительной влюблённости и неясной пока ещё надежде.

Городом, собственно, Дух называл всякое промышленное поселение русских, предназначенное для массового использования-поедания человеческих жизней — рабочих и директоров, умных и безумцев, взрослых и детей, бывших и будущих участников Молоха. Каменно-железный людоед в русском варианте с мастерской скупостью обустраивал свои общественные угодья — селил людей в пятиэтажных тесных гетто без горячей воды, в деревянных трущобах, держал их в закопчённых цехах металлургического производства; зато он, людоед, щедро раздавал громкие обещания и блестящие медали, орал

в репродукторы о фальшивой славе, карал несправедливо и обогащал несправедливо. Город! Сюда-то, в невзрачную точку на русской карте, и ткнул, шутя, судьбоносный негритянский палец.

Тема мёртвого русского Города присутствовала в лекциях Духа постоянно. Просвещённые лектором студенты знали, что Город был «ненастоящим». Самым ненастоящим в мире. Просто наивысшим образцом городской ненастоящести! То есть он возник не в результате естественных исторических процессов, а был образован — зачат во времени и пространстве чьей-то решительной подписью на бумажном листе. Городу, глубоко в дремучих лесах спрятанному чудищу, привязанному к земле в стороне от удобных дорог, этому существу с деревянной душой предписано было стать оружейной кузницей страны. Интеллектуальную техническую элиту России и Европы сконцентрировали некогда в новом месте крупные деньги, новое дело да царская воля. Рабов же на железоделательный завод набрали из местных жителей, которые отличались непередаваемой смесью качеств: вредным характером и абсолютной покорностью.

Слово и Дело! Жизнь здесь забурлила именно от «дела». А «слово» — передовые традиции и безбоязненная духовная сила — пока находились исключительно внутри приезжих носителей «большого мира». В смысле образования собственной культурной среды, какую так или иначе накапливает всякий настоящий Город; культурным имигрантам её ещё предстояло «надышать», вложившись в создание городской «атмосферы» усилиями нескольких поколений и выдающихся подвижников.

На лекциях Духа студенты хаотично восседали кто за столами, кто на подоконниках, а кто-то прямо на полу. Дух импровизировал перед ними, поглядывая на аппетитные молодые ножки студенток, едва прикрытые сверху короткими шортами.

— Господа! Я рассказываю вам земную историю лишь для того, чтобы иметь возможность строить аналогии дальше. Чтобы можно было сравнивать и соотносить явления жизни, возникающие в мире… э-ээ.., ином. В мире управляющих идей, скажем. Качество, уровень организационной сложности и экологичность транслируемых в земную жизнь образов напрямую зависят от способности принимающей стороны взять их, не исказив и не извратив. Идея превосходящего Образа Жизни, идея Бога, если угодно, необходима для нашего интеллектуального видения. Поскольку разум — это удивительное око, которое видит и с закрытыми глазами. У каждого из вас, молодые люди, имеется при себе аппарат для мгновенной связи с любым человеком планеты и с любым её информационным банком. Этот же аппарат показывает координаты вашего пребывания на земле. Вы знаете, как

эти координаты вычисляются? Правильно, сопоставляются данные с нескольких спутников и указывается точка на карте. А что укажет наше местопребывание на карте чувств? на карте смыслов? на карте эволюции? Теперь внимание: всегда для этого навигационного трюка нужен кто-то отстранённый, абсолютно посторонний, чтобы была возможность «посмотреть на себя со стороны», чтобы объёмно понять уж если не «кто я?», то хотя бы определиться: «где я?» Физический мир, как вы знаете, трехмерен, а смысловые миры обладают бесконечной мерностью. Именно религиозные технологии и эзотерические упражнения помогли людскому разуму на заре своего развития масштабировать себя в открытых, космических координатах. Вывод для нас, господа, банален: если не существует некоего Нечто, превышающего наш уже известный опыт, то, увы, всякий практический опыт теряет стимул прирастать новыми попытками жить. Именно по этому параметру вы всегда можете отличить людей, живущих в рамках окостеневших религий, и тех, кто способен назначать эти рамки себе самому, — людей, действующих в так называемой «новой вере». Представьте себя в роли ангелов-конструкторов: именно образ, мотив жизни определяют форму её овеществления. Как вы натянете в своём саду опорные нити для вьющихся растений, такой рисунок они и повторят. В понятии «мотив» есть что-то роковое, не правда ли? Беда, друзья мои, случается, когда всё происходит наоборот, когда в старые мехи-мотивы льют свежие вина…

Однажды тёмноглазая студентка в короткой блузке, с изумрудинкой, выглядывающей из впадинки пупка, спросила.

— Профессор, кого или что вы называете словом «человек»?

Дух воспылал!

— Жажду! Жажду им стать!

Чашечкой крепкого кофе Грэй не удовлетворился. Он заказал для себя целую батарею малюсеньких дегустационных бутылочек и довольно скоро набрался хмельного до того, что виртуозно прошёлся степом вокруг кресла, в котором покоился Дух. Световой день заканчивался, в ресторане зажгли дополнительные светильники-световоды, покрывающие потолок скоплениями причудливых волокон. Пылающий затылок тёмно-красного солнца заканчивал свою работу в этом месте земли и готовился нырнуть за морской горизонт.

Грэй икнул несколько раз подряд и плюхнулся рядом с Духом.

— Можно продолжать, — сказал он. — Выкладывай начистоту, какая муха тебя укусила?

— Старость, Грэй, старость. Старость це-це. Есть такая муха.

— Да брось ты! На тебя ещё девицы глаз кладут.

Это была правда. Дух сохранил сухое пружинистое тело, позвоночник его был прям и голова на нём сидела крепко. По лицу читалось,

что обладатель его избегал в жизни излишеств, был спокоен и не приобрёл горестно-страдальческих морщин, какими обычно награждает судьба недовольных жизнью. Наполовину седая шевелюра была забрана в косицу-хвост, отчего наблюдение за возрастом становилось фактором второстепенным; на первом действующем месте оказывались живейшие глаза — узко посаженные на довольно красивом, скуласто-чеканном лице, мелковатые, но немигающие и цепкие, как два дружных капканчика. Попавшийся в эти капканчики уже не мог иметь собственного зрения — его как бы вели на поводу, попутно насыщая комментариями слух пойманного собеседника-путешественника. Что ж, лекторами, пасторами, детективами и психическими манипуляторами становятся не все подряд. И это, наверное, справедливо. Обычно Дух предпочитал носить спортивную одежду. Впечатление счастливого союза зрелости и силы в его существе не было обманчивым. Молодёжь к Духу так и липла.

Грэй ещё опрокинул в себя пару маленьких бутылочек.

К вечеру в ресторан пришли несколько посетителей, слегка потянуло дымком, запахом сигарет. Но боковой зал с мягкими креслами и огромным окном по-прежнему был пуст. Некая особая интимная индукция окутала пространство. Дух почувствовал, что должен объясниться с Грэем подробнее, иначе этот импульсивный негр может неожиданно подпрыгнуть, грохнуть каблуками и умчаться в неизвестном направлении, даже не попрощавшись. Кроме Грэя у него не было никого в жизни, с кем бы можно было поговорить не просто «на тему», а гораздо глубже — через прямое переливание, душа в душу то есть.

— Грэй, у тебя были… галлюцинации? Такие, чтобы ты не мог их отличить от реальности? — мускулы на лице Духа слегка передернулись.

— Не бойся, я не буду потешаться над твоим вопросом. В качестве ответа расскажу лучше один случай, произошедший со мной при нулевой видимости в узком воздушном коридоре на высоте полутора тысяч футов над землёй и на скорости девятьсот двадцать миль в час. Я шёл на базу в аварийном режиме, снижаясь в «молоке» на свой страх и риск. Радар погас, связь заткнулась. Если ты спросишь, молился ли я? То отвечу — да, матом. Вдруг прямо в «молоке» передо мной возникло лицо моего давно умершего отца, и он оглушительно заорал: «600 футов вниз! Немедленно!» Я нырнул, ни о чём не думая, появилась видимость, плохая, но всё-таки видимость; так и дотянул до базы, благо она была уже почти под брюхом. А там… Всё начальство высыпало! Они по радару следили, как я в облаках лоб в лоб шел навстречу транспортной эскадрилье. Причём, заметь, самолёты эскадрильи на своих радарах меня не ловили. Чертовщина какая-то! Я в рапорте об отце не писал и никогда об этом случае никому

не рассказывал. Так что, Дух, ты только что побывал на премьере. Ну, ты удовлетворён? Экзамен на ненормальность я сдал?

— Сдал! — Дух рассмеялся. — Эта видеоштука случилась с тобой лишь однажды?

— Не считая зелёных чертей, которые мучают меня по утрам с похмелья.

— Ты хороший человек, Грэй. Очень хороший… Послушай и ты мою фантазию. Хотя… Мне иногда кажется, что я сам — чья-то фантазия.

— А на тебя-то что накатило?

— Да так… Во сне видел, как строю большой деревянный дом… В России.

Грэй присвистнул.

— Одно к одному!

Ро, тёмноглазая малышка, возникла в жизни Духа как сигнал побудки. Она его «включила в себя» сразу же, как бесцеремонный инопланетянин, неожиданно появившись на чуждой официальной территории — среди ритуальной тишины кабинетного учёного, среди предметов-фетишей и специфических запахов мужского жилища.

— Ты мне нужен, — произнесла она вместо начального приветствия, едва они остались наедине впервые, и бесцеремонно стала рассматривать Духа, как клоуна в цирке. — Забавно!

— Что забавно? — он был сух и учтив.

— Пойдём, погуляем по городу. Здесь я чувствую себя как птичка в клетке. В такой обстановке невозможно петь. В переносном смысле, конечно, — она хихикнула.

Они долго шли по набережной молча. Прислушиваясь к своей новой способности — прислушиваться к голосу другой жизни. Подобные молчаливые прогулки — инструмент весьма точной настройки одной человеческой волны на другую. Когда волны в очередной раз совпали, Ро произнесла.

— Когда я вырасту, ты станешь моим мужем.

Дух пробовал себя в новом амплуа наставника, с ехидной ухмылкой отражая бестолковые, но неожиданные подачи-провокации детской фантазии.

— Вы уверены, детка?

— Конечно. Иначе тебе придётся покончить жизнь самоубийством.

Дух замер, медленно повернулся, взял девчушку за плечи и стал «в неё» смотреть — тупо и безучастно, считывая сенситивным образом некие импульсы, которые позже можно будет превратить в знание, в трактовку, в образы вариантов судьбы. Девчушка была пуста, пуста, как и он сам. Знание молчало. Дух не смог скрыть своего удивления.

— Вы необычны.

— Такое ты можешь сказать любой девчонке и она подумает, что ты так заигрываешь с ней. Но я знаю, что ты не заигрываешь.

— Ну-ну.

— Я знаю: мы с тобой скоро поедем жить в Россию. Эту страну зовут так же, как и меня. Правда, я даже не представляю, где она находится…

— Россия — это знак, превращённый в реальность. Понимаете, Ро, знак! Ничто вещественное для него не имеет значения. Знак понимает только язык других знаков.

— А можно попроще?

— Ах, дитя!..

— Дух, я не хочу думать о смерти! — Ро прижалась к ноге своего спутника. — Дух, возьми меня на руки, меня уже сто лет никто не брал на руки.

Дух изумлённо подчинился детскому приказу, он поднял худышку и прижал к себе.

— А вы о ней думаете?

— О ком? — на руках довольная девочка-командир уже успела забыть предыдущую свою болтовню.

— Ну, о смерти, получается…

— Ничего я о ней не думаю! Пусти сейчас же! — она сердито спрыгнула обратно на асфальт.

Ничего больше объяснять и не требовалось. Очевидно, каким-то эстафетным образом «русский ген» зашевелился и в этой девочке-полукитаянке. Она буквально вставила в закрытого Духа, как в заржавевший замок, свой дурацкий вопрос и повернула его там как ключ… Ключ идеально подошёл к замку! Родство душ не ведает возраста и роднит сильнее, чем кровь. Дух растерялся. Ему не о чем было с ней говорить, поскольку её проблема — это его проблема: всю жизнь он носил в мозжечке тот же самый «ген», как врождённую программу, как энергетическую заразу, маниакальную склонность к «обнулению» базовых понятий, склонность, благодаря которой он, тем не менее, научился видеть и понимать мир во всём его грандиозном размахе — одномоментно охватывать во всём и жизнь, и смерть, понимать и принимать их вечные взаимные объятия, подчиняться их величественному качению сквозь неизвестность; что ж, музыка мира всегда писалась в мгновении, в точке немыслимого кипения бытия, в которой рождение и умирание — одно целое, однако во власти человека всегда была возможность выбора: склонить интонацию звучащих сфер в мажор или в минор. Дух, подчиняясь инстинкту созидательного самосохранения, предпочитал строгий мажор. Минорными помыкали, минорные исчезали сами.

— Вы кого-нибудь любите, Ро?

— Да. Папу и маму. Их теперь нет здесь и поэтому мои папа и мама — ты.

— Что ж, хорошо, пусть будет по-вашему.

— А ты меня любишь? — детская непосредственность не позволяла ответить уклончиво. Дух присел перед ребёнком на корточки.

— Да… — и вдруг он понял, что говорит задеревеневшим языком чистую правду. Это его очень испугало и взволновало. Девочка заметила замешательство взрослого и зашлась в самодовольном звонком хохоте.

— Поклянись, что никогда не бросишь меня.

— Клянусь!

— Поклянись, что спасёшь меня от злых чар.

— Спасу!

Двоим гуляющим по набережной моря стало легко-легко. Точнее, легко стало Духу. Ро изначально была естественна и непосредственна, как море, как воздух вокруг, как облачка в перевернутом синем блюдце над головой, из которого глаза пили всеобщее неистощимое и бесплатное счастье. Взрослые даже не представляют, насколько живое могущество детей превышает силу взрослого!

— А бог есть? Дух, а ты — Бог?

— Помилуйте! Бог — это сказка для взрослых. Умные дяди и тёти рассказывают её себе сами.

— А глупые?

— А глупые запоминают сказки других. Ро, речь вообще идёт о той силе, которая будит причину жить: инстинкты, цели, видения… Всевозможных сил в мире много, но ни одна из них не принадлежит нам до конца, а вот осознанная причина жить — штучка действительно собственная и единственная. Эти вещи трудно описываются словами. Вы меня застали врасплох, Ро, чуток испугали. М-да… По моим наблюдениям, большинство людей планеты не различают смысла слов «покойный» и «покойницкий». Хотя различие их несопоставимо. Впрочем, это моё лишь мнение, не претендующее на истинность.

— Дух, ты говоришь сложно, потому что ты глупый?

— Конечно! — Дух от души расхохотался, увидев вдруг своё неуместное учёное фанфаронство со стороны.

— Понимаешь, после той прогулки ночь я провел, духовидя.

— Чего?!

— Не важно. Это перевернуло мою устойчивость. Мне показали…

— Кто, зелёные человечки?

— Не перебивай, прошу. Я видел планету. Живущих тел на ней очень много, а живых душ — мало. Планета пустынна. Но есть на ней совершенно особенные точки, в которых возможен переход из одного качественного состояния жизни в другое… Как тебе объяснить?

Поле планеты, как живое существо, находится в постоянном волнении, в движении, я это видел, и сохранить своё собственное равновесие в безумном хаосе и неописуемой тряске — всё равно что удержать рюмку на конце мачты во время большого шторма… Понимаешь? Мы ведь все любим в этой жизни волноваться, но, волнуясь, превыше всего ценим всё-таки равновесие… — Дух говорил заметно быстрее обычного, быстрее своей академической манеры раскладывать слова «по полочкам», почти сбивчиво. — Безвыходные места — места! — это опасная, огромная редкость и такая же ценность. Поместив себя самого в них, случайно или искусственно, ты имеешь уникальную возможность погибнуть или найти выход из смысловой безнадежности. Только «да» или «нет»! Оба результата великолепны и справедливы с точки зрения эволюции. Не понимаешь? Ничего, слушай дальше. Безнадёжность тем и хороша, что она не даёт решения в известных пределах. А что нужно сделать, чтобы найти принципиально новое решение, новый путь? Правильно: осветить эту самую безнадёжность до последнего её закоулка, чтобы негде было спрятаться ловкой, ленивой и юркой человеческой твари — надежде! Вот что я видел, дружище. Это не совсем галлюцинация, это, скорее, схема. На земле сегодня сохранилась всего одна «мёртвая зона», в которой умирает всё, что не способно на парадоксальный жизненный переход. Город! Город — такое место. То место на карте, куда ты только что ткнул пальцем! Невероятные совпадения начались в нашей жизни, Грэй, одно за другим. Их нельзя не заметить. Совпадения образуются не случайно.

Грэй слушал заворожённо. Скорее, он даже не столько слушал своего друга, сколь любовался его взволнованностью. Грэй кайфовал на исповедальной «волне» Духа, поднявшейся вдруг, как цунами, над мелями земной суеты.

— Мастер, ты неподражаем сейчас!

— Грэй, мёртвая точка осталось всего одна. Одна на всю планету! Раньше их было гораздо больше, но они исчезли, затянулись, заросли почему-то. Продвижение нашей общей жизни в опасности. Мертвые точки — это единственный шанс найти выход из ловушек, в которые цивилизация сама себя загоняет. Одна!!! Осталась только одна штука! И я знаю, где она, я её выследил, вычислил! А теперь она сама призывает… Боже! Грэй, ты не представляешь…

— Ха! Я-то не представляю?! Это ты никогда в России не бывал, между прочим.

Дух осёкся. Экспрессивное давление, под напором которого слова из оратора вылетали как разящая шрапнель, спало.

— …Надо физически оказаться в эпицентре покоя, чтобы самому попытаться стать зерном новой жизни. Найти нового себя, чтобы дерзнуть на новую дорогу. Учёные этого не понимают, учёные борются за бессмертие в известном. А смерть — это выход по вертикали. Хотя бы

для одного из миллиона. Законы естественного отбора действуют на всех небесах, по всей непредставимой их иерархии.

— И этот один — ты?

Дух осёкся во второй раз. Но, глотнув кофе, мужественно продолжил монолог, уже почти шёпотом и ни к кому не обращаясь.

— Грэй, дорогой, если мы утратим свою возможность проходить через ворота смерти, то мы не спасём своей дальнейшей возможности развиваться в жизни. Завтрашнего дня не будет. Мы все упадём.

— Мы?! Дух, твой диагноз меня пугает…

Лоб Духа покрылся испариной. Да и Грэй наконец-то стал целиком внимателен: рот его открылся как у изумлённого пацанёнка, увидевшего вдруг крупную аварию.

— А что, ты знаешь историю этого места?

И Дух рассказал историю. Историю, не лучше и не хуже других историй земли, о том, как люди жили, вкладывали свои усилия в общую копилку бытия — растили своё древо памяти, чтобы оно крепко держалось корнями за плодородный пласт прошлого, чтобы ловило своими ветвями свет будущего и чтобы щедро осыпало разнообразными и дивными плодами живущих в настоящем. Сказать по-научному: люди честно тянули сквозь повседневность непрерывную ветвь своего многовекового культурного бытия. Этот сук не рубили даже отъявленные мерзавцы.

Если не связывать цепь случайностей в мистическую закономерность, то Город был снайперски посажен в геопатогенную «мёртвую точку» безо всякого специального умысла. Просто так случилось. Столица оружия — колыбель смерти. Об этом мало кто задумывался. Оружием гордились, на идолище — смерть — не обращали внимания. У неё было ничем не примечательное лицо бабы-штамповщицы.

Когда-то, давным-давно, предки-горожане пережили революционную катастрофу. Покойный дух Города (покойный! не нуждавшийся ни в каком беспокойстве!) со всех сторон атаковали духи мятежные: красные, чёрные, белые… Древо жизни дрогнуло и упало. Кузница осталась, а жизнь — ушла. Её унесли с собой рабочие, солдаты и офицеры, отступавшие под натиском мятежников через всю Сибирь, через Шанхай… Кто вернулся, тех расстреляли. Часть «исхода» горожан спилась, тоскливо осевши в чужой китайской провинции, иные покончили с собой, освобождая от невыносимых мук обманутый разум и поруганную душу… Уцелевшие — пересекли океан. Обосновались в Калифорнии. Потекли годы. В эмиграции горожане ни разу ни с кем не сошлись духовно. А, умирая, последние из стариков зажгли в небольшом своём христианском храме Вечную Свечу — некому больше было передать огонь сердец, знающих высоту и усладу смертного равновесия. Ритуал заменил ушедших.

— Вот, собственно, и вся история.

— Об этом кто-нибудь знает?

— Все знают.

— И что?

— И ничего.

— Сила! Дух, ты — язычник! Ты не стесняйся, я, как африканец, к язычеству отношусь с большим почтением. У чёрного человека душа самая белая!

— Ро!!! Она — знак! Понимаешь? Огненный знак! Я почти сразу же почувствовал: она — судья всего, что не-природа, что лживо и искусственно. Я не могу при ней думать, мыслить! При ней я с отвращением и ненавистью смотрю на свои книги. Грэй, голубчик, мне постоянно теперь снятся очень яркие, запоминающиеся сны. Эта девчонка меня волнует точно так же, как волновала раньше тема танаталогии. Она неспроста стремится туда… Город! Тема всей моей бестолковой и трусливой жизни! Вы все, конечно, правы: как я могу знать то, к чему не прикасался? Да, я его нашёл первым, а теперь и он нашёл меня… Грэй, Город мёртвых никого не отпускает! Грэй! — Дух и впрямь в этот момент напоминал сумасшедшего, классического чудака, помешанного на неувядаемой идее спасения мира.

Ик! Ик! — На Грэя напала нещадная икота.

— Дух, ты полный псих! Я пойду за тобой, даже если меня посадят на электрический стул. Но позволь заметить, что любой ребёнок — лю-бой! — делает суету взрослых видимой, стыдной и бессмысленной. Ро — одна из них. Она подрастёт и ты ещё будешь проклинать кривляющуюся девицу за глухоту и подростковый максимализм. Себя вспомни!

Дух помрачнел. На громкие восклицания Грэя несколько раз выходили официанты и, не приближаясь вплотную, осуждающими взглядами «давили» нарушителя тишины. Зал уже был наполовину полон посетителями, а двум джентльменам в боковом зале, как по специальному какому-то предупреждению, так никто и не мешал. Но звук есть звук, он летает по воздуху, проникая в любые чувствительные уши, и с ним должно бороться; конёк ресторана — покой.

— Милый Грэй, я бы ни за что не посвятил тебя во всю эту кашу, если б не одно обстоятельство…

— Ты её полюбил.

Дух кивнул.

— Видишь ли, Грэй, линия моей жизни должна быть замкнута на земле, её конец должен поймать своё начало, — Дух явно заговаривался от волнения.

— То есть?

— Пословица такая у русских есть: где родился, там и пригодился. В китайской интерпретации — дракон кусает себя за хвост, чтобы превратить свой чудовищный опыт в безопасную обыденность.

— Вот теперь понял! — воскликнул Грэй, всем своим видом давая понять, что имеет дело с сумасшедшим. — Она — твоя Россия.

— Грэй…

— Две тысячи футов вверх и вправо!!! — ни к селу, ни к городу гаркнул Грэй, подтягивая воображаемый штурвал истребителя на себя.

Лихой поворот в настроении друга ничуть не удивил Духа. Он лишь тяжко, прерывисто вздохнул.

Друзья покидали ресторан, проходя через хорошо освёщенный главный зал. Один из посетителей встал из-за стола и протянул руку:

— Привет, Дух! Привет, Грэй! Ба, везунчик! Дух, ты получил не только дочку, но и наследство? Отличный расклад, поздравляю!

Дух в недоумении посмотрел на Грэя. Грэй оторопело таращился на него.

— Идём отсюда. Быстро!

На следующий день студенты местного университета, пришедшие на свободную лекцию, не дождались своего профессора. Он исчез, никого не предупредив, уехал в неизвестном направлении, ни с кем не попрощавшись.

ПОЛИГОН

Все свои деньги, все, до последней мелочи, друзья вложили в русскую авантюру. За спиной, в тылу бывшего благоустроенного бытия, остались только воспоминания. Кое-что, и немало, пришлось присовокупить из наследства Ро. Потому что средства ненасытно съедало каждое организационное движение, и видимое, и невидимое; поле жизни было перегорожено массой хитроумных ловушек, искусственные бюрократические рвы и стены преграждали путь не только ногам, но и становились на пути взгляда, певцы инструкций отупляли и обманывали слух; крошились в огромных времядробильных очередях дни и недели, засыхали мысли. Если бы не неунывающий Грэй, не его способность просачиваться даже сквозь едва заметные кабинетные щели, не его умение беззаботно и без нервов течь по руслам чиновничьих прихотей и раздавать взятки, то вряд ли Дух один добрался б до возможности сесть однажды в самолёт и, пристегнув ремень безопасности, сказать.

— Ро, мы возвращаемся на Родину.

Девочка пожала плечиками и, убаюканная мерным рёвом работающих турбин, вскоре уснула. Будничность поведения ребёнка отрезвила волнение Духа. Так, наверное, и должно быть: двух одинаковых родин не существует, как не бывает двух абсолютно одинаковых людей. Родина — это, скорее, личное представление о мере своего практического участия в чём-либо. В первую очередь, в чём-либо личном. У всех детей родина именно такая, размером с комнату для игр и со вкусом ванильного шоколада. Пожалуй, такая родина даже больше и лучше той, что показывают на телезаставке перед новостями. Но жизнь есть жизнь и от роста — не убежишь. А за право расти в мире людей надо будет заплатить «обрезанием» в мире внутреннем. Конечно, и под звуки государственного гимна в душе могут расцвести большие цветы. Правда, бумажные, пропитанные неувядающей лаковой красотой, как на венках… О, как же всё не просто! Большую родину большие и понимают-то по-другому: молчаливые великаны эту бессловесную тяжесть носят в себе, а суетящиеся клоны, наоборот, заполняют её собой, как говорящий песок пустую коробку.

…Грэй уже полгода находился на территории России, он успел оформить массу бумаг, сделать кое-какие приобретения и обрасти многочисленными связями. Начало было удачным.

— Старик, не волнуйся, сделаем тебе покупочку тики-таки!

В Москве Грэй разыскал бывшего курсанта-астронавта, с которым неплохо дружил когда-то во время учёбы. Бывший курсант за эти годы превратился в матёрого воротилу при закрытом министерстве, резво теперь подгребавшем под себя, как бредень снулую плотву, все военные заводы страны. Идеологией бывших «идейных» стала выгода, простая, как мешок с золотом. И чтобы прикрыть срам — толщину карманов и непривлекательную бессовестность, — не было в стране волшебного плаща лучше, чем госдолжность. Бизнес по-русски доказал: моральных проблем больше не существует. Это и ошарашивало, и, в то же время, облегчало начало нового пути. В России до сих пор стреляли, цена человеческой жизни прочно застряла на нулевой отметке. Город, о котором упомянул Грэй, уже был полностью захвачен рейдерами, так что из всех предложенных «тики-таки» Грэй выбрал самое подходящее, как ему показалось, к тому же, самое недорогое — артиллерийский полигон, брошенный за ненадобностью, расположенный на пустыре, на самом краю Города и имеющий капитальные подземные сооружения. Здесь, на поверхности, можно было заниматься небольшим сельским хозяйством, а в штольнях разводить шампиньоны. У Грэя зачесались от нетерпения руки. Крупная взятка, коньяк, похабные песни в ресторане и уже готовые бумаги на приобретение собственности — всё случилось в один день. Крылья у Грэя выросли из всех мыслимых и немыслимых мест сразу. Особенно много крыльев выросло на языке.

— Мой тебе совет. Заткнись, пока не всплывёшь уверенно.

И Грэй внял словам бывшего сокурсника, поняв, что только в русских сказках дураков предупреждают трижды. В нынешней русской действительности предупреждения были вообще не в ходу, а уж если и случались — то этот факт следовало расценивать как особую милость судьбы, её любезный подарок избранному.

Негра, говорящего по-русски без акцента, воспринимали в глубинке не как экзотику — больше: как инопланетянина.

Полигон представлял из себя горбатый пустырь, заваленный мусором и огороженный бетонными плитами, в которых зияли многочисленные проломы. Из земли торчали остатки каких-то металлических конструкций, а сами конструкции были давно срезаны и разворованы на металл. Сохранился строительный вагончик у въезда на территорию бывшего сверхсекретного объекта. Судя по столбам и наружным коммуникациям, к полигону были комплексно протянуты электричество, вода, канализация и даже газ. Военные всего мира любят две вещи: войну и комфорт. Русские служаки ничем не погрешили против этой двуликой страсти: на войну они самозабвенно работали день и ночь, а боевая площадка имела когда-то и сауну, и бильярдный зал, и гостиничные номера, и хорошую столовую, и даже гравийную беговую дорожку вдоль периметра забора. Время от времени всё это хозяйство подпрыгивало от удара из-под земли — испытывали какую-нибудь очередную корабельную пушку, только что привезённую из заводского цеха. На секретные землетрясения, распространявшиеся далеко за пределами полигона, никто из жителей частного сектора особенного внимания не обращал. Привыкли. Чайные чашки ставили так, чтобы резкий удар не сбрасывал их на пол. Стреляли в оборудованном подземелье в двух вариантах: верхний стометровый ствол бетонного тира предназначался для испытаний автоматического стрелкового оружия малого и среднего калибров, а нижняя, основная штольня, располагалась гораздо глубже, начальство спускалось в неё через шахту, в специальном лифте, а рабочие и солдаты поднимались и опускались проще — по винтовой лестнице. К наружному входному зеву подземелья вела специальная железнодорожная ветка. Рельсы, правда, давно исчезли, новые хозяева продали их. Но гигантский вход в преисподнюю уцелел — стальные поржавевшие ворота резали горбатый профиль полигона подобно тому, как хозяйский нож отсекает край батона. Сам бетонный «батон» продолжался уже под землёй, туда запросто заезжал когда-то маневровый тепловоз с тремя-четырьмя прицепленными железнодорожными платформами. Размах производства впечатлял; даже разруха не смогла поколебать атмосферы суровой мощи и значительности потайного места. Грэй эйфорично клал глаз то на одно, то на другое, пытаясь скрыть распиравшую его радость — воображение рисовало над пустырём

теплицы, цветники, пушных животных, гостиничный комплекс с рестораном… Под землёй — необозримые плантации шампиньонов!

Сопровождающий, начальник отдела кадров завода, немногословный парень в точности выполнял приказ Москвы: ввести в курс, показать объект, на месте получить окончательную подпись владельца и передать ему имеющиеся ключи и планы инженерных коммуникаций. Экскурсия заняла минут тридцать. На прощание парень сказал.

— Здесь заразных клещей до хера. Как специально сползлись откуда-то. Весь полигон кишит этими тварями. Зимой в штольни проникают. Даже бомжи боятся сюда совать свой нос.

Наличие кровососущих ничуть не омрачило настроение Грэя. Он был в восторге от неограниченной бизнес-перспективы.

Восторженный человек, даже в мире абсолютного мрака, чувствует себя нормально, потому что восторг — это его персональный фонарик, при помощи которого можно осветить что угодно и увидеть в этом что угодно то, чего нет и в помине. И воплотить, наконец, узрённую мечту! Восторг — мессия пустырей, спаситель и спасатель: глаза боятся, руки делают, — говорят русские. Грэй был устроен ещё того лучше: глаза его не боялись ничего, а потому руки начинали действовать немедленно, даже если взгляд ещё не нашёл главной цели. Сразу и не решить, что было первым: восторг или пустырь? Что из чего следует? Русские, например, могут испытывать чувство подлинного восторга во время… разрушения. Впрочем, эту небывальщину Грэй наблюдал неоднократно не только в России. Примерно так же поступали его женщины, когда он с ними расставался, а они на прощанье сладострастно били вещи и сувениры, некоторые даже обещали суперприз — повеситься.

Карьеру бизнесмена Грэй начал нестандартно, вполне по-русски. Он приобрёл подержанный праворульный японский грузовик, закупил для начала и привёз грунтовое покрытие для художественных работ и цветную краску. Через несколько дней после этого приготовления вход в подземелье преобразился, привлекая острейшее внимание всей окрестной детворы и старушек. Гигантские две стальных створки были расписаны оригинальным образом: на левой, уходящий от зрителей, голый Господь тащил голого Адама внутрь, в подземелье, на работу, а на правой створке, навстречу им вышагивала другая парочка — голый мохнатый Чёрт и премилая Ева в своём натуральном костюме являлись на свет с готовой корзиночкой шампиньонов. Адам и Ева безнадёжно скашивали глаза друг на друга: увы, «работодатели» не оставляли им шансов на личную встречу…

Грэй сразу же сделался местной знаменитостью. Жил он неприхотливо, в строительном вагончике, кое-как приспособив его для тепла и ночлега, чем вызывал нескрываемое одобрение и симпатии трудового народа. Грузовая колымага стояла рядом. Каждый вечер Грэй звонил

Духу перед тем, как выпить в приятном одиночестве свою трудовую чекушку с романтическим названием «Снайпер».

Боже! Как прекрасна была Россия! Грэй с утра выезжал в Город, чтобы постепенно сшивать схему взаимоотношений с местными банкирами и фирмачами, чтобы не забывать раскручивать маховик собственного «завода», чтобы… Много чего «чтобы!» Нравилось всё. На светофоре он, высунувшись из окна водителя, с непередаваемым наслаждением орал на недисциплинированных бритоголовых, почивающих в своём заоблачном чёрном «Крайслере», — «Ка-а-азлы!!!» Бритоголовые, уразумев происходящее, чаще всего просто шалели и выстреливались с места вон. Но однажды «ка-а-азлы» вылезли и у светофора завязалась отличная потасовка. Грэй, армейская кость, вышел победителем один против троих. В милицейской машине он с восторгом дал показания, но штраф почему-то взяли только с него. Не беда. Такие мелочи только наполняют жизнь остротой, как перец, без которого бытие — слишком пресное блюдо. О! Подобного острого, солёного, перчёного и крепкого в России было столько, что русские архилюди этим здесь питались. Специи запросто заменяли им основное блюдо. И за столом, и в работе. И Грэю необычайно нравилась эта неразбериха, он видел в ней непобедимо-здоровое зерно. Так же вот предусмотрительные императоры древности добровольно убивали себя «прививочными» порциями ядов, чтобы сделаться-таки неубиваемыми.

— Не ведите себя как сумасшедший. Здесь все сумасшедшие, — сказал Грэю на прощанье постовой, исписавший в своем протоколе столько строчек, что их хватило бы на маленькую повесть.

Грэй, растирая повреждённое ухо и улыбаясь, подтвердил милицейскую мысль на свой лад.

— Все сумасшедшие утверждают, что они абсолютно здоровы. В отличие от здоровых, которые постоянно подозревают у себя сумасшествие. Русские знают, что они чокнутые, поэтому не боятся вести себя как чокнутые…

— Вы свободны, — сухо подытожил страж дорожного безумия.

Розовая купюра в руках Грэя и порванный протокол сделали финал встречи особенно приятным.

Грэй, продвигаясь по перипетиям своей судьбы, давно выяснил, что больше всего на свете его огорчает окончательный порядок вещей, что дважды два — это четыре, и с этой окончательностью уже ничего нельзя поделать. Поэтому страна без правил пришлась ему по душе ещё больше, чем в первый раз: мир вокруг напоминал насыщенный физико-химический бульон, как в школьном опыте по выращиванию кристаллов; и в этой неорганизованной, но весьма питательной густоте любая «затравка» начинала расти с неимоверной быстротой. Пресловутые

«дважды два» в этой шевелящейся и бурлящей среде могли равняться чему угодно! Он радовался каждой мелочи — русское кино не обмануло его ожиданий: все образы мира смешались на этой земле, как хиппи, и стали многажды перекрёстными родственниками. Американские джинсы, африканские косички, английская чопорность клерков, латиноамериканское хамство полицейских, замаскированная еврейская заносчивость, итальянский темперамент, полинезийская безалаберность и китайская склонность к доблестному воровству, рассудительность экономных северных народов и индийский мистицизм, — всё смешалось в едином понятии: русские! И все перемешались на этой гигантской карнавальной поляне, распростёршейся от океана и до океана и празднующей свой карнавал вот уже несколько тысяч лет. Законы карнавала легко и безнаказанно позволяли вырезать из бумаги, железа или даже из живой человеческой кожи любые фигуры и любые символы, выклеивать из опавших вексельных листьев причудливые замки для карнавальных королей, возводить их потешные города, штамповать тени, их населяющие, и весело раскрашивать сей пёстрый балаган постоянно меняющимися флагами, беззаботно играть именами и переименованиями. Что может быть скучнее порядка? Что может быть лучше карнавала! Здесь люди умирали счастливыми детьми, потому что забывали, наконец, что в детстве чувствовали себя новорождёнными стариками. Здесь каждый грешник объявлял свою собственную святость. И от этого небесного самодурства русский цирк становился недосягаем — под куполом небес кувыркались, как воробьи в песке, пернатые души загадочных граждан. Как можно было ругать или поносить страну, которая предлагала тебе сказочное развлечение — гулять и веселиться до смерти?! И дважды два, и трижды три, и миллион на миллиард всегда здесь были равны одному и тому же результату – нулю. Любителям приключений, искушённым и утомлённым в земных испытаниях и утехах, Россия предлагала «сафари» совершенно иного класса — русскую рулетку, в которой на кон ставилась сама сердцевина жизни — человеческая душа. Поэтому здесь в широком ходу у поэтов, философов, богословов, публичных болтунов и алкоголиков применялась «национальная валюта» — разговоры о смысле жизни. Грэй, к сожалению, в этом направлении преуспеть не смог — всякие речи на подобную тему клонили его едва ли не в летаргический сон. Он предпочитал действовать и говорить. Русские предпочитали только говорить. Грэй сделал вывод: «смысл жизни» и «работа» — непримиримые враги в этих местах… Ах, приключения! Где же их взять на каждого на этой маленькой, круглой земле, давно залатавшей все свои «белые пятна» и становящейся с каждым стремительным прогрессивным десятилетием всё более плоской? Плоской как блюдо, сервированное по заранее оговорённым правилам. Плоской как матрица кремниевой микросхемы. Плоской и многослойной, умеющей превращать «дважды два» в миллион…

Откровенная временность жилищ, связей, законов, дорог, любовных и деловых отношений, — это тоже восхищало Грэя своей природной правильностью. Колесо русской жизни не утверждало, что состоит целиком из жизни; равноправную половину этого колеса занимала другая неведомая форма жизни — смерть. Её здесь любили. Город по суицидной статистике держал мировое первенство, гостям об этом факте рассказывали с гордостью. Грэй смотрел на показное великолепие вокруг и на нескрываемую убогость так же, как смотрит религиозный фанат на раззолочённый свой картонный обман — заранее прощая и положительно оправдывая всё и вся. Русь! Всё-то тут держалось на жёрдочках, подпорках, синей изоленте, на проволоках и проволочках, укосинах и на чуде синтетической промышленности — скотче.

Великому искусству — жизни просто так — можно было научиться только здесь. Русским всегда навязывали «жизнь во имя», поэтому за долгие века они дружно, до неуязвимости, всей нацией адаптировались к ядовитым ветрам сезонно-казённых призывов и гриппоподобным идеологическим модам. Русская толерантность научилась вести свой счёт от гроба. Поэтому никогда не ошибалась и выражала самые сильные свои эмоциональные достижения лаконично — матом. Грэй искренне не понимал, почему русские с таким горячим вожделением говорят о загранице? Почему любящие родители выпихивают своих детей из родного гнезда куда подальше любой ценой? Почему все русские герои мёртвые? И почему героев, преуспевших в настоящем, ожидает лишь лютая зависть соседа? Зоопарк характеров и отсутствие нравственных заграждений умиляли Грэя. И даже русская зависть восхищала переселенца — она была проста и пряма, как детские слёзы. Люди — дети! Они находятся в трогательной зависимости от большого мира: «Дай, пожалуйста… я буду терпеть и стараться… буду послушным и приберу перед сном свои игрушки… я уже умею отличать плохое от хорошего…». Институт просителей — явление интернациональное, но только в России просители — основа государственного устройства. От протянутой руки до протянутых душ.

Гуляя по городу, Грэй однажды зашёл в какой-то храм, но довольно быстро покинул печальное место, сообразив, что джазом и степом здесь и не пахнет. Хотя маленькие огоньки, медленно и торжественно изводящие худобу восковых свечей, Грэю очень понравились. Однако сами люди, зажигающие эти огни, напоминали сгоревшие спички, согбенно и покорно стоящие рядом в серых и чёрных одеждах. И не один, не два человека — толпы! Молодые и старые, наделённые лицами, просветлёнными глупостью, и лицами, просветлёнными образованием. Массовое стремление к гипнотехнологиям примитивного самозабвения Грэю не нравилось, но, в конце концов, это тоже было забавно. Казалось, люди специально для него, для Грэя, устраивают этот спектакль… Вот сейчас они не выдержат своего притворства,

рассмеются… Но нет, менялись поколения, чехардой мельтешили времена и флаги, а страсть к притворству — не проходила… Не дай Бог, опомнится кто в толпе, проснётся нечаянно от вечного общего сна — на кол его, супостата, на кол! Непостижимая страна!

Грэя умиляли подростки, свободно писающие на улицах и в подъездах средь бела дня. Забавно было видеть повальное пристрастие нижних социальных слоёв населения к лузганию семечек. Впрочем, люди с достатком с тем же семечковым упорством «лузгали» Интернет. В Городе имелись приличные кафе и рестораны, но среди них не было ни одного, где можно было бы остаться наедине с собой или спокойно поговорить — акустические колонки на корню подавляли своей музыкальной мощью любые попытки человечества пообщаться друг с другом. Грэй подозревал, что в сокровенности каждого из его новых сограждан есть что-то очень мешающее, громкое, в сердце или в голове, что люди тщательно скрывают даже от себя самих, и поэтому предельная громкость телевизоров, музыкальных центров и певцов караоке — это примитивный, но вполне действенный способ заглушить внутренний голос. О чём он, этот голос? Грэй не знал, он не особенно уважал склонность русских к их специфической рефлексии. Жизнь и без того кипела и булькала как потревоженное болото! Тысячи фонарных столбов в городе были заклеены телефонами проституток. Создавалось водевильное впечатление, что этим ремеслом в Городе занимаются даже пенсионеры.

Русский абсурд, не связанный ни исторической оглядкой на достоинство славных предшественников, ни уважаемыми законами общественного мнения, ни созидательным целеустремлением нации, напоминал… воздух, в котором можно было летать и высоко, и далеко. Был бы мало-мальский движок, кое-какие крылышки, да пятачок для разбега и взлёта. Видимость в этом «воздухе» русского времени была, конечно, не велика: тут и там попадались коварные разреженности — провалы и ямы, вдоль и поперёк русского неба носились в сплошном «молоке» оголтелые участники абсурдной гонки на выживание — абсурдные весельчаки вроде Грэя. Летуны составляли активную часть населения страны, в то время как другая часть его либо смешно оплакивала свои невысокие достижения, либо возносилась в параллельные миры браконьерским способом — верхом на бутылке, метле или молитве.

Грэю весьма полюбились прогулки по Городу, и дневные, и ночные. Днём можно было непрерывно удивляться, а ночью нервы щекотали встречи со шпаной, которая пасла своих работающих овец — проституток.

Каждый вечер Грэй по телефону расписывал Духу прелести русской свободы, вдохновенно рассказывая академическому профессору о том, что всего за шесть бутылок водки можно утянуть с пилорамы

несколько кубов отличного тёса. Город никак не соответствовал образу того чудища, которого описывал Дух. Он был для делового, предприимчивого человека, если и не самим раем, то отличным фундаментом для построения райских хором. Тем более, при такой «крыше», как у Грэя: Москвы здесь, в угодливо-чванливой оружейной глуши, боялись. Никто, конечно, не высказывался публично насчёт того, что Россия — тюрьма, хотя все это знали, как знали теперь и другое: главный пахан зоны — Москва. Грэй легко принял эту данность. Земные люди вообще не склонны путаться в ненужных оценках и тратить своё время на взвешивание пустоты.

О, Россия! Проститутки здесь были дёшевы, а свадьбы помпезны и умопомрачительно дороги. За мелкие прегрешения здесь всегда можно было откупиться, а за крупное воровство можно было рассчитывать на высокое депутатство и алмазные ордена. Карнавал позволял смешивать одну фантазию с другой с той же лёгкостью, с какой составленные зеркала плодят множественность спиритического переотражения. Люди умножались друг в друге путём игры, фантазия и была их высшей реальностью — это, действительно, напоминало полёт.

Всё земное и понятное нравилось Грэю хотя бы потому, что существовало здесь и сейчас — было земным и понятным. Мысль как высший продукт жизнедеятельности человека его интересовала мало. На нижних, земных ветвях и Древа жизни, и Древа познания плоды были и сочнее, и намного вкуснее. И доступнее, естественно. По разумению Грэя, в возможности самого действия уже содержалась лучшая из премьер — неповторимая возможность целиком окунаться в бучу здесь и сейчас, немедленно, постоянно содержа некую готовность к неизвестному в себе самом, причём, больше узнавать жизнь «собой», а не планировать её наперёд «для себя». Тончайший нюанс! Но именно по нему, а не по признаку национальности отличали здесь русских от нерусских. Грэй, несомненно, был русским до самых потрохов.

Чувствовать одним мигом, думать и помнить одним днём, — это тоже напоминало мир детей.

Город — загадочное небоземное существо, двоякодышащая амфибия — этот Город имел характер технического формалиста, позволяющего себе иногда неформальные расслабления; Город не хранил собственных устойчивых культурных традиций и поэтому любой желающий запросто окрашивал его в цвет своих меняющихся настроений и пристрастий, — Город позволял. Он одинаково обнажённо представал перед глазами деревенского зеваки и дипломированного зодчего, как детский альбом с контурными картинками: раскрась сам! Оптимисты и пессимисты, алкоголики и суицидники, воры и обыватели,

ветераны-одуваны и сексапильные студентки, — каждый вымалёвывал свой собственный Город. В его аморфности содержалось непреодолимое приглашение испробовать силу потенции любопытствующего воображения. Грэя эта доступность возбуждала чрезвычайно! Местной «раскраски» должно было с лихвой хватить на всех желающих. В отличие от противоположного примера — законченности, так называемого, цивилизованного мира; клиенты международных турбюро, возвращаясь на родину, привозили в Город иное: побывав в мировых мегаполисах, или в экзотических странах, они сами возвращались «окрашенными» — закатами Аравийской пустыни, ночным очарованием безумного Парижа, мудрой глубиной вечного Рима, дерзкой непревзойдённостью Нью-Йорка. И ещё долго-долго-долго эти «радужные» интуристы, как цветные кляксы, расходовали свой благоприобретённый колор-запас в объятиях родственников и друзей, осиянными рассказами наполняли кухни и салоны парикмахерских, писали статейки. Серый, обесцвеченный Город-завод с благодарностью принимал и это. Одни цветные интуристы иссякали, но на их месте появлялись очередные подвижники и тоже охотно расходовали свой, индуцированный в прекрасном далёке, диковинный окрас… Грэй, как истинно русский негр, ни одному человеку не сообщал толком кто он и что тут делает. На вопросы любопытных ответ был всегда один:

— Недавно, ребята, на свободу вышел. Материально не поможете?

Обычно после этой просьбы зевак и случайных собеседников сдувало бесследно. Грэй потешался: сказанному здесь верили больше, чем собственной логике. Юмором, непрерывным сардоническим хохотом была наполнена русская он-лайн мультипликация и русские он-лайн комиксы — кадры трагикомедийной жизни непрерывно текли всюду: истерическое веселье зубоскалов просвечивало сквозь автобусную матерную давку, вспыхивало в лентах крысиных очередей, карикатурно-тщеславное сияние присутствовало в глухонемых явлениях правителей и в рекламной мимикрии… Какой великий прожектор пробивает все эти кадры, наложенные друг на друга? Что за чудный свет? Как разобрать на сером экране настоящего, что есть оригинал, а что только тень? Что близко, что далеко? Ох, темно в русском настоящем… Лишь ослепительный свет бьёт из будущего! Лишь ослепительный свет бьёт из прошлого! Как настоящее видимым сделать? Как?! Уж не закрывши ли очи свои?..

Чёрная и серая краски в Городе доминировали. Быть незаметным здесь было выгоднее, чем быть красивым. То же, подозревал Грэй, относится здесь и к пониманию счастья.

От природы Грэй был музыкален, он даже ходил по Городу, слегка пританцовывая. Однажды ему показалось: Город отвечает на танец танцем, на музыку — музыкой. Ба! Грэй стал внимательнее слушать

ритм городской механики и какофонию живых голосов. Они, несомненно, идеально подходили друг к другу. И в этом таилось ещё одно открытие: неудобной жизни не бывает вообще! Неудобную — ищут, а удобная нарастает сама, как панцирь на черепахе.

Смешение звуков в очередной раз очаровало.

— Так-так-так, жжжж, бум-скррр-бах… Осторожно, двери закрываются! Ш-ш-ш! Ты куда, корова старая лезешь, не видишь, ебёна мать, что тут ребёнок стоит! Бом-бом-бом… — трамвай отчалил от остановки Главпочтамта, где на днях установили большие электронные часы с боем.

…Шасси самолёта вцепились в русскую землю.

— Ну вот, мы и дома, — сказал Дух.

ГОБЛИН

Бич просвистел и выстрелил над степью,
и степь легла, покорная, ничком,
лицо из фиолетовой прожжённой меди
пространство взрезало пастушеским зрачком:
медлительная смерть текла и пела
о странной и недолгой вере в жизнь,
мычала немота и пыль в ногах кипела,
и вязла на зубах железная полынь.

Равнина мыслила горизонталью плоти:
где в плоти плоть, как в горизонте горизонт,
взаимо-вложены персты родства с отродьем,
и птица времени кладёт их рядом в зоб.

Как нянька, глупость понуждала быть умнее.
Следил кузнечик с острых башен ковылей,
как падал скот, как человек, бледнея,
рывком бежал до поднебесных фонарей,
но падал неизбежно сам и неизбежно сыну
давал наказ: из круга пищи есть
исхода миг. Из мига в миг, этапом пересыльным,
ревут самцы и кровь прядёт их шерсть!

Причины нет соревноваться с песней ветра,
слова нужны, чтобы дойти до края слов.
Бушуй, костёр! Прекрасна сила пепла!
И пасти ненасытной звёздный кров!

Полигон располагался между Городом, с одной стороны, и умершей деревенькой, с другой. В былые времена чайные чашки от взрывов под землёй прыгали в домах горожан и крестьян совершенно одинаково. Нынче же в захиревшей от новейших времён деревеньке жила одна-единственная семья фермеров-нелюдимов, муж и жена, людей в возрасте, со смешной фамилией Гоблиновы. Поговаривали, что дочь их плохо кончила. Хозяина в глаза и за глаза называли попросту Гоблином, он не возражал.

Полигон, то ли зажатый человеческим жильём, то ли, наоборот, бесцеремонно раздвинувший его, был тем, чем он и был, в конце концов, — бездарным пустырём и для городского, и для сельского взгляда. Жиденькая тропинка от дома Гоблина к автобусной городской остановке натопталась как раз под окнами строительного вагончика Грэя. Так мужчины и познакомились, до звания дружбы общение пока не дошло — просто коротали свободное вечернее время, скромно выпивая. Гоблин обычно поучал новичка. Грэй, некогда посещавший в эскадрилье модные курсы психологов, припомнил пользу: молчание — золото. Это оказалось правдой.

Июнь в том году случился необычайно дождливый, зато в середине лета перегретый дневной воздух трудолюбиво ласкал и гладил разомлевшую землю, прохаживаясь по зелёным лоскутьям холмов, словно утюг, и оставляя после себя пересохшие, желтоватые рощицы можжевельника. Днём дорога пылила. А ночью случались, как по расписанию, сильные грозы — небо, набухшее от дневных испарений, шумно стряхивало с себя душную водяную обузу, ворча громами и скалясь улыбками хищных молний.

Именно в такую ночь у могучих ворот подземного полигона остановилась экспедиция балаганщиков. Сцена напоминала средневековье. Рослый мерин уткнулся мордой в декоративный куст, живописно возникший на фоне кирпичной крепостной кладки тира, и замер, как вкопанный, вздрагивая лишь при каждом близком ударе грома. Самого мерина и крытый длинный фургон, который он притянул сюда сквозь ненастье, хлестали обильные косые струи воды; всё вокруг пузырилось, дрожало, текло и трепетало — мир в очередной раз обновлялся, как умел: разрушая старые формы и призывая к себе силу превращений. Сюрреализм картины, случись кому наблюдать её в этот миг со стороны, доводили до пронзительного абсурда обильные световые огоньки, коими была украшена упряжь животного и сама повозка. Ангарообразное, достаточно вместительное сооружение покоилось на надувных спицованных колёсах, празднично сверкали в свете молний никелированные части диковинной конструкции, крепкое кордовое покрытие повозки было густо разрисовано всякой молодёжной чепухой; сквозь гибкие синтетические окна наружу пробивался желтоватый

свет — мелькали человеческие тени, доносились возбужденные возгласы. Впереди, над местом возничего, был кое-как прикреплен солнцезащитный зонт, часть дуг которого от воды и ветра были поломаны и смотрелись печально. Над холкой запряжённого мерина красовалась включённая противотуманная фара, бившая перед собой мертвенным сине-белым светом. Сзади на повозке помигивали, как на аварийно стоящем автомобиле, габаритные огоньки, питающиеся, очевидно, от аккумулятора. Венчал всю эту самоходную фантасмагорию длинный шест, воткнутый одним своим концом в земную суету, а другим своим концом упирающийся в ночное рычащее небо; с небесного конца шеста уныло свисал, болтающийся на ветру, мокрый флаг. На символическом полотнище имелось изображение извивающегося под дождём солнца, а также можно было разобрать надпись: «Караван».

Человек, управлявший конём, рухнул со своего места прямо в лужу и опрометью помчался к домику-времянке. Дорогу ему тут же преградил, выросший из-под земли, вежливый, но непреклонный Грэй. Человек закричал.

— Врача! Срочно врача!

— Что случилось? Здесь не клиника. Что случилось?

— Врача!!!

— Простите, но вы ошибаетесь…

— Врача!!! — молодой человек, мокрый насквозь, с жиденькой смешной «вьетнамской» бородёнкой, весь дрожал. Вместе с негром под дождь вышел невысокого роста крепыш с непроницаемым лицом, весьма похожим на Луну, — такой же лысый и такой же жёлтый; круглый блин его обширной физиономии повсеместно раскрашивали кратеры оспин, да ещё по поверхности словно бы прошлась карандашом детская рука, пририсовав, где надо, точки-глаза, чёрточку-нос и чёрточку-рот. Круглолицый был настолько лаконичен и однозначен в своём облике, что чёткость эта сразу же и навсегда отпечатывалась в чьём-либо ином воображении, как оттиск государственной печати на хорошей бумаге.

Грохотало, свистело и выло со всех сторон так, что дополнительные декорации к фильму о конце света не потребовались бы. Гоблин жестом остановил пришельца и тот послушно замолчал, сделался жалким и весь как-то обмяк, словно лапша на дуршлаге. В молодом человеке вдруг лопнули, не выдержав напряжения, невидимые струны — парень был гитаристом, а не суперменом.

— Какого чёрта вас принесло сюда? — зашипел круглолицый. Именно – зашипел!

Парень окончательно испугался и заплакал.

Крепыш ринулся в ливень, нырнул под полог фургона, почти сразу же вынырнул обратно и торпедой промчался мимо Грэя в свой дом. Гоблин уже много лет был самоназначенным главным и бессменным

распорядителем этой окраины, как говорили его городские вороватые соседи, — «держал шишку». Он был легендой не только весьма особого места, но и могучим авторитетом для всей округи. Когда-то он, ликвидатор атомной аварии, сам переехал сюда издалека, чтобы встретить последние свои дни в землях, давших начало его бренному пути. Но проходили десятилетия, а жизнь не кончалась и силы не убывали. Радиация прошла сквозь этого человека без вреда для него. Он чем-то сам напоминал ядерный реактор неведомой конструкции и неведомой мощности. Гоблина боялись и уважали, он был прям в словах и решениях, как сама смерть. Многие его считали «вечным». Так что, не знать этого человека мог разве что тот, кто не знал, что в небе имеется Луна.

— Свяжитесь с «03»! Пусть гонят сюда «неотложку». Срочно! Кипятите воду! — эти слова Гоблин бросил на обратном пути, торпедировав входную дверь так, что она буквально выстрелила в бушующую ночь. С собой он тащил блестящий ящик с медицинским крестом на боку и ворох простыней.

— Возвращайтесь в город, — обалдевший Грэй мягко подтолкнул конюха-гитариста к выходу. — Вы находитесь на территории частного владения, так что…

Хаос внутри повозки свидетельствовал о наивысшей творческой атмосфере, царившей среди обитателей балагана. Предметы походного быта и музыкальные инструменты, мобильный электрогенератор, световая и звукоусиливающая аппаратура, стойки и провода, устройства компьютерной связи и компактные мониторы, ящики с пивом и басовито работающий топливный обогреватель, пакеты с пищей и личный одёжный хлам — всё это было перемешано между собою столь тщательно, что сказочная Золушка не разобрала бы завалы и за сто лет. Однако жители балаганчика прекрасно ориентировались в своём передвижном гнёздышке, нужное находили немедленно и перемещались в немалой тесноте, даже на ходу, с ловкостью летучих мышей — не толкая друг друга и не касаясь отовсюду топорщащихся и торчащих предметов.

Гоблин ввалился в повозку как горячий метеорит.

— Я так и думал, ждать не получится, — прошипел он голосом, который, действительно, напоминал шипение большого и, наверняка, мудрого змея.

Глазам его предстало зрелище: роженица, совсем молоденькая девчушка, возлежала на каких-то надувных штуковинах, залитых отошедшими водами, одна нога её была запрокинута на барабан, а другую держал за лодыжку уверенными руками бритый парень с цепями на шее, который, чтобы никого не смущать, старался отворачивать голову от происходящего, но она почему-то сама то и дело вновь поворачива-

лась к картине действия, традиционно запретного для внимания посторонних мужчин… Живот бедняжки оглаживали с двух сторон ещё две коротко стриженные синички. Из родового места торчала, застрявшая на полпути, голова малыша — полусфера свекольного цвета. Рожающая не издавала ни звука, только таращила свои большие, иссиня-чёрные глаза и обливалась потом.

Гоблин надавил на живот.

— Дави в таз, голубушка, дави! Какай!

Порывы ветра сотрясали повозку, иногда даже казалось, что ещё немного, и сооружение на блестящих колёсах не устоит, улетит благодаря своей немалой парусности, свалится на бок. Полог хлопал, косицы ветра то и дело выскакивали из различных щелей, нападая на всё подряд: шевелились свисающие с потолка платья, бутафорский реквизит, какие-то ленты и туристическое снаряжение.

— Обогреватель ближе к ребёнку! Ближе! Давай, милая, давай! Чей ребёнок, кто отец? Как твоё имя? Зовут как? Говорите с ней! Следите за зрачками! Говорите!

— Она не понимает по-русски.

— Тогда пойте, чтоб вас разорвало! Она должна слышать. Пойте то, что вы пели с ней вместе.

Девушки, переглянувшись, неуверенно затянули: «Очи чёрные, очи страстные, очи жгучие и…». Молния ударила где-то совсем рядом, всех оглушило. Гитарист в панике покинул своё место под зонтом снаружи и тоже забрался в повозку, спрятавшись от самого себя и от обстоятельств в дальнем углу балагана, — не человек, а зверушка, превратившаяся в мокрый, дрожащий комок.

Пригодился двенадцатилитровый походный котёл, оказавшийся вполне чистым. Грэй примчался с только что вскипевшим электрочайником. Кипяток разбавили дождевой водой, добытой из тех потоков, что водопадами стекали с крыши повозки. Девушка по-прежнему обречённо молчала. Сил на то, чтобы вытолкнуть плод наружу, у неё не было. Гоблин пытался ухватиться за головку плода, но тот ещё недостаточно вышел.

— Дави, дурочка! Дави!

Оборудованный балаган с живой лошадью (зимой мерина держали в старом гараже) принадлежал, единственному в своём роде, городскому Лицею — эксклюзивному педагогическому проекту, где дети учились быть взрослыми с первого класса; их формировала «обучающая среда», которую они конструировали сами и жили в ней вместе со своими закадычными полусумасшедшими педагогами; свободу от распущенности в этом Лицее всегда отделял только один шаг… Ни один традиционный педагог не смог бы успеть проконтролировать лицейских подопечных: мол, это вот можно, а это нельзя…

Расчёт делался самый предельный — учиться самоконтролю. То есть не бояться совершать в жизни ошибки и по этим ошибкам подниматься вверх, как по ступеням. Подниматься! Пугливые чиновники вечно воевали с необычным Лицеем: им всегда казалось одно — дети опускаются. Но дозревшие птенцы вполне успешно вылетали в неприветливую русскую жизнь, — и те, кто с тройками, и те, кто с пятёрками. Становились лидерами, открывателями, делателями новизны, легко поступали в самые престижные университеты страны и мира, легко овладевали языками, уезжали в дальнее зарубежье и, окрепнув, — возвращались: Лицей приучил их улыбаться при встрече с трудностями и поэтому в ответ судьба охотно улыбалась им даже в России. Вундеркинды? Нет. Как в обычной жизни: тихони и фискалы, подлецы и благородные рыцари, книжные зубрилы и одарённые лентяи. Обычные оболтусы. Но — имеющие возможность реально жить и реально погибать.

Парень с цепью на шее, сильный, мускулистый, выступавший в агитбригаде с фокусами и силовыми номерами, неожиданно отпустил лодыжку и подхватил молчащую иностранку подмышки. Гоблин мгновенно понял замысел, подставил руки.

— Тряси! Да заткнитесь вы! — синички продолжали вполголоса выводить, как было велено, цыганский мотив. — Давите на живот!

Девочки с двух сторон упали на торчащую из-под блузки гору. Плод выскочил. Пуповину быстро перевязали в двух местах и перерезали скальпелем, взятым из медицинского ящичка. Протёрли спиртом всё, что кровоточило. Бедняжка так и не издала ни звука. Но молчал и ребёнок. Гоблин его яростно встряхивал, с силой шлёпал, шипел на него, гладил, уговаривал, переворачивал вверх ногами и бил по спине… Ребёнок родился мертвый.

Синички заскулили. Парень с цепями схватил Гоблина за одежду и притянул к себе.

— Убил?!

Но тут Гоблин сделал какое-то едва заметное движение, и грубиян повалился на месте. Гоблин даже помог упасть дураку правильно, чтобы в тесноте тот не наделал беды ещё большей.

В этот момент она и закричала. Девочки подали мокрое фиолетовое тельце маме и она всё поняла сама. Крик горя, крик проклятия, крик человеческого бессилия и неистовства пылающей человечьей души, крик оскорблённой, обманутой жизни перекрыл ворчание сил природы: и ночной шум стихии, и бурление вод, и канонаду небес.

Грэй мотал протрезвевшей башкой под дождём; за спиной он отчётливо слышал, как из фургона звуковой молнией рвался навстречу к миллионовольтным небесным сёстрам-молниям этот душераздирающий визг: «Я-уу-а-аа!!!» Крик был очень пронзительный, потусторонний,

непривычно и страшно звенящий на одной высокой металлической ноте. А потом он вдруг оборвался. Будто по телу звука ударили саблей, разрубив его надвое. Один крик, вечный и непрекращающийся, остался внутри человеческого слуха, в обезумевшей, замкнутой на себя саму, памяти мыслящего существа. А другой, как бы немой крик природы, до конца иссяк снаружи, в бушующих струях и темноте — в мире вновь воцарилась тишина. Если можно, конечно, назвать «тишиной» прекрасную летнюю грозу над ночной городской окраиной.

Иностранка была стажёром из Кентукки, а парень-старшеклассник в цепях являлся отцом её ребёнка. Бывшим. Они хотели пожениться. Удачное или неудачное начало жизни нового человека, зрелая или незрелая его смерть — всё есть судьба, всё, словно специально, изменяется по причине своей неготовности к изменениям…

Честно говоря, иностранцев горожане-работяги недолюбливали, хотя и заискивали перед ними при случае. Люди есть люди, они не по своей воле рождались в застойной провинции, они рвались за моря изо всех сил, но далеко не у всех хватало средств, сил и азарта жить в движении; люди гасли, втягивались в какую-нибудь случайную работу, хмуро и навсегда оседали на одном месте, становились безынициативными, но отчётливо помнили свои несбывшиеся порывы юности — уехать! испытать себя в других условиях и в другом месте! Увы. Поэтому умиротворённые лица вернувшихся откуда-то земляков-изменников, полноценно и сыто сбывшихся в своём отдельно взятом мирке, многих раздражали. В густоте сплетен, трепотне и словесных перепалках на обывательских кухнях нет-нет да и слышался неодобрительный ропот в адрес успешных. Счастливых на Руси не любят. Особенно мечтающих и не пасующих перед неизбежностью. Свободные мнения и слова лицеистов, часто появляющихся в городе и говорящих с не местным интеллектуальным «акцентом», смущали и постепенно «заводили» коренные умы, как пружину бойка над патроном. Большинство ребят были не столько образованы, сколько раскрепощены и поэтому легко мыслили в категориях общего круговорота жизни, а не только той её убогой части, что ограничена обязательной школьной программой, телом и временем.

Фантастическая детская идея создания блуждающей агитбригады на конной тяге в самом своём начале никаких особых препятствий не встретила ни со стороны властей, ни со стороны населения, и воплотилась просто — деньги родителей и спонсоров превратились в явление, которое местные газетчики сразу же окрестили завистливо-ироничным именем «Караван».

Первые не ведают пути. Потому что они сами и есть этот путь.

Когда вокруг поющей повозки начались проявления агрессии и вандализма, лицеисты стерпели, а власти струхнули. «Караван» уже привлекал к себе внимание всего Города, он аккумулировал в себе немалые пропагандистские средства и обладал внушительной суммарной репутацией, добытой весёлыми выдумщиками-добровольцами. Дружные «караванщики» кололи глаза скучающей шпане. На их стоянки и костерки не раз нападала глуповатая сельская гопота или моторизованные городские бандиты. Впрочем, многие ссоры и разборки превращались в братание — обменивались девчонками и номерами мобильников. На головы чиновников сыпались иногда строго вопрошающие правительственные звонки из Москвы. Местные власти, приученные мыслить масштабом своего «болота», терялись и пугались не на шутку. Будь их воля, вокруг нестандартного Лицея и его обитателей они бы в мгновение ока возвели за счёт казны неприступный каменный забор с невыключаемой лучевой сигнализацией.

Иностранцы, чувствовавшие себя в стенах этой школы как дома, к противоборству относились с горькой иронией и пониманием: Россия!

Гоблин в третий раз пронёсся мимо будки Грэя. На руках у него качалась бледная, как выцветшая сирень, неудачница, она была без сознания, тем не менее, мертвой хваткой молодая женщина прижимала к груди бездыханное малюсенькое тельце. С ног её капала кровь. Навстречу уже спешила переполошенная жена фермера, травница и признанный мастер по выведению бородавок. Пожилая, добрая женщина, предсказуемая и безобидная, как гора сдобного теста.

— В дом таш-ши! Таш-ши в дом скорее!

Где Гоблин научился премудростям жизни? Поговаривали, что он не просто служил в особом спецподразделении, а буквально с пелёнок рос среди людей, которым неведомы слова «не умею», «не могу», «не знаю». Для которых игра со смертью — лучший стимул жить, а достойная встреча с ней — форма здоровья. Казалось, Гоблин мог, умел и знал всё на свете. Его одинокую лысину замечали то в поднимающихся клубах мотоциклетной пыли, то склонённую над томами богатейшей заводской библиотеки Города, то во врачебном кабинете, то он возился с теодолитом на склоне холма, а то и просто наслаждался физическим трудом с лопатой в руках. Он был также всеведущ, как и вездесущ. На жизнь Гоблин зарабатывал в основном разведением нутрий. Но особой его страстью был другой житель планеты — калифорнийский червь! Червь, король жизни! Червь! Который мог работать круглые сутки, попутно размножаться на своём рабочем месте, передавать трудовую эстафету таким же старательным деткам, а что удивительнее всего — превращать заведомо патогенную среду, чумную гадость всевозможных отходов в начало новой жизни — в восхитительный гумус,

в маленькие шарики-копролитики, в «пропущенную через себя» жизнь после жизни.

О том, как и кто в России способен сделать «из говна конфетку», Грэй слушал и изучал с особым вниманием. Он уже успел изрядно поколесить по округе и воочию убедился: главный и неиссякаемый стратегический бизнес-потенциал России — это говно. О, теперь Грэй почти знал, как превратить его в золото!

...Чрезвычайная ситуация с рожающей молодёжью очень некстати прервала рассказ Гоблина о чудо-червяках на самом интересном месте. И Грэй досадовал.

До приезда «скорой помощи» Гоблин колдовал над принесённым телом. Он никого не позвал на помощь, действовал быстро и решительно: удалил плаценту. Тела матери и ребёнка увезла «неотложка», которая наконец-то прибыла, — заляпанная глиной, видавшая виды колымага, и такой же, видавший виды, равнодушный её, как сама эта земля, экипаж. Заполнили бумаги и уехали. Гроза ушла. Над миром готовился торжествовать рассвет. Надрывались безмозглые птицы. Гармония и красота восхода благосклонно покрывала временный мир человеческих знаков. Гоблин не сказал врачам ни слова. Ему не о чем было с ними разговаривать, а их мало интересовала какая-либо жизнь вообще, поскольку мало интересовала даже своя собственная.

Наступил день.

Повозку отогнали в центр территории полигона. Балаганщики заякорились, натянули палатку, устроили бивак с костром и, судя по всему, не собирались никуда уезжать: летняя жизнь их не имела какого-либо жёсткого регламента или сценария, — вольные, как ветер, и беспечные, как все артисты, они иногда подходили к Грэю и гнусаво спрашивали насчёт здоровья своей иностранной подружки. Негр, уязвлённый бесцеремонным вторжением в пределы частной собственности, отвечал сухо и односложно.

— Не беспокойтесь. О ней позаботились. А сами вы не пошли бы!.. — Молодёжь шумно обижалась и даже пробовала хамить; в их глазах слишком строгие взрослые любви к человечеству не добавляли. Возникло отчётливое противостояние. Силач с цепями умудрился набрызгать из красящего баллончика какой-то отвратительный колючий знак на ворота подземелья — некие кренделя вокруг свастики. Грэй посерел, когда увидел испорченную свою живопись — так местные свободолюбцы, по обыкновению, утверждали своё право на власть в мире значимостей. Проклятье! Кренделя закрасили новоделом спину Господа и зад Адама. Придётся реставрировать.

Всё бы ничего, но уже к середине дня вокруг повозки сгруппировался стихийный лагерь пацанвы, экзотическая пестрота и моторизо-

ванность которого впечатляли — как плесень, нарастала некая первобытно-общинная масса полупьяных молодых людей, совершающих дикие выходки и размахивающих всевозможными орудиями драк, некоторые были вооружены по-настоящему, тем, на что требовалась специальная лицензия; молодые постоянно шевелились в образовавшемся своём гнезде, как заправские шершни, шумели, заводили моторы, жгли новые костры, что-то орали в свои аппаратики сотовой связи. Фургон разом «намагнитил» на себя весь этот кошмар. Но что хуже всего — пополнение прибывало ежечасно. Как саранча, они проникали сквозь проломы и дыры в периметре, дикари ободрали все местные кусты, вытоптали и без того пожухлые травы, порезали на дрова часть деревьев из соседнего перелеска.

Грэй, не долго думая, вызвал милицию, спецназ.

В креслах двух прибывших автобусов армейского образца, находившихся в отдалении, сидели одинаковые, как пули в обоймах, специалисты по усмирению демонстраций — в шлемах, со щитами и дистанционными парализаторами наготове. К автобусам никто не приближался. Но и «специалисты» вели себя нейтрально — ждали какого-то приказа. Автобусы уютно расположились в тени холма. Ни дать, ни взять — грибники приехали.

— Убийца! — крикнул кто-то вышедшему из дома Гоблину.

Странно было видеть эту стихию страстей, разгоревшихся неизвестно отчего. Впрочем, кто вспоминает ту, первую искру, когда пожар уже бушует? Разве что судебный дознаватель, потом, разбирая головни, будет искать её, виновницу.

Глаза Грэя, налитые гневом и возмущением, казались просто огромными тёмными ямами, — очи чёрные! С тем же успехом можно было смотреть в открытый космос и с жутью вдруг понимать: открытый космос не нуждается в том, чтобы на него смотрели — он не видит того, кто его видит. Вечность — ничего не отражающее зеркало — заставляет смотреть лишь на себя самого. Прямо и бескомпромиссно. Иногда — чересчур прямо.

— Первый урок. Один — ноль. — Грэй подытожил свой проигрыш. — Ха-ха. Ха. И ещё раз: ха.

Одноплемённая компания расхипованных «ходоков» прихотливо блуждала по закоулкам полигона, то смешиваясь в небольшие воркующие стайки, то рассыпаясь для наслаждения одиночеством.

— Хорошенькое начало! — задумчиво протянул Грэй, не зная, что предпринять. Лотерейный барабан русской жизни вертели неведомые силы, а билетики выпадали из него — один несчастливее другого.

Крики рокеров-бунтарей долетали до ушей Грэя, но он не хотел, не желал их впускать внутрь перегретого черепа: зачем ему, весельчаку и авантюристу социальные молодёжные вспышки?! А, может, ничего особенного? Вспыхнет — погаснет. Молодые любят покуражиться. А не погаснет — всегда есть справедливое и всесильное государство, которое защитит… Этого правильного течения мысли почему-то не разделяла охрана. Они заметно нервничали, вели нескончаемые радиопереговоры с невидимым начальством, несколько человек делали какие-то приготовления по периметру.

Грэй для успокоения нервов залил в себя чекушку. Не по заведённому распорядку. Почти с утра. На бессонную голову.

— Забавно! Мы словно находимся внутри тюрьмы! — разглагольствовал он, сидя на завалинке около своего вагончика. — Нет, вы, господа, не знаете, что такое «свобода» в России! Это когда вы сами владеете ключами от собственной камеры и замок закрывается только изнутри. Ха-ха! А копы лишь следят, чтобы в вашу дверь никто не лез. Забавно, правда? Ха-ха!

Случайное волнение закончилось закономерным результатом. Грэй пошёл драться, но его успел перехватить и утащить к себе в дом Гоблин. Потревоженные рокеры заблажили пуще прежнего.

Внутри у Грэя перегорел какой-то важный проводочек, посредством которого электричество разума управляло чувствами, — ему на время «сделалось всё по барабану», как говорили русские. Он лишь смотрел в небо и вспоминал что-то своё, далёкое, трепетно и смутно чуя пустоту мира, как высшее родство с ним. Надо же! Условности русской жизни, оказывается, и составляли её суть. Гуманитарные лицеисты, не разобравшись что к чему, позвонили тем, кого презирали и избегали, — негуманитарным рокерам, а те, в свою очередь, приехали спасать и мстить. Кого? Кому? Оказывается, здесь это совсем не важно. Был бы повод… Низкий повод — высокая месть: всеобщая мобилизация!

Грэй устало закрыл и вновь открыл глаза: так и есть, на смену одному жизненному сну пришёл другой… Только-то и всего. Так стоит ли хмуриться и волноваться, перебирая бесконечные чётки дней?! Время — безусловная и неуничтожимая нить, на которую события нанизываются сами. И никому, никому, кроме блаженных, не удавалось ткать эту нить… Грэй знал, что божеский мир его слышит, но не слушает, не понимает, не может или не хочет отличить шум его человеческой речи от шума листвы, например.

Гоблин стоял в красном углу перед иконным скопищем и что-то шептал.

Грэй передразнивал.

— Эй, Господи!.. Эй, что Ты говоришь? Нет, ты не говоришь. Нечем тебе, да и незачем, наверное. Хорошо, дружище, давай тогда споём!

Не хочешь? У-у, какой ты тихий, оказывается… — подвыпивший Грэй вслух болтал просто так, от нечего делать, лишь бы не впускать в себя вопли, доносящиеся с поляны пустыря.

Слушать тишину! Что ж, это очень хороший способ интеллектуального поиска, когда ситуация кажется «безвыходной», а способ её решения и впрямь претендует на титул «парадоксального». Передовой человек неспроста учится смирять голос своих собственных мыслей и чувств, которые внутри головы (особенно головы пустой) гулко спорят наподобие продавцов и торговцев, что яростно собачатся под сводами базарного черепа-павильона. О! Здесь, на невидимом рынке жизни, продаются и покупаются личные мнения, убеждения, слова и темы споров. Случаются разборки не хуже перестрелок и поножовщины. Ловкость, обман и хитрость здесь тоже в большом ходу. Голова человека — место базарное. Смирить «базар» означает стать доступным для иной информации, услышать вдруг голос улицы, города, страны, земли, неба, друга, любви… А слушающий всех сразу — блажен. Когда-то мозг первобытного человека, смирённый первыми представлениями и рамками о мире, обнаружил: граница знаний — он сам! Он, мозг, ревностно охраняет то, что ему известно и всячески старается загнать в этот круг даже что-то действительно новое, кастрировав его, обузив или даже убив, поскольку мёртвый феномен понятнее живого — он перестаёт изменяться. К этой мысли следует возвращаться и возвращаться: парадоксальный шаг человеческий разум совершил именно тогда, когда перестал охранять себя, — открыл все границы и впал в блаженное состояние, открылся для вмещения новых знаний, безрассудно опустошив формы старых своих представлений. Этим немедленно воспользовались земные спекулянты, нагородившие между знаемым и незнаемым неисчислимое количество притонов с названием «Бог».

От вина люди пьянели на вечер. От религий и «твёрдых» убеждений их разум становился пьян на сотни и тысячи лет. Умные лицеисты и решительная шпана верили только в себя. Максималистов объединял закон возраста и русских моральных джунглей: всё или ничего.

И Грэй, и Дух в Бога, как это принято у канонических ритуальных людей, не верили, но умели советоваться с иногда возникающей блаженной пустотой в себе самих, которую было бы уместно назвать этим именем — Бог.

Возможно, от имени этой пустоты и шипел сейчас Гоблин.

— Братан, я сдам этих уродов в дурдом. Не тужи: на дворе — лето. Ты ведь знаешь, что означает это время года для севера? Лето — это жизнь. А зима — ожидание жизни. Знаешь, вот что я тебе скажу: береги себя, африканец, чтобы у меня не было проблем. Понял? Бе-ре-ги се-бя. Что-бы у ме-ня не бы-ло про-блем.

Грэй продолжал смотреть в никуда. Он ничего не слышал. От него исходил чекушечный запах и покой, — явственно ощутимый ток особого тепла, коим русские печи окутывают младенцев, смиряя их безутешный зимний плач. Покой вечной жизни — это ведь не градусы, это — тепло изнутри человека! Только такой покой не бывает «временным».

Гоблин неожиданно в этот трудный день принял Грэя в свой круг. Многие бы окрестные соседи дали за эту возможность дорогую цену. Но густо татуированный Гоблин никогда и никого к своей душе близко не подпускал.

— Не знаю, кто ты, братан… Но ничего плохого с тобой не случится. Иди.

Грэй послушно вернулся в свой вагончик, закрылся изнутри на щеколду, ополовинил ещё одну чекушку и все остальные события надеялся просто-напросто проспать с выражением младенческой безмятежности на вспотевшем лице чернокожего дядьки.

Капитал — это не только деньги. Капитал бывает личный или общий. Это понятно. Но он бывает также и иного рода: капитал памяти, капитал любви или ненависти, и прочий, и прочий, — капитал качественных материй человека, да разменный ряд их свойств. Можно не закавычивать это слово, применяя его даже в переносных смыслах. Капитал — это концентрация жизненных энергий в чём-либо или в ком-либо.

На пересечённой местности — горбатой спине полигона — вспухал и умножался капитал зла. Откуда взялась эта лютая злоба, искажающая лица молодых крикунов? Где, в каком скрытом аду дремали демоны ненависти, которые теперь так ловко дёргали человеческие струны разъярённой толпы, — чувственные струны сотен людей, настроенные в один лад: излить зло. О безумии толпы на земле были написаны многие монографии, но толпа от этого не стала умней.

— Убирайтесь! Проваливайте туда, откуда пришли! Это наша земля!

Прокуренных и пропитанных пивом злобников кровопийцы-клещи — ужас этих мест — не кусали.

Мудрый человек не испытывает ощущений стыда от встречи с одним подонком. Но когда их много — мороз стыда ползёт по позвоночнику как анестезия. Пожалуй, именно по уровню этой чувствительности отличается человек, имеющий гражданскую позицию, от того, кто живёт просто так, сам по себе, как трава. Конечно, любое развитие происходит в борьбе. В борьбе дня и ночи, зла и добра, жизни и смерти, бедности и богатства… Но — не в самоуничтожении. Русская толпа суицидна в принципе. Она пытается преодолеть законы двойственности мира обходным путём, быстро, по-волшебному, не утруждая себя эволюционными терниями и искусством преемственного исторического

равновесия, — общество верит, что возносится, покончив с собой… Например, нравственно.

Вряд ли Гоблин размышлял об этом, стоя перед беснующейся толпой в надменной позе часового-штурмовика. Руки его были заведены за спину, а ноги широко расставлены. Точки-чёрточки на круглом лице замерли, как визирные линии в прицеле снайпера. Гоблин стоял что литая статуя, по его спокойствию казалось: он находился не только вне событий вокруг него, но и вне бытия вообще.

Наиболее дерзкие бросали в его сторону окурки, пакетики от наркотиков, плевали, угрожали поднятыми бутылками. Откуда ни возьмись, прибыла, будь она неладна, репортёрская братия; информационные шакальчики вертелись в зоне отчуждения — между Гоблином и толпой, — шустро поворачиваясь, как ветряные флюгеры, навстречу каждому воплю или движению. Если бы частицы ненависти имели корпускулярную природу и их можно было регистрировать научно, то все бы видели и знали: опасное излучение сквозь репортёров проходит беспрепятственно, не причиняя ремесленникам по информации никакого вреда, а перед уравновешенной силой Гоблина — задиристый вред испаряется, бесследно тает… Вот уж отчего «излучатели» доходят до настоящего неистовства: ненависть питается ненавистью! Могучий фермер исповедал другое: время собирать камни — это время не отвечать на обиду обидой. Человек, отдавший свою ненависть и не получивший ничего взамен, ведёт себя как обречённый, как закалённый и героический защитник сил тьмы. «Вложенная», но невозвращённая ненависть, не приносит «прибыли». И тёмных можно понять. Ведьма на таком «коротком замыкании» сгорает, а толпа — взрывается.

Сон! Сон! Грэй ещё до приезда Духа и Ро мог невольно испортить репутацию всего предприятия — прослыть городским неудачником. Местные комментаторы уже оценили конфликт как социально-этнический, разделивши участников на «они» и «мы». Экстремисты говорили в эфире о предстоящих войнах за «территорию принципов».

Люди создают «ауру» — свою атмосферу вокруг себя и вокруг своих дел. В этой атмосфере воспитываются дети, её совокупной толщей «дышат» их души и ею питается прожорливый растущий их интеллект. Поэтому свою — свою! — атмосферу берегут пуще жизни. Изменённая атмосфера меняет людей и их дела.

Грэй появился из-за спины Гоблина, как ангел. Сравнение очень уместное в данном случае: полусонный, босой, в полупрозрачной газовой майке, со всклоченными волосами — он плавно приближался к толпе. Большинство присутствующих на шабаше вообще не знали сути заварушки, приехали побузеть, потому что соскучились по чему-

нибудь такому-разэтакому, потому что один позвонил другому, а другой третьему, третий — десятому… Босоногое чернокожее явление к ним выплыло так, что застало бушующую толпу врасплох.

Однако первый шок прошёл.

— А ничего девочка!

Толпа заржала так, что стреноженный конь, гулявший неподалёку, подпрыгнул и шарахнулся в сторону.

Описать то, что произошло в следующий момент, — задача не из лёгких. Время — огромное поле смыслов, на которое жизнь бросает одни и те же семена, чтобы пожать в конце сезона свой гарантированный урожай: человеческое «ах!» Судьбы текут одними и теми же путями, русло рока уготовано наперёд для многих и многих поколений, но однажды вдруг случается непредвиденное — меняется русло. Кто его изменил?! Почему?! Случай! — вот единственная причина, которая может дать новые, действительно новые всходы. И тогда само Его Величество Время, как живая клетка, в который раз добровольно делится надвое: на время старое и время новое. Человек же лишь выбирает: на каком поле ему возделывать себя? в каком русле течь? — очень уж разным получается от этого выбора главный итог, неизбежное наше финальное: «Ах!»

Грэй вплотную приблизился к заградительному валу толпы и очень медленно пошёл вдоль него, словно старался узнать: кто это? где? зачем? Но вопросительность его была, конечно же, кажущейся. Босой, он плыл над землёй, по-прежнему не ощущая ни себя, ни того, что вокруг. Воплощением всего бесценного, то есть жизнью без цены, был этот странный, грациозный, как кошка, человек. Грэй был готов к убийству, он умел это делать и он хотел это делать прямо сейчас. Либо погибнуть самому. Живое зеркало смерти! — глаза безумия в прекрасной оправе прекрасного тела. Бунтари отчётливо видели ртутный блеск в глубине его глаз, чуяли волнующую теплоту непонятого обаяния и пугающий, всепроникающий магнетизм этого существа. Заглядывая в бездонные шахты негритянских зрачков, каждый с суеверным страхом и ужасом вдруг словно «провидел» себя целиком на оси времени — от начала и до конца. Видел не зрением, не умом — видел как знал… И для этого не требовалось какой-то специальной предрасположенности или предварительной подготовки, фанатичного увлечения восточными религиями или склонности к философским обобщениям — достаточно было просто заглянуть в ухмыляющуюся смертельную бездну. К тому же, она, бездна, начинала игру первой и была прекрасна. В каждой руке Грэй уверенно держал по длинному ножу.

Люди начали пятиться и отворачиваться. Возникла некоторая сумятица, паника. Первые побежали и повалили тех, кто пятился

недостаточно расторопно. Грэй, как сомнамбула, шёл и шёл дальше — он стремился к повозке.

Гоблин ухмылялся.

— Молодец, девочка!

Репортёры растерялись. Было непонятно: что всё это значит? Их разыгрывают? Проводится рекламное шоу? Урожаи негативных событий в России продуктивны, поскольку они, как правило, привлекают максимальное внимание обывателей и оказываются правдой: ну, мол, что у нас плохого сегодня? Комментаторы городских газетёнок и маломощных частных радиостанций изощрялись кто во что горазд, придавая своим словам и интонациям вселенскую значимость.

К плывущему над землей подскочил смелый человек с видеокамерой, профессионально присел, приложился к окуляру и, споткнувшись, упал…

— Уябывайте! — прорычал, наконец, Грэй. Понятная весть, как радиоволна, молниеносно облетела смятенную толпу. В мгновение ока один тип поведения толпы сменился на другой. Люди, моторизованные бузотёры, зеваки и наркоманы спешно покидали поляну. Не все здесь, конечно, были агрессивными молодчиками. Приехали по звонку друзей и те, кто просто был свободен, лёгок на подъём, любил развлечения и природу.

Кто-то из бывалых туристов искренне удивлялся.

— А что тут такого?!

Удивительно, насколько подвержены современные, просвещённые в общем-то люди, мистическим страхам. Кажется, что им, как излишне одарённым детям, вечно недостает каких-то дополнительных стимулов жить и они опять и опять обращаются к испытанному средству — к ужасам, выдуманным в детстве, или к поискам иного выдуманного страха в зрелости. Если представить положительные и отрицательные ценности людского бытия в виде линейки веков и шкалы достижений, то между «плюсом» и «минусом» должен обязательно отыскаться «ноль» — абсолютная величина, переход через которую ничего не меняет, но всё переворачивает в принципе; имя ноля — Страх!

Ещё дымились брошенные костры, ещё сушилось на ветках чьё-то забытое бельё, ещё стояла посреди следов нашествия разрисованная повозка. Поле битвы зияло язвами вытоптанных, загаженных мест.

Исчез в неизвестном направлении силач с цепями на шее — гордость бригады артистов. Пропали в клубах пыли, упорхнувшие с моторизованными кавалерами, две девочки-синички. И только робкий, застенчивый паренёк, конюх-гитарист с вьетнамской бородкой покорно ждал приближения Грэя… Парнишка не мог никуда исчезнуть — за сохранность коня и всего балаганного скарба он поставил личную подпись и нёс личную ответственность.

Спецподразделение получило, наконец, конкретный приказ. Круглоголовые дружно высыпали из своих автобусов и принялись… за уборку территории. У Грэя извилина за извилину зашли окончательно. Изредка в воздухе взрывалось, как учебная пиротехника, чьё-нибудь несдержанное крепкое словцо. Копы укатили, не попрощавшись. Стрекотали кузнечики. Ещё бродили, как падальщики, операторы видео между дотлевающими кострами. Но уже трудно было поверить, что всего час-полчаса назад здесь кипели нешуточные страсти. Было или не было? Вот в чём вопрос! Объяснимо в мире всё. Всё, кроме поведения людей ЭТОЙ земли. Какой-то комментатор профессионально делал «концовку» в режиме прямой трансляции, эффектно расположившись в кадре на одной линии с разрисованной балаганной повозкой и фривольной картинкой работы кисти Грэя на дальнем плане. Оператор удачно нашёл интересный объект вдалеке и плавно «тянул» трансфокатором на себя лицо человека, неподвижно застывшего на линии съёмки в позе часового-штурмовика. Когда незабываемый облик Гоблина в видоискателе заполнил весь кадр, оператор почувствовал, что не знает, что делать дальше, и — размыл, расфокусировал всё, к чему прикасался здесь глаз наблюдателя… Концовка получилась, что надо!

Правда, так же, как и сама жизнь, не требует доказательств, подтверждений и повторного опыта. Заметьте: прошлое и будущее «доказать» вообще невозможно, а настоящее — тем паче. Миг слишком короток, чтобы разменивать его на математику сомнений.

— Держи своё тягло, — Грэй самолично подвёл мерина к повозке. — Запрягай.

Парень покорно начал выполнять сказанное. Вскоре шутовская экспедиция была готова к отправке. Внешне не изменилось ничего: тот же вид балаганного перекати-шоу, тот же парень на облучке, тот же дурацкий флаг над головой…

— Что за херь? — Гоблин неопределённо ткнул пальцем в сторону кибитки.

Парень угодливо закивал. Он, похоже, был совсем разбит.

— Лицейский проект! Уже третий год! Мы…

— Выпей! — дружески посоветовал остывший Грэй.

Парень опять мелко закивал. Никакой другой цели, кроме постоянного передвижения по Городу и его окрестностям, балаганчик на колёсах, «сконструированная обучающая среда», не имел. Удивительное свойство осеняет племя бродяг — их неизъяснимо тянет всегда куда-то дальше. Кто? Что? Некая кочевая сила зовёт и зовёт куда-то одержимых дорогой. А на уже «прожитом» месте у них возникает ощущение того, что содержание жизни здесь они, к сожалению, «выдышали». И чтобы жить дальше, надо дальше идти!

Грэй и Гоблин — их глаза упёрлись друг в друга, как два бодливых бычка. Эту встречу взглядов лучше бы описали толкователи астрологии и гороскопов — она напоминала парад планет: словно молчаливые космические родственники встретились ненадолго в летучем строю. Ожидающим глобальных изменений подобные знаки подливают масла в огонь, а у тех, кто и вправду участвует в буче катаклизмов, они питают энтузиазм сверхобъяснений.

— Твоя жизнь скажет людям больше, чем твой язык. — Гоблин держал заморского «братана» за плечи и говорил-шипел тихо, очень тихо, едва-едва шелестел, как прошлогодний лист, гонимый случайным ветерком по далёкому тракту.

Мерин, подстёгнутый вожжами, поплёлся вон. Флаг на шесте задёргался, повозка ожила, в никелированных спицах заиграло солнце. Конюх-гитарист сидел на своем рабочем месте и был занят то ли собственным похмельем, то ли думами о возможных проблемах. Он не сказал ни «спасибо», ни «до свидания». Кошмар удалялся. Чёрточка рта на лице Гоблина преломилась в улыбку; жизнь — это путешествие по дорогам удовольствий: юность любит требовать, а старость наслаждается благодарением.

— Куда они идут? — задала вопрос невесть откуда взявшаяся жена-стряпушка.

Гоблин оглянулся. У въездных ворот полигона топтались ещё несколько любопытных.

— Не знаю. Никто не знает.

ГОРОД, ИЮНЬ

Стрелы судьбы наугад не летают:
Враг целится в грудь, а друзья со спины,
Прискорбную книгу времён я листаю —
Там памяти нет, если нету войны!

Рога протрубили и рыцарь безумный
Легендою стал, затомилось вино,
Но не было б страсти у вдовицы юной,
Когда б не делить ей любови с войной.

Безверия нет, где кровавой забавой
Потешился род человечий вполне,
Ни богу, ни дьяволу мир не по нраву:
Стрела ему в грудь и стрела — на спине!

— Дух, а ты философ?
— Многие так считают, Ро.
— А сам себя ты как называешь?
— Старый дурак.
— Хи-хи! Дух, а ты будешь знаменитым? Чтобы о тебе весь мир узнал! Чтобы тебя по телевизору каждый день показывали!
— Буду, девочка, буду.
— Дух, а кто такой фи-ло-соф?
— Это тот, кто видит правду с закрытыми глазами.
— Ух, здорово! А ты меня научишь так видеть?
— Мне кажется, что я сам ничего ещё не вижу…
— Не расстраивайся, Дух.

Ни в коем случае нельзя придумывать жизнь заранее. Надуманная, она, как резиновый жгут, одним концом обязательно привяжется к тебе, а другим — к настоящей жизни. И, ежели эта грешная связь случилась не в одном месте-времени, то вековать тебе, несчастному, «на разрыв»; может, выдержишь, а может, и нет, но тянуть будет в любом случае. И когда фантазийное притянется-таки к реальному, оно пребольно шлёпнется о его грубоватую и шершавую поверхность, так мало похожую на идеал. Сверхожидание всегда чревато сверхразочарованием. Фантазия — предмет очень тяжёлый, не всякая реальность способна его выдержать. Чем дольше и бережнее строит фантазия свои научные представления и фантастические воздушные замки, тем титаничнее и дремучее должна быть твердь, на которую они когда-нибудь обопрутся. Упругий жгут движущейся жизни неумолимо стянет в миг настоящего и надуманное, и реальное, столкнув их лоб в лоб, как двух гладиаторов. Что-то одно непременно должно разлететься вдребезги! Обычно, вдребезги разлетаются фантазии, а жизнь преспокойно продолжает своё дальнейшее шествие, зачастую, даже и не заметив рокового столкновения. Ну, как если бы певчий жаворонок вдруг столкнулся с чугунным локомотивом, летящим на всех парах… И только в России может случиться наоборот — твёрдая жизнь разлетается в революционные «дребезги» от столкновения не только с настоящим распевшимся «жаворонком», но и с облезлым надувным павлином, и с подсадной уткой. Вот ведь какая получается аллегория. И не поспоришь, чёрт побери! Фантазии в России — это, чаще всего, плебеи, дорвавшиеся до реальности, плотоядно делящие право на власть, ликующие, как на шабаше ведьм; визжа, кривляясь и калеча друг друга, они суетятся вокруг имперского трона и жадно и торопливо кормятся от покачнувшейся реальности.

Чудище северной земли оказалось не таким уж и страшным, каким его ожидало увидеть и готовилось к встрече чудище научно-философс-

ких представлений самого Духа. Два чудища спокойно посмотрели друг на друга, синхронно зевнули, на секунду обнажив истёртые зубы, и задремали вновь — каждый в своём привычном и уютном логове. Собственно, Дух в очередной раз перемещался из страны в страну не только с целью долговременной смены места жительства, но и по обычным своим делам — в качестве представителя международной гуманитарной миссии, будучи экспертом-аналитиком, распределяющим грантовые фонды. Из непривычного к привычному объёму хлопот добавлялась только одна новая забота — Ро. Да свербела где-то в мозжечке не до конца ясная, не оформленная в какой-либо план мысль: он напишет в России свою лучшую книгу.

Грэя в России интересовало только земное — прибыль и приключения, Дух надеялся не только на приключения, но и на «прибыль» в мире науки. Мировая легенда о некоей «особости» страны навязывалась миру, чаще всего, самими русскими. В ядовитое облако этой легенды, в атмосферу рефлексивной значительности попадали и зарубежные любители рискнуть не только головой, но и душой, — вдохнув опиум «особости», они тоже становились апологетами России. Подростковая страсть — дойти до дна и ковыряться в своём внутреннем мире для того, чтобы постичь всю Вселенную или даже Бога — поражала, как проказа, до абсолютной неизлечимости всякого, кто проявлял к этому интерес. Титаны от литературы и философии «наковыривали» немало интересного, показывая миру своего персонального Бога, управляющего их персональной Вселенной. Этот подвиг не мог не восхищать. Но что вызывало усмешку и досадную неловкость, так это то, что и необразованные люди, даже воры и разбойники, занимались здесь тем же самым. Их самодельные идеалы были невелики и примитивны. Но они — были! Миллионы самых различных микроскопических «богов» и «вселенных» традиционно спорили друг с другом на территории огромной печальной страны, превращая её существование в перманентное состояние гражданской войны — в мирное время невидимой, как затаившийся пожар. Внешние исследователи и аналитики в конце-концов раскусили эту национальную загадку и, когда границы России открылись, всевозможные зарубежные институты воспряли — и религиозные общины, и образовательные центры, и чьи-то правительственные овцы в овечьей шкуре, и спецотделы разведуправлений, — все, кому не лень, ринулись «разоружать» и «учить» не толерантного соседа по планете, который в истерическом припадке очередной гражданской войны запросто мог погубить и себя, и многих вокруг. Ехали — помогать. Но не России, а себе. Дух, собственно, катился на гребне этой же волны, поднявшейся вдруг и плещущей со всех сторон на необитаемый, с точки зрения разума и порядка, остров — Русь. Люди здесь были умны, но не настолько, чтобы ошибаться управляемо, они здесь

были глупы, но не настолько, чтобы не знать об этом. Люди плавно кочевали от одного берега разума к другому, угрюмо приветствуя при встрече и не в меру жизнерадостных новичков, и старых знакомых.

Идеологического страну-эпилептика следовало контролировать. И смирительную рубашку, кажется, уже надели и завязали. За стороннюю услугу клиент-эпилептик дорого заплатил: духовным дебилизмом, пьяным геноцидом населения, подкупленными марионеточными политиками, переобученными на несобственный лад детьми, погубленной промышленностью, разграбленными недрами и располосованной феодальными «суверенитетами» территорией. Дух, учёный-аналитик, был недоволен действиями обеих сторон. Он ехал «вложиться» в Россию — так патриот-доброволец отдаёт свои сбережения на благое.

— А для чего ты думаешь, Дух?

— Как для чего? Для того, чтобы думать, наверное. Мир вокруг нас — загадка. А когда человек думает, он этот мир «отгадывает». Логично?

— А загадки и отгадки у всех одинаковые?

— Нет, Ро… Не одинаковые…

Город встретил Духа главным своим отличительным свойством — он был равнодушен, как станок. Равнодушием он встречал приезжающих, равнодушием он провожал покидающих его, равнодушием он окутывал всякого, кто жил внутри этого конгломерата. Конечно, время от времени, зажёгшиеся какой-либо идеей подвижники будоражили туман равнодушия, создавая в нём призывные сигналы и световые вспышки талантов; иногда на эти отчаянные маяки-зазывалы к Городу подваливали крупные корабли с настоящих глубин — рок-группы с мировыми именами, или магнаты-миллиардеры, владельцы межконтинентальных корпораций и синдикатов. Первых привлекали сюда гарантированный восторг аборигенов и гастрольная романтика, а дельцов — торговля оружием; смерть — непревзойдённая красавица в мире сверхприбылей! В такие периоды в Городе наступало массовое единение по кастовому признаку: тот, кто мог себе позволить купить билет на концерт по цене среднемесячной потребительской корзины, орал и бесновался часок-другой на стадионе, а тот, кто вообще не знал цен, ехал в бывший пионерский лагерь, ныне переоборудованный и перестроенный в показательный пятизвёздочный отель, — вливать в уши магнату русский бизнес-елей, а в рот элитную водку «Взрыв».

Город-станок вдохновенные подвижники одухотворяли как могли — на всё сразу сил ни у кого не хватало, одухотворяли какую-либо отдельную часть «станка»: деталь основания, ручку, ремень, осветительные приборы, поддон, шестерёнку, масляный насос, шильдик-табличку или главный вращающий вал… О, на какое-то непродолжительное

время это даже удавалось! Одухотворённый какой-нибудь «масляный насос» от какой-нибудь городской комиссии «по поддержанию инициатив» получал иное качество своих обычных действий — осмысленное и зрячее — среди тех, кто вращался просто так. Все подвижники ошибаются одинаково, думая, что от одухотворённой детали «заведётся» и всё остальное. Из искры возгорится пламя. Этой, казалось бы, такой простой и чудесной мечтой не раз оболванивали жителей русских болот. Этой же искрой поджигались пересохшие болота в сезон сухостоя.

Никому в мире не удалось сделать машину — живой! В отличие от обратного влияния: в машинном мире люди легко становятся рабским продолжением своего цивилизационного детища. Почему это происходит? Законы механики проникают в мозг и в душу.

— Дух, а почему люди спят?

— Ро, вы задаёте глупые вопросы.

— Совсем не глупые! Когда ты меня будишь рано утром, я не хочу просыпаться. Почему?

— Потому что вы любите спать.

— Все любят спать!

— Пожалуй, вы правы… Ро, я буду рассуждать, а вы следить за моими рассуждениями. Хорошо?

— Угу.

— Люди продолжают спать даже после того, как они просыпаются! Ночью они спят в постели. А знаешь, где они спят днём? Пьяницы — в бутылке, богомольцы — в своём суеверии, фанаты — в увлечении, писатель — в книге, генералы — в войне…

— Так получается, что все спят, что вообще никто никогда не просыпается! А ты тоже спишь?

— Сплю, Ро.

— А ты проснёшься когда-нибудь?

— Я постараюсь.

— А я не люблю спать! Просто у меня глаза закрываются, когда ты меня будишь.

Атмосфера городского равнодушия спасла фантазию Духа, прыгнувшего в новую судьбу без обычного парашюта, сшитого из осторожности, сомнений и оглядки; равнодушие Города, как бездонная перина, приняло в свои объятия очередного заморского камикадзе. Фантазия Духа ушиблась, но не разбилась, прочно застрявши между небом и землёй. Бездонное молча поглотило пришельца и сомкнулось вокруг него.

Ро, в отличие от учёного опекуна, не имела представления об этом мире и поэтому не страдала. Ей всё было интересно и она много спрашивала.

Дух, чтобы ориентироваться в новой обстановке, буквально прочёсывал Город вдоль и поперёк, интенсивно знакомясь с различными людьми и выделяя в Городе особые точки — интересные, имеющие собственное содержание, места. Ро всюду была его неизменной спутницей. Отвечая на её многочисленные вопросы, Дух с изумлением обнаружил, что ответить ребёнку труднее, чем написать диссертацию.

— А почему в Москве красиво и чисто, а в Городе грязно?
— Потому что Москва — это лицо страны.
— А здесь тогда что?

Из столицы Дух добирался к Городу по железной дороге. Судя по Москве, Россия быстро догоняла европейскую обустроенность. Но за окном вагона, едва поезд покинул каменно-асфальтовую часть русского мегаполиса, замелькали курени — почерневшие деревянные избы, какие-то ангары с чадящими трубами, так называемые «коттеджи»... Впечатление было одно: всё равно — курени! Дух почему-то ярко запомнил картинку, мимолётно чиркнувшую по рассеянному взору купейного наблюдателя: в чистом поле, на холме-возвышении стоял четырёхэтажный курень-особняк, обнесённый капитальным каменным забором, поверх которого шла, как блестящая новогодняя мишура, режущая колючая проволока — никелированная для долговечности и эстетической красоты. Землепашеское поле, некогда находившееся во владении какого-нибудь развалившегося колхоза, было давно заброшено крестьянами и оттого щедро, до дерновой крепости, заросло васильками и ромашками. Картина была идиллической. На крыльце дома, на мраморных ступенях, взбегающих к парадному, сидел ребёнок и с интересом смотрел на проходящие мимо поезда. Ни школы, ни друзей, ни мороженого на углу посреди ромашкового поля не было. В атмосфере «картинки» царило нечто, более всего подходящее для спокойного доживания оставшихся дней... Нега наступившего русского лета не возражала против наслаждения скукой и бездельем. Хотя можно было легко догадаться, что родитель, ставший не только «новым русским», но и «новым деревенским», мечется в собственных делах, как челнок.

Дух постепенно привыкал оглядываться на своего нового советчика в жизни — на опекунскую ответственность. Он попеременно чувствовал себя то другом, то отцом ребёнка, то старым дураком, согласившимся по недомыслию на непосильное мероприятие. Назад пути не было. Дух, мучимый ответственностью и отсутствием детского педагогического опыта, часто теперь думал: изменения в жизни взрослого фатальны для детской судьбы. Дети — беззащитны. Мальчик, сидящий посреди ромашко-василькового безбрежья, заставил Духа поёжиться.

За пределами Москвы Россия была сплошной деревней, одинаковой, как полузаброшенное барское хозяйство. Дух, чей вкус был

воспитан на пике русской литературы, на классических произведениях девятнадцатого-двадцатого веков, покрывал вполне понимающим взглядом бесконечно текущие за окнами просторы — литература «во плоти» в России продолжалась. Уж не оттого ли, что небесное время здесь однажды остановилось?! Что ж, это правда, в национальном русском часовом механизме неоднократно случались ужасные сбои: то историческая пружина лопнет, то маятник разума остановится и превратится в застывшую намертво «веру», то стрелки украдут, а уж про гири и часовую музыку и говорить нечего — неразбериха полная!

ДУХ И ГОБЛИН

Дух не скучал. Он редко приезжал на полигон, так как нашёл массу дел в Городе: много и с удовольствием общался с работниками в Музее истории, познакомился с архитекторами Города и даже с его мэром, объездил соседние городишки… Всюду идея культурного «спасения себя» в условиях ментальной войны — всеобщей и неукротимой ассимиляции — находила отклик. Но Дух видел: кто-то мечтал просто «прокатиться» на необычной идее, а кто-то готов был вложить в неё личную жизнь. Люди отличались друг от друга не по тому, что они говорили, и не различием в блеске их глаз, а по тому невидимому огню, что хранится в сердце каждого — по умению любить и быть в любви. Этот древний огонь беспощадно делил людей на тех, кто, собственно, им и был, и тех, кто в нём мог исчезнуть. Почти эзотерические наблюдения сделали Духа чуть более замкнутым: своим мистическим зрением он пытался представить: игры с духовным огнём необратимо «поджигали» в человеке нешуточное очищение его качеств, выгорание всего нечестного, непорядочного, грязного, злого и тщеславного. О любви здесь много говорилось публично, но дальше деклараций дело не шло. Быть любящим было очень невыгодно, а быть любимым очень хотелось. Так, по крайней мере, Духу виделось. В мирное время духовной силы у России вообще не имелось, поэтому каждый добывал желаемое, как мог, в одиночку. Самозванцев и самозванство беспримерный поход подводил к власти или самоистреблению. Дух много размышлял.

— Не советую делиться этими мыслями публично, — Грэй наслаждался, глядя на игру заката. За минувшее время мужчины успели не то, чтобы подружиться во второй раз, а скорее слиться в общем видении кое-каких новых предметов.

Дух уважал советы Грэя; характер негра был таков, что он ни за что не успокоится, пока не «намотает» на себя абсолютно весь клубок впечатлений. Россия — клондайк для его чувственных открытий!

Гоблин разделял вечерю. Горел небольшой костерок.

— Дух, вы, мне кажется, сильно преувеличиваете роль символического в жизни русских. Пожрать и пое… Прости меня, Господи, грешного!! Я не хочу вас ничем оскорбить, но надеяться на то, что какие-то иностранные усилия оздоровят нравственную атмосферу городского общежития, — это вызывает улыбку, — сиплый шипящий голос Гоблина перекрывал потрескивание поленьев, лунообразное его лицо было неподвижно и лишь чёрточка говорящего рта то и дело ломалась и складывалась в ироничную линию. Гоблин был набожен.

Июнь. Лето добивало последнее сопротивление холодов. Избы частного сектора оттаяли, оттаяли и их жители. Пожилые люди вечерами выносили стулья на веранды и слушали окружающую жизнь, в которой сообща солировали кашляющие людские глотки и певчие птахи. Ночами было ещё прохладно, но уже не морозно. Мельничное колесо русского года провернулось в очередной раз, перемолов на жерновах минувшей зимы старые страхи и глупости.

Дух время от времени держал в инфракрасных лучах костра ломтики подсолёного хлеба, нанизанные на прутик. Получались смуглые, хрустящие ароматные тосты, пахнущие дымком. Гоблин занимался тем же и хрустел за обе щёки. Дух кусал сухарики аккуратно, интеллигентно поднося к губам костровое произведение.

— Я слышал, вы хотели преподавать? — поинтересовался Гоблин.

— Что-то вроде того.

— И вам дали от ворот поворот.

— Да… — Дух смотрел в огонь. — В мире накопилось критическое количество дурного. Качественность разумного, несомненно, страдает. Эволюции человека нужна простая и эффективная развязка. Религии свою роль давно отыграли. Тем не менее, люди повсеместно всё настойчивее твердят о какой-то «духовности», призывая её в качестве спасительного средства. От чего они хотят спастись? От того, что причин умереть становится больше, чем причин жить, не правда ли? Нравственный прогресс всегда отставал от технического, но сегодняшний перекос может оказаться последним. М-да… Мечтающий о духовности в нашем мире вызывает, как на войне, огонь на себя! Психосоматические реакции — основа всех чудес… Люди погибают сначала психически, а потом и физически. Жизнь — это кнут и пряник в одной руке. Здесь, в России, существуют, как и везде, конфликты между людьми, но есть уникальность места — нет конфликтов между людьми и… смертью.

— Значит, Господь так предусмотрел и не в нашей власти знать Его промысел. Но вам это интересно? — Гоблин шипел, как старый компрессор, нагнетая в пространство беседы давление.

— Да. Как война порождает воинов, так огонь испытаний порождает огненных…

— Дух! Давай мы тебе бабу найдём, а? — Грэю сводило скулы от таких разговоров. — Пойдем, мужики, я вам бурты для навоза покажу.

— Спасибо.

Дух продолжал говорить сам с собой.

— Я видел молодых людей с очень сильным внешним проявлением стремления к независимости. Они — ходячий вызов для всех, кто не способен перейти на иной горизонт мышления и чувств. А значит, и возможностей. Они опасны для людей из прошлого. История отношений зависла на грани своего повторения: прошлые обязательно постараются убить будущих. Неужели вы этого не понимаете? Впрочем, процесс планетарный, он носит неизбежный, глобальный характер. Как его сделать мягче и не катастрофичным?

Грэй хохотнул.

— В игре! Пережить трудности не играючи, но — играя.

Дух тоже усмехнулся.

— Я очень глубоко изучил историю этих мест и вижу её как некую метафизическую карту на просторах времени. Смерть, воплощение абсолютного равновесия, действительно, королева края. И здесь — её лучший дворец. Понятие «смерть» мы толкуем с вами, я надеюсь, одинаково: не как «конец всему», а как максимальный стимул к новому пробуждению. Я прекрасно вижу, что нравственный вакуум в мире увеличивается и, вместе с ним, растёт голод на так называемую духовность. Люди ищут надразумную целесообразность. Люди хотят получить супероружие, которое победит самого трудного врага — слепоту в них самих.

— Похоже на проповедь! — Гоблин сипло засмеялся.

— Проповедь — словесный способ «вести за глаза» того, кто привык видеть лишь поверхность. Но вас-то это не касается, друзья! Вы опытнее меня в земной проницательности. И я вас не агитирую. Просто мне нужен совет.

— Давай дёрнем по стаканчику! — Грэй оживился.

Гоблин с хрустом потянулся.

— Ваша жизнь, Дух, и ваши мысли наполнены страстотерпием. Надеюсь, я правильно употребил термин? Вы, или вам подобные, нужны обществу на стадии его идейного оплодотворения. Вы — детородный орган. И вряд ли эгоистичное общество вспомнит о вас после получения своей новой «беременности». Вы готовы к этому? Господь вас испытывает! Вас запрячут куда подальше, а красоваться будут совсем другие. Вы надеетесь, что ваше старание, как священный напалм, выжжет людскую скверну. А я вижу, что на этом огоньке большинство будут успешно варить свой бизнес и свою карьеру.

Молчание было долгим. Трещали поленья, слышно было, как потрескивала раскалённая смола.

— Вы думаете, в России своих страстотерпцев не хватает? — Гоблин прошипел это так, как если бы каждая буква была горючей каплей, скатившейся в угли костра.

— Простите?

— Хе-хе. Смерть всегда была русской любовницей! Особенно для стареющих иностранных рыцарей…

— Гоблин! — Грэй встал на защиту друга.

— Ладно, не дуйтесь. В детство впадают не сами старики, а их гордость. «Мёртвым душам» любовь не страшна. Вы же видите: души нынешних людей похожи на пепел. Они сгорели ещё в утробе праматери.

— Для верующего вы очень пессимистичны, Гоблин.

— А вы?!

Грэй расхохотался, глядя, как два умника убеждают друг друга, что глянец на чёрном — это и есть свет.

— Пессимизм позволяет сохранять здравость рассудка в безбожном мире, где всевозможной «веры» и «верующих» стало слишком уж много.

— Согласен.

— Знаете, Дух, о тайных ваших помыслах и сомнениях лучше не говорите никому. Вас либо поднимут на смех журналисты, либо убьют фанаты. Смешно, правда? Однако, как только будет замечена хоть какая-нибудь гибельная тенденция, вас, пришлого гуманитарного бузотёра, немедленно обвинят, словно средневековую ведьму, во всех бедах. Всякий Город — равно чистилище. Заводская жизнь — процесс, в котором смертные могут участвовать, только умерев, заживо переродившись в деталь огромной и сложной заводской машины… Так угодно Господу нашему. Вы хотите чиркнуть спичкой в нужное время и в нужном месте. Даже некая бутафорная репетиция вашего гуманитарного «пришествия» чревата крайними опасностями. Батюшка специально предостерегал вас, глашатаев, от соблазна поучать; вы погибнете вместе с нами! Я когда-то учился прогнозировать события и управлять ими. — Гоблин произнес монолог на одном дыхании и на одной ноте. Он, скорее, ворчал, чем говорил на важные темы.

Дух шлёпал комаров, Грэй курил. Дух шлёпнул очередного москита и понизил голос.

— Догадываюсь о вашем опыте. Что ж, персонального театра с казнью на кресте и чудесными вознесениями на этот раз не случится, вы правы. Персонального Спасителя нет и больше не будет. Храмом становится сам человек. Его универсальная вместимость. Даже воюя, люди ищут путь к очищению…

— Ха-ха! Вы полагаете, что после очередной такой «дезинфекции» противостояние человека человеку перейдёт в прямое противостояние света и тьмы?

— Да.

— Знаете, как называется ваш опыт у обывателей? Шизофрения. Нам нужна вера! Только святая вера спасёт Русь!

— Разум платит безумием за каждый свой шаг в неизвестность.

Грэй зевал и уже пару раз сбегал в вагончик, чтобы приложиться к полюбившемуся сорокаградусному напитку русских.

Гоблин встал, походил по траве, подкинул в костерок дополнительные поленья. Он был рациональным человеком. Но испытания жизни и практический опыт научили его со вниманием относиться к подобным чудакам: он видел, что логики обычно достигали своих целей, а чудаки — и были этими целями…

Дух не обращал внимания на полупьяные издевательские реплики Грэя, он почувствовал в Гоблине достойного оппонента. Во многом он и Гоблин были одинаковы, но перед костром жизни один был ещё сырым поленом, а второй уже почти сгорел… «Сырой» Дух изрядно разогревался от того, что русская правда жгла не только снаружи, но и изнутри.

Тормозов в том, кто одержим идеями, нет.

— Вернёмся ещё раз к мотивам. У нищего, опустившегося человека очень мало поводов поддерживать своё существование. Но — парадокс! — так же мало поводов жить у людей, достигших того или иного потолка в своём развитии. Вы читали о моде на массовые интернет-самоубийства среди молодёжи? Социологи твердят, что они это делают из-за карьерной тесноты, мол, старшее поколение стало слишком долго жить и работать — не освобождаются, мол, места. Чушь! Нет мотива!!! Оттого растёт число безмотивных преступлений. Нет поводов жить… Но всё больше поводов убивать. Человечество, придя к некоторому своему насыщению в развитии, опять оказалось-таки в «подзаборном» состоянии. В качестве основных поводов для войн уже не используются экономические или территориальные споры. История причин вернулась к языческому своему началу. К религии? И да, и нет. Религии не в силах дать современному человеку мирный выход из нравственного кризиса, зато каждая из них — великолепное знамя смерти. Религия по-прежнему позволяет объявить «неверного» и создать вокруг него «смысл борьбы». Мы ведь только из книг теперь знаем, что «честь» не хуже тюремщика сковывает алчность… Честь! Где она? Когда внутренние обязательства людей превосходят их внешнюю «договорность» на какой-нибудь бумаге или в клятве. Повсеместной идиллии нет и не будет.

— Бред собачий все эти разговоры! — Гоблин ещё раз с хрустом потянулся. — Дети и вера являются смыслом жизни! Вы согласны? У меня в доме есть шахматы. Могу предложить.

Через полтора часа белый король Духа получил сокрушительный мат. В утешение Гоблин произнёс:

— Не огорчайтесь. Хорошая игра никогда не бывает вничью.

Когда Дух вызвал на городскую окраину такси, отказавшись ночевать в доме фермера, Грэй уже храпел в своём вагончике.

ЛЕКЦИЯ

В зале Музея истории, оформленном в стиле обстановки полуторавековой давности, собралось несколько десятков человек. Все они хорошо знали друг друга, поэтому начало очередных городских «посиделок» напоминало встречу завсегдатаев-одноклубников. Обсуждали кто с кем женился-развёлся, кто где был и что привёз, или что нужно сделать, чтобы получить грант… С каждым из этих людей Дух успел познакомиться в отдельности и почти подружиться. Крепкого, высокого дядьку с его уверенной манерой вдохновенного мальчишки городской бомонд принял благосклонно. Дух был открыт и ни в чём не скупился.

В очередной раз он с удивлением обнаружил феномен «толпы интеллигентов», присущий, впрочем, любой русской промышленной провинции: могучих интеллектуалов-одиночек ничего постоянного не объединяло в небесах местной культуры. Как если бы собрались вместе хорошие, всем оснащённые корабли, а моря бы для плавания — не было… Каждый здесь плавал лишь в собственном…

Дух был подтянут, специально ради этого вечера он купил дорогой костюм и накануне несколько раз репетировал своё выступление.

— Друзья! Начать свою речь я хотел бы с эпиграфа: «Основания всего великого и живого покоятся на иллюзии. Пафос истины ведет к гибели. Прежде всего к гибели культуры». Фридрих Ницше.

Среди присутствующих я вижу немало тех, кто верит, что новую жизнь можно добыть из ямы прошлого, оживляя его и поклоняясь ему. Господа историки и политики, вынуть жизнь из могилы времён нельзя. Это — опасное заблуждение. Имитируя прошлую жизнь, любя её, вы сами рискуете «скормить» призракам своё настоящее. Извините, что я начал столь мрачно. Но культурная тема Города часто понимается именно в историческом лишь аспекте. Как человек, верящий в высший разум и существование предназначений, я хотел бы понимать связь с прошлым не как манифестационную дань героическим предкам, а как возрождающую силу сегодняшнего дня.

Кафедральная манера речи Духа восхищала и завораживала собравшихся — он это чувствовал.

Среди публики присутствовали и завсегдатаи подобных собраний, и новички: городские чиновники, учёные из местного университета, школьники-энтузиасты, хмурая группа из трёх человек с гитарой

наперевес, педагоги, несколько журналистов, музейные работники, деятели промышленного сектора. Дух сосредоточил своё внимание на юной девчушке, выделявшейся среди тяжких лиц городских «думателей» особой просветлённостью и чистотой, — она слушала внимательно, слишком внимательно для своего возраста, ничего, конечно, не понимая, но буквально светясь, как огонёк свечи, навстречу каждому слову Духа. Ах, милая Ро, она очень помогала и подбадривала выступающего! Тем более, что вещать приходилось односторонне, в полнейшую тишину, без обратной реакции; никто пока вопросов не задавал, выжидали — собирали камни.

— Формальная жизнь — схема, претендующая на звание самой жизни. Любой из вас хорошо знает это из повседневной практики и собственных, чаще всего тщетных, усилий преодолеть косную запрограммированность человеческого поведения, поведения в самом себе и в окружающем разнообразии… штампов. Поскольку сказать действительно что-то новое удаётся крайне редко, а уж сделать эту новизну — случай и вовсе исключительный.

Город — дитя указов и промышленной технологии. В его культурной основе лежит слишком мало легенд, удивительных событий и культурных потрясений. Насколько я понимаю, здешняя интеллигенция всегда спасала свою здравость, оригинальность и высоту мировосприятия в одиночку, путём личного подвига, либо сбиваясь в небольшие, недолго живущие — не долее жизни лидера — клубы, кружки, сообщества по интересам, в автономные оазисы, где человеческая душа могла полноценно, полной грудью дышать и говорить. К сожалению, «оазисы» не слились в единый культурный покров, не стали преемственным фундаментом, основанием для культурных построений более крупного масштаба и не наслоились друг на друга.

Таких городов, как ваш, на территории России очень много. Это — город-завод, город-цех. Промышленный Город создал, с точки зрения культурного развития, свой собственный феномен — отсутствие традиций, преемственности, привычки и потребности личностно вмещать в себя нетехнологическое богатство времени, жизни и ближнего, а также ответно знать о востребованности собственных ценностей и действий.

Господа! Друзья! Сделать себя невозможно, если только «брать». Обязательно должна возникнуть и поддерживаться во времени возможность более высокого порядка, иная фаза саморазвития — возможность дать себя, реализоваться, опустошиться, вложиться. А это, как вы понимаете, целиком прерогатива внешнего мира. Готов ли он принять предлагаемое? И ещё вопрос: нужны ли ему человекоразмерные «спонсоры»? Духовная аналитика ситуации ведёт к очень странному ответу: что ж, если я не могу дать себя миру СЕЙЧАС, то… мира СЕЙЧАС вокруг меня не существует. Проблема смысловой ориентации.

Софистика на практике. Из этого тупика есть два известных выхода. Первый — искать другие миры, второй — создавать свой собственный здесь и сейчас и воспитать детей, которые продолжат это создание, не теряя ничего предшествующего, не губя себя и не обрубая будущего. К сожалению, традиция русской культуры обрубочна — «на мой век хватит». Убогость живёт здесь! — на временном отрезке длиною в жизнь одного поколения, — а приращение культурных ценностей происходит не путём общественных усилий, но опять же путём личного подвига. Культура вынуждена суммироваться в титанах-подвижниках, делая после их физической смерти личностные достижения культовым достоянием нации. Симбиоз благородства и безнадёжности.

Внешней востребованности в «самосуммировании» индивидуальных жизненных достижений в единый непрерывный поток вещей, памяти, традиций и действий не образовано. Именно коллективной востребованности. Любой активный человек вынужден «вкладывать себя» в общую историю, чаще всего, вопреки, а не благодаря сложившемуся укладу жизни.

Возможно, русская общественная традиция вообще не пригодна для того, чтобы законы внутри человека диктовали свою волю законам внешним, безусловно вторичным по отношению к тому, что мы именуем Жизнью. Общественное мнение — безошибочная сила, — в здешних местах примитивно и инфантильно; лишь слухи и манипуляция гражданским сознанием — предел возможного.

Почему?! Остаётся гадать да сетовать. Например: соотношение между внутренними поведенческими мотивами и внешними силами было неверно, а возможно, и умышленно, расставлено ещё на заре русской цивилизации. Я намекаю на упадническо-смиренческие архетипы, положенные в основу «внутреннего рабства» русской веры. Но это — отдельная тема…

Друзья, коллеги! Стоит внимательно понаблюдать за собраниями городской интеллигенции. Коллективная идея жизни, увы, отсутствует полностью. Кратковременным «компасом» служит мода, конъюнктура, приказ, клич, научное, религиозное или иное сектантство. И тогда просвещённая публика бросается «на штурм» пустоты. Отдаваясь некоему возникшему общему течению, но ни один из участников не согласен признать над собой превосходство коллективного разума. Уж, тем более, влиться безымянным и не первым в происходящий процесс. Суммировать себя с Иной Величиной, а не наоборот. К сожалению, власть в законах человеческого общения и со-общения принадлежит недоверию и эгоизму. Поэтому собрания на Руси глупые.

— Кого вы хотите оскорбить? — сощурила глаза дамочка, бежавшая из Африки после неудачного замужества.

— Извините, не вас. Я обращаюсь лишь к тем, кто осознаёт риск коллективного оглупления.

Город — это культурная кукла, почти не владеющая чудом одухотворённости и одухотворения. Кукла даже не может осознать, что она нуждается в преображении. Я убедился: Город не выносит живой неопределённости, поэтому многие творческие личности не выносят Города. Квадратичная невыносимость заставляет одарённых, распираемых внутренней потенцией, божьим предназначением и жаждой духа, людей искать счастья на стороне. Обычно их планы сбываются. Сначала обеднела, а потом, в культурном плане, и умерла, оскоплённая собственными беглецами, русская деревня. На очереди — промышленные города, культурные карлики, теряющие с беглецами свою душу, свой последний шанс. Поэтому всякая жажда действовать у себя дома своими силами и для себя более чем похвальна — это ещё одна попытка посадить в кору промышленного асфальта деревце традиций. Авось приживётся, авось не засохнет. Авось, друзья мои, авось!

К сожалению, культуру в Городе, на мой взгляд, заменяют культурные порывы. Всплески. Подвижнические акции. В общих действиях нет непрерывности, — главного фактора истории.

Что Город имеет в своей основе? Военные заводы, производящие смерть. Этим можно гордиться, но строить на этом культуру не получится. Уровень общения между людьми задаёт совершенно иная атмосфера, «надышанная» в веках или хотя бы усилиями одного собрания, одного вечера. Культурная память современных граждан приобрела дурную традицию — ассоциировать себя, самость времени и места жизни как раз с культурными беглецами. Уважать себя через бесплодный приём, — через присоединение собственного имени к имени знаменитости, рождённой здесь, воспитанной, но реализовавшейся где-то там… Людей, реально обогативших собою эту землю, мало. Обогатившихся ею, гораздо больше. Речь опять же идёт о дисбалансе нематериальном.

Если отбросить крупные имена, так или иначе связанные с Городом, и поискать на оси времени крупные события, связанные с его именем, то, пожалуй, только «всплески» и найдутся. Историческая апатия налицо; Город — спящая царевна: что жить, что не жить, всё едино. Может быть, именно поэтому Город не даёт, не позволяет полностью реализовать себя тому, кто этого хотел бы. Чтобы развиваться, нужен враг или друг. Город — ни то и ни другое. Аморфность, пустота, в битве с которой ты сам становишься подобием и продолжением этой пустоты. Сказанное относится к характеристике вообще всего края, на мой взгляд.

— А что делать? — кто-то бросил глупый, надоевший всем, сакральный вопрос. Публика злорадно захихикала.

— Хочется верить, что энергию падения можно обратить в энергию взлёта, а силу исхода — в силу возрождения. Плодоносящего поля культуры как бы (ох уж это «как бы»!) не существует, но остались

великолепные её зерна. Дело за малым — возделывать. А зёрна — это и есть живые люди, их желание находиться в рядах подвижников и искать подобных себе, чтобы мечта одного находила сопряжение с мечтой другого. Непобедимая сила жизни рождается там, где каждый самостоятельно способен нести собственные фантазии и вкладывать их в собственное ремесло, при этом слышать шаг остальных и двигаться, двигаться, господа, — просто не прекращать движение в себе самом, вырабатывать самобытность, бытие себя самого.

Любое построение в колонны, — красные, белые, зелёные, божьи или не очень, — чревато очень низким, далеко не культурным знаменателем общения. Страх и обман, голод, надежда и вера — инструменты самозабвения. Водка, отупляющая молитва, хоровое застольное пение — инструменты примитивные, действующие сильно, дающие чувство общности, но не имеющие никакого отношения к дерзкому походу человека к вершинам неизведанной человечности в самом себе. Я всю жизнь, будучи исследователем и миссионером, наблюдал души людей. И готов отвечать за свои слова.

Спросите себя: сможете ли быть рядом со своими товарищами в мгновении? Не в будущем или прошлом, а именно здесь и сейчас. Пространный ответ не годится; настоящее абсолютно недипломатично: да или нет? Живущий в мгновении живет и в тысячелетиях.

Однако, замечу: прошлое, не ставшее частью меня, — это моя инвалидность. Следует тогда признать: я — человек с ограниченным прошлым, иными словами, я неполноценен. Что же предпринять?

Уныние и сетования отвратительны, поиск виновного бесперспективен, а имитация бодрости и певучего оптимизма — опаснейший самообман. Людям всегда не хватает естественности и простоты.

После этих слов трио «певучих оптимистов» ударило по гитарным струнам и затянуло сладкозвучные псалмы на тему бесполой любви к бесполым богам. Ребятки были безвредные и пели хорошо, но вокруг них распространялось вполне ощутимое чувство неловкости, ну, как если бы два гея решили публично поделиться своими высшими ценностями. Общество стерпело сеанс, не подпевая.

Дух успел выпить стакан горячего чая.

— С вашего позволения, друзья, я продолжу разворачивание темы. Суть… Господи, да что же это такое?! Почему без этого знания душа не на месте? Кто я? Зачем? Есть ли начало и конец моему приходу и моему участию в этом мире? История вмещает меня любого и всего. А сколько истории вмещаю я? Моя родина, мой воспитатель, мой Город научил меня видеть, говорить и слышать так, как я это делаю сегодня. Моя нужда в себе, в жажде быть собой целиком состоит из нужды в ближнем, из нужды в других людях. Сколько меня в них, сколько

их во мне? Здесь стирается грань между прошлым и будущим, между живыми и мертвыми. Человек — воплощённое божье зерно, способное менять себя, свою силу, свою память. Зима самозабвения не вечна, как алкоголь, как страсть к суициду, как ослепляющая обидчивость. Предчувствие пробуждения! В этом предчувствии жили и дышали мои предки, живу и дышу им и я. Сбывшегося нет, есть сбывающееся. И у каждого есть собственная трава познания, густо окружившая странный пень — спиленное Древо жизни.

Этот образ возник и преследует меня с того момента, как я прочитал свидетельства очевидцев, показания, воспоминания, мемуары, воззвания тех, кто шил лоскутное красно-белое одеяло гражданской войны. Его с лихвой хватило на всех: и правых, и не правых. Чтение документов привело к возникновению этого образа… Гражданская война в России, действительно, никогда не прекращалась, в дремлющем состоянии она живет по сей день. Как прекратить ментальное самоуничтожение, разъединить «короткое замыкание» чувств и мыслей в слишком короткой линии жизни?..

Город городом делает монолитность городского сознания.

Каждый живой человек — это уникальный и неповторяющийся во времени мост. Пригоден ли он для перехода тех, кто уже был, к тем, кто ещё будет? Спросите себя. Горожанин устал жить «на пеньке» и мечтать об утраченном небе, — доверять другому больше, чем себе самому, и через это доверие учиться и прибывать жизнью. Звучит поэтично, не правда ли? Город, увы, «богат» исходом носителей духа. Они уносят его с собой. Огонь жизни…

— Я слышал, вы финансируете местные проекты?

— Да, это так.

Аудитория зааплодировала.

— Вы верите в фетиши?

— Мир иерархичен и я бы не хотел здесь вступать в полемику по поводу элементарных его прописей, — голос Духа сделался неожиданно жёстким, ехидного допрашивающего аж пригнуло, как если бы над головой у него только что просвистело лезвие сабли. Дух умел держать внимание аудитории и умел парировать нападения самовлюбённых выскочек. Конечно, аудитория в России сильно отличалась от той, с которой он общался, живя и работая в своей привычной обстановке. Западная публика «заводилась» с пол-оборота, если чуяла в беседе живую искру. А здесь… Дух с сожалением констатировал, что большая часть его горячих слов «уходит в землю», как в чересчур остывшем, засыревшем моторе.

На некоторое время Дух отпустил бразды правления собранием, и оно с нескрываемым удовольствием загудело на все лады.

Тема для разговора на сходке городской интеллигенции возникла сразу же: Города… не существует. В культурном плане Города нет, есть, конечно, точка на административной карте страны, по-прежнему есть огромный сталелитейный цех, купленный китайцами, и обслуживающий его персонал, да любительские коммерческие и полукоммерческие отдушины для «самых умных». Но как не было, так и нет единого знаменателя, человекоразмерного фактора, объединяющего всех и вся в духе и в веществе, в намерениях и поступках.

Каждый деятель, так или иначе причастный к культурному процессу, держал над собой свой собственный флажок. В лучшем случае, флажки эти на некоторое время объединял ветер перемен или сильный порыв всё той же моды. Как и можно было ожидать, люди разделились на верующих и ищущих. Первые привычно повторяли свои заклятия: «Как можете вы так говорить?! Мы любим наш Город, мы готовы всё для него сделать». Вторые были Духу более симпатичны: «Бездна позади нас и бездна впереди. Но мы есть, и наш единственный шанс уцелеть в истории и культуре — построить мост над бездной».

— Мне гораздо приятнее ощущать себя строительным материалом, нежели рупором для заклятий, — рубил воздух решительной рукой руководитель студенческого клуба альпинистов. — Я давно заметил: верящий человек мало думает, а слишком много надеющийся вообще бездействует.

Ему отвечал фирмач, богатый и демократичный парень, живо сочувствующий всяческой гуманитарной беспомощности.

— Вера и надежда практикам непонятны. Что же остаётся? Остаётся любовь!

— В контексте качественного понимания себя в мире как высшей объективности, — добавил лыко в строку директор Лицея.

Со всех сторон доносились громкоголосые мысли. Оптимистичных среди них было мало. Словно многоголовая гидра продолжала рождать на месте одной срубленной печали — две других. Дух наблюдал процесс, который он сам же и спровоцировал: горе на Руси умножалось делением — делением с ближним.

— Городу требуется одушевление! Задача почти невыполнимая! Зёрна жизни разбросаны по всей земле… Удастся ли их собрать, приживутся ли, взойдут ли? Откликнется ли, например, молодое землячество? Будут ли дети бережливее и образованнее своих родителей?

Поэт, переживший недавно автомобильную аварию и трепанацию черепа, назидал улыбающейся Ро, держа её за руку.

— Нам издавна навязывают опасную и подлую мысль, что всенародные бедствия объединяют. Это — ложь, потому что это – правда. Тотальная беда — универсальный общий знаменатель на Руси для живых и мертвых. Я не хочу, чтобы беда соединяла меня с моими предками. Я хочу, чтобы меня соединяло с ними тончайшее чувство родства,

именуемое «духом». Душа питается не воздухом. Душа, — мои невидимые лёгкие, — задохнётся и умрёт без атмосферы общего интереса к высотам бытия, — божеского неба, которое мы сами же рождаем и сами же способны обрушить.

— А здесь нет зоопарка? — вдруг спросила поэта Ро.

— Есть. Он вокруг тебя, дочка. — Лицо поэта почернело и сморщилось. А потом он неожиданно засмеялся сам.

Умная русская гидра с наслаждением сокрушалась, как могла, рубя и отрывая головы сама себе. Дух и в России набрел на знакомый тупик: умные говорят одинаково умно, может, поэтому ничего не происходит?! Русская гидра хотела стать человеком. Она искала человечину.

Собрание людей в России — явление не безобидное. Само по себе оно — уже действие. И, чаще всего, поиски общности, того самого заветного знаменателя, посредством которого люди могли бы одинаково чувствовать жизнь во всём её диапазоне, поиски эти, увы, в коллективном исполнении планку только снижают. Вектор общности предрасположен почему-то смотреть в сторону путей лёгких, натуральных: совместного застолья, например, или того же коллективного песнопения. Как всегда, милую сердцу забулдыжную русскую душевность легко путают с действительно беспощадной силой сжигающего духа. Коллективное оглупление, объединение умных людей посредством простоватой, наивной душевности — картина досадная. Коллективный разум, казалось бы, на порядки должен превосходить силу одиночки. У русских — не получается. Молчание приговорённых одушевляет больше, чем звук. Честно говоря, многие испытывали чувство стыда и неловкости, когда городские интеллектуалы, не найдя подходящей возможности для конструктивных собственных выступлений, самозабвенно несли нечто заунывное.

Опять запели. Дух промокнул вспотевший лоб салфеткой.

— Культурное самодовольство сродни культурному самозабвению…

Собрание людей повторяло картину Города. Шум, хаотичность, интеллектуальный базар неизбежно перетекали во «всенародное» празднование. Песни, песни и ещё раз песни… Разумеется, смысловая нагрузка «слов под музыку» легче коллективных бесед и исследований, зато какова эмоциональная приподнятость! Общение интеллигенции в стиле «чудный получился вечерок» — признак социального бессилия, помноженного на коллективное бесплодие. В общем-то, картина обычная для Руси. Не секрет, что в Городе, в его интеллектуальных омутках годами отлёживались одарённые, вполне избыточные, интересные и духовно продвинутые люди. Не заводчане. Но это — тоже несомненные «производственники», они кустарным полулегальным способом

производили идеалы, высшие человеческие ценности, пресловутую мотивацию жизни вообще. (Конечно, можно, можно позаимствовать эту чёртову мотивацию и из-за океана. Французскую моду, например, или немецкие идеи, или американский порядок… Русская история учит: «здесь» будет только то, что уже было «там»). Коллективное самооглупление собрания — очень важный жизненный показатель, характЕрная и харАктерная особенность русских. Умён только царь-батюшка, хотя бы в собственной голове. Это тоже замкнутый городской круг, выход из которого надо искать, искать и искать. Уж если люди образованные в качестве платформы для общения выбирают то, что заведомо ниже их потенциала, то что говорить о собрании гораздо более массовом — городских жителях, и собрании не на два-три часа в элитном месте, а в городских замусоренных кварталах, загаженных подъездах, тесных квартирах, скверных и остывших заводских цехах?! Что может быть общим знаменателем там, чтобы почувствовать общность? Забава народа — кровавая драка на льду?! Кровавая радость, кровавая гордость! Вечная низость, возводимая будущим в ранг самобытного счастья? Столы, бесконечная пьянка, пошлость и примитивность общения. Знакомо? О! Это касается даже, казалось бы, благополучной, лаковой стороны городской жизни. Дух помрачнел: чувство массового родства достигается русскими через примитивное.

— Профессор, а не могли бы вы кратко сформулировать суть ваших усилий? Сжать, так сказать, ваши тезисы до размеров лозунга.

— Мне бы хотелось конфликт развития жизни перевести в иные координаты. Видеть его не между «человеком и человеком», как это существует сегодня, в мире внешнем. А между «человеком и НЕчеловеком» — то есть в мире внутреннем. Короче сказать не получается, — Дух развёл руками.

— Но ведь эти два конфликта вложены друг в друга, как мир и антимир. Это — их гармония. Вы хотите нарушить конфликт миров? А что, если у вас получится? Что, если это будет началом катастрофы?

— Какой катастрофы?

— А то вы не знаете? — спрашивающий рыжебородый экстрасенс был очень агрессивен. — Ваши опыты стравят «свободных в себе» со «свободными в форме». Будет война!

— Но не друг с другом.

— А с кем же тогда?!

— С самим собой, — Дух подошёл к неугомонному источнику реплик вплотную. Но тот неожиданно вскочил со своего места и опрометью бросился к выходу.

Собравшиеся засмеялись. Они больше не хотели слушать и думать. Воспалённые думами, они хотели петь. А завсегдатаи — предвкушали скромный фуршет.

Дух сообразил, что не надо бы доводить свою лекцию до финала. Финал уже наступил — произведено хорошее впечатление. Логическая вершина при хорошем впечатлении у русских уже не обязательна. Но старый академист в нём пересилил «артиста».

— С вашего позволения, я продолжу. Мы, заметьте, все говорим одним языком и об одной теме. В понимании «бед» мы давным-давно достигли нужной фокусировки. А в слышании проблем? А в практических решениях? Увы. Город — это тот же самый коллективный разум. Он не может ощущать себя бесконечно в деструктивном падении. Коллективность нужна, чтобы подниматься, а не падать. Кто научил Россию этому массовому самоубийству? Город, — вы сами это утверждаете, — существо убитое. В духовном плане продолжать почти нечего. Его коллективный разум и его ядро, — интеллигенция сегодняшнего дня, — может лишь начать, как всегда, с себя, то есть начать с начала, прикладывая к себе в качестве знаменующих, мирящих и вдохновляющих мерок нечто, подходящее под весь колоссальный диапазон задачи гражданского самосознания. Этим нечто не могут быть ни архитектурные решения, ни административный приказ, ни заезжий сверхзнаменитый гастролёр. Состоявшийся Город — это перст, делающий жизнь разрозненных человеческих душ упорядоченной в своём внутреннем движении друг к другу. Новый человек не может быть востребован по меркам старого времени и старого места. Он создаёт новизну из самого себя, бесцеремонно пользуясь, как самим собой, ближним и на тех же правах отдавая себя для решения задач другого. Личная энергетика жизни совпадает с энергетикой жизни общественной в двух диаметрально противоположных случаях: либо в глубоком падении, либо в процессе вознесения. Между этими полюсами плавает золотая середина, линия жизни, линия обыденности, равновесие повседневности. Рождать и поднимать материки культуры — это не удел одиночек. Нужно рождаться, работать, добывать прибавление жизни и умирать на одном и том же месте, обогащая своими усилиями и фактом своей жизни родную землю, а не истощая её.

Звенящая патетика в голосе Духа, его неподдельное волнение, теперь совершали… насилие над аудиторией. Гидра хотела песен, она устала от ума.

«Чёрный ворон, что ты вьёшься над моею го-о-оловой?» — заревело собрание.

И вправду! Мысленным взглядом повели люди поверх привычной картины… Мысленный взгляд и мысленный слух, разогнанные речью Духа до нужного ускорения, беспрепятственно покинули и стены музейного холла, и рамки привычных представлений. Как на птичьем дворе, со всех городских сторон слышалось кудахтанье беременных новаторов-несушек, призывающих пространство дать им возможность

опустошиться. Куд-кудах, куд-кудах… Как хорошо! Полны богатством и головы, и сердца, и руки тянутся к работе… А где? Как? На что? — Только бани, казино, магазины, аптеки, автозаправки, унылые заводы да кладбища. Сумбур — это не печать времени, это — стиль.

«…Ты добычи-и-и не дождёшься. Чёрный во-о-орон, я не твой!» Знак восклицания в конце печали — это ли не счастье?

По капле узнается океан. Умные, милейшие люди, каждый из которых и ходячая кафедра, и практическая социотехнология, сходятся в России вместе, чтобы получилась… толпа. Наиболее чувствительные молчат, вздрагивая и переводя взгляд от одного тезисно тараторящего источника к другому. Им хорошо поодиночке, им плохо вместе, тесно. Они собираются вместе, чтобы испытать тайное удовольствие: как хорошо уйти! Их не объединяет ничего, что превышало бы их самих.

Человеку привычно говорят: «Ты — винтик в машине государства, в машине Города, в машине непреодолимых схем и формальностей». А он не хочет быть винтиком. И даже кирпичиком не желает. Он — живая клетка и он — мост, в строительство которого каждый желал бы вложить самоё себя. Необычный мост, не между странами и не меж берегами — он от жизни к жизни. В качестве опоры ему, мосту, слишком мало минимальной оплаты труда и простых удовольствий. А строитель в качестве цели не может представить и видеть потолок лишь своих личных возможностей. Потому что есть высота иной атмосферы, приводящая опостылевший сумбур к гармонии, есть неведомый дух, одушевляющий души, — всё то, что делает жизнь вещей человечными.

Дух получил важный урок: ни социальные, ни гуманитарные, ни психологические технологии не поднимут мёртвого. Нужна «духотехнология», чтобы живое зажглось от живого, а не механизм крутнулся от механизма. Русская душа, как лампадка, дуальна в своём свечении: зажигается «здесь», чтобы «там» не стемнело… Сила человеческого духа невозмутима и велика, она позволяет держать спины прямо, а лица невозмутимыми даже под каплями пуль.

На прощание Дух говорил банальности стайке студентов, уже в раздевалке. Что опасности наглядны, что они убивают душу, что они в изобилии летят с экранов, и на любом перекрёстке вы, бескритичное поколение, можете получить ранение в сердце, вас может убить постовой, врач, учитель, просто грязная ругань случайных подростков. Убить душу. И ещё одним мертвецом в Городе станет больше…

— Профессор, скажите, а какая тематика грантов? И сумма, конечно, нас интересует!

Дух затужил, поняв, что вся его лекция — чепуха и потеха.

— Внутреннее обязательство — вот кратчайший путь к самому себе и к настоящему делу, — уклончиво и сухо подытожил «гвоздь вечера» своё выступление.

Без патетики всё-таки не обошлось. И Дух запоздало сожалел. Но ему казалось, что это — совсем не стыдная патетика. Потому что она рождалась в сердце.

От фуршета профессор вежливо уклонился.

Светоносная девочка потянула его за рукав пиджака.

— Скажи, а где живёт моё счастье?

Дух взял девочку за руку и подвёл к старинному зеркалу.

— Здесь.

ГОРОД, ИЮЛЬ

Равнодушие ощущалось физически. Оно было всеядным, как свинья, и всепроникающим, как радиация. Где-то оно было плоским, словно операционный стол, где-то превращалось в ловчую волчью яму, где-то выпячивалось горбатой спиной чудовищного ящера, приподнимающего его изнутри. Равнодушие как вид одухотворения было вечным, ибо помещало свою душу в самую из неуязвимых точек жизни — в смерть. А по поверхности Равной Души тянулись дороги, петляли рельсы, возводились дома, в равнодушном небе ползли недосягаемые теперь для среднего обывателя самолёты, в светлых головах, под руками мастеров осуществлялись трансконтинентальные проекты. Всё, как у людей. Но с одной, действительно особенной, поправочкой: в огромном и герметичном котле русского равнодушия жизнь кипела внутри себя самой. От этого очень горячими, как белые звездные карлики, становились отдельные головы и души. Но общее пространство продолжало веками сохранять свою нулевую константу.

Мир данной природы и надуманный мир людей соотносились в России грубо, истребляя один другого до видимого апокалиптического контраста — как физика и метафизика. Процесс этот наблюдался здесь намного явственнее, чем в других странах, где процессы взаимной диффузии двух обитаемых миров были управляемы и назывались «экологией». В толще русского равнодушия должны, обязательно должны были обитать невиданные духовные и интеллектуальные звери. И те, что демонически всевидящи, всесильны и технически вооружены, как сам дьявол, и те, у которых нет ни чувств, ни мозга. Духу всюду мерещились метафизические рептилии, которые выходят на поверхность земли тем же чудесным способом, каким боги являются перед людьми — вдруг появляясь из ниоткуда и требуя жертв.

Посреди бесконечного океана равнодушия Город был тем же, чем был Бермудский треугольник в бездне океана водного — аномалией. Равнодушие здесь проявляло… агрессивность! Оно было активным!!! В этом месте не существовало ни причин, ни ответов по поводу смысла жизни. Балом правил смысл смерти и его градообразующее воплощение — циклопический пушечный завод, расположившийся, как раковое ядро, в самом центре населённого места.

Дух готовился к встрече с изощрённым и умным мутантом — Городом, а встретился с примитивным ящером.

Это впечатление заполнило ресурсы воображения до отказа после экскурсии по подземным штольням Грэя, набитым невыносимо пахнущим навозом и рассадой шампиньонов. Деловое воодушевление негра ещё больше усугубляло духовное смятение приехавшего миссионера. Ящер любил темноту и сырость. Воображение подсказывало: на поверхности тварь способна изрыгать огонь. Сказки народа об этом свидетельствовали.

— Дух, а кто такое «народ»?

— Неужели вы не знаете этого, Ро? Народ — это добровольное присоединение себя к чему-либо.

— А семья — это народ?

— Пожалуй, да.

— А солдаты?

— Хотите мороженого, Ро?

Космические и бурильные исследования показали: Город располагался на огромной подземной водяной линзе, затаившейся глубоко в толще материковых пород, поселившейся здесь, по заявлениям учёных, во времена девонского периода. Эта природная «оптика» фокусировала неведомые токи, идущие из глубин расплавленного земного ада. Географический центр Города совпадал с непостижимым «фокусом» феномена. Местные мистики и колдуны издевательски подтверждали: да, в чёрном озере и обитает огромный ящер-людоед. А Город стоит — на его спине!

Ящер спал. Город — тоже. Во время войны ящер просыпался. Город — тоже.

Газет Дух не читал и телевизор не смотрел. Пропаганда в России была, как всегда, тотальной. А это — безошибочный признак дурнины: тотальность предполагает в стране наличие генерального лжеца. Дух держался вне информационной игры.

Из окна верхнего этажа высотной гостиницы, где Дух и Ро расположились на первое время, открывалась неплохая панорама, из окна или из лоджии просматривалась большая часть Города. Дух просыпался

рано и, пока Ро спала, подолгу стоял у окна, наблюдая окружающее и пытаясь в полумедитации достичь состояния требуемой познавательской корректности — не портить местную «истину» своими предварительными представлениями о ней, а, наоборот, Дух готов был предоставить окружающему себя, чтобы в него, не знающего и опустошённого, вошло бы, как пугливая и осторожная лань, новое, чужое знание… В других странах этот приём, этот вид метафизической учтивости, очень помогал. Здесь же происходило что-то непонятное: приглашающая открытость Духа провоцировала зайти к нему во внутренний мир совсем не то, что он ожидал, — холодная, бетоноподобная масса чуяла поживу, молниеносно отделялась от всего, к чему прикасался взгляд наблюдателя, и по нему, по взгляду, как по радарному лучу, встречно устремлялась в открытую человеческую душу живая серость, заливая коварными ручейками и потоками неосторожного дурачка до полного его отвердения… Близко-близко в такие мгновения подступали к горлу и трепетали слезливым комком чувства-отступники и думы-предатели: сожаление о содеянном становилось сладким. Дух начинал понимать страсть русских к покаянию.

— Вы ещё не поймёте меня, Ро, но я скажу. У русских всё общее. Поэтому берегитесь.

— Я заболею?

— Тьфу-тьфу! Вы знаете, Ро, что такое «общий наркоз»?

— Это когда в больнице ставят укол и режут, а человек ничего не чувствует и не помнит.

— Правильно.

Город распластался по нескольким невысоким холмам, покрыв их, как мозговые извилины, «серым веществом» однотипных домов, кубами бывших военных наукоёмких предприятий и институтов, кишащими в улицах иностранными автомобилями и муравьиной беготнёй обитателей. Между холмами текли в логах и распадках мелкие речки и ручьи, таились в зарослях по их берегам несанкционированные свалки, смог и шум покрывали землю. Около завода деревья, тополя-аксакалы, получившие дозу кислотных дождей ещё в мае, стояли рыжими упрямцами, нависая над пешеходными тропами, проходными и пакгаузами. Город, как пехотинец, ловко прятался в складках местности, жался к оврагам и стремился к маскировочным цветам, сохраняя, таким образом, свой шанс на продолжение жизни. Город, как ящер-мать, нарожал кучу домов-деток, одинаково вылупившихся для пополнения своего крупнопанельного или деревянно-щитового чешуйчатого гетто. Поверхностные воды этих мест были непригодны для наслаждения чистотой, в них во множестве резвились сине-зелёные водоросли, дизентерийные палочки и даже холерный микроб,

однако местные дети ничего не боялись и тоже резвились в ручьях и прудах. Да что дети! Взрослые — не отставали. С блаженным выражением на лицах в знойный день люди входили в воду, наполненную зелёными хлопьями и источавшую гнилостный запах.

Геометрия Города изначально не содержала в себе никакой логики. Однажды Дух, гуляя, оказался около старинной чугунной решётки, окружавшей пушечный завод, который, как все знали, делал ещё и баллистические межконтинентальные ракеты, и знаменитый стрелковый ряд. Он смотрел сквозь чугунное решето просто так, в никуда, пока взгляд его не собрался близко, на самой решётке, где Дух увидел кое-что интересное: с территории завода к небу тянулось юное дерево; по каким-то причинам оно в детстве засунуло свою кудрявую голову в ажурный чугун и — проросло сквозь него. Железо и жизнь переплелись во взаимном обтекании. Поэтическое восприятие мира шепнуло Духу: «Русские судьбы!» Он перевёл глаза дальше — всюду, где была решётка, живое совокуплялось с неживым! Заботливые руки заводской охраны кое-где отпилили заматеревшие стволы и сучья, но из чугунной вязи навеки оставались торчать засохшие ампутанты... Русские судьбы!

— А почему люди так мало улыбаются? Им что, улыбку жалко?

— Сами, сами улыбайтесь, моя девочка! Улыбка, Ро, — это большое богатство.

— Значит, здесь живут одни бедняки?

Так же, как и Грэй, Дух услышал ритмику Города. Но если Грэй с наслаждением слушал его земной «степ», то полумистический слух Духа искал и улавливал другое — дыхание, некий обязательный совокупный «дых», витающий над местом. Кто-то называет эту нематериальную часть бытия «культурным слоем», кто-то «коллективной памятью» или «божьим попущением», но ясно одно: настоящая бедность — это когда детям нечего передать, кроме барахла и денег. Культурная аура промышленного Города была мелка и разрежена, поэтому душе — «вторым лёгким» — приходилось нелегко. Кто-то дышал мелко и часто, кто-то вообще отказывался от «второго» дыхания и нисколько от этого не страдал ни в трудовой карьере, ни в быту, а действительно взыскательные интеллигенты и люди культуры спасались обычным русским способом — в отчаянной самодеятельности своих «надышанных» убежищ, в единичных оазисах общения и роста: в кухнях, например. Хе-хе! Россия — страна стряпчих. Может, поэтому она так подобострастно угождает богатым гостям? А ну, отведай-ка, мил-дружок, нашего! И — спина трамплином: прогнулись!

Грэй видел Город «по горизонтали» и таким он его вполне устраивал: возможностей балагурить и ковать деньги было хоть отбавляй! Дух видел то же самое, но «по вертикали». Когда Грэй первым, как ни странно, понял перпендикулярность их мировоззрений, он выразил это вполне иносказательно и афористично, задав по выходу экскурсантов из подземелья короткий диалог.

— Чем будешь кормиться, Дух?

— Сниму офис для нужд миссии. Пойду читать лекции, здесь есть неплохие кафедры.

— Что, тоже собрался из говна конфетку делать?

Намёка Дух так и не понял. Он ответил, как показалось Грэю, совсем невпопад.

— Решение — это вид радости.

Если разбить Город на геодезическую сетку, то бросалась в глаза качественная одинаковость городских квадратов, коих набиралось всего два типа: на территории жилых кварталов и частного сектора неизбежно царила «квадратность» провинциальной квартирной повседневности, а в прямоугольности заводских помещений, в которых ещё недавно непрерывным стажем проходила вся дневная жизнь горожан, было теперь тихо и мерзко, как в могиле. Песочные часы русского века опять перевернулись. В новейшие времена быт — от рекламы и дешёвого спирта — стал ещё веселее, а цеха остановились. Старые люди, опытные рабочие лошадки, поуходили на обидную пенсию и от невостребованности быстро умирали, средний возраст воровал, сидел или торговал, а народившееся юное поколение бойко выглядывало из родительских гнёзд, хамило и мечтало об одном: навсегда покинуть эту серую аномалию — Город.

— А когда человек умирает, то что от него остаётся?

— Чистая совесть, Ро, чистая совесть…

— Как яблоко?

— Как яблоко.

Из распластанного каменно-железного тела оружейного завода в небо уходила неправдоподобно огромная, трёхсотметровой высоты труба — монстроподобная фаллическая доминанта территории, агрессивный мужской символ военно-технической гордости и неутомимой железной мощи сих мест. Земной величественный жезл прямой наводкой был нацелен строго вертикально; кому-то пришла в голову мысль: из бесполезной трубы можно извлечь пользу. И сооружение претерпевало метаморфозы: полным ходом на земле, около основания-раструба, шло преобразование бывших оружейных цехов-ангаров в супермаркеты и многоярусные торговые центры, сама труба постепен-

но одевалась в жёлтый металл, нитрид бора, похожий на сверкающие листы золота — бетонное жерло гигантского дымохода на глазах превращалось в произведение искусства, от которого инициаторы проекта ожидали пиар-эффекта не хуже, чем от Эйфелевой башни — в итоге должна была получиться золотая пушка, скульптура, победно выстреливающая великую славу оружейного Города аж в поднебесье. Выше — некуда! У подножия ствола разворачивался, кроме торгового, спортивно-развлекательный комплекс, гостиничное хозяйство, парковка, прочее супер-архи-больше-всех. Один скороспелый супермаркет уже действовал, набитый, как общежитский диван клопами, мелкими продавцами и такими же мелкими покупателями. Спешно создавалась и «изюминка» — Музей оружия, многоярусно размещённый в гигантском основании самой трубы, оснащённый и уже действующий. Ресторан построили раньше музея. Но работы ещё было — край непочатый: тир, антенное и лифтовое хозяйство пушки-трубы, смотровая площадка на самом верху и еще одна «изюминка» там же — восьмилапый ажурный металлический паучок, карусель на высоте трёх сотен метров для любителей пощекотать свои нервы. Комплекс задумывали и проектировали мужчины, до недавнего времени осуществлявшие сложнейшие технологические проекты, математики и технологи, зубры-управленцы и генералы, — все они беззаветно любили свою профессию и свою нелёгкую, но уникальную долю, все они любили охоту, оружие, женщин и выпивку, все они ездили в Кремль то за наградами, то за разносом. И вот — все они стали нео-дельцами и нео-коммерсантами, куда более крупными, чем «клопы» в супермаркетах: зубры заслуженно гордились прошлым, умело продавали настоящее и, как умные люди, старались не заглядывать понапрасну в неясный завтрашний день.

— Вот куда наши денежки улетают! — сказала однажды горничная, убиравшая номер. Черенок её швабры ткнул в сторону позолоченного фаллоса. — В трубу они вылетают!

Это была неопровержимая истина: труба была далеко не единственным финансово и ресурсоёмким символом Города. Такой же «течью» в бюджете мэрии и многих, даже частных, предприятий были приказные вымогания средств, поступающие со стороны генеральных властей. Бандитские замашки нуворишей «на благо народа» широко пропагандировались. На что «выбивали» деньги? На строительство храмов, например, с истерической поспешностью выпрыгивающих из-под земли, — особенно перед выборами. Хитроумными ходами государственные помещения в центре Города переходили в частные руки, чтобы немедля стать увеселительными заведениями «европейского уровня»...

Символическое в России всегда было первоочередным; оно представляло из себя надежду «на лучшую жизнь», ради которой было принято «отдавать последнее». Особенно, во времена трудные. Куда отдавать, на что? Как на что?! — А на крест? А на звезду?

А на чей-нибудь шиш с маслом? Так-то оно так, но в девятнадцатом веке это делали действительно добровольно, в двадцатом — почти добровольно, нынче же, поскольку добровольцы все кончились, русская благотворительность обзавелась саблезубой опричниной и административным кнутом. Удару такого кнута мог бы позавидовать даже шеф олимпийцев, Зевс-громовержец.

Жизнь символов захватили политики. Отчего символы полностью утратили суть и силу того, чем они изначально являлись, — воинами, защитниками своего племени.

— У нас ещё много денег, Дух?
— Да, дочка, пока достаточно. И мы с Грэем работаем.
— А вы что, копите деньги для меня?
— Для вас, сударыня. И не только деньги.
— А что ещё?
— Валюту, которая не девальвирует. Впечатления!

В Городе два музея конфликтовали. Музей истории, — место «надышанное», с непорочным и долгим прошлым, этнографический подвижник, общественный скарабей, благодарно и благородно вот уже второй век собирающий непростую память о жизни людей. Хранители времени — музеи — не любили друг друга. Молодой хотел сожрать старого; у молодого в витринах и стендах имелись самые современные стреляющие системы, но в его ненасытной утробе всё равно было пусто… а у старого из оружия имелись только сабли да пищали. Зато кто понимал, тот понимал: у старого музея есть сердце, а у молодого нет. И каждый интересующийся сам выбирал, в какую сторону ему идти. Дух в этой элементарщине не заплутал. В Музее истории он, кафедральный лектор, наконец, «отдышался», как партизан, вышедший из окружения, — нашёл своих. Почти своих. Музей же оружия произвёл на него впечатление противоположное — от обилия «стрелялок», собранных в одном месте, Дух подхватил угнетение и депрессию.

Сильными первыми впечатлениями отпечатались в сознании и различные прогулочные эпизоды. Цыганка, как репей, вцепилась в рукав пиджака Духа, прося «рублик для ребёночка».

— Я тоже ребёночек! — вынырнула из-под руки Ро и сама вцепилась своими раскосыми глазками в цыганку. — Ты тоже дай рублик!

Цыганка опешила и отошла.

На одной из улиц Дух и Ро обнаружили «аллею болванов» — безобразно обрезанные стволы деревьев. Русские судьбы… Местные «озеленители» не утруждали себя искусством аккуратной стрижки деревьев — запросто резали основной ствол на высоте двух-трёх метров: мол, захочешь жить — набрызгаешь побегами. Молодые ветви у тех бедняг,

кто не засох, тянулись во все стороны с двухметровых своих пеньков и выбрасывали на свет не листья — огромные лопухи! Давно замечено: умирающая природа всегда торопится и прощается пышно.

Поразили вскрышные работы у подножия какой-то церкви, к центральному входу которой строители готовились укладывать широкие мраморные ступени. Экскаватор копал глину холма, в которой содержались древние человеческие захоронения. Черепа и кости предков горожан уезжали в кузовах самосвалов в свой, действительно последний, путь в неизвестном направлении... Бесновалась рядом группка возмущённых археологов из университета, их, как мух, отгоняла от строительного объекта скучающая милиция. Дух обомлел: Город готовился шагать к божьему свету по осквернённым могилам! Ни священнослужители, ни те, кто дёргал за рычаги механизмов, ни владельцы денежной мошны, ни обитатели машин с госфлагом на капоте, — никто не испытывал от происходящего угрызений совести, не приходил к мысли о кощунстве. Отнюдь! Апофеоз равнодушия — действующие равнодушие!

В этот день Дух начал записывать свои мысли в дневник.

Хотелось исследовать образовательные возможности Города. Ро должна была осенью пойти в русскую школу. Хотя недалеко от Города существовала американская колония военных наблюдателей и их семей, и там были детские педагоги. Но Дух решил: в русскую! Ро не возражала, она с нетерпением ждала возможности приобрести друзей-сверстников. Пока же её общество оставалось прежним, сменились лишь декорации.

Сведя все свои наблюдения воедино, Дух осторожно предположил: война! Россия не понимает, что она насквозь поражена очередной войной — ментальной, на сей раз. Война! Это означало, что ящер должен-таки проснуться. Но смущало то, что ментальная погибель — плавная и приятная подмена собственного образа жизни народа заёмным — не осознавалась как опасность. Наоборот, в открытые шлюзы новых возможностей молодёжь и «стародёжь» хлынули с одинаковой ретивостью. Всего-то, что требовалось для прохождения «шлюза», — быть похожим на американца, англичанина, шведа, немца, голландца, француза... Смотря откуда тянула свои русла невидимая война. Проснётся ли ящер без привычного «будильника» — без канонады и военного коммунизма? Да, да, война в самом разгаре! И одно соответствует другому. Война над Россией воспарила и бьёт теперь иначе, не армия на армию, а — с чуждого неба на русское небо. Оттуда, где стряпаются причины жить. Значит, пушка-труба установлена правильно. Война в одеждах помощи и мира непостижима для голодных и доверчивых. О, Русь! Границы её на земле разрушены — значит, разрушены и нравственные границы, производство остановлено — значит, не рождаются

больше и собственные титаны, поспешная вера не поднимает, а опускает поспешный разум, оскопляет его; всё своё подменили несчастному русичу, чтобы счастлив он был не своим! У храма Дух по слогам мысленно произнёс: «Рос-си-и боль-ше нет… Нет! Она погибает, если уже не погибла». Образ мальчика, сидящего на каменных ступенях посреди ромашкового поля, золотая труба, расстреливающая синеву над головой, вонючее подземелье Грэя — все впечатления слепились внутри Духа в колобок, и он покатился, покатился, покатился, наматывая на себя всё новый и новый материал, сотрясая чувствительную душу хорошего человека и вызывая в нём разрушительную лавину эмоций. Лавину! Эмоции Духа, привыкшие к утончённым высотам и чистоте, срывались, падая на самое дно русской пропасти.

— Бляди! — горячился пожилой археолог, указывая на самосвалы, гружёные черепами. — Никогда на этой земле не будет хорошо.

«Бляди!» — приятным эхом прозвучало внутри Духа незнакомое чувство поруганной справедливости.

Проснётся ли ящер? Дух понял, для чего он приехал, — он будет, как всегда, сопротивляться национальному самозабвению. Собственно, ничего нового. То же самое он делал в Аргентине и Канаде, в Японии и во Вьетнаме… Мир, как кастрюля с супом, постепенно нагревается, бурлит, перемешивается, и остаться самим собой в этом вареве очень трудно.

Людям Города вновь хотелось объединиться, но они не знали — как? Мирное время обмануло их. До сих пор русичи умели объединяться только в горе, поэтому сознательно или подсознательно всегда к нему стремились. И если горе надолго задерживалось, русские сказки подсказывали: «Иди, Иванушко, лихо для себя поищи!» Сказочный совет помогал не хуже водки. Перед лицом смерти русичи упорядочивались и оживали, перед лицом восходящей жизни и новых возможностей они скучали и были абсолютно беспомощными. Мирная жизнь для них означала лишь монотонную работу, а смерть предлагала сказочный шанс на выигрыш в «моментальной лотерее» — подвиг и славу.

Институт многочисленных зарубежных грантодателей действовал на сознание аборигенов и на выбор направления для их жизненных поступков не хуже диверсионных отрядов. Сегодняшняя погибель страны крылась в «троянской» помощи ей. Практически вся помощь конструировалась по этому принципу и имела «двойное дно». Так было всегда. И не только с Россией. Образы жизни — хищники. Они поедают друг друга. В этом-то и состоит парадоксальная путаница: и обман, и самообман.

— Никакой России нет и никогда на свете не было! — словно подтверждая мысленное отчаяние Духа, заявил в беседе с ним один

из экстремистов. — Поэтому и спасать здесь нечего. А ваши гранты выстилают дорогу вашим танкам.

Это Дух знал и без него. Хотя всегда верил, что лично он действует иначе.

— Я помогаю людям. Людям! Их родина — жизнь.

— Ой, не могу! Россия — это территория символов. Вы что, собираетесь спасать символы?

Дух побывал в университете, но от его лекций вежливо и заискивающе… отказались. Но дали совет.

— Сходите в Лицей. Думаю, вы им подойдёте…

И адресок черкнули небрежно на клочке бумажки. Русские постепенно переставали быть русскими — привычка преклонения перед любым иностранцем оставалась в прошлом. Что ж, во всякой войне есть свои плюсы.

Качественные изменения внутри деятельного человека и постоянная трансформация масштабов его мировосприятия — это то, что называет «верой» идущий. Неподвижные именуют этим же словом фанатичную охрану своей неподвижности. Они уверяют, что лишь в их варианте вера является «истинной». А если критический разум и начинает вдруг задавать вопросы — его умело усыпляют фимиамом ритуалов, песнопениями и гипнотической экстраполяцией воображения за пределы настоящего. Дух неоднократно встречался с представителями и тех, и других способов использования ресурсов человеческой жизни. В странах с консервативным укладом национального мышления так называемую «веру» хранили, как зерно, всеми силами обслуживая его не-пробуждение. Неизменность ассоциировалась со стабильностью и приравнивалась к душевному комфорту. А там, где зерно уже было разбужено, оно давало буйные всходы и безбожные плоды, — независимо от трогательного языческого прошлого, на его месте бушевал прогресс, и он, прогресс, теперь занимал «свято место» бывших икон и идолищ, воспитывая, однако, свою техногенную паству прежними торгово-спекулятивными методами: страхом и разрекламированной панацеей от него.

Кто-то в России напоминал Икара-одиночку, решившегося на материальный способ покорения небес. Такие взлетали и падали незамеченными: засекреченные гении ракетостроения, конструкторы, ставшие риэлторами, хирурги, поэты, превратившиеся в полупьяных националистов… Кто-то, наоборот, натаскивал к земле поближе из каких-нибудь храмов и мечетей, как паучок-подводник, в свою жилую конурку «пузырьки» от заоблачной атмосферы. И дышал до угарности в этом уязвимом «воздушном колоколе» сам, и деток своих приучал дышать так же.

Духовное всегда отвечало на вопрос: «Куда жить?» Без этого с русскими случался паралич воли. Не поэтому ли в стране, утратившей самость, срочно, из обломков прошлого и смердящих протухшим елеем нынешних исполнителей, конструировался некий духовный болван, на которого вновь следовало молиться, едва ли не по государственному приказу? Власть над вертлявой указательной табличкой, прибитой к верстовому столбу русской истории, означала для традиционно самозваных нео-императоров эпохи демократизма самое заветное беззаконие — легализацию своего богоподобия.

Послушным здесь неустанно внушали: послушание — это и есть ваше счастье. Харизма народа о самом себе веками складывалась из подменённого отражения: за послушание давали грамоты и ордена, прославляли послушников от имени небесных присяг на холстах и в поэмах, и от имени тех же небесных присяг убивали — чтобы свой своего на земле возненавидел. Чтобы знали козявки: бог страшен для дерзких! От этой «селекции» вывелись в русских духовных просторах страшные — породнённые овцы и волки.

— Дух, почему железный завод больше не работает? Он сломался? Его больше не заводят?

— Железные машины — это игрушки для взрослых. Теперь они мёртвые.

— Кто, взрослые?

— Не шалите, Ро. Игрушки, конечно.

— Врёшь! Мёртвых игрушек не бывает!

Нетерпеливое желание — противодействовать русскому абсурду, победить его, преобразовать в упорядоченную гармонию — овладевало Духом всё больше и больше. В какой-то мере он даже начал разделять энтузиазм Грэя: здешние авгиевы завалы представляли из себя колоссальную «руду», из которой при толковом подходе можно было получить всё, что угодно. Россия — зерно. Россия — философский камень. Россия — место исполнения желаний. Умение и ремесло тех, кто созидал не благодаря, а вопреки обстоятельствам, — восхищало Духа. Какая-то внутренняя жилка натянулась в нём до музыкального звона и задрожала. Серая агрессивная пелена сразу же отступила. О, это было открытием! Русское равнодушие подкрадывалось и поедало только тех, кто притворялся мёртвым. К слову сказать, Дух наблюдал подобный приём во взаимоотношениях птиц и насекомых: если гусеничка изображала из себя нечто бездыханное и бездушное — воробей улетал. Мол, такие уж правила: бездушное не пригодно для внутреннего употребления. Только не для русского равнодушия: оно — всеядно! И в первую очередь гадина нападает на самую лёгкую добычу — на неподвижных. Их

в России были тьмы и тьмы: пьяницы, развратники, компьютерные ремесленники, религиозные и политические болтуны, пенсионеры, работотягловое заводское стадо, врачи, солдаты, чинуши, маньяки у игровых автоматов… По большому, как говорится, счёту, им всем было «до лампочки», где происходит жизнь и как расходуется её запас: здесь, или не здесь? верно или не верно? Равнодушие — специфическая русская болезнь! Она неизлечимо поражает даже тех, кто, казалось бы, вертится в делах и заботах, словно пропеллер. Равнодушие, как туберкулёз души, ущербное её дыхание, не всегда можно заметить. Нужен гражданско-социальный «период обострения» или специальный анализ, тончайший тест, — кто ведёт живую душу по сильно пересечённой местности и завалам здешней действительности: любовь или самолюбие?

— Природа — это наше будущее.

— Почему вы так считаете, Ро?

— Дух! Какой же ты смешной! Природа всегда знает своё будущее и поэтому никогда не ошибается. А люди его не знают и поэтому ошибаются.

— Пожалуй, Ро, вы только что преподнесли отличную мысль: природа людей целиком вложена в природу мира.

— И ей это очень не нравится! Но она терпит.

— Устами младенца…

КИТАЙЦЫ

Вечная мерзлота отношений между русскими всегда мечтала о сказочном дармовом тепле и обилии света, но когда подобное благо случалось, он не могло быть долговременным, — в противном случае устойчивые формы жизни, созданные вечной психологической «зимой», начинали сокрушительно таять, рушилось вообще всё. Генерал Холод против Генерала Тепла был ничто.

С Востока Россию беспрепятственно покорял Китай. Китайские доллары легко «растапливали» любые ледяные коридоры власти и такие же законы русских. Снеговики, управляющие таёжными леспромхозами, напомаженные кикиморы налоговых дворцов и заиндевевшие лешие при умерших предприятиях, околевающие от жадности вурдалаки и вампиры таможен, — холод глаз! холод речей! холод доверия! — всюду белая, снеговая смерть душ этих белых людей подводила их: в палящих лучах чужого трудолюбия и чужих денег таяла русская собственность, таяло русское самоуважение. Дружная жёлтая нация, исторически имевшая клановое сознание, резво перепрыгнула через Китайскую стену и начала, наконец-то, обживать западную

«халяву» — беззащитную ледяную империю, легко ломая на своём пути слишком хрупкие её идеалы. Всякий клан — земной эгрегор во плоти, живой поток многочисленных тел и умов, думающих и чувствующих как одно целое. И нет преграды силе такой!

Китайцы не баловали русских грантами и не заигрывали с ними. Они ничему не учили «снеговиков». Они просто пришли сюда жить. Просто потому, что это стало возможным. Поэтому не было ни пропаганды, ни лишних слов. Они работали как одержимые. Они получали русские паспорта, они заполонили торговые ряды и строительные площадки, они сидели в русских тюрьмах, они брали в жёны русских женщин. За их спинами стояла титаническая мощь древней страны. В любой затруднительной ситуации каждый из них мог рассчитывать на совокупную помощь и плечо соотечественников. Клан! Коренное население лишь мрачно шутило: «Через пятьдесят лет сто пятьдесят миллионов русских китайцев единодушно проголосуют за присоединение России к Китаю».

Мысли в головах снежных баб и их снежных мужей хрустели потревоженным ледком, да возмущённо метелили под умеренными ветрами межнациональной ненависти.

Русские всегда предпочитали «жить в след». А именно: по болотистым горам-долам обязательно должен пройтись сапог какой-нибудь кованой тяжёлой эпохи, продавить эти горы-долы до родниковых вод, наделать шуму-страху и оставить по себе долгую память — следы великана. В этих-то углублениях и заведётся вскоре жизнь местных букашек: их сказки-присказки, их дела и безделье. Ах, как русские любят подражать великанам — «след оставлять»! По-хорошему не получится — по-плохому оставят. Чтобы в яме той жить. Культ Пути им невнятен, только «след» — вожделенная цель. Как оставить его, как добыть? Ни сапог ведь, ни веса нет у козявок обычных! След «великих» хранят, они, словно мощи, чтобы к ним припадать, чтоб навек рядом с мёртвым живому застыть.

Знали китайцы закон замороженных душ: русские в смерти едины! Злить их нельзя: как сойдутся в падении, в низком сцеплении, в сборище донном своём, — берегись! Грейся, грейся, безмозглая Русь у чужого огня! Уж недолго осталось тебе: нос морковкой завял и отпал, и ведро на пустой голове покосилось.

Почему героическая смерть здесь привлекательнее героической жизни? Почему?! Бедная жизнь слишком долгая, а смерть всегда — быстрая. Некогда русскому жить!

Китайцам, как на ладони, было видно: «тёплые» нации объединяются, чтобы подняться сообща; русские опускаются, чтобы… объединиться. А уж религия их «доморaживает»: мол, опущенным больше зачтётся, мол, они высоки — выше всех! — в недосягаемой спячке своей. Тут и сказке: аминь!

Запад «грел», а китайцы «текли». Плачет, плачет зима в небесах над Россией: королевство сквозь пальцы течёт!

Город принял их, как и прочие волны судьбы, равнодушно. Он взирал на активность иного народа, как взирает дворовый кобель на другого хозяина. Бить не будет? И то хорошо! А ещё и накормит! В заречной части Города, за трубой-пушкой, китайцы выкупили квадратный километр малопривлекательных производственных площадей, но не стали превращать покупку в супермаркеты, как многие того ожидали, а занялись восстановлением разрушенного производства: инструментального, металлообрабатывающего, сварочно-штамповочного, метизного. Городских профессионалов и даже квалифицированных рабочих к некогда родному заводу не подпускали и близко. Не для белых старались. Город расизм стерпел, ворча и плюясь. Все внимательно следили за страстями, развернувшимися вокруг основной, забуксовавшей покупки, — передачи Китаю в столетнюю аренду сталелитейного производства. Конвертеры и мартены для получения чистых легированных сталей были мертвы, но «рука дающая», государство, никак не хотела разжать кулачок и выпустить на волю бумажку-разрешение. Не помогали даже взятки. Сталелитейный был символом Города, неотъемлемой частью его оружейной славы… Как отдашь такое, хоть и мёртвое? Вот и канителились не первый год.

На торговых базарчиках широколицая светлорусая куколка-Ро болтала с китайцами по-китайски. Китайцы цвели от такого подарка, но скидок товару не делали.

ГИПНОЗ

Уйду в бега, зажгу поленья,
примнёт сапог весенний наст,
увы, иного утомленья
земля родная мне не даст.

Душа вспарила, кровь стучала,
но кто-то в уши говорил:
«С концом завязано начало
в победоносный лабиринт!»

И негде взять иную волю,
и даже сделавшись иным,
ты будешь пить, как алкоголик,
чадящих празднований дым.

Здесь всё легко, как в мире птичьем,
убогий холодом согрет,
и умник верует в величье
и глупость верует в предмет.

Сплошной таможенною кромкой
и ввысь, и вширь разделена
гиперборейская воронка —
литературная страна.

В бега, в бега! К земле и браге,
к простым, как правда, упырям:
жить! разглагольствовать о благе,
да слать проклятия царям!

День начат чистою страницей
без предыдущих мутных глав,
но скомкан к вечеру. И снится
страница новая, бела!

Горят поленья, утекают
в простор и силы, и весна,
горланит ворон, взгляд порхает,
усталость в зеркале видна.

Что говорить? Немой рисует,
прикрыв глаза, незримый скит…
И время действий не связует
и память рвётся на куски.

Спелеологи утверждают: если голова пролезла в найденную щель, то пролезет и всё остальное. Грэй втянулся в русскую авантюру настолько быстро и легкомысленно, что и сам был удивлён этим.

Идея развести в промышленных масштабах калифорнийского червя захватила Грэя полностью. Но он не знал тонкостей дела, не ведал грамоты общения с трудолюбивым земляным животным, умеющим превращать отходы в новое начало жизни. Гоблин-сосед разводил червей в качестве экзотического хобби, но и этого хватило, чтобы пробудить в неугомонном негре бешеный интерес к сверхприбыльной перспективе. Непереработанного дерьма в России было столько, что у Грэя кружилась голова от его необъятности и бесплатности.

Грэй, имеющий теперь, как и вся троица, удобное двойное гражданство, незамедлительно вылетел на двухнедельные фермерские

курсы в Калифорнию — к американской вдове дальнего родственника Гоблина, сына эмигрантов, бежавших когда-то из очумевшего от революции и гражданской войны Города.

Его встречали.

В здании аэровокзала перед эскалатором стояла средних лет дама, в руках которой находился полуметровый плакат, на котором было написано: «RUS». Грэй решительно направился прямо к ней.

— Хай! Я так себе и представлял: худая, симпатичная, в широкой шляпе. Меня зовут Грэй, а твоё имя…

Женщина растерялась. Перед ней, весело скалясь и непрерывно озираясь по сторонам, стоял поджарый, крепко скроенный негр, от которого пахло спиртным. Одет он был по-карнавальному: на курчавой голове красовался картуз, лихо заломленный набок, расшитая вышивкой косоворотка была туго подпоясана на талии голубой лентой, на ногах китайским фонариком пузырились алые шаровары, а носили человека-какаду по земле черные блестящие сапоги.

— Вы… русский?

— Да! — не моргнув глазом отчеканил Грэй.

— Где ваши вещи?

— Со мной, — за спиной у Грея болтался небольшой рюкзачок.

— Я приготовила небольшой обед и если вы не против…

— Можно на ты.

— Предпочитаю дистанцию. Если вы не против, то…

— То что же мы стоим на месте?

Неловкость улетучилась. Женщина перестала обращать внимание на то, что её спутник заставляет пассажиров нарушать нейтралитет приличий; люди невольно рассматривали пару — пёстрое одеяние чернокожего мужчины и классически-сдержанный стиль «средней» американки.

— У нас, у русских, принято часто выпивать, — пояснил Грэй в машине, доставая из рюкзачка плоскую металлическую фляжку. — Ты не возражаешь?

— Пожалуйста. Знаете, я после смерти мужа сама стала частенько прикладываться. Так что…

— За твоего мужа! — Грэй отпил несколько больших глотков и крякнул от удовольствия. — А кем он был, твой муж?

— Он был писателем, писал фантастику.

— Ха! Сейчас все пишут фантастику! Должно быть, это приносило неплохой доход, если, конечно, ему удалось попасть в струю?

— Да. Мы купили дом и неплохо обставились.

— А дети? У тебя есть дети?

— Нет… Муж говорил, что людей на планете уже более, чем достаточно. Мой муж был своеобразной личностью. Он говорил: незачем

слепо плодить слепую плоть, — человек не рождается, а воспитывается. А воспитать, если хочешь, можно плоть уже готовую, которой на планете в избытке… Так что, с воплощением идеи рождения ребёнка мы не торопились. А я не могла настаивать, ведь мы очень любили друг друга.

— Любили?! Простите-простите… Этот аспект вашей жизни, наверное, меня не касается, но у любящих пар обычно кое-кто заводится. Почти сразу же. Теоретически. Сам я никогда не был женат, но процесс производства детей мне хорошо знаком. Ха-ха! Может, ты всё-таки скажешь, как к тебе обращаться?

Нахальство мужчин всегда действует на женский пол гипнотически. Даже на очень воспитанных и утончённых натур прямая и естественная грубоватость, или даже почти пошлость, действует безотказно. Эмансипация, сколько её не укрепляй, не имеет под собой фундаментальной основы — инстинкта.

Женщина за рулём улыбнулась.

— Он звал меня Котёночек.

— Очаровательно! Тебе это подходит.

— Надеюсь. Только кому теперь… — она осеклась на полуслове, лицо её стало строгим, подобное превращение происходит с людьми, которые вдруг вспоминают: не следует путать радость прожитого с неопределённостью настоящего. Особенно при свидетелях.

Грэй уловил колебания в женском настроении.

— Можешь не разрешать, но я буду называть тебя так же.

— Поживём — увидим, — Котёночек вертела баранку, выруливая по горбатым улицам города.

— А сама ты чем занимаешься? Ходишь по издательствам и хлопочешь насчёт полного собрания сочинений усопшего супруга?

— Не угадали. В Америке не любят мёртвых писателей. Ты есть пока ты есть. На рынке продавцов иллюзий очень тесно, и там нет места для почётных памятников. А свои деньги я зарабатываю профессией. Мастер ребёфинга. Слышали о таком? Психическая коррекция через сеанс кислородного отравления. Очень эффективный способ кое-что самому подправить в своей судьбе, вернувшись в прошлое.

— Ну-ну. Машина времени?

— Не машина. Лучше.

— Из всей этой белиберды мне по душе только два слова — «кислородное опьянение».

— Вы говорите точно так же, как говорил мой муж. Слово в слово.

— Обнадёживает.

— В каком смысле?

— Ты меня оставишь у себя или отправишь в гостиницу?

— Гоблин просил, чтобы я отнеслась к вам как к самому близкому человеку на свете…

— Пусть так. Я согласен, — и Грэй отхлебнул из фляжки ещё несколько крупных глотков, запрокинувши голову и поршнеобразно шевеля кадыком. Женщина неодобрительно и настороженно покосилась. — Не бойтесь, мадам. Я себя контролирую. Лётчики-перехватчики не сдаются! Кому не сдаются? Ха! Хороший вопрос! Они не сдаются пра-ви-лам. Жизнь на земле — это сплошные правила. Как у вас, в Америке, например. Их очень приятно нарушать. Хорошая выпивка — это отличная идея для того, кто любит свободу. Опьянение пустотой! Лечит от всего сразу. Я научу. — Грэя от жары и укачивания в комфортабельной машине слегка развезло. Возможно, потоком болтовни он закрывал извечное смущение подвыпившего мужчины перед незнакомой женщиной. Ему было весело. Грэя всегда очень забавила черта рядовых американцев доверять всему, что им говорят. Котёночек за чистую монету приняла известие о русских корнях негра. Он мысленно хохотал, но роль ему очень понравилась. Книгу жизни в виде таких «комиксов» можно листать, не скучая, до самой последней страницы.

— У мужа бывали запои…

— Да, у нас, у русских, это случается. — Грэй придал лицу озабоченное выражение. — Между прочим, я нашёл национальную идею, которую в России ищут все.

— Наконец-то произнёс! Знаю, знаю: это — вид национального помешательства на теме смерти. Мужу и его дружкам я всегда говорила: смерть должна увеличивать цену жизни, а не доводить её до полного смыслового разорения.

— Не угадала, Котёночек. Национальная идея русских — это дерьмо, океан дерьма, из которого мы сделаем золото и купим на него весь мир!

— Ну, вот мы и приехали!

Дом был большой, двухэтажный, строение окружал сад.

Разумеется, ни о какой особенной «русской идее» Грэй не ведал ни сном, ни духом, просто в глубинах его сознания зацепилось когда-то за случайный крючок памяти это чарующее выражение. И вот, пригодилось. Ещё Грэй — к теме о России — знал припев из песенки, что залихватски исполняли казаки в одном из ресторанов: «Оч-чи ч-чёр-ны-е, оч-чи страс-стны-е, оч-чи жгуч-чи-е и прек-крас-сны-е!» В трудные минуты, кои во множестве возникали когда-то во время боевых полётов, Грэй напевал для успокоения именно эти огнеподобные слоги, сделанные на угловатом для певческого языка наречии. На этом его тогдашние познания о далёкой заснеженной стране заканчивались.

В кабинете мужа его оставили одного — расслабиться с дороги. Грэй обнаружил в одном из шкафов небольшой бар и приступил

к отдыху немедленно. Когда и без того лёгкое настроение полегчало до эфирного состояния, Грэй воспарил взглядом по стенам и полочкам… С нецветных, очевидно, очень старых фотопортретов на него взирали обитатели прошлого: мужчины в военной форме, группы людей с винтовками, чьи-то семейные портреты на фоне нарисованной кич-жизни, надменно-самодовольные глаза дам в шляпах со страусиными перьями, навсегда застывшая перед объективом детская удивлённость, а также пейзажи какого-то деревянного города с торчащим из него каменными перстами — колокольнями храмов. Почти все мужчины на фотографиях были обуты в сапоги.

Грэй с удовлетворением посмотрел на свою, такую же, обувь и откаблучил несколько тактов степа.

— Наши пришли, ребята!

— Что-нибудь нужно? — Котёночек заглянула в дверь. Казалось, она специально стояла рядом и только ждала повода, чтобы заглянуть.

— Для чего эти железные кресты? Это оружие русских ниндзя?

— Это награды. Вы можете присесть в кресло мужа за рабочим столом, а я, если хотите, расскажу историю вещей. Здесь много интересного. Хотите?

— Хочу… Ты очень… — Грэй уже сильно опьянел. Слово «хочу» предназначалось не вещам, а женщине. Она стерпела бестактность. Сняла со стены кривую шашку и эффектно обнажила дугообразное лезвие.

— Я правильно поняла ваше желание? Вас очень интересует история? — слово «очень» она произнесла с нажимом.

— Ты просто читаешь мои мысли! — воскликнул Грэй. На этом язык взаимных намёков иссяк.

Он приземлился в указанное кресло, руки удобно сами легли на мягкие подлокотники. Кресло писателя чем-то напоминало кресло военного пилота: в меру жёсткое и в меру мягкое. Автоматически заработала мышечная память — тело напружинилось и напряглось, готовясь к стартовым перегрузкам. Грэй усмехнулся и эта усмешка не ускользнула от внимательной женщины.

— Что-то не так?

— Всё нормально, Котёночек. Я — летаю.

Она поняла его по-своему и тоже усмехнулась.

Кабинет был насыщен раритетами. В специальном стеклянном шкафу хранилась даже старинная военная форма. Шкафы из тёмного дерева поднимались до потолка, на полках дружными и плотными рядами теснились, как солдаты в парадном строю, корешки журналов и книг.

— Странно, что в таком окружении твой муж писал фэнтэзи. Здесь создана обстановка, скорее, подходящая для реставрации прошлого,

а не для конструирования будущего. Для эксгумации памяти, так сказать, — не удержался от ёрничества Грэй.

— А с чего вы решили, что он моделировал будущее? Он… он был необычный. Муж относился к написанию слов на бумаге очень серьёзно, как все русские. Он считал, что классический жанр фэнтези — это ерунда, которая живет недолго, как бабочка-однодневка. Он при случае любил выкладывать коллегам риторические вопросы-ответы: что лежит в основе коммерческой фантазийной литературы, например? — всего лишь голая выдумка, а чтобы она была лучше узнана покупателями иллюзий, её щедро осыпают земными вещественными соблазнами: сексом, убийствами, техническим или мистическим запредельем… Реальная жизнь — совсем другое пространство: она никогда не опирается на выдумку. Так он считал. Он был большим реалистом. А потому писал иначе: в основе сюжета всегда держал правдивые события, но достраивал к ним до-выдуманные действия. Экстраполировал настоящее не во времени, а в пространстве идей. По-сути, он действовал как социотехнолог будущего, предлагающий жизни варианты её развития. А лучше всего для решения такой задачи подходит, между прочим, не научный, а литературный язык. Жизнь он называл «вьюнком», а труд писателя сравнивал с трудом садовника, натягивающего опорные нити для растений.

— Так-так, где-то я уже слышал эту теорию…

— Муж считал, что природа земли теряет свою душу. И это происходит из-за людей. Именно тогда муж придумал способ описывать реальное настоящее — в будущем. Знаете, Грэй, я так долго жила рядом с этим, что сама стала многое чувствовать и понимать иначе. Мечтатели нужны для завтрашнего дня, Грэй, иначе завтрашняя жизнь не будет иметь смысла.

Женщина подошла к бару и опрокинула в себя залпом приличную порцию неразбавленной водки.

— Ого! — с восхищением воскликнул Грэй, который больше осматривал говорящую, чем слушал её. — Знакомые речи! Твой муж заразил тебя «русским геном».

— Чем?

— Неизлечимой болезнью третьего глаза. Философским трудоголизмом. Котёночек! Ты — несчастный человек. Женщина, которая способна произносить умные речи, не может быть счастлива в принципе.

— Почему?!

— Потому что интеллект не имеет пола. А не хочешь ли ты поглупеть на полчасика прямо сейчас? Эй, киска?

Она не отреагировала. Выпила ещё подряд две порции. Грэй округлил глаза и, похоже, забеспокоился теперь сам.

— Ты не разбуянишься?

— Вы мне понравились, Грэй, но спать вместе мы не будем. Он — здесь!!!

— Кто?

— Хозяин этого кабинета. Прекратите оглядываться! Он всегда здесь. И я дала ему клятву… Он всегда говорил мне: нельзя разбрасывать семена там, где нет почвы, и бессмысленно натягивать опорные нити там, где семена не прорастут.

— Котёночек! А ты и твой муж, вы бывали в России?

— Нет, никогда. Почему вы об этом спрашиваете?

— А х.., пардон, его знает!

Со следующего дня Грэй начал посещать курсы, они проходили в сельской местности, поэтому все приезжие для удобства и жили там же. В дом к Котёночку Грэй вернулся лишь накануне своего отъезда.

Осматривать в оставшееся время пребывания местные достопримечательности Грэй отказался. Ни музей-форт русских, ни коммерческий дом их общины, ни встреча со священнослужителем его не прельщали. Он отлично выспался прямо в кабинете, на широком диване, в окружении теней прошлого и под присмотром духа усопшего мужа. Умывшись, он просто прогулялся до залива, поглазел на знаменитый мост, в строительстве которого по преданиям участвовали эмигранты-русские, и вернулся обратно.

— Почему вы отказываетесь от экскурсий? Вы же ничего этого не видели и не знаете русской культуры на земле Калифорнии. Грэй, вы…

— Знаешь, Котёночек, русские, если честно, терпеть не могут встречаться с чем-то новым на трезвую голову. Я не поеду.

Она задумалась. Потом подошла к нему близко, долго и внимательно изучала глуповатую в этот момент физиономию Грэя.

— Хорошо. В вас есть сила и упрямство монаха. Наверное, это к лучшему. Хорошо, пусть будет по-вашему.

— Хотите выпить?

— А ты?

Они плавно начали процесс опохмелки в саду. Грэй нашел в кабинете мужа подходящие карандаши, лист плотной бумаги и — размером с пельменную доску — атлас русских дорог, на котором и устроился рисовать портрет хозяйки. Она была польщена неожиданным предложением и охотно беседовала, кокетливо играя глазками.

— Вы, русские, помешаны на идее своей особости и это сильно задержало ваше развитие. Вы любите распространяться вширь, как мох, завоёвывая новые пространства ради их завоевания. Вертикальный прирост общего уровня жизни вам всё ещё неведом. Кроме отдельных исторических исполинов…

— Я слишком давно не был в России, — невозмутимо осадил её излияния Грэй.

— Понимаю вас, очень хорошо понимаю. Мои мнения, собственно, — это мнения других, которые я сумела собрать и запомнить. Мы ведь состоим друг из друга, не правда ли? Подражаем друг другу, копируем чужие мысли, поведение, чувства… Значит, можно создать новые образцы для копирования. И хорошие, и плохие. Вы согласны?

— Угу.

Карандаш в руках Грэя шуршал и постукивал своим чёрным наконечником по бумаге. Художник поглядывал на натуру, откидывался от будущего произведения назад, хмурил лоб и снова поглядывал на натуру — карандаш шуршал и стучал, шуршал и стучал… Всякий, кому доводилось быть моделью, знает это чувство: художник взглядом тебя раздевает, ощупывает, как геолог-первопроходец девственную поверхность неизвестных холмов и впадин лица, рук, плеч… ничего вроде бы не трогает, а узнает в итоге самое потаённое — глубины натуры. Настоящие рисовальщики очень властно ухватывают в человеке то, что бывает скрыто от всех прочих — характер души. Интимность таких сеансов безусловна. Рисовать женщину можно, только уединившись с ней. Уличные художники профанируют интимность, они отражают и удовлетворяют лишь запросы самолюбия. Поскольку правду никто никогда не покупал. В настоящем её всегда лишь предавали. А товаром правда становилась по прошествии веков, так же, как и всякая несвоевременная истина — искусство.

Невидимые прикосновения и проникновение внутрь её существа женщине были очень приятны. Она скучала по мужскому вниманию.

— Грэй, вы — милашка!

Но теперь уже негр был неприступен. У него уже имелся в запасе печальный опыт близкого общения с одной «продвинутой» индуисткой. Она притащила ночью в постель настоящую живую кобру. Два года после этого Грэй лечился от импотенции.

— Угу.

— Грэ-эй! Почему вы не любопытны?

— На земле нет новизны. Новости закончились несколько тысяч лет назад, — изрёк негр, припоминая бредовые мысли Духа, коими тот сорил направо и налево. — Всё, что существует на земле, не может применить к себе статус «нового». Любопытство умерло. Голодной смертью, мадам. В мире развелось слишком много умников, пожирающих интеллектуальные отходы друг друга.

— Вы не так глупы, как кажетесь. Или хотите казаться.

— Угу.

— Знаете, многие люди стали говорить одинаково, думать одинаково, даже мистический опыт имеет сегодня невероятные совпадения на всех континентах! Что вы по этому поводу думаете?

— Русские замышляют всемирную революцию. Духовную, на сей раз. Всем будет приказано думать о жизни и смерти. До тех пор, пока не наступит всеобщее счастье.

— Вы оригинал!

— Как все русские. Гордиться нам больше нечем.

— О! Эти слова муж тоже произносил!

Карандаш шуршал-постукивал по листу ещё некоторое время. Наконец, Грэй встал и развернул лист, показывая модели то, что получилось. Женщина подскочила, как будто снизу её подбросил вонзившийся куда надо коготь самого дьявола. Она была в восторге.

— Грэй! Вы увидели самое главное! В сеансах ребёфинга, которые и я иногда для профилактики прохожу, мой образ — рыба. В прошлой своей жизни я была рыбой!

На белизне листа Грэй изобразил грудастую русалку с лицом восхищённой натурщицы. Русалка держала на руках русалку-ребёночка, мужские черты и оттенок лица которого свидетельствовали о несомненной его принадлежности к водяным негритянской расы. Над головами существ парили острые, как бритвы, нитевидные нимбы.

В кабинете между двумя, вавилонских размеров, книжными шкафами притаился сейф, замаскированный под фальш-полку с книгами. Над сейфом, в образовавшейся нише висел какой-то выцветший флаг.

— Твой муж был фетишистом?

— Скорее, пылесосом. Он собирал всевозможные вещи на земле. Концентрировал их. Они каким-то образом помогали ему сочинять литературные небылицы. Он считал, что человеческая память — это продолжение тела, и когда наступает физическая смерть, то можно, если постараться, «продолжиться» в коллективной памяти потомков. И наоборот: любое тело на земле — плод всех предыдущих памятей жизни, которые можно извлечь из тела, как из архива. В этой части я полностью разделяю его воззрения.

Котёночек принесла ключ от сейфа и открыла Сим-Сим. Внутри насыпного железного ящика было одиноко. Здесь не хранились пачки денег и не было россыпи бриллиантов, как ожидалось. В верхнем отделении источали запах плесени и пыли несколько пакетов с бумагами, да дремала рядышком куча сверх-сверхстарых и сверх-сверхветхих фото. А в нижнем — стоял портфель-дипломат, с виду ничем не примечательный.

— Деточка, сколько же бедняге было, когда его… не стало?

— В последний раз он говорил, что ему исполнилось девятьсот шестьдесят два.

— А что было написано в водительских правах?

— Тридцать восемь. Он был старше меня на шесть лет.

— И его похитили пришельцы?

— Нет, Грэй, нет. Ему очень нравилось жить. Обыкновенная авария на дороге.

В нижнем глубоком отделении сейфа хранился кейс-дипломат. Женщина подала его Грэю.

— Попробуйте. Это вы увезёте с собой.

— Что? Ядерный чемоданчик?

Грэй взял увесистый кейс в руку.

— Откройте, — Котёночек улыбалась.

В кейсе лежал старый полотняный мешок, в котором Грэй обнаружил… землю. Обыкновенную землю, взятую из-под ног или с чьих-то огородов, только очень уж сухую.

— Что это?! Гашиш? Опиум?

Выяснилось, что многие эмигранты, давным-давно, спасаясь от доморощенной русской смерти, вывозили и «горсточку Родины» — землю. Умирая, старики ссыпали разрозненные, никому теперь не нужные горсточки, в единый мешок. И вот…

— Что я должен сделать? Потрястись, проникнуться и протрубить о вашем подарке на весь белый свет?

— Нет. Вы вернётесь в Город и развеете эту землю там, откуда она появилась. Это, собственно, завещание мужа. А вас — Бог послал.

— Если на таможне в меня выстрелят, я закроюсь этим щитом. Вспышка будет не хуже ядерной.

— Мелкую кладь не проверяют. Вы ведь не состоите на учёте у Интерпола как наркокурьер? Нынешние границы на земле весьма условны. Большинство развитых государств охраняют сегодня границы в невидимых областях — берегут перемещаемую информацию, оценивают риск ментальных вторжений и культивируют этнокультуру. Путешествующие клоуны их не интересуют.

Грэй в разноцветной одежде, в сапогах и впрямь мог запросто сойти за гастролирующего лицедея — такие всегда шлялись по свету тысячами; толпа им подавала кто чем мог, а милость законников была самой щедрой — клоунов за людей они не считали и смотрели на них сквозь пальцы, как на шатающихся неведомо откуда и куда дворняжек.

— Добрые и дураки всегда притягивают приключения на свою голову.

— Грэй, за что вы пытаетесь меня оскорбить?

— Котёночек, успокойся, я говорил о себе.

Он опять кое-что вспомнил из теорий закадычного своего друга, Духа. Где-то он сейчас? Говорит своими намёками и загадками, гуляя с девочкой Ро? Они похожи. Ро тоже ведёт себя как агент-наблюдатель… Дух очень ценил всякие способы отстранённого наблюдения себя самого в жизни. Одним из них была практика «смотреть ОТТУДА».

Дух утверждал, что у всех, кто мечен «русским геном», способность наблюдать себя, как бы уже умерев, присутствует в качестве врождённого свойства. Те, кто этого не понимает, мучаются и стремятся соединить координаты своего физического существования с метафизической точкой наблюдения. А те, кто обуздал необычную «точку зрения», находятся в очень выгодном положении — любое местное (в смысле земное) враньё с этой дистанции становится явным до самоочевидности. Эти господа живут интересно, но с превеликим трудом вписываются в систему будней.

— Мне кажется, что твой парень смотрел на всё именно оттуда…

— Да. Он сделал открытие. Оно неофициальное. Я вкратце расскажу вам. Муж исследовал состояние и пристрастия людей. Он отсканировал несколько десятков поколений, живших до нас. Свидетельств и документов осталось довольно-таки много и недостатка в статистическом материале не было. Качественный и сравнительный анализ таблиц дал ошеломляющий результат. С того самого момента, как в этих местах появились русские, кое-что кардинально изменилось. Не догадываетесь, что резко уменьшилось, а что резко вдруг увеличилось? Конфликтность населения упала почти до нуля, а кривая, отражающая склонность к досрочному сходу с жизненной дистанции, поползла вдруг вверх… Наверное, это — совпадение, сказали ему. Позже, именно в Калифорнийской долине, зародилось движение «счастливых овец», хиппи. Тоже случайность? Здесь образовалась вдруг, ни с того, ни с сего, мировая мекка психиатров, психотерапевтов, магов и экстрасенсов, контактёров или свихнутых каким-то иным образом. Почему? Скажите, почему они проводят свои замороченные семинары именно здесь? Мой муж нашёл ответ! После прихода русских в этих местах стал очень ярко проявляться геопсихический феномен: любые конфликты в локально обозначенной зоне вязли, как маятник в густой смоле. В том числе, заметьте, конфликты внутренние. Этот феномен — природный храм. Здесь образовался «естественный столп покойного духа». И это сразу же почувствовали и неуравновешенные, и те, кто работает с пограничными состояниями человеческой психики. Здесь до чёрта пасётся всяких НЛО. Уфологи просто урчат в Калифорнии от своего ведьмачьего удовольствия.

— Вашему мужу никто не поверил и тогда он написал литературно-фантастический вариант своих исследований?

— Да.

— Книгу раскупили?

— Молниеносно! Поначалу муж очень радовался этому. А потом… Он надеялся на ответную реакцию, на возможных единомышленников, на критику, на реакцию злопыхателей, наконец. Ничего! Ни одного звонка, ни одного письма или посетителя. Он был страшно угнетён. А после этого вскоре и погиб.

Последний день общения проходил в относительной трезвости. Женщина была интересной и глушить перманентное состояние скуки спиртным Грэю не хотелось. К тому же она пообещала ближе к вечеру провести с Грэем персональный сеанс ребёфинга, клятвенно заверив его, что кислородное перенасыщение не является средством кодирования от алкоголизма. Только галлюцинации. Для сеанса трезвость являлась обязательным требованием. Грэй не стал спорить и, широко зевнув, согласился.

— Кажется, я понимаю, почему не было откликов.

— Почему?

— Потому что для американского стандарта нормальность превыше всего. Контакт с «психом» может сильно подорвать репутацию, испортить карьеру и весь бизнес.

— У русских не так?

— Близко не лежало! Русские как раз превыше всего ценят психов. Таких как я, например. Огромное общество русских психов делает тебя невидимым и абсолютно свободным. В России всё всегда наоборот, там больше всего боятся «нормальных» — именно они угрожают свободе, потому что стремятся к прозрачной экономике и законопослушности.

— Это очень интересные сравнения. Где вас так просветили, Грэй?

— В армии, мэм.

Реальная, повседневная жизнь — это капельница в палате судьбы: по капле текут рубли и доллары, по капле копится наш опыт, по капле мы складываем в сердце любовь и ненависть. Какая утомительная процедура… Неужели нельзя превратить жизнь в поток? Можно!

— Дышите, Грэй, дышите, глубоко и не сбавляя ритма. Дышите! Дышите!

Для проведения сеанса Грэй предпочёл раздеться. Он лежал на полумягком ковре, на боку. На случай нервного озноба мастер заготовила одеяло. Звучала ритмичная музыка. Погружение в транс продолжалось довольно долго. Котёночек властно командовала и одновременно ассистировала.

— Дышите! Дышите! Дышите!

Сначала Грэю показалось, что он сильно разогнался на своем истребителе, а взлететь никак не может — только иногда «подныривает в небо», а там светло-светло! Потом он обнаружил себя летящим на очень малой высоте, на огромной скорости, — здесь Грэй иногда вдруг резко уходил вниз и «подныривал в землю», становилось на секунду-другую темно. В какой-то миг Грэй понял всем своим существом: никакие это ни земля и не небо! Это — мир! Он неделимый! Он существует, потому что он есть. В нём нет времени. А «ныряния» — это его, Грэя, жизнь: в мире действий и мире образов.

Мир завертелся и завихрился, а потом, вдруг, стал очень чётким. И Грэй — увидел.

...Он кричал, находясь в какой-то очень нервной гуще людей. Он пытался бросить камнем в человека, выступающего перед толпой. Кричали все. Люди были одеты в рабочие комбинезоны и длиннополые солдатские шинели неизвестного образца. Многих Грэй знал лично и чувство коллективной ярости сближало его с ними ещё плотнее. Послышались выстрелы. Грэй обнаружил себя бегущим всё в той же толпе, но теперь ярость толпы колыхалась не столь бесформенно, как раньше, — она сузилась и впилась в понятную цель: у взломанных дверей кирпичного склада товарищи Грэя выдавали промасленные винтовки. Грэй получил свою и сразу очутился за городом, лежащим в какой-то канаве, трясущийся от холода и страха, а прямо на него двигалось железное чудовище, изрыгающее пламя и грохот, — бронепоезд.

...Страшно болела голова. Грэй ощупал её и расстроился: голову охватывала марлевая повязка, насквозь пропитанная засохшей кровью. Перед Грэем в гробах лежали люди, а могучий бас-баритон, человек в золотых одеяниях, ходил между гробами и пел, помахивая каким-то дымарём. Сначала Грэй решил, что это — рай и что он попал на сортировку. Но, с усилием переведя взгляд вдаль, убедился в ошибке: перед ним расстилался, как на ладони, деревянный Город, посреди которого, как паук, лежал дымящийся некрасивый завод. Закатное солнце, отражаясь в воде большого водоёма, слепило глаза. Болела не только голова — сердце разрывалось от тоски. Грэй вспомнил, что уже несколько дней не видел свою семью: жену, свёкра и шестерых детей.

...Лёд на реке был очень тонкий... Они проиграли и уходили, отупев от упрямства и горя. К ним присоединился соседний военный городок. Подводы с лошадьми везли боеприпасы, раненых и заводские станки, на которых рабочие точили детали для ружей прямо в пути. Другие подводы были нагружены скарбом, уныло тащились за подводами коровы, бабы и дети. Немыслимая процессия вышла на берег едва вставшей на зиму реки — широкой и очень глубокой. Сзади по обозам стреляли преследователи. Военные руководили старались обеспечить быстрейшую переправу, надеясь на той стороне реки оторваться от врага. Ах, почему лёд на реке был таким слабым?! На глазах у Грэя телега с конём, шестью укутанными его детьми, женой и свёкром ушла под лёд — вскрикнуть успел только свёкор, увлекаемый бурлящим чёрным течением туда, откуда не возвращаются. Тут и там на льду зияли подобные же промоины. Люди хаотично бежали к другому берегу. Ружейные хлопки сзади усиливались, пули чиркали по речному льду и, не найдя жертвы, рикошетом улетали искать её дальше — среди

тех, кто уже переправился… Сзади ударили орудия. В гибель детей не хотелось верить. Грей взвыл так, что затрещала грудная клетка!

…Душа огрубела и стала нечувствительной к смерти вокруг. Правда, её еще волновали воспоминания и сентиментальности. Но смерть — нет. Смерть была её работой. Точно так же огрубели души других людей, тех, кто стрелял в Грэя и его товарищей. Сентиментальность и смерть царили вокруг. Однажды в безвыходной ситуации они пошли в психическую атаку — в парадной одежде, в полный рост, не унижая свой могучий дух презренной защитой тела или огнестрельными ответами — выстрелом на выстрел. Их убивали, а они пополняли зияющие ряды первых и шли, шли, шли…

…Моста не было. Грэй умел строить мосты. И командир, человек породистый, благородный, собрал из солдат и офицеров бригаду, которая командовала восстановлением переправы. Это было в Сибири. Местные жители не приходили смотреть, как продвигается работа, знали: отступающая армия уйдёт — мост опять взорвут. Армия переправилась. Взрывать мост командир запретил. Впервые за много последних месяцев у Грэя было хорошее настроение.

…Следующая картина, выплывшая перед глазами, заставила Грэя скрежетать зубами. В каком-то убогом сарае на веревке болтался его друг. Сам Грэй возвращался назад, через кордоны — в Сибирь; и ему, и ещё нескольким тысячам поверивших, обещали амнистию и свободу. Всё было кончено. Тех, кто остался, окружали китайцы, живущие едва ли не в самой бедной своей провинции. Грэй курил опиум и играл в карты, а когда случалось посещать притоны, не брезговал местными проститутками. Уже несколько раз он участвовал в разбойных грабежах и чувствовал, что вот-вот его схватят желтолицые, будут сначала изощрённо пытать, а потом с наслаждением убьют. Бывшие боевые командиры стрелялись. У кого была возможность — садились на корабли и бежали в Америку. У Грэя не было ни денег, ни связей, — он выбрал возвращение. Последнее, что ему запомнилось, — это рота старательных солдат, целящаяся в него из винтовок, в которых Грэю был знаком каждый винтик и каждая пружинка. Команды «Пли!» уши Грэя расслышать не успели, но горячий толчок в грудь он почувствовал всем сердцем. Темнота и тишина вдруг слились воедино.

…А потом — сердце отпустило. Он снова перепрыгнул в хорошее время и очень тому обрадовался. Звонили колокола, окна в избе были по-весеннему чисты, на столе стояло мясо, вино и блюдо с крашеными яйцами. Дед, надевший по случаю праздника почётный свой кафтан знатного заводского человека, восседал во главе стола и покрывал своих многочисленных чад добрейшими взглядами. Было так хорошо, что

хотелось плакать. И Грэй заплакал. К нему тут же подошли, стали утешать, дали цветную игрушку. Грэй мгновенно развеселился. Он хохотал взахлёб. И вместе с ним хохотали люди за столом, славно улыбался в бороду дед, хохотали иконы в углу, хохотал дурак-самовар на столе, заливалось хохотом пасхальное солнце за окном! Ха-ха-ха!!!

...Из галлюцинаций Грэй выбрался так же, как дрессированный дельфин выпрыгивает из воды, — мощным рывком. Помогла привычка силою воли преодолевать мороку похмелий. Сердце бешено колотилось. И, что хуже всего, он во всех подробностях помнил пережитый кошмар. Тем не менее, Грэй-сон возвращался в Грэя-человека.

Тут-то Грэй-человек, окончательно придя в сознание, и обнаружил сюрприз. Котёночек, раздевшись донага, восседала на нём, постанывая. И уже всё получилось.

— Прости меня! — сказала Котёночек, но Грэй и не думал на неё сердиться. Он просто был слегка удивлён эксцентричностью изголодавшейся дамы.

— У тебя кобра есть? — задал он вопрос.

— Какая кобра?

— Змея. Очень ядовитая. Есть?

— Нет, конечно... — ничего не понимая, ответила мастер ребёфинга.

— Это очень хорошо! — произнёс Грэй и с дикостью африканского мавра набросился на женщину, у которой нет кобры.

— Что ты... Что вы со мной делаете?!

— То же самое. Только уже при собственной памяти. Веришь ли, я только что вернулся с того света! Обещаю: у нас будет неземной секс!

Сеанс ребёфинга продолжался до глубокой ночи.

Перед тем, как заснуть, он спросил её.

— Что это было со мной? Отравление?

— Нет. Ты вернулся в самую недожитую из своих прежних жизней.

— У меня нет прошлых жизней, киса.

Она прильнула к его плечу.

— Есть. В изменённом состоянии сознания ты говорил и матерился... по-русски.

— Я и так говорю и матерюсь по-русски!

— Грэй! Я хочу тебе сказать: горькое прошлое — это хорошее лекарство.

— А горькое будущее?

— Яд.

Никакой триумфальности.

По дороге в аэропорт они заехали в небольшую русскую церквушку, зашли внутрь. Их встретил человек с бородой и глазками, утоп-

ленными в ласковом маслице. Он с изумлением осмотрел экстравагантную пару — Грэй наотрез отказался сменить свой клоунский наряд на цивильный костюм.

— Венчай, мудила, да поскорее! — миролюбиво, но настойчиво предложил священнослужителю Грэй. И достал деньги.

Сначала батюшка хотел немедленно позвонить в полицию, но вовремя сообразил: непонятный случай бросит нежелательную тень на его безупречную службу. От нахлынувшего страха: «Сатана!» — человек с бородой испытал сильнейшую жажду молиться, такую сильную, о какой писано лишь в древних книгах о житии святых. Батюшка повалился перед Грэем на колени и в исступлении запричитал о грехах людских.

Экспресс-венчание проходило в умильных слезах.

Место первого класса в салоне аэробуса кому хочешь поднимет настроение на недосягаемую высоту. У нашего путешественника оно, действительно, было самым лучшим.

Котёночек израсходовала за одну ночь весь вдовий запас слов и ласк. И теперь просто ждала, когда её новорастущая «душа» — Грэй — исчезнет.

— Не волнуйся. Я спасу Россию! — сказал ей Грэй на прощанье.

— Ты спасёшь Россию, — как эхо, повторила она.

Содрогаясь от смеха, Грэй, не оглядываясь, стал подниматься по трапу-рукаву, ведущему к самолёту. Со спины можно было бы подумать, что человек рыдает от невыносимых мук прощания. Грэю было смешно: американцы, как клоны, воспитаны на образе героя-одиночки, героя-победителя, спасающего целую нацию. А русские? Эта мысль-перевёртыш выскочила откуда-то сама по себе. Русские?! Он вспомнил жуткую убедительность вчерашних галлюцинаций. И опять засмеялся: русские воспитаны на образе героя-страдальца.

Женщина с благодарностью гладила взглядом спину поднимающемуся по трапу мавру, одетому в ужасный наряд какаду, сжимающему в черном кулаке потяжелевший рюкзачок с оригинальной начинкой — русской землёй, возвращающейся назад.

ДОМ ГОБЛИНА И РО

— Гоблин! У тебя в доме висят иконы. Бог укусит тебя за голову и съест твой мозг.

— Чувствуется школа твоего наставника, Ро. Это он тебе сказал, что Бог кусачий?

— Фи! Я и без него это знала!

Полигон был для Ро совсем не интересен, подземелья и запах свезённого отовсюду навоза для чуткого носика Ро были невыносимы, и когда она появлялась в этих местах, то сразу же пряталась-исчезала в фермерском доме. Гоблин к девочке относился ровно, а его жена-стряпушка звонкий колокольчик на резвых ножках просто обожала.

— Бабуля, а ты была красивой в молодости?

— Была.

— Как кто? Как Снегурочка?

— Как невеста из теста!

Русская доброта развращает. Бабушка глаз не сводила с непоседы, трогала её косички, водила смотреть на нутрий, кормила шанежками, показывала Ро, как топится баня, доверяла пасти гусят, читала ей русские сказки и осыпала доверчивое детское внимание присказками-бормоталками. Впервые в жизни Ро ощутила, что она — центр Вселенной! Что взрослые созданы исключительно лишь для того, чтобы угождать ей, ублажать и считаться с её желаниями. Русская доброта была как водка. Чрезмерное употребление которой вело к деградации. Родителям и старикам в России традиционно не хватало собственной жизни и они «жили детьми», любя их, как своих куколок. Гипертрофированная забота — старческий эгоизм — легко превращался в детский эгоцентризм.

— Ты неправильно меня любишь! — заявила однажды Ро после дня, проведённого в доме Гоблина.

История дочери фермерской семьи была мало кому известна в округе. Дочь звали Надежда, она была единственным ребёнком и с детства её окружала любовь матери и потакания отца. Когда дочь выросла и вышла замуж, она начала изводить мужа требованиями в свой адрес. Муж ушёл. Остался ребёнок, мальчик. Мать истерично любила малыша и потакала ему так, как будто яростно мстила за своё несбывшееся счастье. В двенадцать лет пацан попытался освободиться от оков материнской заботы — любовь матери к «собственному» ребёнку мигом превратилась в ненависть к ещё одному самостоятельному чужаку. Началась ежедневная битва. Она орала и угрожала, не давала пищи и закрывала дверь на ключ. Он выбрасывал вещи из окна, бил посуду, орал на мать встречно и даже несколько раз поджигал квартиру. Она нашла выход — стала горько пить. Через два года она, не победив, повесилась. После похорон парня как подменили: он стал взрослым, рассудительным и спокойным. В пятнадцать лет пацан уже работал и учился, жил в квартире один и нареканий от соседей не слышал. К деду Гоблину и добрейшей бабке-стряпушке — ни ногой!

— Значит, Богу так было угодно! — утешал себя Гоблин, с маху вгоняя вилы в компостную кучу.

ЧЕРВИ

Бизнес Грэя набирал обороты в режиме взлётного форсажа.

Узнав о комедиантском венчании Грэя, Гоблин аж заурчал от удовольствия. Набожность фермера-шипуна имела неясное происхождение; она не была похожа на всенародную повальную поверхностную моду божиться и креститься, охватившую печальную страну, как психическая эпидемия. Можно было лишь догадываться, что Гоблин пришёл к своему Богу, чудом уйдя целым и почти невредимым от радиационной гибели в прошлом и от чего-то ещё. Бога он назначил автором своего спасения, а заодно, и произвёл его в покровители будущего. Русские верили охотнее, чем думали. Что ж, легче лёгкого было присвоить внушённым образам статус сверхъестественного и далее — лишь поддерживать приятное впечатление личной причастности к сверхъестественной причине. Главное, поучали «уловленных» пастыри, — не «мудровать», не ставить точную науку превыше неточных предчувствий и суеверий… В собственных религиях многих народов, выросших из собственного язычества, причина и следствие были свинчены друг с другом до тугой затяжки. В русском варианте византийская религия-приёмыш, погубившая и изведшая языческий фундамент славян, сильно лукавила: причину-жизнь сильные мира сего содержали в соответствии с запросами текущего госзаказа и политрекламы, а следствие-счастье можно было получить только после смерти… Гаечку людской души холопов с болтиком её плоти духовные отцы нации хранили раздельно: вечное — в вечном, временное — во временном. Человек, как уникальное хранилище и того, и другого, в расчёт не брался.

Гоблин научил Грэя читать над червями «Отче наш», креститься правой рукой и убедил повесить в обеих штольнях по иконе. Практичный Грэй не преминул заметить: от молитвы черви в «этажерках» и на «подвижных грядках» — специальных ящиках, заполненных отходами, — работали веселее, они с энтузиазмом соревновались: кто лучше и кто больше превратит дерьмо в золото.

Священную землю русских предков Грэй рассыпал по кормушкам, в которых трудились калифорнийские черви.

Грэй установил в штольнях мощное электроосвещение, в верхней выделил для кормления и разведения червей утеплённую секцию и установил автоматические теплоагрегаты и вентиляцию. Двухнедельный курс-интенсив не прошёл даром. Грэй, в отличие от аборигенов, не занимался слепой самодеятельностью и поэтому не делал ошибок. Он привёз литературу и теперь вместе с Гоблином читал чертежи, задумывался над таблицами, иногда звонил в американский Центр плодородия,

советуясь в деталях производства. Гоблин только диву давался: пластичность и лёгкость натуры Грэя в одночасье превратили лётчика-пенсионера в завзятого мастера по земле и экологии. Алкоголь ничуть не мешал Грэю трудиться на все сто. Он почти всегда ходил «под газом», но это только добавляло энергии его трудовому накалу; Грэя ни разу не видели пьяным по-русски — до свинства, до потери разума, до забвения всех проблем.

— Россия — это белая Африка! — любил говаривать Грэй. Сорокаградусный «Снайпер» компенсировал ему разницу материковых температур.

Грэй, как исконный крестьянин, вставал очень рано и работал до позднего вечера. Гоблин стал его незаменимым партнёром. Одному с немалыми плантациями ежедневно подрастающих шампиньонов справиться было бы трудно. Да и «этажерки» червей требовали немалого внимания. Грэй время от времени на своём грузовичке уезжал в «глубинку» за сырьём. Размеры штолен позволяли наращивать начатое производство, казалось, до бесконечности. Были бы силы. Во время отъездов Грэя Гоблин безупречно поддерживал жизнь подземного хозяйства.

На рынках и в магазинах Города появились свежие грибы.

На полигон приезжал рэкет. Гоблин что-то шепнул главарю и «ребята» растворились, будто их и не было вовсе.

— Что ты им такое наплёл? — Россия веселила Грэя в любых своих проявлениях. Ему казалось, что вся волшебная страна — бутылка с дурманом. Пей — не напьёшься! Плыви — не доплывёшь! Живи — не хочу!

— Пушкина почитал.

— Какого Пушкина?

— Калибра 7.62.

— Послушай-ка, что пишут, — Гоблин нацепил на лицо-Луну круглые очки и зашипел. — Земля — источник всей практической жизни людей. Нельзя напиться из замутнённого источника! А он сегодня даже не замутнен — загажен и испорчен. Бесплодие — расплата за эгоизм. Рациональная наша цивилизация обрекла невидимые человеческие души на голодную смерть. Следом за невидимым голодом замаячил голод видимый: бесплодной становится сама планета. Труд тех, кто пытается вернуть земле плодородие, похож на подвижничество, а речь их об этом зачастую поднимается до философского звучания. Потому что задача действий проста как на войне: выжить…

Выдался свободный, ещё не поздний, вечерок. У полюбившегося костерка сидели все вместе: Ро на коленях у Грэя, Гоблин с экологическим журналом, Дух жарил мясо.

— Человек — очень «задумчивое» существо. По-настоящему крепко он задумывается дважды: в первый раз — над тем, как создать проблему, во второй — как её решить… — Дух орудовал шампурами, приговаривая в своей обычной манере, на языке образов. — Вообще, зачем живём?! Кто-то ломает голову над этим в двадцать лет, кто-то в тридцать, кто-то никогда. Но, знаете, ближе к смертному одру число «задумчивых» заметно увеличивается…

— Блукания это всё, — отмахнулся Гоблин. — Дальше слушай: мы живём в интересное время: закончилась эпоха духовной деградации человека; следующий этап эволюционного развития — возрождение…

— Ро, ты знаешь, где живёт человечество?

— На планете Земля!

— Нет, девочка, ошибаешься, оно живёт в тебе. Не понимаешь? Если ты сама не вырастешь, не разовьёшься, то и человечество у тебя будет маленькое.

— Как… как звёздочки?

— Как пылинки.

— Черви — духовные учителя всего живого! — «Снайпер» развязал язык Грэя до панибратства. — Дух, ты ищешь какую-то несуществующую ерунду там, где её нет и быть не может, — в своих учёных ля-ля и в книгах. Дух, смысла в словах нет! Нет, понимаешь! А, знаешь, где он хранится? Здесь! — Грэй вскочил и с силой топнул по земле. — Учителя живут у тебя под ногами, они живут в земле, у них нет ничего: ни глаз, ни мыслей, ни счёта в банке. Только рот и задница. Да ещё работа. А, знаешь, где и на чём они работают? В дерьме и на дерьме! Много дерьма — много счастья. И работают будь-будь!

Грэй слегка перебрал, поэтому раздухарился чуть больше обычного.

— Это черви, Дух!

Гоблин в полголоса шипел под нос какую-то песенку и ухмылялся.

— Они умеют с тобой говорить? — спросила Ро.

— Они умеют делать то, что не умеет делать никто в мире! Малышка! Все, кто дышит, жизнь на земле превращают в гов… Да, в говно! В смерть, в отходы, в склады смерти. И только черви возвращают природе то, что возвращает ей жизнь.

— Как это? — заинтересовалась Ро.

— Червяк — это такая волшебная живая трубочка, с одного конца залезаешь в неё мёртвым, а из другого конца вылезаешь живым.

— Как золотая труба над Музеем оружия?

Мужчины от души рассмеялись.

— Ха-ха-ха! Вряд ли из той трубы выберешься целёхонек.

Гоблин поддержал просвещение.

— Дочка, червяк никогда не устаёт и не жалуется. Он сидит в своей кормушке и перерабатывает то, что ему дают.

— А почему он не уползёт на свободу из деревянного ящика? Это ведь не трудно. Он что, никогда не пробовал сбежать?

Гоблин и Грэй хитро переглянулись.

— В том-то и дело! Калифорнийский работает день и ночь. А наш — уползёт обязательно.

Иносказания ребёнок не понял.

— Так пусть они научат друг друга!

Ро знала, что после работы червей в «этажерках» и на «грядках» получался очень дорогой земляной порошок. Биогумус.

Как только отходы приобретали содержательную ценность в результате содержательной деятельности, так полезное во всех отношениях начинание Грэя сталкивалось с непреодолимым количеством каких-то надуманных препятствий. Всякое самостоятельное содержание вообще не имело в России ценности! Что же ценилось? О! Ценились шаманские танцы: и в отношениях полов, и в работе, и даже в работе учёных советов. Приветствовались также бриллиантовая пыль в глаза и комплименты в боевой раскраске. Жизнь русских была проста до натуральности; сложное содержание заимствовали у других и само умение позаимствовать приравнивалось к открытию — чужое содержание с этого момента считалось своим собственным. Жизнью управляли формы! Петушиные формы генералов, формы налоговой отчётности, формы обращения к вышестоящему начальству, формы бизнеса и формы политики. Формы появлялись раньше содержания, они были пусты и поэтому дрались и спорили друг с другом из-за того, чтобы хоть чем-то наполниться. Формализм! — Нарицательная, всеобъемлющая сила этого слова была понятна в России даже ребёнку. Настоящее содержание — крупная тяжесть. Не мудрено, что «пустых» от реального содержания коробило, оно их отвращало или даже доводило до злобного исступления. От самого тяжёлого — духовного содержания — многих вообще тошнило.

Содержательная успешность предприятия Грэя не погибла по двум причинам. Первая — бизнес-натиск был неожиданным и имел изначальную независимую финансовую опору. Вторая — русский тупик. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Ценнейший биогумус, который производили черви, «не пошёл» на местном рынке — в деревнях понять не могли, зачем «из говна говно делать», да ещё и деньги за это просить, а Город потреблял мизер продукции — лишь на цветочные горшки да на экспериментальные грядки любителей-энтузиастов.

Котёночек издалека устроила Грэю бизнес-пас в Арабские Эмираты. Гумус пошёл туда трёхтонными контейнерами как по маслу! Арабы в песчаной пустыне бурили скважины, засыпали поверхность изначальным комбинированным плодородным слоем, завозили на искусственный

оазис растения, людей и мясомолочных животных и — запускали рукотворный гомеостаз, который в дальнейшем наращивал свою массу сам только за счёт энергии солнца и старательной сообразительности людей. В каждом таком мини-рае работали два вечных двигателя — атомная электростанция и черви. Гениальный человеческий рывок открывал в безжизненной пустыне один оазис за другим. Биогумуса требовалось много, очень много. Его могли бы здесь принимать эшелонами. Платили очень хорошо и сразу. Лафа! Грэй написал письмо местному министру сельского хозяйства, чтобы тот помог придать делу государственный размах, — Россия буквально тонула в отходах и животных фекалиях: Грэй знал, как сделать из Города северный вариант Арабских Эмиратов.

У Грэя начались проблемы с контролирующими и разрешающими органами власти. Контейнеры с продукцией, так хорошо и чётко начавшие радовать исламский мир русским качеством, стали задерживаться в пути, а то и теряться вовсе. Сделать хорошего человека плохим в России очень легко — надо лишь заставить его оправдываться. От этого всепоглощающего занятия — оправдания — кончилась здесь и жизнь, и работа не у одного поколения светлых голов.

Тем не менее, счёт в банке пух и поправлялся. Грэй готов был наращивать обороты, принимать на работу людей и обучать их. Производственные перспективы, деловые связи и личный энтузиазм, казалось бы, открывали такую дорогу, по которой каждому можно было въехать на золотом велосипеде в персональный коммунизм. Дерьма в России хватило бы на всех с избытком! Но усилия Грэя были малопонятны для тех, кто торговал здесь нефтью, газом, лесом, территориями и промышленными объектами. Русские осмысленно проедали себя, наперегонки продавали и перепродавали крупную национальную недвижимость, кремлёвские «частники» присваивали стратегические объекты — целые отрасли промышленной и энергетической направленности. Всё, что можно было украсть или присвоить, называлось теперь «заработать». Само собой, лакомых кусков на всех не хватало. А тот, кто и в самом деле работал, находился в самом невыгодном положении. Грэй хохотал до упаду, когда кто-то из торговых партнёров обронил: «Работать в России очень не выгодно».

— А что выгодно?

— Быть незаметным.

Непонятное содержание всегда обуздывали через прокрустово ложе русского формализма.

Развитие червеводства ограничили сверху. Грэй, просочившийся к министру, был ошарашен услышанным тет-а-тет резюме: «Скажи

спасибо, что тебя вообще здесь терпят». Грэй попытался дать, как это было широко принято, амортизационную взятку, но в стране, к сожалению, началась очередная кампания: высшая московская коррупция объявила усиление мер борьбы со всей остальной коррупцией. Шакалы послушно поприжимали хвосты, превратившись из провинциальных ханов и бонз в воплощение чистоты и непорочности. Грэй пытался надавить на гражданскую совесть и чувство личного обогащения одновременно — бонза дрогнул и, защищаясь от искушения, пообещал вызвать охрану. Тогда Грэй призвал к двум имеющимся в кабинете душам третьего свидетеля — Господа Бога Нашего Вседержителя. Но невидимый свидетель должного эффекта тоже не произвёл. Облечённый властью, трус и мздоимец, заорал.

— Пошёл на хуй, черножопый! Сиди и не высовывайся!

Никаких официальных распоряжений в недрах сельскохозяйственного министерства не родилось, но в одночасье все ближайшие к Городу животноводческие комплексы баснословно взвинтили цены на навоз для единственного оптового покупателя — Грэя.

Грэй растерялся. Никакое перо не в силах описать того бедствия, каким животноводческие отходы являлись для полей и рек. Там, где десятилетиями разливалось зловонное жижево, уже ничего не росло. Умирали в реках бобры и раки от весенних стоков, несущих по оврагам и балкам аммиачную смерть. Плодились над зловонными морями и озёрами мухи и заразные микробы. Земля стонала от засолений и бесплодия. Сапрофаги — земляные жители, гномы плодородия — умирали навсегда. Верующие ждали Апокалипсиса сверху — он поднялся из-под ног... Грэй лично видел в одной из деревень трактор, утонувший в навозе по крышу кабины.

Развитие споткнулось. Русские пожалели своего дерьма. Грэй вынужденно ездил в дремучие северные районы, в самую глушь, отдаляясь от Города на несколько сотен километров, где русская бесхозяйственность была еще в той приятной стадии, что плевать она хотела на звонки и «настоятельные рекомендации» из центра.

Однако Грэй по-прежнему был эйфоричен. Иногда он звонил Котёночку и с увлечением рассказывал какой-нибудь очередной эпизод из русского «блядства». Котёночек заливисто хохотала и напрашивалась приехать погостить. В ответ Грэй расписывал даме прелести жизни в строительном вагончике и пугал «русским стулом» — туалетом на улице. Котёночек только взвизгивала от предчувствия экзотических удовольствий.

Ах, Грэй! Он сам, как неутомимый заморский червь, круглосуточно «пропускал через себя» патогенную русскую среду, пытаясь превратить её в пользу, упорядоченность, выгоду и радость. Русский абсурд сопротивлялся и, как дробильная горнорудная машина, молол

и, в свою очередь, ломал всякого, кто в эту машину сунуться осмеливался.

Цельную, романтическую жизнерадостность Грэя можно было разбить. Но её нельзя было уничтожить. Жизнерадостность Грэя, как разбитое зеркало, продолжало сверкать в каждом своём осколочке и отражать только то, что могло отразиться, — свет, свет и ничего, кроме света!

Предприятие Грэя, начавшее расти так мощно, требовало для себя новых вложений, новых просторов и новых шагов. Без этой перспективы оно обречено было быть одиноким карликом, как и тысячи подобных ему предприятий в стране, — беззащитным и беспомощным перед непредсказуемым произволом властей. Карликом! Как семя баобаба или секвойи, проснувшееся в цветочном горшке на подоконнике дома забулдыг... Страна не старалась сделать из своих карликов гигантов, она стремилась к обратному — всякого «высунувшегося» окорачивали и законным, и незаконным образом под одобрительное и плотоядное урчание толпы: ату его, суку! лучше других жить захотел?! Практическое, рукотворное стремление к лучшему безоговорочно осуждалось теми, кто стремился к нему лишь теоретически — в пьяной похвальбе, предвыборном вранье или молитвах. Грэй упрямо играл в «русскую рулетку» на свой, гулливерский, лад: он продолжал быть весёлым великаном в стране печальных инвалидов.

Гоблин подливал керосинчику в огонь.

— Старина, здесь принято «хранить достигнутое» и не стремиться дальше.

«Потолковое» устройство русского бытия Грэя никак не устраивало. Лбом здесь прошибали стены. Русские так привыкли. Но одна стена была абсолютно непрошибаема — та, что перекрывала свободное восходящее направление развития. Высота находилась под запретом. Высота взглядов. Высота свободы. Высота отношений.

И ещё Гоблин сказал:

— Грэй, ты отличный парень! Знаешь, хорошие люди в России не бывают богатыми.

— Знаю, знаю. Только мёртвые — лучше всех!

Работая с навозом животного происхождения, Грэй невольно стал замечать кое-что похожее и в жизни Города: как и где люди мусорят, как, где и по какому поводу они плюются. Впрочем, плевки, как национальная визитка, выдавали русских в любой стране мира. Русские начинали плевать на мир и друг в друга ещё в детском саду. А заканчивали — последним «тьфу!» уже на одре. Так проходила их «плёвая» жизнь. Русские охотно и часто употребляли слово «наплевать!» как решение проблемы — это слово играючи рубило гордиевы узлы русских

проблем не хуже меча. Наплевать! — какая торжественная и победная окончательность, какая гордость собой и своим размахом таится в устах восклицающих бяк! При помощи плевка списывается вексельная задолженность, аннулируется чья-то злодейская кровь и высыхает чей-то пот, исчезает ложь правителей и не страшат неудачи судьбы. На-пле-вать!!! Плюнуть и отвернуться — это значит в России сохранить своё здоровье и психическое равновесие. На-пле-вать! О, надо обязательно плюнуть на принципы и мораль — иначе не получится русского бизнеса. На-плевать. Не выгодно не только работать. Не выгодно жить честно.

— Плюнь ты, старик, на своих червей! Давай откроем оптовый склад сэконд-хенда! Базу! Всю область дешёвкой покроем! — советовали Грэю доброхоты с уличных базаров.

Увы, сэконд-хенд не был похож на приключение. И Грэй только дружески похлопывал советчиков по плечу.

— Подмолиться бы надо! — шутовски восклицал негр при виде Гоблина.

Вера Грэя была странноватой, если это его «приключение в себе» вообще называть «верой». То он паясничал, то, казалось, говорил вполне серьёзно. Грэй растворился в России, как алмаз чистой воды «растворяется» в стакане с водой — бутафорское в бутафорском казалось правдой. Нет, он не погружался в религиозную пучину, как устрица в желудок гурмана, попискивая и славя Глотателя. Грэй сам, отдельными, полезными для себя порциями «заглатывал» русский духомазохизм и переваривал его.

— Червь! Феноменальная тварь! Господь не зря меня привёл к деяниям на этой земле. Господь испытывает тех, кого любит, — блажил Грэй у костра.

Однажды негр привёз к входу в подземелье попа в законе. Надо было освятить предприятие. Батюшка приблизился к стальным створкам, с большим недоверием нарисовал мелом крестик на корзиночке с шампиньонами в руках обнажённой Евы, перекрестился сам и, пробурчав под нос охранное заклятие русских: «Охуеть можно!», — решительно шагнул в мрак и прохладу владений Грэя.

МАРИНАД

Продолжаю собой закат,
чтоб надеяться на восход.
Облачками игральных карт
завершается мой поход.

Превращаются в добрый дым
когти символов и вещей,
этот свет я люблю вторым, —
после первенства тьмы в душе.

Между птицами — мир пустот,
меж людьми ерунды багаж.
Окружает сплошной Восток
четвертованный шарик наш.

Я глаза выношу на балкон,
и, как смертников, славлю их!..
В дом игорный на новый кон
приведу и поставлю детей своих.

В конце лета Духу пришлось слетать на конгресс в Лондон. Он уже успел отвыкнуть от западного ритма и стиля жизни, но неделя, проведённая в Лондоне, мигом освежила все старые привычки. Теперь он возвращался — надо было вновь перепривыкать к абсурду.

Аэробус снижался. Дух, от природы обладающий высокой эстетической чувствительностью, украдкой рассматривал людей в салоне — почти все они предпочитали одинаковую цветовую гамму: чёрные костюмы, чёрные очки, чёрные штиблеты, чёрные сумки для ручной клади. Чёрное дополняли серый и белый цвета. Женщины-туристы и бизнес-леди, возвращающиеся в родной Город, мало чем отличались от мужчин по «окрасу».

В Городе всё было так же, или почти так же, как и везде: технические устройства в офисах, суетливая озабоченность, пестрота и бессовестная навязчивость рекламы — всё это было теперь для землян общим, как воздух. Правда, вновь поражали и тревожили внутренние мелочи, повседневные пустяки быта, к которым все здесь привыкли, их никто не замечал и не скрывал. Люди в Городе не изменились. Застывшее время этого места не тратило сил на вкусовой или амбициозный прогресс обитателей, оно словно знало всё наперёд и спокойно дожидалось, когда судьба Духа обежит предназначенную ей кривую и вернётся.

Аэробус зашёл на посадочную глиссаду и под крылом плавно потекли пейзажи пригорода. Из иллюминатора в отдалении был виден город-завод, сверкающая позолота трубы, водное зеркало. Раннее утро ещё не обросло достаточно крепким ветерком — за ночь над импрессионистским скопищем крыш всплыла мутная линза смога. Дух усилием воли подавил в себе вспышку раздражения и сожаления. Атмосфера этих мест не хотела чужака, она выталкивала вон всякого, беспокоящего её. А Дух был настроен решительно, он задумал кое-что

оригинальное. Он слишком хорошо знал: проигрывает тот, кто оглядывается.

— Крепкий маринад, не правда ли? — перед Духом возник Гоблин, выросший из какой-то недорисованной куклы, человек-луна. — Как долетели? Я приехал за вами. Это ваш чемодан? — он выпалил-прошипел вопросы и прочие слова, ничуть не заботясь о том, чтобы получить от собеседника ответ.

— Рад неожиданной встрече!

— Знаю.

Мужчины пожали руки. Чемодан утолкали в багажник, Гоблин завёл двигатель старой легковушки, и Дух заскользил глазами по набегающей на него ленте асфальта. Удивительно долго готовятся люди к метаморфозам в своей судьбе, а когда они всё-таки случаются, приходит удивление другого рода: до чего всё просто! Воспоминания — позади нас, и фантазии — перед нами. Если замереть и не двигаться во времени, то можно существовать вполне безопасно, словно трава: без прошлого и без будущего. Но стоит начать движение, как фантомы былого и предстоящего превращаются в пару несущихся большегрузов, рискованно летящих друг за другом нос-в-хвост. А в небольшом зазоре между ними мчится, ежесекундно рискуя упасть или быть расплющенным на ходу, отчаянный велосипедист — рекордсмен настоящего…

— Гоблин, о каком «маринаде» вы говорили? Аллегорию я понял, но не могу до конца уловить богатство сравнения. Вы поясните?

— Охотно. Для постоянных здешних жителей вы или всякий вам подобный — диковинный овощ с заморской грядки. Им не объяснить, что семена были взяты когда-то из одной общей лавки. Для большинства горожан сакраментальным «где» определяется содержательное «кто». Адаптация произойдет не по вашему сценарию, даже не надейтесь. Допустим, вы планируете осуществить дело. Значит, вам предстоит «пропитаться» всем, что «маринует» и пассивных, и активных провинциалов: борьбой с бюрократией, тоской, бессильной злостью, терпением… Думаете, вас это не коснётся? Дух, вы когда-нибудь варили маринад для консервирования овощей?

— Да, я неплохо и с удовольствием готовлю.

— Здесь вас тоже могут неплохо «приготовить». Как думаете, что произойдет со вкусом различных продуктов, если их бросить…

— Понял! Я понял! В маринад! Очень точный образ!

— Через полчаса после консервирования вы ещё сможете отличить вкус помидоров от вкуса огурца или лука, а через год — увы. Визуально вы будете определять всё правильно, а на вкус — все одинаковые.

Мужчины рассмеялись. Всякая серьёзная тема похожа на затяжной вдох. А выдох — улыбка.

Однажды Духу довелось наблюдать работу скульптора, резчика по мрамору. Пыльную, утомительную работу. В течение недели Дух во всех подробностях видел, как скульптор создавал изящную кариатиду для богатого клиента. Линии стройного женского тела и ниспадающих с него тканей буквально текли, пели, идеально сходясь и сливаясь в гармонии образа. Как и чем это достигалось? Удары молотка и резца превращались в красоту, примитивное и неодушевленное вдруг получало плоть и начинало иную, высшую жизнь. Именно эта, а не какая-то другая, кариатида существовала в воображении скульптора, и только он один, опираясь на своё упорство и ремесло, мог вызвать её в мир явленный. Случайная встреча с резчиком по камню завершилась, скульптурку продали и она исчезла. А прекрасный образ остался в памяти Духа — он перешёл из невидимого в невидимое, от внутреннего мира одного человека к такому же миру другого человека через труд, через косное вещество, в которое мастер сумел вдохнуть дерзость искусства! Духа всегда ошеломлял «автоматизм» перехода «одного в другое» и «от одного к другому». Создатели жизни на земле очень постарались: большинство непостижимых чудес выглядели столь банально, что не замечались живущими вовсе. Ещё Дух запомнил интересные пояснения мастера: «Главное — это сделать правильный заход. Если я ошибусь в линии плеча, возьму не тот угол, то линия у бедра выйдет не туда, и уже ничего не исправишь… Камень не прощает ошибок».

Ваяние собственной судьбы показалось Духу таким же, по сути, делом. К моменту зрелости становилось ясно: какие «заходы» были в юности сделаны правильно, а какие нет. Глыбу лет каждый обтачивает на свой лад — сам или с помощью других, доводит дело до конца, или разбивает в сердцах неудавшийся «шедевр».

В номере гостиницы Гоблин потянулся, разминаясь, с наслаждением хрустнули суставы. Из окна золотая труба была видна прекрасно.

— Нет ничего вечного. Кроме иллюзий, конечно! — изрёк Гоблин. — Деньги и барахло, как вы понимаете, дальше земли не утащишь. В пожилом возрасте нос разворачивается совсем по другому ветру: прежние наши декларативные заявления становятся вдруг важнейшими правилами…

— Вы говорите с самим собой в моём присутствии, значит, считаете меня своим другом? — Дух сощурил глаза.

— Что-то вроде того. О дружбе здесь говорить не принято. У друзей нет ни жёсткого устава, ни договоров между людьми. Всё держится на обещаниях самому себе. На честном слове! Только этим, пожалуй, и отличается благородство от плебейства. Вы согласны? Договоры, в традиционной их форме, применяются только как язык общения с государственной системой. Люди там, — Гоблин кивнул на Город, — изначально строят свои отношения, исходя из того, что каждый

из партнёров — потенциальный обманщик. И его следует заранее «повязать» обязательствами и всевозможными карами. Презумпция виновности заложена в фундамент отношений. Вы ведь этого не хотите?

Дух неоднократно размышлял и раньше: почему независимый человек — это всегда вызов обществу? Что позволяет удерживать идеальное среди неидеального? Словно читая его мысли, Гоблин ехидно продолжил.

— Смерть! Мне понравилась ваша мысль. Город — столица смерти. Смерть — зеркало, перед которым трудно врать. Смерть убивает лжеца изнутри. Мы ведь все живём во имя впечатлений, не правда ли? А точка нашего ухода концентрирует их, словно линза, чтобы перебросить накопленное куда-то туда…

— Ба! На своих лекциях я, знаете, говорил нечто подобное. Вы, Гоблин, не были священником?

— Нет. Бог миловал.

Если сравнивать отношения, то можно сказать, что Гоблин с Грэем сросся около червей и шампиньонов, как земля с землёй. А дружба Гоблина с Духом завязывалась сложно, но и не бантиком. В голове Духа прыгала и шалила молодая «скульптурная» мысль: жизнь человека на земле — это всего лишь «заход» на следующую линию в глыбе бытия. Поэтому смерть обязана быть безошибочной. Второй попытки, скорее всего, никто не даст.

Безделье — главное испытание для сильных. Невостребованность превращает в рухлядь даже титанов. Особенно невостребованность высших порядков.

Город ничего не требовал от людей и ничего не предлагал им. Инфраструктура Города повторяла стандартную схему поселений такого типа. Здесь компактно умещались между деревьями и блоки двух-трёхэтажных капитальных строений, и стеклянные «высотки», и чехарда престарелых деревянных изб, каждая из которых несла на себе отпечаток характера её первостроителя, и ремесленные мастерские, и оранжерейные киоски, и рестораны, и конференц-залы, и тренажёрные комнаты, и современная связь. Тем не менее, покрывало деревенской застойности ложилось здесь на каждую пылинку. Кому-то это нравилось. Непоседы же предпочитали расходовать запас своих сил и времени в буче бестолковой городской суеты, либо путешествовать по миру.

Колея, по которой земляки-подданные иных государств прикатывали обратно в Россию, была уже проторённой; лишь иногда, в зависимости от изменений в политических погодах, её «развозило» от неблагоприятных информационных осадков и скользких формуляров — в такие времена чиновничьи колёса буксовали. Но сейчас всё было нормально.

От хорошего настроения Дух однажды начал насвистывать мотивчик шансона прямо на улице. И тут же обнаружил на себе взгляды прохожих, каждый из которых «косил глаз», словно ставил на весельчака невидимое тавро: чужой! Может, Дух и преувеличивал то, что ему казалось, но, к сожалению, перестраховочный «перебор» в России слишком часто оправдывался.

Дух погружался в Город. Он ничему не мог научить этих людей, потому что они всюду и всегда были заняты другим — учили друг друга: чему подражать? Они выбрасывали из своей массы ему навстречу безымянных собеседников, которые, с трудом испустив из себя реплику-другую, бесследно исчезали, словно дым от сигареты. Они были — масса, а он был — никто. Иногда Духу становилось страшно от своей безумной затеи, от глупой самонадеянности задуманного. Изнутри его словно кто-то подталкивал: «Вперёд! Вперёд!» А человеческий разум спрашивал: «Зачем тебе это?!» Логики не было ни в первом, ни во втором случае. Дух много гулял по Городу, а вечером возвращался в свою гостиницу, расположенную недалеко от Музея истории. Быт организовался на удивление быстро. А вот жизни — не было… Дух мучился и от отсутствия научных собеседников, и от зловещего вакуума, которым была наполнена интеллектуальная городская тишина — среда культуры.

Город, Город! Кто он? Город… Его населяли «замаринованные».

— Слышь, мужик, не подскажешь, где тут оптовый склад?

— Отойдите! Мешаете!

— Дяденька, дяденька! Ну, дяденька, купи мне сигаретку.

— Здравствуйте! Вы попали в число счастливчиков, выигравших право покупки комплекта стильной одежды за полцены…

— Сегодня вас не примут, Борис Аркадьевич занят…

— Да кто вы такой?!

— …

С космической, с божественной высоты суета человеческой жизни попросту не видна — мгновениями кажутся века; как с песчаными замками, играют волны времени с камнем, железом и волей людей… Сколько минуло, сколько минет ещё! И как не стремится приземлённое зрение нашего быта обрести свободу, как не рвётся из привычных оков — приходится возвращаться, падать обратно, словно пущенный в небо камень. Тяжелы бывают проблемы. Тяжёл и взгляд. Жизнь — бесконечная драма; мужество да терпение помогают хранить горожанину любовь свою бедную.

Города рождаются на месте погибшей Природы. Каменный лес поднимается там, где шумела листва. Ах, Город! Гулкое молчание

дворов, асфальтовый панцирь дорог и площадей, дым промышленных труб и опасный спор ненасытных человеческих желаний — вот его суть. Несокрушимая мощь искусственной силы заставляла людишек гордиться собой. И рождались патриоты цивилизации, и воспитывали детей — будущих патриотов. Внутренний мир человека не берётся из ниоткуда; внешнее всегда становится внутренним. Чтобы вновь превратиться в дома и машины, в споры и отчаянье, в любовь или ненависть. Жизнь — круг. Он может быть огромным, как мир, а может сжаться до убогой самовлюблённости. Быть может всё. Это — закон Бога. Город — общий дом сотен тысяч людей — замкнутый круг пространства и времени: здесь рождаются и умирают, его превозносят и ненавидят, от него бегут и к нему же возвращаются. Город — существо. Он — порождение истории и искусного разума. Искусственность — его идол, комфорт и его «Ахиллесова пята». Только горожанин решает проблему «наоборот»: быть естественным стало — искусством… Каждая живая клеточка этого живого существа — Города — словно таит в себе неосознанное чувство вины. Перед Природой.

Психология горожанина — хищник. «Достать», «добиться», «достичь», «взять», «освоить», «приобрести», «сделать», «рассчитать», «получить выгоду», «наглядно показать» — вот к чему привык язык. Образ мысли неизбежно становится образом бытия. Редкий горожанин на вопрос: «Зачем живёшь?» — способен ответить поднятым взглядом и… правдивым молчанием.

Город — вечный ребёнок. Растущий, играющий в свои «игрушки», постигающий образование, питающийся свежими впечатлениями, пробующий новое и безжалостно охладевающий к старому. Развитие умирает, если его не окружает невидимая аура культуры, если традиции так коротки, что мало чем отличаются от сиюминутных насущных желаний. У детей ведь нет прошлого… И если они не способны принять, вместить невидимое наследие своих предков, то больше некому его нести. Так заканчивается настоящая история, остается лишь её поверхность — лицемерная имитация реальной памяти: юбилеи, празднования, почести. Время мельчает не снаружи — оно всегда мельчает в нас самих.

— Гражданин, куда вы лезете?
— Вы обязаны заплатить за домофон и за лампочку у подъезда.
— Откройте капот и багажник…
— И не вздумайте ходить в муниципальную стоматологию!
— Красавчик, дай я тебе погадаю, ты скоро получишь…

Когда Учителя становятся друзьями — меняется реальность. Выбор Учителя — выбор между светом и тьмой. Не сам человек учится лгать, изворачиваться, приспосабливаться, идти на компромисс, бояться правды. Проповедь страха выгодна тёмным улицам и пьяным ночлежкам,

озлобленным умам и нетерпеливым надеждам, бессовестно обещающим и тем, кто покорен в обмане. Людей ослепляет самолюбие, но действительно учит лишь один беспристрастный учитель — нужда. Боже! Как сделать так, чтобы не «мрачная действительность» создавала нас и наше сознание, а наоборот — прекрасная цель вела бы и возвышала?!

А какого он, Город.... пола? Кто он: мужчина, женщина? Склонен ли он к холодному рассчёту, к сухому анализу и безошибочным действиям, или ему больше свойственны материнская мягкость, неопределённость мнений, расплывчатость планов? Как реагирует он на испытания судьбы: глуп или мудр, растерян или собран, беззащитен или активно бодр? К чему он обращается чаще — к эмоциям или уму? Что называет он «здравым смыслом»: чувствительность? обиду? правила? добрые намерения? пример лидеров? Мы все в этой жизни напоминаем знак вопроса: сутулимся, гнёмся под грузом безответной жизни... Что же так давит нас? Неужто небо?! Не оттого ли растекается вширь камень наших душ? Душу Града-мужчины ведёт уверенность, душу женщины-Града — покой.

Одиночество высшей пробы — городская толпа. Быть услышанным здесь нельзя, быть увиденным — невозможно. Почему так много людей и так мало места? Сжавшееся пространство порождает отчуждение. Здесь любят с оглядкой. Здесь плачут напоказ. Здесь веселятся без меры. Испытание толпой уничтожает личность. Скептицизм и неверие, опыт и твёрдые знания, быстрота и реакция — оружие одиночек. Город — колоссальная арена, где сотни тысяч гладиаторствующих человеческих существ действуют одновременно. По-сути, каждый за себя. Безликое «мы» слишком легко подменяет в Городе беззащитное «я». Поединок с толпой выигрывают единицы.

Меняются времена года, меняются поколения, власть приходит на смену власти, спорят моды и веяния; всё бесшабашнее и сильнее раскачивается, как на качелях, время: то смута, то забытьё; и лишь сам Город — бессменный диктатор: он требует внимания к себе, он награждает, наказывает, милует и шутит — асфальтовая клякса на теле планеты. Его кумиры и его враги равны перед законом городского бытия; словно неутомимый исследователь, Город погружается в разнообразие дел и метафизику планов. Город — место, где теряют покой. Чтобы искать его потом всю жизнь.

— Будьте взаимно вежливы! Уступайте места для детей и инвалидов...

— Представляешь, мы вчера оттянулись по-чёрному!

— Свалю из этой дыры при первой же возможности...

Жизнь питается от источников. Много ли их и какие они? Люди неисправимы — они веруют в сказку, что есть ещё где-то источники

счастья: пей — не нарадуешься! Много горя принесла эта чудесная вера. Пили речи крикунов на городской площади, пили сладкие слова о светлом будущем, как молились — терпели войну и обманы. Но иссякают источники, берущие своё начало от микрофона, теорий и лозунгов. Что остаётся? Небывалое равенство: надежда и ложь — не родные ли сёстры?!

…Какое странное слово — «завод». Любой ребёнок знает: завод кончится — игрушка остановится. И он заводит вновь и вновь пружинный механизм, — чтоб тарахтело и вертелось дальше колесо Фортуны. Так и кажется: не заведёшь — остановится всё.

Город наводнён «невидимками». Они всюду: сыщики и преступники, искушённые политики и доверчивые простаки, артистическая богема и ханжествующие домохозяйки — все играют на нескольких досках сразу. Все равны в этом тяжком искусстве: преступном полёте сквозь правила, либо — правильном… сквозь преступность… Невидимость — защита от собственной слабости и бессилия. Быть на виду и свободно дышать могут лишь двое: отъявленный лжец да святой. Цельный человек — редкость. Полностью видимым он становится, увы, лишь после смерти: «Смотрите, кто ушёл!» Главное своё богатство — человечность — люди обнаруживают, как правило, с огромным опозданием, в прошлом.

Что-то очень вокзальное есть в каждом городском движении: ничего постоянного, ничего повторяющегося. Разлука витает над троллейбусными остановками и крышами домов, над зданием мэрии и школой, над суетой магазинов и плавностью набережной. Много людей — много прощания. Можно заслушаться печальной мелодией и стать пессимистом. Чтобы этого не произошло — гремят парадные марши, устраиваются соревнования, раздаются награды и обещания, нагнетаются страсти и опровергаются сплетни. Вокзал есть в каждом из нас: что ожидаем? куда спешим? откуда явились? Нет ответа. Город — транзитная станция между небом и землёй — прощается чаще, чем прощает.

Добрый хозяин умеет смотреть на себя самого глазами гостя: есть чем угостить, есть что показать. Хорошо! Гость будет доволен, гость расскажет в иных землях о полученной радости… Трудно, правда, иной раз, отличить натуральную хлебосольность от богатой показухи. Честность — понятие внутреннее. Оно не требует доказательств, а существует само по себе. Что можем мы, люди, друг перед другом? — только показать: как мы живём. Потому что никто не знает: как следовало бы жить.

Город часто бывает пьян: то грустью, то славой, а то и просто праздным вином. Он, как человек, любит забыться, покуражиться

в забытьи, или наоборот — себя пожалеть. Никто ему не судья. Город в провинции — сам себе Бог. То на российскую столицу оглянется, то на себя в зеркало поглядит: хорош ли? Вроде бы да, а вроде и нет… Человек Городу лишнего слова не скажет и Город к человеку — спиной, бывает, поворачивается. Обида здесь копится, как радиация: сверх меры соберётся — конец. То ли прощать разучились, то ли сердечный «завод» на любовь израсходовался. Зябко бывает душе от вранья и драк, от грязи злобы. Многое пошатнулось. Будто бы жизнь побежала от жизни — жизни другой поискать. Всё в Городе по отдельности хранится: вера — у одних, ум — у других, деньги — у третьих, память — у четвёртых… Ударит Божий гнев во что-то одно — остальное уцелевает. А выпьет божий человек — чувствует: нераздельное что-то в груди колотится. Сказать бы, да слова позабылись…

А есть ли он, Бог, на земле-то? Что-то не видно его в переполненной чаше митингов, не слышно в базарном гуле, в шуме заводов, кующих оружие, в криках ненасытных женщин и спорах всезнающих мужчин. Где Он? Почему неузнаваем? Не слишком ли много вещей и сутей назвались Его именем? Люди усердно молятся разным «богам». Разность растёт как стихия. Всё ближе сходятся смерть и рождение. Испытывается сила существа, оторванного от земли, — горожанина: не чужой ли он стал Природе? Все очень просто: инопланетянин — тот, кто не любит свою планету. Ту её часть, что каждый день можно видеть воочию, мерить шагами улицы, встречать друзей и понимать жизнь сердцем. Это — родина по имени Город. Родину творит не Бог, Родину творим мы сами.

…Набережная, асфальтовым пояском охватывающая зеркало городского пруда, притягивала к себе влюбленных и алкоголиков. Вот и сейчас, целующаяся парочка заставила гуляющего Духа остановиться и залюбоваться ими. Через минуту-другую парень заметил наблюдателя и негромко сказал.

— Тебе чего, папаша? Вали отсюда.

Ударили на заводской башне склянки часов.

Рассеянному Духу не везло периодами, он дважды за последнее время спотыкался и падал на асфальт. Первый раз в Лондоне. К упавшему человеку со всех сторон тогда устремились люди: «Вам помочь? Вы не ушиблись?» Второй раз он упал по возвращению в Город, — прямо посреди оживлённого потока людей, в час пик. «Смотри, как мужик наебнулся!» — крикнул кто-то весело; этой фразой исчерпывалось соучастие мимотекущего общества в синяках и ссадинах Духа. Преодолевши боль, он вдруг понял, почему и чему так часто смеётся в России Грэй. И Дух засмеялся. Прохожие шарахнулись. С этого

момента он перестал чувствовать по отношению к русским «таможенное» настроение. Он принял их стиль.

С сентября Ро предстояло учиться в русской школе.

РЫБАЛКА

От Гоблина поступило неожиданное предложение:

— Синоптики обещают тёплый, безветренный период. Я приглашаю вас на ночную рыбалку, на ту сторону Реки. Дух, вы когда-нибудь ловили сомов?

— Спасибо.

Вода на середине Реки чёрная, как тот свет. Всякий, пересекающий эту ширь, чувствует её нешуточный норов: на стрежне донные воды, оттолкнувшись от невидимых подводных трамплинов, вываливаются наверх шевелящимися валами, крутят воронки, ворчат около бакенов день и ночь говорливые струи, пуская по течению россыпи пузырей; улетает отпущенный взор далеко-далеко, безотчётно ликует душа, словно кормится вдоволь открывшейся волей.

Гоблин управлял небольшим катером. Рядом нёсся еще один катер, гораздо больших размеров и очень комфортабельный, появившийся невесть откуда, на котором к рыбацкому мероприятию присоединилась женщина, она иногда помахивала им рукой с открытой передней палубы. Дух с недоумением поглядывал в сторону второго судна, но предпочитал не задавать лишних вопросов. Женщину сопровождала вооружённая охрана. Катера шли близко друг к другу. Лица охранников хорошо просматривались, но не очень-то соответствовали представлениям об этой профессии; мужчины больше напоминали команду друзей из какого-нибудь конструкторского бюро — в глазах отражались спокойствие, неусыпное внимание ко всему, что происходит, и несомненный ум. Да и сама дама производила приятное впечатление.

Катера ткнулись носами в песчаный берег и замерли. Бивак был уже кем-то оборудован.

— Знакомьтесь. Эта женщина владеет в области самыми крупными казино, по должности она — директор. А по жизни — покровитель…

— А по жизни просто Ия, — она протянула, улыбнувшись, спортивного покроя руку. Лет Ие было не так уж много, не больше сорока, но по всему чувствовалось, что в этом существе кроется немалый потенциал. Она была такой же круглолицей, как и Гоблин, с такими же резкими, моментальными переходами мимики лица — от полной непроницаемости к полной открытости.

Дух слегка оторопел от сюрприза. Гоблин пришёл ему на выручку.

— Все важные мероприятия решаются исключительно в неформальной обстановке, не правда ли?

Ро, как только катер причалил, спрыгнула с бака и стрелой умчалась вдоль бесконечного песчаного пляжа, — на отмели кормились чайки и Ро было интересно рассмотреть их поближе. Дух слегка беспокоился за ребёнка, поэтому был чуток рассеян.

— Какие ещё «мероприятия»? — Дух ничего не понимал.

Гоблин как не слышал.

— Я давно обещал Ие отдых на природе. То ей некогда, то мне… — сиплость Гоблина была такой обыденной, такой домашней, что могло показаться, что речь шла о походе к соседке за солью.

— Вы меня знаете лучше, чем я сама! — она была обаятельна и сдержанна одновременно. — Я родилась за границей, родители работали в разных странах по долгосрочным контрактам. Они остались там, а я вернулась, когда мне было шестнадцать лет. Я — местная. Понимаете?

— Значит, вы тоже из вернувшихся? — Дух усмехнулся.

— Получается, так. Бизнес мне достался от мужа. Его убили.

— Ия отмаливает своих клиентов. Грешников, отдавших ей деньги! — Гоблин кряхтел, вытаскивая из катера скарб. — Устраивает в Городе всякие культурные мероприятия. Кого ты сюда возила, Ия? Китайский цирк был? Был. Московский зверинец? Был. Европейский этнофестиваль в Городе кто спонсировал? Сами знаем, кто. А концерты на стадионе! Дух, мы здесь, благодаря этой девочке, знаменитостей смотрим не по телевизору. Какие имена бывают! На площади выступают, бесплатно! Веришь ли? Ия — молодец. Она, как пчёлка, тянет самый лучший нектар с цветущих полян в родной улей.

Что правда, то правда. Ия «тянула» так, что за пятнадцать последних лет только официальная часть её личных активов перевалила за миллиард. Сколотив прочный капитал на земле, она заскучала и заинтересовалась сколачиванием «капитала» иного рода — о её участии в оригинальных проектах ходило много слухов. Иногда она, по просьбе или письму, давала деньги незнакомым людям на дорогие операции. С Гоблином её объединяли какие-то давние связи. Сам Гоблин никогда не просил у богатой леди поддержки или участия. А она никогда этого ему не предлагала. Они не обязывали друг друга на шкурную оглядку. По какой-то случайно сложившейся традиции, они раз в году, в конце лета, выезжали на свой тайный пикник. Кушать сомов.

Охранники превратились в бывалых туристов. Они в сторонке развели костёр и занимались кухней. Медовое солнце деловито растапливало противоположный берег, готовясь к великолепию своего погру-

жения за линию горизонта. Комаров не было. Ия скинула туфли и с удовольствием зарылась ступнями в горячий песок, закинула сцепленные в замок ладони за голову и запрокинула лицо к ласковому свету.

— Только счастливый человек ни о чём не думает!

— Устали от забот?

— Да так…

Дух чувствовал, как присутствие Ии оказывает на него опьяняющее действие. И это не было следствием действия женских чар, — это было просто здоровье. Именно! Здоровая атмосфера вокруг богатого, здорового человека. Дух словно только что сделал великое открытие: здоровье — самое пьянящее из всех чувств! Оно не увечно в принципе, оно не опирается на костыли теорий или догм, оно не спрашивает совета, как жить, оно не пользуется посторонней помощью более одного раза.

— Зрелое одиночество, если оно приходит не в старости, очень продуктивно, — сказал Дух, переводя взгляд на золотую лаву, что текла между ними и закатным берегом.

Ия мгновенно уловила уровень, на котором язык беседы выражал то, что он, скорее, обозначал как «видение» — вешки известного в безднах пути. Собеседники, способные сообща находиться «в теме», отбрасывают условности земного так же, как белка отбрасывает шелуху от ядра. Слова перестают значить то, что они значат.

Ия с интересом поглядывала на приезжего.

Гоблин засмеялся. Смех напоминал прерывистое шипение компрессорного шланга, на котором прыгают озорники-мальчишки.

— Он, думает, что он думает! Потом он будет думать, что он верит. И, наконец, поймёт, что только вера определяет дорогу дум…

Люди с «заводилкой» — граждански активные члены общества. Это данность. И все это знают. Самому себе «заведённый» может объяснять как угодно своё беспокойство: прихоть, миссия, долг, веление сердца — это разные названия одного и того же явления. Кто-то верит в изначальное предназначение людей. Мол, тела у всех, в общем-то, одинаковые, а вот предназначение — разное. Как у семян: из разных семян вырастают разные деревья. Особенность человеческого «леса жизни» в том, что нет одинаковых семян. Нет двух одинаковых предназначений. Но вот — вопрос! Почему же вырастают одинаковые существа: люди-трава, люди-кустарники, люди-деревья? Что их может объединить вне растительной жизни?

Что-то внутри Духа начало таять, сдаваться. Он никогда ранее не видел подобных олигархов, — человека, не только поднявшегося по ступенькам денег и власти, но и с неподдельной ненавистью говорящего о мёртвой атмосфере родного Города.

Официальной гордостью Города считалось, как известно, оружейное производство и его история, отдельные личности и их личные достижения, ассоциированные с именем Города. Конечно, горожанину можно было гордиться своим цехом или своим чемпионом, но эти явления полноценной культурой, очевидно, не являлись. Коллективное чувство сопричастности горожан к нематериальным ценностям местной жизни не было развито широко, соответственно не существовало и объединяющей граждан атмосферы — безусловного повода для родства земляков. Дефицит осознаваемой нематериальной среды — проблема Города и его горожан. На пустом месте появлялись: патриотические однодневки, помпезные политрозыгрыши, спекулятивный патриотизм. Текущая культурная жизнь элиты города — для себя! — особой «погоды» в городе тоже не делала. Культура — это ведь не то, что люди производят, это, скорее, то, что производит самих людей: вневременные традиции, легенды, мифы, потенциальные возможности, атмосфера и смысл контактов. Конструирование невидимых аспектов среды обитания. Что ж, материальность объясняет необходимость выживать, а культура даёт большее — причину жить.

— Ия, а зачем ты приехала к нам? — непосредственные вопросы Ро часто смущали людей. Дух нахмурился, соображая, как тактичнее одёрнуть девочку в присутствии посторонних. Но Ия присела на корточки и заглянула в глаза любопытной малышке.

— Я приехала, чтобы побыть одной в кругу друзей.

— Пусти! — Ро вырвалась и зашлёпала босыми ножками по мелководью.

Дух медлительным маятником расхаживал по песчаному берегу, как привык это делать перед аудиторией. Парной тихий вечер опустился на землю. Вода снова почернела и текла, текла, текла… унося в равнодушную бесконечность дерзкий трепет мыслящих мотыльков. Что делает людей несчастными? Неужели их собственные желания?! И кто кого «желает»: человек жизнь или она его? Дух относился к редким упрямцам того рода, которые могут десятилетия потратить лишь на то, чтобы «личные желания» отступили как можно дальше, а вот личная «готовность» к любым встречам и любым поворотам судьбы — была бы, безусловно, первой. Жизнь была для него инструментом — и этот инструмент следовало совершенствовать, содержать в порядке и применять по назначению.

Когда Дух и Гоблин отошли от бивака в сторону по делам, так сказать, неотложным, Гоблин внёс недостающую деталь в картину сложившейся ситуации.

— Ия воспитывает двух сыновей-погодков. Оба подростка наркоманы. Моя старуха их «пользует».

— Пользует?!

— Заговоры там всякие. Травы. Массаж.

— Но есть же специальные клиники!

— Какие там к чертям клиники! В русских клиниках тебе даже за деньги здоровье не вернут. Ещё ни один от наших врачей живым не ушёл. — Гоблин от души захохотал. — Человеку только человек помочь может.

Теперь Дух понимал, откуда Ия черпает свою чистоту и магнетизм. Грешное занятие и личная трагедия в русских, накопившись до критической массы, могли взорваться от любой искры, как порох внутри гильзы, и, если у судьбы был подходящий «ствол», — энергия взрыва выбрасывала сквозь него всё, что свинцовой тяжестью лежало до этого в ядре личности: любовь, ненависть, страсть, благородство, отчаяние, жажда или пресыщение жизнью… Русские, словно перелётные птицы, стремились к самом краю постижений, к смертельному катарсису и бесконечно разнообразили его формы. «Обновляться», «возрождаться», «преображаться» — всё это было возможно лишь в одном случае: «отказавшись от…» От чего? От прежней жизни, конечно! А что взамен? О! Самое лучшее — ИНАЯ жизнь! Правда, потом, потом, когда-нибудь потом… Однако, подстрекаемые со всех сторон люди «отказывались от себя» здесь и сейчас. Чего ж во имя? Демонический круг был широк! Куда ни поведи пальцем — всюду творилось ужасное: в смоляных котлах бурлила и возносила проклятия беднота, на раскалённых сковородках жарились мозги депутатов и бизнесменов, выжимали из глаз слёзы и разрывали на части сердца когти проповедников. Что творилось! Миллионы людей жили во имя знамени или ритуального морока, во имя детей, или во имя лживой присяги… Ни у одного не случилось «собственной» жизни! До «потом» не дожил ни один.

— Мне кажется, России нужны не психо-, а духотехнологии, — осторожно произнёс Дух. — Россия находится в состоянии духовной гражданской войны, которую усугубляет внешняя опасность, интеллектуально-экономическая оккупация физических и образовательных пространств.

Ия не поняла ни слова.

— Что вы называете «духотехнологиями»? Нужны деньги?

— …Разбуженное семя не знает пути назад. Тактика, таящая в себе стратегию, — это и есть духотехнология, жизнь, идущая по пути жизни; внешний разовый, и, может быть, даже случайный, толчок исчезнет, а стратегия саморазвития останется; в этом — смертельная драма,

красота и удивительная притягательность жизни: второго раза, второго пробуждения для живого зерна не существует!

— Перевожу, — зашипел Гоблин, видя на лице женщины налёт недоумения. — Пофессура, в отличие от крестьянина, например, не может сказать сразу суть дела, им обязательно надо пошаманить вокруг да около. А всё просто. Его тоже задолбала наша жизнь! Правильно, Дух?

Дух был серьёзен. Он, как паучок-подводник, упрямо захватывал в мире мечтаний кусочки иной атмосферы и тащил их в этот мир, выстраивая для себя в неподатливой, плотной среде земли потусторонний колокол, приглашая неверящих взглянуть на успешный эксперимент, приглашая видящим перейти к решительному оптимизму: смотрите, смотрите, это возможно для всех!

Ия покусывала губы. От всей этой зауми она была близка к разочарованию. Гоблин своими издевательскими репликами кое-как спасал положение.

— Учёные люди примитивны. У них хватает ума лишь на то, чтобы из сложного сделать что-то ещё более сложное, но не хватает таланта говорить об этом просто. Не Христы!

Ро развлекалась. Она поймала лягушонка и забросила его в воду.

— А куда течёт эта Река?

— В море.

— А потом?

— Море испаряется. Река течёт вверх и становится облаками.

— А потом? Она опять прилетает к нам и падает дождиком?

— Молодец, Ро, вы становитесь совсем взрослой.

— А сколько раз это уже было?

Пикники — вид социального братания. Горожане в обычной жизни сидели каждый на своём персональном древе познания, они отчётливо видели друг друга, но не могли общаться и ходить друг к другу в гости на высоком, так сказать, «лиственно-плодовом» уровне. Разноуровневое устройство городского «леса» живущих всегда носило примитивные формы общения — для коллективного «братания» приходилось слезать с деревьев… Мать, сыра-земля, привычно держала на себе и драки-гулянки, и застолье-веселье. «Высокой» всенародной обыденности не могло быть в принципе. Потому что не было для этого общей «высокой» среды. Недостаток содержательного общения компенсировали, как всегда, русские кухни — в смысле купейной прижатости людей друг к другу, а не в смысле приготовления пищи. В новейшее время богатые «кухни» шагнули на лоно природы, где волны, солнце, шум ветра и шёпот деревьев помогали потеснее прижаться друг к другу подросшим человеческими хищникам — мыслям.

Гоблин привязывал к поводкам крючки и, привязав очередной, откусывал болтающийся конец лески зубами.

— Два сапога пара, — рассмеялась Ия. — Кажется, я смутно начинаю чувствовать ход ваших рассуждений.

— Его рассуждений, — добродушно поправил Гоблин.

— Вы можете описать вашу идею более детально?

Дух вздохнул. Никогда ещё он не читал лекций босым.

— Тему Города и его «покойной» ауры я исследую давно. С точки зрения коллективного самосознания Город мёртв…

Телохранители подошли ближе, чтобы слышать. Им было интересно. Гоблин скептически ухмылялся ртом-чёрточкой. Над берегом плыл запах приготовленного шашлыка.

— …Я хочу построить и подарить Городу Дом счастья.

— Напишите мне официальное письмо с просьбой о финансовой и материальной поддержке. Я рассмотрю.

Ия искупалась. Магнетизм её из притягивающего стал отталкивающим. Коротко попрощавшись, она заспешила. Катер-красавец отчалил и, взревев водомётами, умчался в туманные сумерки. Дух был опустошён и подавлен. Дух не нравился самому себе. Жалили налетевшие с болот комары.

На углях оставались нетронутыми порции шашлыка.

— Дух, миленький, не расстраивайся, ты победишь! — Ро прижималась к опекуну и гладила его по голове, как маленького.

Дух глянул на другой берег, где молодёжь гуляла и веселилась, но пьяных выкриков не было слышно. В прозрачной тишине пели красиво, даже очень красиво. Виден был электрический свет и мигающая иллюминация лицейской повозки-балагана. Что-то повернулось внутри Духа, какой-то сильно заржавевший рычажок отпустило и он занял, наконец, правильное положение. Дух вдруг отчётливо понял: надежда в России — это тоже вид смерти! Надеяться можно лишь на себя самого. Дух осторожно потрогал ржавый рычажок внутри: не обманулся ли? Нет. Мир, действительно, изменился: самоубийственная стальная петля — надежда на «потом» — исчезла! Дух подошёл к чёрной воде, закрыл глаза. Формула возвращения нашла своё тривиальное решение: здесь и сейчас всего хватает! В земном равенстве нет неизвестного. Оно всегда где-то выше.

Сомов ловили на жареное мясо. Мужчины почти не разговаривали. Ро калачиком свернулась в каюте катера. Каждый думал о чём-то своём. За всю ночь Гоблин произнёс одну-единственную фразу:

— Я думал, что только местные могут заниматься х… — он не договорил определения.

Поймали двух сомят, килограмма по три каждый, которых тут же и отпустили по настойчивому требованию Духа.

Гоблин был вне себя от возмущения.

— От ваших культурных замашек, господа хорошие, нам, некультурным, только вред один получается!

Вернулись на рассвете, по холодку. Солнце, обежав круг, натопило небесного мёда теперь с другой стороны земли и вылезало из янтарно-золотого сияния, сладко обливаясь тягучими лучами.

ГОРОД, АВГУСТ

Тестируя Город, Дух обнаруживал чуланы и неведомые дверцы в затаённостях своего собственного внутреннего мира. Так что, ещё вопрос: кто кого «открывал». Он прислушивался: о чем горожане говорят? — они предпочитали обсуждать телевизионные передачи, текущие покупки, сорт пива, вчерашний разгул, трепаться по телефону или хаять работу. Ничего необычного, так же люди вели себя и в других странах. Тогда Дух стал слушать иначе: о чём они… не говорят? Идея оказалась неплохой. Сразу же прояснилось: предметно разговоры ничем не отличались от разговоров других людей, а вот качественно… Русские никогда не говорили хорошо о своём правительстве, не радовались достижениям ближнего, не умели искренне доверять, зато умели доверяться… Человек с позитивным мышлением обычно скрывал это своё свойство, доверчивость, чтобы не провоцировать дополнительных бед на голову «белой вороны». Излюбленным наслаждением граждан являлась критика. Убийственная критика — обычно в форме приговора или даже немедленного расстрела. При этом, самокритика тоже присутствовала, но носила уже иной характер — публичного «самострела». Народ, воспитанный на тотальном недоверии к нему, — на проверках, ревизиях, облавах, сверочных списках и очередях, на тотальном контроле даже в мирное время и долговых издевательствах, — такой народ не мог не быть в своих несказанных чаяниях наивно-сказочным, как зек: люди много говорили о доброте, но никто не знал, что это такое применительно ко всему обществу, много талдычили о божественной своей природе и предназначении, но на деле всё оборачивалось знакомым сценарием истории-рецидивиста — воровством и обманом.

Дух скрупулёзно пытался во всём разобраться. Куда они смотрят? И чего они не видят? Что они хотят? И почему они не умеют хотеть? О ком они помнят? И почему их беспамятство превращается в войну с памятниками? На что надеются, выбирая в свои поводыри смирение и безропотность? Почему вожаков избирают НАД собой, а не ДЛЯ

себя? Почему превозносят тех, кто ПОРАЖАЕТ их воображение? Для чего копят они в своём поражённом воображении образы и образа завоевателей? Какие силы заставляют их предпочитать здравости профанацию? Россия — танатическое царство! Век за веком цари смерти из своего столичного логова простирали над привидениями во плоти — над подданными мрака — волю не-бытия. Крепостничество гаснущих душ тяготилось свободой ума. Стикс, легендарная речка, бегущая вечно и весело, заболотилась в пустыни русской, превратилась в стоячую ширь, воды-время утратили смысл, потеряв берега и движение. За душою пришедший сюда без души оставался. Чем безоблачней царские слуги малевали во тьме небосвод, тем надрывнее охал кровавый вертеп.

Город держался на технической интеллигенции, которая позволяла совершать поклонения богам войны умно и щедро. Старожилы помнили: когда ящер, потревоженный бомбами, слезами и кровью, просыпался, он становился огнедышащим, и этот фейерверк смерти с небывалым великолепием освещал и само время войны, и долгие годы после неё. Потом болото успокаивалось, ящер погружался на дно, снова становилось темно и скучно. Людям хотелось увидеть свет. И новые танатические цари вновь задумывались: без огнедышащего ящера, поражающего воображение, им не удержать власти в царстве тьмы.

Серый мир восторгался фейерверками! Особенно, фейерверками смерти. Ведь только она, смерть, умела превращать безымянную и смирную серость в Великую Славу.

В России за мир «боролись», счастье «искали», а любовь, начиная со сказок, исключительно «добывали».

Русская рефлексия — поочерёдно интравертно-экстравертное «Я», воображающее себя и всесведующим, и безразмерным — поочерёдно то выбрасывала из себя весь имеющийся реальный мир, то силилась запихать его в коробочку личных представлений о правде и истине.

Дух никак не «срастался» с тем, что видел, он лишь искренне хотел изменить окружение — неправильное и спящее. Дух на поверку оставался человеком иной цивилизации, одиночкой, в любых условиях стремящимся максимально «сделать себя», чтобы присоединить получившийся результат к пользе общества, к банку его интеллектуальных достижений. Бессмертие Дух видел не в безмозглых сказках о вымоленном или заслуженном «потом», а в невидимом, но абсолютно прагматическом процессе — в сотворении высокой и насыщенной коллективной памяти. Он просто выбрал Россию как место самой трудной, а значит, высочайшей реализации своих амбиций. Дух, чаще всего, дистанцируясь, говорил о новых знакомых «они», в то время как Грэй

с первого же дня своего пребывания в России употреблял в общении всем понятное, хоть и обезличенное, «мы».

ЛИЦЕЙ

Наступило первое сентября. Только дурачок ищет день своего рождения в календаре.

Приезжий профессор, генератор вопросов без ответа, Дух, был для Города избыточен в своей внутренней насыщенности. Поэтому в нём не нуждались. Люди ходили по кругу, — дом-работа-дом-работа-гости-дом-попойка-дом-работа-храм-попойка… — и сосредоточенно носили по этому кругу чашу своей персональной жизни, обычно раз и навсегда до краёв наполненную. Обычно содержимое хранили, даже не помышляя о его обновлении. «Пустышки» завидовали «полным» и воровали от их чаш по капле.

Понятие «мировая культура» океанообразно, оно имеет и свою глубину, и текучесть, и безбрежье. Культурный пласт материкового Города и впрямь больше напоминал спелеологию, чем океан. Узкие прихотливые лазы соединяли культурные гроты, в которых специфическая живность, ползающая и крылатая, привыкла обходиться без света и общения с такими же эндемиками из соседнего грота. Культурная эндемичность этих мест в том и состояла, что относительно легко и безопасно можно было существовать внутри замкнутого «кружка» — брать от него и давать ему, питаться от него и его питать. А что ещё надо Пегасу, который в таких условиях и вырос-то не крупнее «божьей коровки»?! Всякое, уравновешенное в самом себе, место на самом краю жизни защищалось от того, чтобы приобретать новые точки зрения, опасные для найденного равновесия; нельзя было изменять вес понятий, — подобные, даже строго экспериментальные, допустимости неизбежно смещали в душе и уме эндемика «центр тяжести», происходил катастрофический переворот, неуправляемая кончина иллюзорного мира самодостаточного жителя культурного грота. Любая встреча с «самоНЕдостаточным» человеком смущала жизнь «законченных в себе» до агрессивной паники. «Центры тяжести» не находили общего языка с антиподами — «центрами лёгкости». В иносказании и то, и другое — внутренний мир человека.

Творчески избыточные люди мучились в Городе от внутреннего «распирания» так же, как мучается недоенная корова, не нашедшая пути к своему стойлу. Переполненное вымя животного могло запросто привести его к маститу и смерти. Недоенное творческое «вымя» городских талантов тоже кончало плохо — социально-гражданским нагноением души и творческой смертью избыточной личности.

Спасаясь от подобной гибели, многие покидали «покойное место», эпицентр равнодушия — Город. Оставшиеся глушили внутреннюю свою энергию, которая неумолимо жгла и требовала выхода, просто — на «коротком замыкании». Дымя сигаретами и пылая лицом, поэты сгорали в семейных дебошах, вине, горлопанстве и смаковании личной кончины. Собственно, вся русская рефлексия и была таким «коротким замыканием» — мольбой суицидника о последнем приюте нации-суицидника.

Классический дракон, символизирующий законченность опыта, держал свой хвост во рту. Как атомное ядро, обыденно и смиренно хранящее в себе дикую энергию. Русские, достигшие драконовской мудрости и почуявшие плоть хвоста на своих зубах, немедленно начинали его заглатывать, грызть и жрать. Мир, в который уже раз, изумлённо наблюдал небывалое: людоед поедал себя! «Из-во-дил!» — как сказали бы здешние знатоки. Что ж… В нарушенном эндемичном мире это «самоедство», возможно, было хорошим способом сохранить пошатнувшееся внутреннее равновесие.

Лицей был в Городе единственным местом, где несовершеннолетним оболтусам с детства не позволяли жить на «короткозамкнутой» силе. Их «замыкали» иначе: на мир, друг на друга, на проблему, на цель, на историю, на планы и проекты. Причём, в тех формах и образовательных «одеждах», какие оболтусы придумывали для себя сами. Редкий случай: учитель и ученик соответствовали здесь друг другу, потому что умудрялись соответствовать собственному комфорту. Так, два живых сочленения в растущем организме притираются до анатомически идеальной точности, отпущенные на смертельную тренировку — в жизнь.

«Разомкнутые» внутри себя самих лицеисты легко контачили с кем угодно и где угодно и обменивались энергией со всем, к чему подводило их время лицейской судьбы. Им с младых ногтей внушали: они будут управлять будущим, потому что умеют управлять собой.

В Лицее Дух и арендовал малюсенький кабинетик для своей научной и грантовой деятельности. Увы, он не смог найти применения в сфере высших школ Города, но, может, оно и к лучшему — Ро всегда была под присмотром.

Город молча сожалел, что Дух не был «технарём». Он не понимал технической природы. Действительно, природы. Мира ума, огня и металла. Дух не ведал её красоты, не знал, что в ней тоже есть удивительные восходы и закаты технических идей, болота неудавшихся проектов и реки массовых технологий… Оружие — передний край

технических идей! Духа удивляло, что из среды технической интеллигенции у русских универсально вырастают: и учителя, и журналисты, и политики, и торговцы, и дипломаты-переводчики, и даже врачи… Однако из всех участников перечисленных профессий обратного хода не имел никто. Техническая интеллигенция русских! Потрясающий культурный резерв, пятая колонна нации! Из универсальной культуры «технарей», как из универсальной группы крови, переливание можно было делать всем остальным. Феномен привлекал внимание Духа, но он пока не знал, с какой стороны к нему подступиться, чтобы понять его, скрытое пока, предназначение.

Войны не было. Но даже тень её в России обладала властью реальной войны. Именем Тени в царстве теней продолжалось создание хитроумных смертоносных придумок. Тень войны неустанно будила чувство танатической солидарности и воспитывала ищущий мозг рабочих и учёных в условиях «государственного понимания» смертельной гонки и опасности. Военная цивилизация — апофеоз овеществлённого инстинкта самосохранения перед лицом единственного зрителя бытия — смерти. Жалкий и одновременно дерзкий вызов! Лучшее, что удавалось найти в голове и дотянуть до умелых ремесленных рук, всегда работало на неё, кормилицу и заступницу, — на войну.

Техническое тело землян срослось, как тело Гидры. А ядовитые боеголовки кропили радиоактивной слюной, шипели и приподнимались над землёй в рыщущих бомбардировщиках. Русская голова Гидры сильно ослабела, сникла, но в своих публичных заявлениях она и не думала сдаваться. Она спокойно смотрела, как соседние головы перегрызают ей, сестричке, шею… Ха! Нашли чем испугать! Ей ли не знать: на месте одной головы вырастут сто новых! Страшная сказка ещё продолжится. Русская Гидра за себя ручалась. О! Она ещё дотянется и до открытого космоса, и до соседних планет!.. Гидра! Дракон, лишённый надежды на мудрость. Гидра никогда не закусит свой хвост. Ещё в брюхе матери-земли головы грызли друг друга.

На диванах, расположенных в вестибюле Лицея, молодые люди распевали под гитару свои трепетные сочинения. Без темы гибели поэзия, а русская в особенности, превращалась в выхолощенную белиберду. Поэтому на тему последнего «края» юные сочинители нажимали с тем же остервенением, с каким отстающий гонщик жмёт на педаль акселератора.

Смерть! Высший цветок жизни! Её конечный драгоценный продукт. Русские закрома жизни ломились от запасов смерти, сделанных ещё предками Киевского князя.

Русские дети устремились в иностранный язык, как в эмиграцию. Ро, знавшая и свободно владевшая несколькими языками, сразу заняла

в классе лидирующее положение. Иной язык, иные образы и иные ценности составляли суть стремления — иную реальность, создающую предпосылки к иной жизни. Иное! О, ради него, окаянного, здесь потрясали и самих себя, и весь мир. Вера в иное позволяла изменять правила, ценности и модели поведения. Таким образом, Россия «эмигрировала» внутри себя самой десятки, если не сотни раз за свою историю — всенародный исход в иное! Исход!!! — Миллионноголовое бегство к счастью, возглавляемое очередным мессией.

Лицеисты зубоскалили: «Россия — духовная Америка!» Резон в их словах был. Соединённые Штаты языческих «истин», опирающихся на свою языческую внеземельную твердь — «Русь святую». Американские Соединённые Штаты — страна, начавшаяся с разбойников, — провозгласили вполне конкретную мечту: даёшь справедливые правила и благополучие на земле! Кое-что получилось. А Россия? Россия — степная ненасытность и лесная жуть, гигантское дремучее пространство, лежащее на пути торговых караванов меж двух великих цивилизаций, Востоком и Западом, — тоже специализировалась на… разбое. На великом разбое! Тоже сочинив под это ремесло подходящие мечтания. Русский Шива-грабитель хватал добро сразу тремя парами рук: караванные тюки — хваткою загребущей, умности чужаков — для смекалки ушкуйной своей, душевное — для услады и наслаждений. Всех обчищали, всего нахватали и всего нахватались — всё в одну кучу свалили. Потому-то и трудно было обменять здесь ценности высшие на ценности насущные. Умных высмеивали, независимая духовность откровенно преследовалась. Зато лёгок был обмен другого рода: денежку на индульгенцию.

Когда современные американские разбойники поняли, что планетарный близнец, русский разбойник-душа прост на земле, как сапог, они побежали его «обувать». На счёт раз-два. Сначала русские накопили в чулках не свои деньги, доллары, которые потом променяли на не своих богов — на бутылочки тоников, на джинсовку, на порнофильмы и возможность поиграть в рулетку. На более высоких этажах социально-гражданской интервенции «обували» иначе: заказывая музыку и дирижируя — от Кремля до паперти. Новое обличие очередного «бога» русским, как всегда, поначалу очень нравилось. Обычно, все явившиеся «боги» на этом и попадались, утратив бдительность на оккупированной территории… Рано или поздно обязательно приходил следующий «бог». И всё повторялось.

Дух привык к дисциплине, к жизни по расписанию, к тому, что даже саму способность активно и целенаправленно мыслить он подчинял управляемым желаниям. В России Дух не мог ни на секунду «отключиться» — он думал непрерывно. Это было так же утомительно, как непрерывное бодрствование. А как же другие? Они что, тоже

никогда не «спят»? Слежка за остальными позволила заметить: интеллектуальное меньшинство, действительно, привыкло к боевой круглосуточной бодрости, а остальные — вообще не думают. В лучшем случае, они называют «мыслями» внушённые им чужие словесные формулы, а также какие-нибудь личные чувства или просто мнения по поводу. Между первыми и вторыми находится гигантская пустота, которую не преодолевает ни голос, ни взгляд. Все попытки заполнить её пеной бунтов и революций к результату не привели.

Лето выдалось жарким, было много гроз, воды и шума. Но Дух наблюдал: зима в душах людей продолжается… Духовная зима! Спячка и сновидения в спячке — перманентное состояние русских душ, заоблачных рептилий, которые выползают из облаков на землю, чтобы покормиться да отложить односезонные яйца — дела насущные. Из скорлупок сих дел вылуплялись здесь новые рептилии.

Духу интересно было сравнить: на «русском» фоне Грэй, избыточный, расточительный африканец, фонтанировал жизнью, как джунгли, а не экономил её. Холодные широты существовали не только в виде пунктира на школьном глобусе, здесь они реально заставляли считаться с собой всякого владельца живого «глобуса» — головы, сидящего на всё ещё живой шее. Люди привыкли экономить… жизнь! Ах, люди! Живые столбики из крови и чаяний, сообщающиеся сосуды в открытом обществе; если все высокие, то не страшно им сообщаться друг с другом, а если и появится вдруг «низкий» — тоже не велика беда; когда высоких большинство, от них не убудет, а бедняга — подтянется, авось, на сообщающейся той подпитке. Так было в мире и Дух был с этим согласен. Не так было здесь, у них. При «подавляющем большинстве» низких их непобедимое объединение на раз делало низким и зазевавшегося «высокого». Поэтому высокие обосабливались, как умели. По одиночке — в трезвом состоянии. На троих — за бутылкой. И героической плеядой — в застенках.

Практикующие идеалисты в России, чаще всего, бесплатно донорствуют, внемля призывам каких-либо «народнических» идей, к тому же они мучимы и невостребованностью своего внутреннего потенциала. Вокруг подобных источников обычно собираются знатоки самого сладкого русского слова: «Дай!» Духу-грантодателю пришлось некоторое время отбиваться от назойливых паразитов, пока не образовалась нейтраль — некое кольцо отчуждения, через которое мог переступить не всякий. Дух знал, кого он ждёт: интеллектуальных и духовных новаторов в России называли «мудаками».

Дух видел, что традиционное «давание-получение» происходит наподобие механизированной фермы: кормление — порционно, дойка — по расписанию. Расписание — это вид счастья! Накормили не досыта — горе, подоили не вовремя — тоже горе… В каждой руке

у сермяжного русского бога по занесённому топору: а ну, угадай, что ударит вперёд — голод или мастит?

Здешние соответствия гармонировали друг с другом: небесное убожество порождало убожество земное; убожество земное возносилось вновь убожеством небесным... Земля и небо здесь душили друг друга, как два борца, упавшие плашмя, ворочающиеся и давящие всё вокруг, сомкнувшие мёртвой хваткой пальцы свои на горле ненавистного отражения своего...

Шелудивый нищий, сидящий подле храма, был здесь таким же равноправным символом, как и заводская позолочённая труба-пушка, нацеленная зевом жерла прямой наводкой вверх: «Дай!»

Многочисленные местные наблюдения и непрерывные размышления привели Духа к новому принципу назначения грантов. Если перенести образ вожделенного Тельца на реалии грантодающей иностранной или отечественной коровы, то существующая практика предполагала, что «корову» следует всячески умащивать, до последней запятой соблюдая требования и по её поглаживанию, и манере своего проектного выкаблучивания перед ней; от того, как нежно и правильно ты погладишь заветное вымя, зависело главное — капнет или нет из этого вымени? много или мало? Гранты обычно не поддерживали уже начатое. Они традиционно поддерживали начинающих. Потому что у первых уже было своё собственное направление интереса и работы, были результаты, а вторым результат и направление строго задавались заранее. Русские, разъярённые голодом и спешкой, обычно не отличали «на что жить» от «куда жить». Поэтому «садовники» им ненавязчиво показывали: «Сюда, голубчик, сюда живи!» Крысоловы уводили детей. Разбойничья Россия — яйцо демонической поднебесной рептилии — некогда появилось на земле, спустившись с небес. Теперь скорлупа границ лопнула. Никто не ведал: что будет? Что за птенец барахтается здесь? Бесследно взлетит он обратно к себе в никуда и в ничто, или будет драчлив и начнёт рыть планету когтистою лапой и больно клеваться? Никто не знал.

Дух решил: не объявленный конкурс, а он сам — сам! — выберет кому и на что дать поддержку. Он — эксперт, а не скучающая и много мнящая о себе принцесса, перед которой чередою выступают женихи. «Конкурсная основа», по мнению Духа, была унизительна для обеих взаимодействующих сторон.

Измусоленная мысль о том, что западная и восточная культура в России превратились в игральную карту и лежат на её плоскости живописным «валетиком», Духу импонировала. Двойная культура — двойная мораль. Этим можно было объяснить многие русские парадоксы. Дух утверждал: западный человек не понимает небесной халтуры, не в состоянии отличить подлинную молитву от исполнения «перечня

параметров» для достижения нирваны, зато он, западный привереда и певец качественности, по одной некачественной пылинке отличит плохой кирпич от хорошего. На мякине такого не проведёшь. Качество для западника — это то, что можно и должно потрогать. Другое дело русские: мякина — дом родной! Вся земная жизнь — времянка и халтура. Зато жизнь небесная, начавшаяся здесь, получше прочих будет! Но вот ведь вопрос-то: халтура или нет? Бросишь карту так — прихотливость неба и неприхотливость земли получается, бросишь этак — наоборот.

Пришлые разбойники сотворили американские Штаты на земле и они же, разбойники, сотворили соединённые штаты России в небесах. На земле России, ей Богу, мало.

К началу учебного года Ро очень удачно была встроена жить в настоящую русскую семью. В тот же хлебосольный и приветливый дом, где жила практикантка из Америки, сломавшаяся в России на скоропостижной любви и неудачных родах. Практикантка уехала. А бездетная чета солидных людей, имевших квартиру буквально в десяти шагах от Лицея и привыкших к тому, что дом их не пуст, Ро приняли как родную. Они специально заявили о себе и своём желании участвовать в международных школьно-студенческих программах обмена. Бездетная пара чем-то напоминала Духу его приёмных родителей: добрые и любящие. Ро вливалась в любую ситуацию, как вода в неизвестный сосуд, — легко. Дух платил. Всё возвращалось на круги своя. На субботу и воскресенье Дух забирал девочку для личного общения и походов по Городу. По будням он видел её эпизодически, в Лицее. Правда, и сам появлялся он там пока не часто. Дух заботился о том, чтобы быть свободным и иметь возможность собирать материал для своей «русской книги». Профессор ещё куковал в гостинице, но, следует отметить, что всё чаще и чаще стал пропадать на полигоне у Грэя, где задумал осуществить рядом с другом давнюю свою юношескую мечту.

В Лицее Дух остро ощутил назревающую проблему русских — интеллектуальную и духовную поляризацию незрелого общества. Открытый перелом. Проблему завтрашнего дня. Шустрые и шумные лицеисты почти не пили спиртное и не употребляли наркотики. Они «делали себя» сами. От своих сверстников, которых казённые учителя «делали по программе», они отличались кардинальным образом. У лицеистов разбуженный интерес к участию в интересной жизни поддерживался открытыми для этого возможностями. Чего не могли позволить себе дети обычных школ, зажатые, если и не бедностью родителей, то насмерть «зажатые» интеллектуальной и духовной бедностью раздражённых, серых «училок» — в русских средних школах право

«делать другого» получали люди, не сумевшие «сделать себя». Одни вели своих чад на подъём, к умению любить работу, к способности находить ключевые проблемы и решать их самостоятельно, другие — заполняли время друг друга коротанием жизни.

Конь и повозка-балаган — проект-перемирие — последнее место встречи двух диаметрально противоположных молодых потоков… Под сенью балагана, колесящего по Городу и его пригородам, с ранней весны и до поздней осени «паслись» школьники, студенты, мальчишки-казаки и даже зеки. Пьянство и шутовство — только так на Руси могут брататься и слышать друг друга высокое с низким, умное с глупым, живое с неживым… Ах, русское настоящее! — В нём насмерть обнимаются «последнее прости» и «последнее прощай».

За повозкой частенько плелись члены детского отряда юных экологов, которые собирали городской мусор в большие пластиковые мешки. Наполненные мешки экологи бросали где придётся. Разрозненные отходы в своём концентрированном, окультуренном виде, в мешках, могли валяться на улицах Города до скончания века. Обычно мешки разрывали хулиганы или собаки и ветер возвращал улицам то, что они потеряли.

Недаром русских сравнивают с медведями. Эти милые увальни, такие добродушные с виду и неуклюжие, могли, при случае, развивать немалую прыть и применять недюжинную силу. При случае… Только голод и смерть пробуждали медведей на буйство и рык! Русская духовная зима предполагала вечную духовную спячку. Вечная духовная спячка объясняла вечную умственную лень. Совокупность первой и второй причин делали проекцию физического существования разновидностью сна во плоти. Как же всё просто! Русская жизнь подчиняется прихотям сна! Кто опровергнет картину, кто повернёт её правильно? Некому небо на небо, а землю на землю поставить… Каждый твердит: «На-пле-вать!»

Новое поколение молодых ловкачей не плевалось. Воспитанное на конкретном целеполагании и манере западной деловой цепкости, молодые люди представляли новейшую генерацию русских. Они видели смысл жизни в обязательном достижении намеченной цели. Достигали её и намечали новую. На вопрос: «А зачем?» — они не искали ответа «где-то там»; единственно правильным ответом были они сами — быстрые, не слепые, ловкие, красивые, успешные и счастливые. Сделанные одним словом. Другие!!! Им уже никто не мог внушить бессилия и беспомощности, как это делала с людьми обычная средняя школа или церковь. Религиозным дурачкам идею их особой избранности навязывали в обмен на нижайшее послушание электората. «Другие» — избирали сами: какими быть? где? каким образом? Конструирование себя

самого могло принадлежать только одному конструктору — человеку. Молодые люди уверенно держались в сторонке и от политического, и от религиозного массового идиотизма. «Другие» знали: русская жизнь устроена безнадёжно «не так»! Но «другие» не собирались её спасать, как интеллигенты-народники, или раздавать всем сестрам по серьге, как социалисты. Возмужавшие «другие» занимали в Городе кое-какие посты, но никто из них не действовал как грабитель. «Другие» привыкли достигать успехов самостоятельно, в упорном труде. Упорный труд! Ха-ха! В России под этим безусловно подразумеваются: предательство и хитрость, обман и ушкуйничество. Воровство — труд непочётный, но если вор был крупный, при погонах или шляпе, то ему завидовали. Изначально в разбойничьей России разбойников не судили строго. Казнили, но не проклинали. Высших паханов не судили вообще — им истово поклонялись. Высшие разбойники угнетали нижних, нижние угнетали сами себя и себе подобных.

В одном времени столкнулись две касты: «они» — безликая масса верующих в чудо, и «другие» — личные собственники не только своего личного мира, но и владельцы вожжей коня эволюции. Ворам и попрошайкам места под русским солнцем могло не остаться. Воры и ленивые попрошайки вновь могли собраться в люмпенский взрыв.

«Другие» ломали отвратительный стереотип.

«Они» составляли посконную суть унавоженной, преющей в себе русской действительности; «другие» были готовы и уже выполняли роль преобразователей и пользователей страны. Именно «другие» вступили в жесточайшую конкуренцию с набежавшими со всех сторон экономическими и идеологическими оккупантами. У «других» было меньше власти, блата и денег, но моральное преимущество целиком находилось на их баррикаде — это была их страна. Их собственная страна. Собственность! За которую следовало бороться, не щадя живота. Война велась в судах и на вип-банкетах, в адвокатских конторах и на просторах Интернета, в эфире и на газетных полосах; особо упрямые ложились на пули в борьбе за равноправие между обязательством и обязательностью. Фронт был всюду!

В этой обстановке на Грэя смотрели с тайной подозрительностью и неодобрением все: и обыватели, и «они», и «другие». Счастливый человек мешал русским жить нескрываемым наличием своего «хорошо», он был непостижим для них, как НЛО.

Россия в окружении полуврагов-полудрузей сжималась в очередной кулак. «Другие» составляли в этой Третьей мировой войне-невидимке её главное ополчение. Высшая частная собственность общества — это собственная страна. Увы, Русь всё больше становилась не собственной... Никто, конечно, не читал по радио тревожных сводок «Информбюро», которые бы, затаив дыхание, слушал на площадях монолитный от беды

народ: «...В нетяжёлых и непродолжительных экономико-политических боях пали под натиском ненасытного врага наши города и сёла: Москва, Питер, Красноярск, Владивосток и Екатеринбург, погибли тысячи заводов и предприятий, захватчикам отданы укреплённые пункты и важные рубежи...». Не сосало у народа под ложечкой и не гуляли от священной ненависти желваки на лицах мужчин. Не было ничего такого. Но Россия в кулак сжималась. Сжималась! В кулак невидимый, жуткий и неожиданный, как гром Господень.

Военные доктрины генералов-стариков были смешны и бесполезны для фактически уже оккупированной в ментальной войне Руси. Их патриотичное блеяние никто не слушал. Их идиотские приказы полуразложившейся трупоподобной русской армии только добавляли человеческих жертв и вызывали потоки газетно-телевизионного смрада. Прошлое — агония. Только в России здание настоящего первостатейно используется как старческий приют для былых подвигов и омаразмевших от старости и славы их родителей. Со скрипом и неохотой русский курс постоянно «рыскал»; у штурвала страны собачились и грызлись чужие резиденты и собственные интриганы, со всех сторон слышалась иноземная речь; руль хватали дети генералов, династически впитавшие страсть к верховодству. Россия — страна императоров! Всюду наплодились императоры и императорчики, большие и малые, захватившие директорские кресла и госдолжности с правом пожизненного родового наследования их. Любо-дорого было до слёз хохотать, глядя на публично крестящегося в Пасху «императора» какого-нибудь ЖЭКа, завода или Кремля.

Лицей в своём развитии пережил две внутренних эпохи и успешно вступил в третью. Первая эпоха основывалась на том, что «педагогическая целина» осваивалась группой городских педагогов-энтузиастов. «Педагогический ландшафт» Города, по их мнению, более всего напоминал остров, переживший извержение вулкана, цунами, падение крупного метеорита и чуму одновременно. Они захотели сделать свою собственную Школу. Место, в котором бы взрослые и дети не учились и учили, а — жили. Так же, как живут родители, братья и сёстры в дружной семье, под одной крышей. Что их держит вместе? Атмосфера! Воздух любви и уважения, которым они дышат! Отдельно взятая атмосфера в бесконечной «безвоздушности» страны. Мечтатели добились своего: старый, приготовленный на слом, корпус превратился в «рассадник разврата» — так говорили о Лицее завистливые министерские тётки и... отдавали своих детей именно в этот «разврат». Потому что прочие школы города старались штамповать дебилов — детей городского равнодушия.

Атмосфера счастливой и дружной семьи царила в период первой эпохи лицейского братства! Педагоги относились к своим чадам как

к своим собственным, а дети с благодарностью и доверием видели во взрослых высшее родительство — друзей и подружек, знатоков не только своего предмета, исповедников и пестунов. До глубокой ночи невозможно было выгнать из стен Лицея детей, прибившихся к лучшему в своей жизни дому. Даже ночными сторожами здесь работали поэты, которые по ночам писали вместе с детьми очаровательные спектакли и коммунарские песни!

Дети выросли, получили аттестат зрелости, разлетелись по вузам, на практике доказав сомневающимся, что «разврат» научил их не только свободе жизни, но и не мешал хорошо учиться. Почти не мешал, если уж быть до конца честным. Выяснилось вот что: молодые люди, выращенные в оранжерейных условиях, по вылету из гнезда очень тяжело приспосабливались к грубой и недоброжелательной России. Многие уехали жить за рубеж. Это было бегством.

Вторая эпоха — это идея «образовательной среды», когда учебным классом становилась вся земля. Лицеистов вбрасывали в необычные, совершенно взрослые ситуации, как щенков. Они забирались в горы, рисковали головой в категорийных сплавах на катамаранах, вертелись под ногами в учёных лабораториях, лезли с исследованиями в правительственные кулуары, задавали вопросы на площадях Нью-Йорка и Рима, целовались и в четырнадцать лет вполне грамотно и спокойно совершали свои половые премьеры, они уверенно «плавали» в волнах иностранных языков — они тоже делали себя сами. Уроком и наглядным пособием являлось всё богатство земли, а главным педагогом — непредсказуемость жизни. Поэтому «зачёт» можно было получить лишь одним способом — воспитав свою готовность к позитивному и успешному «встраиванию» в любую ситуацию и в любой стране мира. Возвращаясь в родной Лицей, как на базу, «коробейники» привозили и оставляли в его атмосфере свои рассказы и впечатления. Они тоже, встречаясь, засиживались в Лицее допоздна. Но вместо сторожа-поэта на его месте теперь сидел бесцветный сморчок-мужичок, который о написании спектаклей не помышлял; он лишь молча негодовал на вопли молодёжи, забивающие звук его единственного ночного друга — телевизора. В Лицее постоянно работали «выписанные» по обмену иностранцы, а лицеисты по каналам того же обмена с наслаждением пропадали где-нибудь в Дюссельдорфе или Сиднее. Главным ремеслом птенцов «второй эпохи» считалось умение адаптироваться и быть лидером. Эти — тоже все разъехались по миру. Но не как беглецы, а как завоеватели.

И, если первые выпускники напоминали милых божьих пташек, которых всем хотелось холить и прижимать к груди, то вторые были расторопными, весёлыми волчатами с острыми и уже крепкими клыками. Их «хватательный рефлекс» имел особое воспитание — всё полезное для себя они умели изящно хватать и на земле, и на небе, и в чужой голове.

Третья эпоха в Лицее началась после того, как две предыдущие идеи победила последняя — идея «проектирования» жизни. Проектанты не пели по ночам и не сочиняли с коммунарской восторженностью од о своей замечательной дружбе. Вместо сторожа-сморчка на вахте Лицея сидел уже, индифферентный ко всему, человек в камуфляже.

Проектанты проектировали всё: себя, мир вокруг себя, качества души и разума, глубину и специфику своего образования, пути судьбы и её узловые точки. Они проектировали даже радость! В Лицее, в подражание пушкинской эпохе, устраивались посвящения и костюмированные балы. Можете ли вы представить: дети во фраках и бальных платьях открывают рот, а из него вдруг, средь шумного бала, вылетают слова — «образовательная технология», «интрадукция смыслов», «методологические ошибки», «флуктуация понятий и бифуркация приоритетов»... Представили? Кто это? Люди или машины? И коли они говорят и думают, как машины, то для чего им тогда бальные платья? — Русские судьбы!

Юные лицеисты-проектанты снисходительно взирали и на учителей, и на выпускников первых двух эпох. Так дворовые подростки смотрят на пенсионера, вдохновенно рассказывающего о славных деньках времён Куликовской битвы... Проектанты и впрямь напоминали ладно сложенные части неведомой машины-Франкенштейна, получившей, наконец, разум и самосознание. Эти — другие! — не уезжали! «Другие» вычислили, что Россия, с её колоссальными степенями свободы, плодородным хаосом и возможностью жить по произвольным законам, — огромный и самый привлекательный резерв для реализации их спланированных амбиций. «Другие» могли быть и «нежными пушистиками», и «волчатами», и «жёсткой схемой». В зависимости от характера тактических задач, служащих достижению стратегической цели. «Компьютерные головы» практически никогда не ошибались. Они играли по собственным «правильным» правилам. Они даже чувствовали — по правилам!

Ах, люди! Их наивное ожидание рисовало картину машинного будущего совсем иначе: они ждали, что колёсики и кристаллы, провода и электроны, накопившись до критического самосцепления, начнут мыслить. Люди писали об этом фантастические романы и зачитывались утопией. Ха-ха! Всё произошло иначе: живые люди сами стали «колёсиками», «проводниками», «процессорами»... И когда количество и качество их техногенных достижений и связей окрепли, Машина, единственный и безраздельный властелин сегодняшнего мира, поработила создателей, подобострастно обслуживающих её возрастающие прихоти. Вий поднял веки.

Но, вознося хвалу Мамоне и Молоху, живое, всё-таки, тянется к живому. Поэтому хорошо получить в юности «прививку» — несмер-

тельный укольчик от жизни, чтобы вся остальная смертная рассрочка была бы полегче.

Ах, жизнь! В балаган-повозку летом набивались представители разных лицейских эпох. Иногда они шлялись по Городу, таща за собой несанкционированный митинг-шлейф зевак и участников балагана, устраивали дурацкие концерты во дворах-колодцах новых микрорайонов, разводили огонь в огромном «трофейном» самоваре, пили чай прямо на улице, целовались и жевали ириски. Молодость всячески ковыряла вяловатый муравейник Города. Но он — молчал. Предприятие жило само для себя, как ещё один вариант «обучающей среды» — в местном исполнении и на конной тяге. Обыватели со скепсисом провожали взглядами «эксклюзивный проект», от которого попахивало конским навозом, сигаретами и винцом. Власти смотрели на детский проект как на блажь и, в общем-то, не одобряли акцию, которая существовала уже не первый год и мало-помалу ненадолго раздвигала-таки серую пелену Города. Даже скептики весной, выходя на улицы в Пасху, невольно осматривались: не едут ли ряженые?

Лицейские хиппи не раз создавали в Городе проблемные ситуации. Не раз возникали конфликты между администрацией Лицея и родителями детей. Но как-то всё обходилось. Мерин зимовал в старом гараже. За зиму накопившиеся страсти успокаивались и можно было с новыми силами приниматься за старое.

Одухотворённые молодые весельчаки, как сперматозоиды, бодали бесплодное чрево Города, то тут, то там. Увы. Только в царстве жизни таким образом можно было разбудить начало новой жизни. В антицарстве «слишком живая» инициатива будит кое-что другое. Город, как упругая, но непреодолимая серость, поглощал всё, что в него попадало. Эхо культурных событий здесь вязло так, что даже сам оригинал не мог определить: было али не было первородное «ау»?

Лицеисты, узнав, что Дух, Ро и Грэй — одна компания, повадились ездить на полигон. Грэй воздевал руки к небу и гнал пришельцев вон. Он не понимал, что из олухов и оболтусов, на задворках, в России рождаются самые передовые инновации. Обычное дело для странной страны. На свет появлялись и выживали лишь те, кто мог появиться наперекор агрессивному равнодушию Города.

Достижения всех трёх эпох смешались под крышей Лицея. Ро приступила к своему образованию в самый разгар «третьей эпохи».

Дух беспокоился: русский «маринад» мог очень пагубно отразиться на воспитании Ро: частное благородство не выдерживало здесь соседства с повсеместной грубостью и беспринципностью. Понятия Россия приравняла к принципам. Опасность была в том, что слишком натуральные и простые понятия до себя «опускали», а принципы, если они

развивались, а не девальвировали, могли служить инструментом, поднимающим человека над собой. Ро от природы была наделена открытым общественным сознанием. Куда то её поведёт завтра-послезавтра? Никто не знал. Листая прошлое, Дух видел: имперский масштаб в гражданской личности специально и первостепенным образом воспитывали. А присматриваясь к настоящему, он видел другое: образование и эгоизм сговорились, воспитанность им лишь прислуживала. Утрата безусловных воспитательных приоритетов означала конец империи… Собственно, всё уже произошло. Русское небо почти погибло. Самобытный разум агонизировал. На земле шёл пир во время чумы. Дух заставлял себя думать иначе, но деструктивный образ подходил точнее и от него трудно было избавиться.

Грэй помогал другу, чем мог.

— Старина! Россия — это Колобок. Она никогда не разберётся, где у неё настоящая голова, а где задний ум. Ей всё едино: каким местом думать, к кому и каким боком повернуться. Слушай сказку! Катится, значит, Колобок, а навстречу ему то французская лиса, то немецкий волк попадаются, то гризли… Он каждому одно твердит: «Съешь меня поскорее!» Ха-ха-ха! Правда, смешно?

ФИЗИК

Кто не слепой, тот мысли видит и облекает их в слова,
но, слов бессмыслицу провидя, сдается чувствам голова.
Спасибо, ежели не поздно, ленивой дружбе и любви,
что продолжаются, как воздух, и жизнь наитствует: «Живи!»
И тщится полным стать пустое, предел постичь сквозь передел.
Кто наше время плоскостное на ось потешную надел?!

Изобразись, лесное диво! Взор, состоя с огнём в родстве,
нелживо ахнет: «Как красиво!» — смущая звуком тишь и свет.
В запасах есть и смех, и ласка, письма белёхонький флажок,
кружок поджаренной колбаски и травяных чаёв ожог;
то зелень выстрелит пружиной, то белизна всему виной —
лишь это есть непостижимость, и не отмечено «ценой»!

Чтим имена и небылицы, словесный сеем огород…
Судьбе запомнятся не лица, а дней особых поворот!
Неизъяснимый образ внятен, когда земного срока транс —
в преображении понятий, в перемешении пространств!
Костёр разбужен говорящий, бьёт синь в сосновую струну.
Круг косноречия неспящий, на миг уснув, перешагнул!

Грэй выкатил белки.

— Второй раз мудаков на территорию не пущу. Частная собственность! Не имеете права! Мудаки всё уделают здесь не хуже стада динозавров после слабительного!

...Три Учителя — Древо, Огонь и Вода — присутствовали в Городе и вокруг него изобильно. Деревья равнодушно скармливали своих детей — семена — перелётным птицам и перегною. Здешние воды были мутны и медлительны. А огонь... Его было много в Городе, но он погас в железных топках железного завода. Политики зажгли газ возле памятника павшим, но он излучал лишь тоску и холод. Дух поэтично, совсем по-детски представлял: костерок у вагончика Грэя — зёрнышко огня — лучше прочих!

Древо... Огонь... Вода... Всё это постепенно поворачивалось и переворачивалось в лотерейном барабане русских сезонов: от лета до лета — в глазах оптимистов, и от зимы до зимы — в глазах недовольных. Каждый назначал температурный «аз» в колесе года сам. Понятие времени в России — понятие персональное. Оттого-то и мысли людей разнились: кто-то весь год был холоден и лют, как февраль, кто-то сорил прибаутками и афоризмами, как сентябрь семенами... И только у «Рюмочных» собирались «вечнозелёные» бодрячки.

Грэя уломали запустить лицеистов на территорию полигона. Одноразово. Для проведения какого-то фестиваля. Для этого Лицей перечислил Грэю деньги, данные балаганщикам грантодателем — Духом. Голову свихнуть можно от русской круговерти!

Грэй приготовился к оплаченным неприятностям. Закрыл все имеющиеся двери и выпил.

На сей раз всё было по-другому. Ночное мероприятие охраняла милиция. На указанное место привезли грузовик поленьев. Сварганили небольшую сцену, поставили свет, микрофоны, звуковые колонки. Детки вели себя очень вежливо и прилично. Грэю казалось, что они, мерзавцы, его разыгрывают.

Движение порождает движение. Покоритель пространств неостановим в своих маниях ехать, плыть или идти. Монахи и философы путешествуют иначе, в мысли — не сходя с места. Как бы то ни было, человек не может не двигаться! Он меняет прописку, он преображается в чувстве или вверяет себя играм ума. Даже если он спит, он всё равно путешествует — во времени. Движение владеет всем: и взрывами сверхновых, и кажущимся покоем вечности, и мельтешнёй микромира, и бурлением космических образов, и памятью зёрен, и неведомым замыслом сущего. Движение — ещё один царь! Цена делений

на линейках бытия нанесена прихотливо: что вершина одному — то другому пропасть. Но есть одна точка, волшебное место, таможня миров — царственный ноль, дворец, в коем правит Ничто: все в нём равны, всё в нём равно. К живому живое приходит сквозь смеженье век, от живого живое уходит сквозь то же ушко. Дивное место, что твари дозволит себя самоё испытать! Остановятся мысли, качели желаний со скрипом замрут, потеряют значение вещи… Дальше что? Дальше кто? Неужели ты сам из себя прорастаешь, идущий?!

Любой, кто смотрел зябкой ночью в огонь, кто слушал негромкую песню, что девы поют о любви и страданьях, угадает: мыслей нет у костра! Тем и хороша настоящая молодость: в ней нет расчёта. Жизнь сама по себе воспринимается как полноценная выгода. Пути к будущим достижениям привлекательнее самих достижений.

…Где же побывала ты, жизни тележка? Что повидала? Кого удивила? Артерии магистральных дорог менялись под копытами коня на извилистые жилки и капилляры просёлочных — всюду пылила, тряслась на ухабах и текла куда-то бесхитростная русская жизнь. Повозку лицеистов многие узнавали и радостно сигналили при встрече. Шатающийся туда-сюда по земле конный агитпоезд исправно выполнял задуманную функцию — напоминал трудовым людям о том, что где-то далеко-далеко есть на земле неземное счастье. Замкнутое пространство пригорода неоднократно было пересечено во всех направлениях архаичной повозкой на никелированных колёсах. Предприятие ничуть не захлебнулось от неожиданного поворота событий в ту грозовую ночь. Облачко растерянности витало над балаганом недолго, поскольку неожиданные обстоятельства и новые повороты судьбы для бродяг — это, в конечном счёте, подарки, и отказываться от них было бы глупо.

Копыта мерина не спеша колотили по земному шару — «ш-ш-бум, ш-ш-бум! ш-ш-чак! ш-ш-бум!» — и земля, то распалённая зноем, то охлаждённая сырой осенью, равнодушно повторяла звук плетущихся ног: «ш-ш-бум! ш-ш-чак!» Тот, кто восседал на месте возничего, тоже внимал только звуку бьющих о дорогу копыт, который залетал в отверстия ушей и метался под черепом, словно эхо шагов ночного сторожа в сельском храме: бум-бум-м! «И как им не надоест?» — возмущались городские ворчуны. Усталость прилипает к человеку легко, как смола. Но это — не вечный недуг. Достаточно сменить настроение и силы обновятся. А молодость меняет настроение ежеминутно!

Мерин шёл и шёл по своей лошадиной жизни, мотая головой. Куда? Да какая ему разница! Маршрута не существовало. Вместе с ватагой поющих людей, он спокойно пересёк Город: лицейский двор, центральную площадь, частный сектор… Частный сектор! — Деревянная окраина предоставляла взгляду случайного путника свою законную территориальную и административную бедность, осаждаемую

наступающими каменными коттеджами богатых горожан. Прохожие и кумушки у калиток домов оглядывались на диковинное зрелище и провожали повозку долгими взглядами, местные мальчишки бежали рядом и кричали что-то задиристое. Собаки, распластанные в пыльной траве, молчали, — минувшее лето выплавило их деревенскую злость и сделало ленивыми.

Прибывший днём десант был невелик. На полигоне ребята действовали аккуратно. Пьяных вообще не было, что особенно настораживало Грэя. Стреноженный мерин щипал то, что мог найти окрест, гитарист выставил два микрофона, завёл бензогенератор и включил усилитель, а сам стал наигрывать импровизацию. Звуки электроинструмента, как дурман, перелетели через бетонный забор и поплыли над крышами домов и сараюшек, прошили насквозь стеклянные мезонины богатых, обволокли очарованием близлежащие холмики и рощицы — играл молодой человек виртуозно, самозабвенно, выражая руладами звуков дыхание нездешнего вдохновения, какое знакомо всякому таланту. Музыка была красивой, а лицо игрока то и дело посещала печать мучений; увы, увы, то, что слышала душа, не могли повторить руки. Даже гениальное воплощение досаждает мастеру своим несовершенством, а уж восхищение знатоков сим творением печалит его ещё больше.

Знатоки слетались быстро и организованно. Кордон оплаченной городской милиции пропускал внутрь только тех, у кого были приглашения. Местная шпана и пацанва с завистью смотрели на чужой, недоступный праздник. У ворот стояли накрашенные девицы, они лузгали семечки и застенчиво перехихикивались. Иные показывали пальцами на что-нибудь блестящее и с видом экспертов бросали соседу весомую реплику. Музыка лилась и лилась, парень неутомимо перебирал струны, раскачиваясь телом, как исступлённый фанат на молитве.

Зажгли костёр. Постепенно подтянулись на огонёк и люди постарше, и даже старики. Осмелев, кто-то подошёл к микрофону и спел. Потом следующий, потом — выстроилась целая очередь из желающих показать себя перед земляками в новой, «усиленной» аппаратурой и неожиданным праздником, роли. Уж давно спали в палатках лицеисты. А приглашённые люди не расходились, им было на редкость хорошо друг подле друга, и было занятие на всю ночь — зеркало звука, огонь и прекрасное чувство здоровья.

Людям, как оказалось, не так важны и нужны развлечения да выступления заезжих гастролёров, сколь требуется другое — искорка публичной исповеди, форма незатейливого, но благожелательно воспринятого собственного творчества.

Во второй раз Спаситель придёт на землю с зашитым ртом и с огромными, настежь распахнутыми ушами...

С той стороны забора тоже зажгли костёр. Тоже запели. Громко и вразнобой. Шпана пила пиво, дети орали. Собравшиеся у второго костерка на ночь люди с мутными от похмелий глазами, с огрубевшими, как кора, ладонями вдруг находили в пришельцах и их балаганной затее нечто превосходное — их здесь не ждали, их не любили, но, горланя слова знакомых песен и смущённо «выставляясь» перед соседями, похмельные вдруг понимали: зеркало ночи тоже отражает их жизнь лучше, прекраснее, выше, чем они привыкли это видеть. Отражение подтягивало оригинал.

В периметре оказался бывший Физик, списанный с корабля большой науки из-за несчастного случая — перенесённый клещевой энцефалит повредил мозг учёного и навсегда переключил работу могучего интеллекта с хорошо оплачиваемого процесса «оцифровки» мира на его бесплатное осмысление. Физик околачивался лето в коттедже у знакомых, томился; неожиданное иллюминированное конное шествие он расценил как подарок судьбы и, не раздумывая, не испрашивая каких-либо разрешений, — присоединился к идущим. Болтовня его была безгранична. Парня-музыканта спасало то, что извилины его не были приспособлены для наслаждения мудрованием, и философские дуновения он не отличил бы от дуновения с полей даже под пытками.

— Самоорганизация формы и содержания — это большая редкость, которая в мире людей практически не встречается. Форма буквально заставляет местную содержательность проявиться. При этом изначально заданы условия проявления: очищение качеств! Люди стремятся к самовыражению, но при этом — выражают собой нечто большее, чем они есть. Какая тонкая грань! Вы меня понимаете? Это поразительно!

Мерин, как истинный гуру, всё видел и обо всём молчал. Пройденные километры его память сворачивала в бесконечную спираль, нанизывая на неё, как хромосомный код: встречи, прохладу ненастий, улыбки прохожих, нечастые купания в Реке, чавканье колёс в колее, фейерверк чьей-то свадьбы, гудок теплохода, картошку в котелке…

— Победителей нет. Побеждает лишь тот, кто спасается бегством. Знаете, на кого похож наш Город? Это — сука-первородок: родитель, поедающий своих детей.

После того, как информационные каналы передали пару интервью с балаганщиками, началась беспокойная жизнь. Летом, если выезд-поход продолжался несколько суток, около фургона неизвестным образом появлялись люди, в основном, пешие или на велосипедах, экипированные для туризма. Некоторые из них появлялись и тут же исчезали, а другие — оставались, никому не досаждая и не навязываясь в помощники. Они следовали за повозкой, как рыбки-лоцманы, в некотором отдалении, но нельзя было не заметить, что число их растёт

с каждым погожим деньком. На двух-трёхдневных стоянках вокруг повозки образовывался стихийный палаточный лагерь, даже из соседних городков приезжали на машинах любопытствующие.

Фанаты к полуночи собрались на полигоне. Грэй выпил ещё и закрылся в своём вагончике изнутри. Даже на призывы Ро он не отвечал.

Физик «доставал» всякого, кто становился его неосторожным слушателем. В какой-то степени он был русским дублем Духа.

— Россия не математична! Россия поэтична! — бормотал Физик свои непрекращающиеся речи. — Что такое «русская идея»? Ха! Это — феномен исчезновения. Только идея конца света абсолютна и доступна в своей физической реальности. Смерть — это русская идея! Абсолютный стимул жить вне лжи! Всё или ничего. Как у подростков, негативно сравнивающих свой идеальный внутренний мир с омерзительными компромиссами внешнего... Так стоит ли выходить во вне, из очень хорошего в очень плохое? Смерть в русском понимании — это не конец и не начало чего-то. Смерть — это качество жизни. Чем выше поднята гибель, тем выше живётся обречённым...

Тот, кто знал Духа и его речи, а теперь ещё и мог слушать энцефалитного Физика, убеждался: Россия тайно клонирует чокнутых.

Физик был зеркальным русским отражением того, что выносил Дух в себе, живя на Западе, — попытки мысленного постижения наитий. Словно встретились два зеркала — прямое и искривлённое — глянули друг в друга, переотразились, как и положено при гадании, и весело им стало от неуклюжих своих пророчеств. Дух при помощи мысли опускался из культурологических эмпирий на землю, находил здесь соответствия своим идеалам и даже начал участвовать в сугубо практических земных делах. Физик, наоборот, встречно, как ракета, использовал весь свой эмпирический запас для героического «самосгорания», чтобы через плотные слои догм, узаконенных «святостей» и традиционных представлений вознестись туда, где никого нет, кроме двоих: Физика и, подчинённого ему, познанного духовного Мира. Дух и Физик встретились посерединке, в поле мысли, на дорожке судьбы, как два встречных путника. «Я оттуда — сюда иду, — говорит один. — А ты куда?» Второй отвечает снисходительно: «А я отсюда — туда!»

Когда люди смотрят в огонь, они становятся равными друг другу настолько же, насколько они равны сами себе. Ах! Если ты не можешь пойти поискать интересную жизнь, не можешь покинуть свой дом, свой хлев, свою бесконечную работу, то жизнь — сама к тебе явится! Она — свободна! Она не знает преград и не ведает гордости. Живой огонь, ведро с чаем, да карамельки — вот и всё, что требуется для праздника, чудес и благодарности людей.

Гоблина с гармошкой у большого костра приняли на ура! Ро спела тоненьким голосом песенку на китайском языке. Грэй вылез из затворничества и придирчиво обошёл частное владение. Что-то не сходилось. Балаганщики для своего мероприятия предусмотрели даже пару биотуалетов. Мусора не оставляли. Ничего не сломали и не украли. На полигоне, в кольце милицейского кордона, была… не Россия! Настоящая Россия сидела там, у другого огня, за забором…

Да, да! Жизнь недоказуема в принципе. Поскольку в «доказанном» виде она перестаёт быть жизнью и именуется иначе — опытом. Феноменальность всего, что имеет тело, разум, пульс и душу, в том и состоит, что мгновение «склеивает» инородцев в единое целое. Именно миг объединяет и бездну Вселенной и бездны частиц-невидимок, синхронно и красиво соединяя в одно ожерелье рождение и смерть. Миг! Эта величина столь необычна, что её невозможно выразить ни парсеками, ни ангстремами, ни словами. В миге времени нет, как у Бога. Близок к истинности лишь поступок. Близок к поступку лишь тот, кто готов быть правдивым.

Недоказуемость мига есть пик совершенства: не подтверждается дважды пришедшее жить. Кто-то спешит доказать себя самого — стремится раздвинуть поток соплеменников, лезет на стены, идёт по чужим головам… Что докажет он в том, чего нет? В повторяемом мире иллюзий? Жизнь смеётся над громким своим бедняком! Ожидаемое не сбывается, а предполагаемое так и остаётся всего лишь предположением. Неужели в наших случайных фантазиях, образах сна и мимолётных желаниях жизни больше, чем в твёрдой надменности каменных догм или власти машин? Далеки от действительной жизни рождённые штампом.

Доказать и ещё раз доказать! Кому и что? Не важно. Прокричать со сцены о своей исключительной доле. Создать и разрушить, воспарить или пасть, назваться героем, злодеем, всем назло уцелеть, всем на счастье погибнуть, рождать преемников, иль вершить преступления — все, все доказывают своё личное право «быть в жизни». Быть в жизни! Успеть прилепиться! Словно в снежном комке, очутиться помятой снежинкой. Ком велик! Он огромен! Ком этот катится и на него налипают слои поколений! И пот, и кровь, и сладкие речи скрепляют колосса. Огромный мир антиподов — словно бойцы в клинче, неловко застывшие друг в друге. Мир доказательств скалит зубы и наращивает мускулы. Впрочем, аргументы земной борьбы не самые главные. Скалят зубы и наращивают победное упрямство демоны, что витают вокруг плоти ещё со времён Адама. Кто ближе к поступку и мигу: люди или их саблезубые музы? Рычаги идей и мыслей, мотивы душевных порывов, фанатичность одержимых — о, как стремится невидимое вылиться в форму, перехитрить утекающий миг: сделаться!

Хороводы изумительных неправд летят, обжигаясь, на свет. И на тот, и на этот.

Полезно, иной раз, перевернуть представления о мире, словно песочные часики. Мир ведь от этого не изменится, но время — запустится заново, заструится, потечёт сквозь фильеру по имени Явь из пустого в пустое…

Недоказуемо счастье, недоказуема песня весенней напыщенной птахи. Кто осмелится трепет влюблённого сердца назвать повторимым?! Сила вражды и законы удачи — единственны в каждой секунде. Только глупец вам «докажет» искусство иль веру. Чудо и жизнь — не одно ли и то же?! Беглец-человек, ты никогда не будешь готов к повседневному чуду, если ты не готов к неповторимой банальности — к жизни!

Полигон бурлил поющими паломниками.

— Мы неограниченно путешествуем в себе самих! — Физик очень оскорблялся, когда его не слушали. — Это, друзья, не мероприятие. Это — непрерывное событие! Мы умеем со-быть друг с другом и с миром всегда, а не только по расписанию дат.

Мода на лёгкую, здоровую жизнь сильно изменяла лицеистов и их друзей. В изменившемся мире свобода и умение себя ограничивать оказались привлекательнее и сильнее всех прочих свобод и умений.

Продавцы уличных рынков на время прохождения балагана убирали с прилавков, на всякий случай, свободно лежащий товар. Сизолицые и сиволапые нищие, ползающие вокруг церквей наподобие навозных мух у тёплой кучи, с недовольным матерным жужжанием отлетали с пути обалдуев в улочки-тупики и там затихали. Однажды звонкий отряд вечерних мальчиков и девочек в скаутской форме перестал выкрикивать около гипсового памятника свою патриотическую чушь и, раскрыв рты, зачарованно воззрился на живую лошадь с включенной фарой на высокой дуге. Верховые дядьки-казаки, вынырнувшие однажды из поля рыжей ржи и решительно подскакавшие к экспедиции, осеклись, наткнувшись на здоровых, доброжелательных людей. Ах, как это трудно! — Когда некого учить, остаётся лишь учиться самому. Даже шпана вела себя иначе, заглядывая, иной раз, на импровизированные уличные посиделки балаганщиков.

А надо сказать, что Город кишел от экстрасенсов, колдунов и тех, кто называл себя этим именем. Лицеисты не преминули жестоко пошутить над склонностью людей к мракобесию. Доверчивых горожан они уверяли, что мерин — это «экстрасенс для экстрасенсов», посланец Природы, одним своим присутствием исцеляющий всех ненормальных. Об этой шутке проектантов охотно и с юмором писали в местных газетах. Лошадь была обвешана со всех сторон «силовыми» амулетами,

свезёнными со всех континентов в пёструю кучу, сувенирами и самоделками — всем, чем щедра была ехидная и умная юность лицеистов. Однако глаз мерина и впрямь был глубок, он, как чёрная космическая дыра, обладающая безмерной гравитацией, организовывал, словно инфернальный профессионал, всю вращающуюся говорящую массу народа в гармоничный живой хоровод человеческих светил, планет, лун, астероидов, комет и пыли.

Однажды случился казусный эпизод.

— Сука! Уберите эту суку! — человек с плохой координацией движений и перекошенным от страха и ненависти ртом распластался перед стоящим на привязи конём, безуспешно пытаясь отползти прочь. Глаза его были расширены и он повторял в крике одну и ту же бранную фразу, словно заклинание. Вскоре изо рта у несчастного пошла пена, кто-то из понимающих быстро вставил в кривляющийся рот деревянную ложку — начался эпилептический припадок: человек запросто мог сам себе откусить язык.

Этого бедолагу привезли на огромном чёрном джипе молодые люди с бритыми головами и синими наколками по всему телу. Они ни с кем не поздоровались. Просто вынесли корчащегося человека из салона автомобиля и уложили на землю. Оставив свой «гостинец», они умчались на рычащем болиде в ночь.

Лежащего человека многие узнали. Это был весьма известный в Городе «экстрасенс и белый колдун», как он сам себя называл в многочисленных интервью. Его часто принимали в богатых домах и втайне с ним советовались даже владельцы заводов и политики высшего ранга. Он был в фаворе.

Припадок постепенно проходил, лежащему помогали несколько врачей, оказавшихся около, — это были те, кто проводил свой отдых, присоединившись к нарастающему «шлейфу» повозки. Окружающие относились к происходящему очень спокойно, как если бы в домашней обстановке, например, вдруг расплакался малый ребёнок. Кстати, близ повозки присутствовали и дети, но и они не относились к чужому несчастью, как к зрелищу.

Экстрасенса откачали. Балаганщики над ним откровенно, но беззлобно подтрунивали. Очухавшись, он пытался заговорить любопытным зубы, то и дело вставляя в змееподобную свою речь опутывающие слова и выражения: «аура», «карма», «энергетика чакр», «технология снятия порчи» и так далее. У слушающего возникало ощущение, что по извилинам его замороченного мозга вползает к вершинам познания сам Мудрый Змий. Ха-ха! У этого змия не было ядовитого, смертельного зуба. Он был просто ползуч, как уж, а мудрость, смертельное и окончательное знание — просто имитировал. Все это видели, и чтобы снять возникающую неловкость, беззлобно шутили над верящим в свою исключительность простачком.

Осмеянный, экстрасенс впал в безутешность и депрессию — пропали его способности. Накануне он заверил студентку-толстушку, что «элементарно выведет» бородавку на её руке. И, не откладывая обещанное на потом, совершил магическое действие: обмотал бугорок-бородавку шерстяной ниткой, пошептал что-то над местом операции и торжественно сжёг нить после этого: «К утру отпадёт!» Увы, телесный дефект не исчез ни к утру, ни к следующему вечеру. Экстрасенс нервничал, водил руками над стволами деревьев и приставал, словно репетируя пантомиму, к домашним животным, которые от него убегали. Он стоял на коленях перед ручьём и о чем-то сокрушённо шептался с водой... Горе его было велико и непоправимо. Он стал обыкновенным, как все.

...У микрофонов продолжалось самонастраиваемое действо: кто-то выходил и исполнял завораживающие, протяжные и печальные песни на языке своей национальности; босоногие девушки задорно выколачивали крепкими ступнями пыль из травяного ковра, директор Лицея был здесь же и воспитывал своих подопечных под гитарный аккомпанемент; долго и нудно мучил микрофон солёными частушками и бездарной похабенью паренёк, покрытый веснушками слоёв в двадцать, а, опустошившись, вдруг начал читать прекрасные стихи... Фестиваль означал счастливую возможность для детей и взрослых отвлечься от повседневного марафона будней, сделать всегда желанный глоток радости. Ничего необычного. Глоток свежей жизни всегда к месту. В монотонности труда и быта таится огромная опасность — может случиться зимний «замор», какой случается с подводными жителями на закрытых водоёмах; и стоит прорубить в таком месте лунку, — бедняги, спасаясь от болотной метановой смерти, наперегонки рванутся глотнуть кислорода. Вот и весь секрет. В том, что мы называем «жизнью», действительной жизни бывает слишком мало.

— Конкуренты! — кивнул на стихийный огонёк костра шпаны Грэй. Шпана, утомившись орать, тоже пела что-то лирическое.

Любить можно лишь того, кто не мешает себя любить. Как природа. Упаси бог, если у «любви» есть сценарий: положить столько-то поклонов, заплатить столько-то денег, отслужить и отработать столько-то лет, произнести обязательный текст обязательных присяг... Любовь и самолюбие, свобода и рабство: как трудно отличить одно от другого! Людям нравится собирать свои достижения в книги рекордов. Что в них, в этих книгах есть? Только цифры, да безумные поступки. Правильно растущая судьба всегда предлагает нам самую азартную и самую здоровую из игр: быть или не быть? Быть собой или быть чьим-то?

— В наших местах всякий человек, отличный от «ноля», — уже рекордсмен, — приблудный Физик шатался меж людьми и был счастлив,

если находился собеседник, способный перебрасывать мячики мысли быстро и отстранённо.

Глава семейства, художник-педагог, приехавший сюда с женой и двумя детьми на велосипедах, идею подхватил с полуслова.

— Знаете, я не люблю свой Город. Его все не любят. А тот, кто говорит иначе, — врёт.

Не спала в ту ночь и жена Гоблина, стряпушка. На обогретой площадке расположилась стайка девочек во главе с бабулей, похожей в ночи на старую ящерицу, которая жила так долго, что успела вырасти до человеческих размеров и выучилась говорить.

— А вы кто? — задала вопрос девчушка с косичками, от которого бабуля явно растерялась.

— Кто я?.. Знаешь, девочка, многие люди говорили мне — кто я. Но я всё еще не выбрала для себя подходящий ответ…

В основном, конечно, шлейф балагана состоял из молодых людей — лёгких и беззаботных ребят, которые примыкали к непрерывному блуждающему весенне-осеннему шествию на разные сроки. Все они были приятны для общения, хотя выглядели, иной раз, сомнительно — словно их только что сняли с какого-нибудь петушиного карнавала. С одним из них Физик заспорил насчёт «мохнатых» — так спорщики называли человеческие качества, из которых, собственно, и состоит понятие «Человек». Молодой петушок утверждал, что вся земля — «мохнатые». Они похожи на пауков, их мысли-крючки, словно щупальца раковой опухоли — метастазы — тянутся в ненасытной экспансии «венцов природы» во все пределы, чтобы, дотянувшись, убить найденное. Физик утверждал обратное, что человек изначально чист, а «мохнатые» сквозь него прорастают, ищя для себя путей на землю.

— Вы, наверное, религиозны? — снисходительно спросил молодой парень.

— Никогда об этом не думал, — честно отозвался Физик. — Но родители, впрочем, говорили, что в детстве у меня была кока, крестная тётка. Возможно, был крещён. А что?

— Да я так…

Есть люди, физически-ощутимо излучающие вокруг себя некое поле, в котором любая искусственность просто умирает, как придушенная. Люди-природа! Рядом с такими людьми сами собой умирали умные беседы, гасла и не возвращалась жажда творчества, ревнивцы и болезненные самолюбцы забывали о том, что это такое. Люди словно проходили врата тишины: ни мыслей, ни чувств, ни желаний. Умирало даже любопытство. Жить в мире суеты после этого становилось очень трудно. Сила непостижимой природной естественности, словно тряпка чистоплотной хозяйки, смывала всё то, чем цивили-

зация награждала до сего дня своих усердных адептов. Природа не ведает компромиссов, они ей непонятны — между жизнью и смертью полутонов нет.

Грэй раздухарился. Он перестал бояться оболтусов, залез на сцену и, пританцовывая, спел джаз. Отхватил овации. Потом у костра отломил кусочек хлеба и выпил кружку крепкого кофе. Над ночным полигоном звучала переливистая импровизация аса-гитариста. Не было планов. Участники феерии с удивлением присутствовали при непрерывных родах своей собственной жизни. И вечный младенец бытия — розовощёкое, певучее мгновение — гулило и хохотало на все лады. Почти каждый здесь был первым слушателем своих собственных слов и первым зрителем своих собственных поступков. Поступки людей, как буквочки новой жизни, складывались в слоги встреч, потом они превращались в слова превращений и, наконец, окрепнув, вылетали из блуждающего своего гнезда-балагана, чтобы стать ещё одним пёрышком в растущих крыльях маленькой городской легенды.

А под ногами гуляющих, глубоко под землёй, в это время неутомимо работали черви, пропуская через себя то, что должно было стать жизнью.

Полигон, защищённый от «врагов» полудырявым бетонным забором и милицией, понравился всем. Единственную неприятность места составляли кусачие клещи и запах — визитка навоза.

В составе балагана мучились, передвигаясь по буеракам и кочкам полигона, на абсурдных в этой обстановке роликовых коньках, несколько иностранцев. Они охали, часто пугались, но были беспредельно и искренне счастливы тем, что путь — бесконечен, и что он не имеет «железных» рамок обычных грантовых программ, в коих обязательно обозначены два чётких шага: начало и конец. Иностранцы много и часто болтали по своим аппаратикам связи, водили ими из стороны в сторону, передавая кому-то далёкому видеопанораму.

— Провинция — столица жизни! — восклицали иностранцы.

— А Москва?

— О! Москва — это столица государства. Государство и жизнь — это не одно и то же в России.

Людям от этих слов сначала становилось очень смешно, а потом они печалились: над правдой смеётся только бессилие.

Природа миллиарды лет вынашивала в эволюционных качаниях свою «золотую середину» — обыденность — не для того, чтобы ловкачи её опрокидывали и зарабатывали на этом сомнительном «чуде» свою славу и деньги. Избранные, знаете ли, не любят всего обыкновенного. В нем слишком уж много здоровья и равновесия, и оно вообще не нуждается ни в каком «лечении». Обыденность — это великая

тема! Обыденность может быть подзаборной, как у пьяниц и нищих, находиться в нижней точке своего равновесия, а можно дерзнуть на иное — поднять её высоко-высоко. Именно чувство равновесия позволяет человеку путешествовать в себе самом, не сваливаясь на полпути в яму какой-нибудь заплесневелой «истины». Да уж, для удержания равновесия в путешествии по вертикали потребуется работа «мозжечка» не только телесного…

Без мотива нет песни. Крылья дают не слова, а мелодия, — та волна, что качает кораблик видений. Балаган пел. Палаточный лагерь — гнёзда стихийных бродяг — честно говоря, поначалу всегда клал на душу тяжкий камень не только Грэю, но и любой местной администрации. Спасибо, волшебница-атмосфера, как песня, легко подбирала «интонацию» для любого общения; ею дышали, её подхватывали новые и новые участники лицейского «обалдуйства».

Взгляд старого и мудрого философа такой же, что и у философа-подростка. Но первый видит насквозь, а второй только поверхность. Не стоит принимать выражение лица за силу проникновения в суть вещей. Настоящего мастера от ученика отличить легко — по величине молчаний. Тишина! Эта песня сложна для земного солиста. И уж безмерно сложна для известного трио: плоть и разум, и дух человечий взаимно прозрачными могут быть только в смирении! Высока эта песня! Мало кто её слушает здесь.

Внимая фольклорному пению, Физик произнёс патетически:

— Мотив для человека многое значит. Под хороший мотив и на смерть пойти не страшно.

На что молодёжь тут же язвительно парировала:

— Толпой!

— Поясните.

— На амбразуры идут под что-нибудь такое, что рвёт барабанные перепонки.

Ах, тишина! — песенка персональная: она оглушает душу.

Ах, слова, слова… Что слова?! И они, конечно, важны. Они делают значимым всякий летучий мотив. И если их умело подменить, сила волны останется прежней, а значимость — станет предателем. Знак всегда покушался на знак! Пегасы искусства вывозили, вывозят и будут ещё вывозить глашатаев и их манифесты до облаков. Чтобы видели «свет» мотыльки, чтобы глупо стремились к нему, даже не понимая… Правда бессмысленна без обмана. А тишина без крика полноценна.

Ночи сентября прозрачны. Отошедшим от костра, виден был Город, где тоже пылали огни: ураганная лава сохранившихся ещё плавилен, воющие топки газовых котельных, безжизненный Вечный огонь перед

каменной статуей солдата и химерные огоньки лампад — эти огни были куда привычнее и удобнее тому, кто сам был порождён ими.

Как ни странно, около бездельничающих обалдуев собирались люди, для которых худший вид усталости — безделье. В пригороде трезвых и невысокомерных бродяг впускали в дома, принимали в семьях, топили им бани и доверяли технику. Кто-то любил колоть дрова, кто-то мимоходом обучал местных детишек приёмам вязания или основам иностранного языка. Проектанты не заносились. Богатые собой, они делились имеющимся богатством. Никаких обязательств, гарантий или обещаний обалдуйство не требовало. Даже внутренних, как это случается с религиозными фанами, рьяными членами партий, приверженцами тюремных кодексов или иными поборниками и содержателями примитивного коллективного разума — коммун.

Кое-какая идеология у лицеистов всё-таки была. Ими ненавязчиво руководила широко известная в узких кругах директорская мысль о том, что «нас делает то, что делаем мы».

Наверное, испокон веку свободного человека увлекала не какая-то определённая цель, и даже не все цели разом, а дерзость ещё большая — сама готовность встретиться с любыми препятствиями и достичь любой цели. Готовность! Хрестоматийное понятие, не имеющее формата. Готовность — к чему?! Можно приготовить слепых, готовых следовать за вожаком, можно создать и приготовить дураков, верящих в свою кастовую избранность и непогрешимость, можно довести единодушие масс до невменяемости. Коллективная готовность к чему-то одному — зло.

На следующий день группа детей помогала Гоблину-пасечнику стаскивать сухую траву на сеновал. Аромат стоял незабываемый! К мерину приделали волокуши — две срубленные берёзки; торцами деревца были прикреплены к хомуту, а сцепленные поверженные кроны волоком тащились по земле сзади, неся на себе очередной ворох травы.

Пасечник подозвал детей поближе к одному из ульев. Леток облепили насекомые, словно в крупном международном аэропорту непрерывно совершающие вылеты и посадки.

— Не бойтесь. Своих они не кусают.

— А кто ими управляет? — поинтересовался серьёзный мальчик в круглых очках.

— Родина. Ими управляет родина, потому что она у них есть и они посвящают ей всю свою жизнь.

— Я знаю, знаю! Родина пчёл — Австралия!

— Ну-ну. Родина этих пчёл перед вами. Это — улей.

— Улей?! Вот эта коробочка с дыркой?

— Да. Хотите, расскажу, как родина устроена?

— Хотим! Хотим!

И Гоблин с увлечением рассказал о рабочих пчёлах и пчёлах-солдатах, о родильном доме внутри улья, о службе вентиляции и строительных бригадах, о трудной работе рядовых крылатых граждан — поиске нектара.

— Пчела самостоятельно покидает родину в поисках сладкого нектара на цветущих полях, но всегда возвращается обратно, чтобы отдать найденное сокровище родине — пополнить её соты мёдом. И снова налегке улететь. Понимаете, детки: летать можно где угодно, а вот мёд нужно складывать у себя дома. Вы ведь растёте? Значит, и Родина должна расти!

Гоблину, польщённому вниманием, говорить на языке намёков, образных параллелей и целенаправленных аллюзий было приятно.

— Я буду учиться в Америке. А когда заработаю там много денег и стану знаменитым, то обязательно вернусь и куплю всем пасечникам новые ульи, — мальчик в круглых очках не льстил лукавому лешему в халате, от которого пахло дымом и воском, — он, скорее, жёстко программировал своё будущее, наперёд предусмотрев в личной задаче судьбы её правильное территориальное решение.

— Однако! — восхитился мальцом пасечник.

Младшие школьники быстро становились смышлёными и самостоятельными, а средний возраст вообще не требовал никакой опеки. Никто не знал: хороший или плохой знак — акселерация? Возможно, в раненом, в слишком спешащем мире другого пути просто нет. Досрочная зрелость — это, слава Богу, ещё не досрочная старость. По крайней мере, жить от этого ускорения всем было легче и лучше. Многим родителям, а также друзьям, любовникам и любовницам известен силок, в который они попадаются: рядом с беспомощным собственной жизни не будет. Дети не имеют нравственной инерции, поэтому взрослым никогда не угнаться в скорости и качестве своих «больших» превращений за порождёнными чадами. Дети — тот же балаган, только путешествующий в неведомых мирах и в неведомом времени. Когда-нибудь и у этой повозки соберутся счастливые бродяги, чтобы уйти в никуда и спеть среди звёзд… Уйти и вернуться! — пополнив свой улей добытым нектаром.

— Радость нужна лишь для того, чтобы оплакать её непродолжительность! — к шапочному разбору фестиваля неожиданную сентенцию изрёк паренёк, напоминавший долговязого клоуна, у которого рот постоянно был искривлён в трагическом заломе, а оба запястья оказались перевязаны бинтами — с парнем недавно приключилась суицидная попытка…

Грэй при встрече с этим ходячим трагиком, впервые за всё минувшее время, широко улыбнулся. Он его рассмешил. Возможно, Грэй,

полюбивший червей и шампиньоны больше людей, видел всю наивность малодушных путников бытия, видел их милые затеи — маниакальную жажду русских сбежать с заданной дистанции. Это и впрямь было очень забавно: бесплодные духом кичились бесплодием.

«Радиация» грэевской улыбки на суицидника практически не действовала, как если бы он уже был мёртв, но ещё продолжал по недоразумению и прихоти судеб пить, есть, учить уроки и ныть, распространяя вокруг себя «трупный яд» уныния, недовольства и претензий.

Физик пытался помочь зануде, наскоро завернув иносказательную теорию насчёт долей и вкладов в этапах строительства:

— Знаете, дорогой, сколько средств расходуется на то, чтобы подвести дом под крышу? Двадцать процентов от общей суммы освоения. Спрашивается: куда уходят остальные восемьдесят? На отделку, дорогой мой, на отделку! Самое трудное в любой работе — это отделка, шлифовка; максимальные усилия требуются не во время удалой топорной работы, а в те долгие годы, когда из полена, наконец-то, получится говорящий Пиноккио. Каждый человек, родившись «топорно», в животном теле, стремится-таки довести себя до нестыдного конца… — энцефалитный Физик покосился на забинтованные запястья. — Не до такого, конечно. М-да… Редко кто сдает себя смерти в полностью достроенном виде, так сказать, готовым «под ключ».

Уныние — чужеродный вирус внутри здорового лицейского организма. Мрачный мальчик-призрак незаметно исчез утром в недрах бесшумного родительского авто. Проектанты вообще не замечали людей эпизодических, чаша их счастливых жизней щедро переполнялась невесть откуда берущимся восторгом, и в этой чаше, даже теоретически, не нашлось бы места для «ложки дёгтя».

Скука — колдун чёрный, Город — колдун серый, воля — волшебница белая… Всё-таки колдунов побаивались. Среди ночи об этом говорили. Мурашки по спине у горожан нет-нет да и пробегали. Предрассудки? Возможно. Хотя и предрассудок, как фантик: развернёшь — начинка есть, и она твоя. На пустом месте предрассудки не растут. Батюшки, к слову, собак в доме не дают заводить, не советуют. А почему? Кошку можно, а собаку — ни-ни! Всякий, кто видит и с закрытыми глазами, легко объяснит: собака — друг человека, она слишком к нему близка по своей интеллектуальной и духовной природе, души похожих существ срастаются. Получается небесный мутант — получеловек, полусобака. Священники поэтому и не рекомендуют духоскотоложество. Другое дело — кошка. Сама по себе колобродит, как известно. Впрочем, духовных «мутантов», мохнатых и страшных монстров, созданных путём сращения отдельных капелек человеческих душ до целых океанов и «царств», ещё больше. Об этих

супермонстрах любые религиозные манипуляторы молчат, ибо толпы фанатов, имеющих душу-общак, — их бизнес и вампирская сыть.

— Общая с кем-то душа очень неудобна для собственной жизни. Ещё более она неудобна для расставания, — эти слова произнес парень, доброжелательно и светло радующийся тому, что любимая девушка его… покидает — уходит к другому… Традиционному эгоисту никогда не понять свободный кувырок судьбы: если любимому человеку хорошо, то почему тебе-то должно быть плохо?

Балагурская судьба опаляла условности и дурнину, как архангельский луч. Ро непрерывно впитывала русскую новизну. Что ожидала она понять? Что понимала на самом деле? Каждый, естественно, заранее складывал свои надежды в короб иллюзий и лелеял мечту на их сказочное исполнение. Иллюзии сгорали вместе с коробом. Русская судьба действовала, как Горюн-камень: прямо пойдёшь — убитому быть. Летом обалдуи опустошали ландшафты своего внутреннего мира так же, как пал опустошает пересохшую степь, но! — жизнь не наполняла «пустых» автоматическим перерождением. Этот дальнейший труд, эту попытку качественной «реинкарнации» себя самого молодым людям предстояло совершать самим, в новом учебном году. Или — в новой, вечно учебной жизни.

И следующий день окрестности оглашали вопли менестрелей. Физик отвязал мерина и повёл его прогуляться в перелесок.

— Вот — лес. При взгляде на него понимаешь, что, борясь со смертью сегодня, ты борешься с жизнью завтра, — он словесно обращался к одуревшему от безделья и скуки мерину. — Пояснить, друг? Пожалуйста. Убирая упавшие деревья и вычищая непроходимые кустарники, ты «объедаешь» завтрашний день на порцию его законного гумуса. Но это же падшие! — говоришь ты. Хе! Падших не бывает.

Что верно, то верно. Упавшие древа продолжают хранить солнечный свет, что пили их ветви и листья — небесные корни разбуженного когда-то семени. Трудились, копили жизнь в своём росте. Что с того, что упало их тело? Свет-то — не упал! Новое семя придёт и потребует пищу, пробудится, выстрелит стеблями вверх, вцепится жадно корнями во влагу, живущую в тверди. Или чиркнет спичка, зажгутся сухие дрова. Вот и путник случайный теплу, что от солнца пришло, благодарен…

— Сдохнем, не охнув. Чтоб не в памятник нам обратиться, а — в память.

Мерин, чувствуя, что человек обращается к нему лично, нервничал от неординарного поведения спутника и потел. Он прекрасно понимал интонацию, то есть чуял глубину чувств, а логика — что логика?! —

всего лишь рябь на поверхности той глубины. Большую глубину никакие волны не замутят. Да и как понять: есть она, глубина, или нет её вовсе? Время штиля всех уравняло — «по одёжке» океан от широкой лужи не отличить. Ветер нужен! Буря жизни! Вот когда тайное явным становится: на мелком месте волну не поднять.

— Н-но!!!

Конь шарахнулся в сторону и заржал.

— Н-нно! Тпр-рру! Н-нно!!! Ах, братец, ты либо опаздываешь на один шаг, либо опережаешь на столько же. Давай жить в ногу со временем!

После этих слов мерин остановился и из его утробы с шумом полилась на землю продолжительная струя.

Дух на фестивале не присутствовал. Всякое «природное» общение его угнетало. Природа мешала думать.

ДУРНИНА

Да, да, колдуны! — вот, пожалуй, единственная реальная харизма Города, живущая самостоятельно, без посторонней пиар-поддержки. Дурнина — тёмная легенда Города. Кого здесь только не было! Академики из параллельных миров, целители всех мастей, этноимитаторы древних рецептов и способов «приворотить-отворотить», нейролингвистические манипуляторы, руководители модных семинаров по созданию счастья, игло- и душеукалыватели. Это был, так сказать, частный сектор городских небес. Конечно, основной госзаказ обслуживала церковная мутотень, специально вызванная нео-патриотами с того света. Ах и ох: в России крестоносный культ, слава Богу, уж умер было и стал культурой, но… Его достали и запрограммированно оживили. Демон-зомби, поселившийся в раззолоченных храмах, с новой ненасытностью стал поедать мозг и души заблудших в церковные сети людей. Среди «белых», «чёрных», «рыжих» и прочих колдунов мнение насчёт аурических свойств Города было единодушным: здесь жить нельзя! На пропаганде этого «нельзя» колдуны и попы стригли неплохие деньги, предлагая несчастной пастве платный глоток из «кислородной подушки». О, да! Без легенды Город пуст, его не-мистическое пространство не даёт возможности для развития новых фантазий и роста старых. Легенда об оружии и легенда о «черноте» городского места связывались, вплетались друг в друга и не раз приводили Город к организованным языческим действиям. Полтора века назад жители Города решили умилостивить небо, оправдаться за производство орудий смерти, — построить на высоком холме величественный Храм. На добровольно пожертвованные средства. Покаяться и тем защититься от тоски. Так и сделали. Но Бог

не принял оправдания: огромный храм не смогли расписать — штукатурка по непонятным причинам отваливалась… Так и стоял он, нерасписанный, пока его не взорвали большевики. Минул век. На месте старого спешно теперь, к очередным выборам власти, возводили каменного зомби-близнеца. Он рос на проклятиях: по приказу властей деньги организованно, по специальным ведомостям, отбирали у всего работающего населения, торгового и чиновничьего люда. Новодел надменно попирал на холме черепа и кости предков. На месте бывших могил лежали теперь мраморные ступени. Ютились на них профессиональные нищие. Но прогрессивный делец-настоятель храма, грузный поп с певчим басом, побирушек прогонял — в новодел гроздьями возили иностранцев, обеспечивая гостям «культурную программу». Нищие портили показательность оружейного града. Всё бы ничего, да вот только штукатурка не держалась и в новом храме… Бог опять чего-то не прощал.

Городская оружейная сталь запросто резала древо мистики и легенд; атеистичным технологам и военным сказки и суеверия только мешали, они могли снизить производительность труда рабочих и вредно отразиться на кучности боя изделий. Поэтому с лишними сказками боролись. Остаться должна была только одна, помеченная крестиком… Тем охотнее «незаконные» плодились. В царстве смерти, как известно, более всего умножается именно то, что отправлено на погибель. Ах, русские судьбы! Воскликнешь в сердцах и сочувствии, да и сам испугаешься вдруг.

Несоответствия и алогизмы были нормой в перевёрнутом мире. Это касалось и мата, речевого несоответствия нормативной лексике. Устное проявление мысли и её письменный аналог разнились в России как день и ночь. Устным универсализмом владели даже дети, письменное — попадалось в мелкую ячею казённых сетей и формуляров, многостраничных бланков и анкет. Слова-канцеляризмы здесь были сильнее прочих, слова-колдуны, они уверенно проникали в живую русскую речь. Обратного процесса, к сожалению, до сих пор не произошло. А ведь как бы хорошо было! Подают, к примеру, человеку идиотский бланк с двумя сотнями незаполненных параграфов и требуют, чтобы он улёгся туда, как в могилу, весь без остатка. А человек берёт и пишет поперёк всех граф: «Идите, господа, в жопу!» А бумагу ту с поклоном от него принимают и «спасибо» за науку говорят. Бумажная страна! Бумажное счастье!

Грубые формы речи Дух и Грэй наблюдали и в других странах. Но нигде мат не выражал сердцевинной сути нации — душу народа! Россия была исключением.

Человек — выбирает. Горе человеку, если удовольствие взвешивать, сомневаться, сравнивать, гадать — выбирать! — он и назовёт

«жизнью». Умение выбирать — ещё не жизнь. Мало ли, сколько дорог раздвоится на пути судьбы! Куда повернуть? Будешь задумываться — недалеко уйдёшь. Спеши, человек, люби путь свой неведомый! А дойдёшь до края, не оглядывайся, шагай дальше — только так собою дорожку людскую умножишь…

Люди болеют. Боль в России — икона! Болезнь — долгожданный начальник. И служат ему, и ублажают, и жизни своей не жалеют, его защищая. Не хотят заболевшие здравость пути умножать, не хотят у болезни учиться — на неё нападать не умеют. Отступают, несчастные, стонут и падают ниц пред источником муки своей.

На развилках дорог русских много табличек вертлявых; выбирает бредущий бесцельно лишь то, что под гору ведёт, — скидку, прощение, дар, подаяние или «халяву». Под гору, под гору путь, — русская горка! — пьяные ангелы с воплем весёлым под землю съезжают. Чтобы злобу свою, как рога, на былого камнях наточить.

Кровь, слёзы и семя — вот три «кита», на которых держится водяной человеческий разум — капелька жизни. У живого — металла нет в принципе. Семя удивительным образом помнит себя самоё. Оно — древо памяти, фантом, по сути, что позволяет слепой плоти уверенно нарастать на величину и сложность разбуженного «проекта» природы… У одуванчика — свой «дух-покровитель», у животного мира — другое, у неведомых демонов — третье. Немецкий классик, мастер мистицизма, не зря намекал: «Кровь — сок особенного свойства!» Наверное, память, так же как и плоть, рождается и умирает, самозабвение памяти и все её новые воплощения — в непрерывном движении! Для плоти вечное — войти в память, для памяти вечное — выйти из круга. А слёзы? Что слёзы?! Соль и чистота! Финальный и, очевидно, высший акт состоявшейся жизни. А коли ещё и заплакать досрочно? Уж не надо тогда ждать окончания мук: вознесение — в уничижении! Всё едино для тока времён и течения вод: слёзы глаз или слёзы небес. Горячие слезинки звёзд над главой накрапили бездонную гущу — гадай, человек: кто ты есть? Быть или не быть? Я или не я? Здесь или не здесь? Если ошибки — это живые существа, то можно лишь восхищаться, как быстро и точно находят они подходящее средство, — скафандры людских представлений и тел. И водят их, самовлюблённых, по кругам и ступеням небесного Рока. Растут и мужают ошибки — властелины известного мира.

Об этом хорошо знают все три кита: и кровь, и семя, и слёзы. Да ещё те мерзавцы, что довольство своё на слезах покрестили.

Народом в России называли не численность населения, не историческую монолитность людей, коей всё равно не было, не оседлость,

выраженную в квадратных километрах или килограммах колбасы на душу населения… Нет! Народ — это жупел. Обычно его портрет писали с покойников, уже не способных испортить свой канонизированный образ случайными связями, антиправительственными высказываниями или громкой эмиграцией. В исключительных случаях, в период слишком длительного мирного застоя, за недостатком военных покойников, самые старательные и послушные вояки канонизировались на звание «народных» ещё при жизни. В Городе жил оружейный гений-самоделкин, колдун пушечного железа, он идеально подходил под понятие «народ», олицетворяя в шаблонной предсказуемости единственной личности то, что выдавалось за всеобщее национальное достояние. Народ! В русской транскрипции — понятие абсолютно безответственное и безликое. Народ! Нечто хитрое и умелое, способное, как керосин, течь сквозь любые сальники. Однако «народ» нельзя было выразить без его «лучшего представителя». Гений-конструктор быстро превратился из человека в символ и сам охотно стал ему служить. Символом помыкали те, кто заказывал в стране очередной спектакль марионеток.

Дух хорошо относился к практикам. В условиях России он их жалел, как зверей в зоопарке:

— Русские никогда не смогут обойтись без свадебных генералов. Без помпезного своего жупела они как снеговик без головы.

Наблюдая и осмысляя множество негативных примеров в России, можно было легко превратиться в брюзгу и старого ворчуна. Сами русские скатывались в эту досрочную, нефизическую «старость» годам к двадцати… Значит, всю оставшуюся жизнь тело недовольных лишь болезненно подтягивалось к закреплённому внутреннему рубежу. Умный Дух понимал это. И чтобы защититься от внутреннего «затемнения», он перестал критически разглядывать готовый результат — «погасших» людей и городскую скверну; Дух сосредоточился на позитивном поиске и изучении потенциальных возможностей своего нового окружения. Зазвучала совсем другая песня! При таком подходе Россия напоминала привлекательную ученицу, безалаберную, хамоватую, но очень талантливую. Она умела всё «схватывать на лету» и использовать… не по назначению. На уроке арифметики она могла заняться танцами, а в танцевальном классе могла попутно и одновременно обдумывать вопросы прикладной физики и экономии на контрацепции… Тот, кому доводилось наблюдать в небе НЛО, несомненно отмечал безынерционную парадоксальность движения этих штук: скорость, траектория и инерция существуют для них в несвязанном виде. Мгновенный переход на солидной скорости к противоположному направлению движения не означает гибели объекта. Так же и Россия: она запросто поворачивала в своём историческом полёте под прямым

углом, или вообще телепортировалась через века, к примеру, перемещая замшелых феодалов в современность. Только фантом мог действовать так. Выдумка. Ненастоящее нечто, внутри которого плющилось и размазывалось всё, что имело хоть какой-то собственный вес. Вес личности. Летописцы, как сговорившись, оставляли в каждом русском столетии описание одной и той же «перегрузки» — «тяжёлые времена», «тяжёлые испытания», «тяжёлые мысли», «тяжёлое сердце»... Само по себе это явление было привлекательно для изучения не меньше, чем рухнувший инопланетный корабль. Истинно так! Россию изучали исключительно в рухнувшем состоянии — только так она приобретала хоть какую-то идентификационную предметность. Впрочем, Россию можно было изучать и в «пробирке» — в своём собственном рухнувшем состоянии... Кому ведь что нравилось.

Гравитация общечеловеческих правил здесь не действовала, либо действовала с обратным знаком.

Безалаберная, вечная страна-ученица, несомненно, была очень перспективна. И Грэй, и Дух продолжались в этом мнении, как две параллельные прямые. Дух понимал перспективность по-своему: он по опыту знал, что заносчивые, хвалёные отличники меньше всего годятся для сугубой практики. Победа над знаниями не означала победы над собой. А, значит, не могла принести полноценной победы и власти над прочей жизнью. Перед нестандартной ситуацией благородные отличники пасовали, а бывшие оболтусы уверенно и весело брали вожжи дел в свои руки и погоняли клячу русской истории дальше, залихватски гикая и тешась разбойничьим посвистом.

Конечно, в каждой местности и в каждом жилом времени ценилось своё специфическое умение быть первым. Где-то соплеменников поражало умение колдуна брать ядовитых змей голыми руками и, благодаря лишь этому, колдун мог стать Верховным правителем. В другом месте для удержания на вершине иерархии требовалось иное умение — брать неберущиеся интегралы, например, или вдохновенно говорить чарующие мысли.

Не-отличники в России были первыми, поэтому они брали лучшее. А действительно лучших они старались поставить в конец очереди, или вообще — уничтожить. Предки-разбойники передали не-отличникам волшебную силу, которая полностью выражалась в поговорке: «Против лома нет приёма». По указке не-отличников в стране традиционно дискредитировалась сила ума и осмеивалась привлекательность внутренней порядочности. Обман и самообман в России слились воедино: высшую порядочность имитировали чудовищным суррогатом — тотальным порядком. Полную пайку русской судьбы — свободу личности — не получал никто. Людей сковывал непобедимый сплав нео-бытия: беспринципной расторопности, личных связей, блата и полуподкупленного «как бы везения».

В том, что Русь от века жила по понятиям, как детский сад, а не по внятному и здравому закону, Дух усматривал залог… будущего роста страны. Тем паче следовало пестовать, наставлять и охранять эту одарённую троечницу, регулярно пропускающую мировые уроки и премило потом просящую: «Дайте ответ списать!»

Зато троечница пела протяжные, печальные песни лучше всех!

Вот задачка: как перейти из мира в мир и не утратить при этом хорошего настроения? Так или иначе, мы все переходим из одного качества в другое, засыпаем в одном и просыпаемся в другом. Пробуждение не получается «обдумывать», оно плохо поддаётся планированию. Но можно «дрессировать» дикого зверя — русский характер — можно приучить его вставать на задние лапы и получать за это пищу. Только мимику своего лица нужно будет привести в соответствие с мимикой счастливых пидоров на лаковой открытке. Тонус придётся держать в отличной форме и быть наготове… К чему наготове-то?! К погоне за резиновым зайцем! Тому, кто укусит резинового зайца, дадут медаль. Тому, кто получит медаль, через сорок непорочных лет дадут справку, что он ветеран. С этой справкой он пойдёт в центр социальной поддержки и получит пятидесятипроцентную льготу на приобретение проездного билета аж сразу на три вида общественного транспорта. И поедет, поедет к своему финалу, счастливый и умиротворённый: «Нет, не зря я за тем зайцем гнался!» Слава Кащею! Ибо только смерть — бессмертна!

Смерть! Здесь её царство, здесь её подданными становятся, отрекаясь от жизни и здравости. И рад бы человек опровергнуть слова эти страшные, да не получится. Здесь все правители служат смерти. Скажите, как же надо ненавидеть свою страну и живых людей, чтобы сочинять ТАКИЕ законы? Чтобы ТАК заниматься интеллектуальным и духовным вампирством? Чтобы ТАК лгать? Чтобы ТАК верить. Оглянись, Человече! Всё, что жизнью хотело б назваться, приговор-окорот себе пишет, горе горькое кличет, удавку на душу кладёт. Разве это не так?! Смерть от имени жизни о жизни поёт! Не-ет, запуганный русич ребус тот адский решить не решится!

Лучший сон — это вечный сон. Мы катимся в своих засыпаниях из одного «кино» в другое. Чтобы колесо жизни не было квадратным, с неудобными углами и неизбежной оттого тряской, чтобы не стучало оно по дорогам ночных кошмаров и не подпрыгивало от ударов дневной жизни, не грохотало б по брусчатке прошлого и не скребло, заклиненное, дорогами будущего, — что для этого требуется? Нужен простой и эффективный способ: сделать из некруглого круг. Начать можно с… привычки. С привычки просыпаться с улыбкой. Вместо обычного озабоченно-недовольного выражения на лице: по-тре-во-жи-ли! Привычка!

Великая и благая сила, помогающая удобному автоматизму жизни так же, как электронно-операционный блок станка помогает резцу с микронной точностью выводить на крутящейся болванке её чертёжный профиль. Резец — это человек. Всё остальное — автоматика. Опыт человека, его пристрастия, его речь, его темперамент, его склонности и эмоциональные приоритеты, представления о хорошем и плохом, здоровье, — всё это укладывается в одно короткое слово: привычка!

Нить жизни, при помощи которой сшиты дни и годы, может быть бесконечно длинна. А игла жизни всегда — всегда! — работает в настоящем. Их сотрудничество — тоже привычка. Привычка нации не отрывать от себя то, что было сшито вчера. Прошлое и настоящее — это муж и жена. Если они не договорятся, то будущее — их смерть. Не стоит пугаться этого слова. Жизнь и смерть равны в колесе Бога. В чужих краях привычку можно сымитировать. В своих — русским часто «приказывали» привыкнуть. Привычка — Евангелие тела. Благая весть. Единственный экземпляр.

«Я так привык!» — произносит вдруг один из спорщиков. И всё! Спор угасает. Оппоненты соглашаются с аргументом, безусловно перенимая в себя его таинственное успокоение: привык — значит, прав. Прав в самом себе. Другого и быть не может! Улитка закручена в своей спирали, не надо ей помогать «распрямиться», — она так привыкла. Панцирь привык к плоти, плоть привыкла к панцирю — их взаимное удобство анатомически идеально. Но ведь человек — не улитка! Что ж, для него привычка — это данность, которую человек создаёт себе сам. Коллективная привычка создаёт коллективную данность.

Дух наблюдал и записывал в дневник особенные привычки русских. Он поступал так же, как старатель, моющий золото. В исторически благополучной нации, спаянной одинаковыми представлениями о ценностях жизни, одинаковым уровнем законопослушания и повсеместной силой общественного мнения, национальные привычки возникали и росли, как золотые самородки — они были предметом многовекового общественного владения. Россия напоминала россыпи золотого песка, которого здесь было великое множество, но, увы, невообразимо перемешанного непонятно с чем. Духу ясно виделось главное отличие: в России каждый хранил свою реальную золотинку сам. Непрочно и недолго. Безжалостное танатическое государство объявляло всенародный сбор золотого песка — кремлёвские алхимики не стеснялись отливать за чужой счёт очередной искусственный «самородок» для показа за границей. А для большинства золотинок-жизней такая «всеобщая мобилизация» означала одно — почётное самопожертвование.

Каждый переходил из мира в мир при помощи своей собственной «Золушки» — золотой песчинки, привычки. Отчего границы между сном и явью, между «можно» и «нельзя» были условны и зыбки, а сам русский человек напоминал таможню, законно перепившуюся в «День

таможенника». Можно или нельзя? Целые институты работали и составляли перечень разрешённого-запрещённого. Переход между одним и другим напоминал диффузионную решётку, сквозь которую всегда можно было протащить исключительное решение русских: если нельзя, но очень хочется, то можно. Мембраны запретов, которые механически подменяли людям стыд и совестливость, были пробиты и проедены миллионами персональных атак. Даже у очень хороших и благочестивых людей имелись свои собственные «окна» на границе порядочности… Ничего не поделаешь! Живя в царстве смерти, за жизнью можно было ходить, лишь нарушив границы смертельных «низ-з-зя!!!» Да, это была контрабанда. Русская контрабанда по имени Личное Счастье.

По наблюдаемой привычке свой узнаёт своего. По ней, по почерку привычки, следователь определяет преступника. Привычка объединяет людей в любовные и дружеские пары. Привычка, выработанная самостоятельно, — большая ценность; добытая в сопротивлении общепринятым шаблонам, такая привычка — особый капитал личности, её неразменный рубль, неиссякаемый кошелёк, который помогает расплачиваться «личной» монетой, оригинальностью и новизной, в любой ситуации. Привычки, заботливо подкинутые толпам, лишают участника толпы последнего шанса на внутреннее счастье — быть собой. Коллективная привычка создаёт коллективного монстра. Демона религии. Демона митинга. Демона партии или страха. Демона зла. Коллективные привычки на Руси не бывают добрыми. Оттого и коллективные собрания здесь бывают шумны, но не бывают умны.

В коллекцию наблюдений Духа попали не только мрачные, но и забавные привычки русских, например: сильные чувства, «сильную» мысль здесь запросто могли выразить… криком, истерией, безапелляционным приговором или приказом.

Перманентное стремление к любому виду засыпания разума прививалось русским с детства. В этой перспективе, знак равенства можно было смело ставить между алкоголем, спортом, сексом, работой… — лишь бы не думать! Русских с детства приучали любить трудности и поклоняться тем бедолагам, кого эти самые трудности погубили. Если «Сизифовых камней» на всех не хватало, тяжести и горы создавались искусственно. Что ж, в этой своей любви к неутомимому труду страна была прекрасна — она воспитывала своих невзрослеющих детей как насекомых-трудоголиков. Возраст и старость никогда здесь не совпадали друг с другом. В каждом из русских таилась «святая троица»: адский характер, земная «транзитность» и заоблачный бред. Русские не привыкли смотреть на себя глазами общества. Наоборот, они с удовольствием, каждый, рассматривали общество сами и судили его на свой лад. Мания «чувствовать свою правоту» очень мешала жить. Русские люди

привыкли тратить немалый срок своего бренного существования на доказательства и оправдания. Религия только подливала масла в огонь.

Очень интересно русские пели: не для удовольствия — для крика, для шаманства и самовпадения в транс, для протяжного звукового выдоха. Их печальные песни как нельзя лучше подходили для того, чтобы трубно и истошно тянуть гласные на предельных вибрациях голосовых связок. Застольные певцы не старались услышать другого, чтобы красиво сплести из многих голосов терцию или квинту. Нет. Кричали, кричали, надрывно и трубно, но совсем не для того, чтобы перекричать другого; причина жила глубже — глушили себя. Сложное, многоголосое пение, когда голос одного исполнителя воздухо-ткацким узором удивительно точно вплетается в петли и извивы других голосов, — такое чудо в непрофессиональном исполнении, в местечковой традиции, встречалось всё реже. Когда любо-дорого песнь эту слушать, а мастерам любо-дорого её сотворять.

Осмысляя безотчётную страсть русских к зашкальному удовольствию даже в голосе, Дух подобрал термин, взятый из практики наркологечебниц, — «передоз». На Западе «передозом» грешили экстремалы и люди, прошедшие горнило войн: в мирной жизни им уже не хватало обычных её раздражителей — годились только крайние. Русские росли на войне, воспитывались на войне, работали на войну. Поэтому и пели всегда как перед смертью.

«Нормально!» — этим словом, дежурным восклицанием, жизнь в России сообщала о своём обычном комфорте: она сидела на какомнибудь краю, свесив в пропасть обе ноги, попивала пивко, курила и говорила о работе и бабах. В боевом состоянии — русская жизнь, не раздумывая, валилась вниз… — «Нор-ррр-мально!!!» Чувствовать остро можно было только так: прыгнув! Русские! Они и за рулём вели себя так же. И за столом. И в банях. И в драках. Свобода — это отсутствие опоры. Горло, разодранное песней о воле. Оперные певцы большинству простого народа не нравились. Не тот накал! От всего утончённого, эстетически-совершенного люди, привыкшие получать лучшие нервные импульсы от удара по телу стоградусным берёзовым веником, скучали. Впрочем, речь идёт о личном размахе восприятия. Эстеты, воспитанные и выросшие в России, умели кайфовать и от ада банных чистилищ, и от аристократического трепета театрального зала. Их привычка жить была многогранной, в отличие от людей бедных, чья привычка жить вполне удовлетворялась «односмысленностью».

Третий путь показывали таланты из народа; лишённые возможности получить платное образование, они «добирали» свою недоданность иначе, через воспитание — грамотой сердца. Грамотных сердец в России было очень много, по этой части страна выходила в мировые

лидеры. Добрые русские люди обладали редкой донорской способностью — безотчётным умением помогать другому за счёт себя и своих ресурсов, не допрашивая другого заранее: зачем ему это надо и сколько это будет стоить? Чтобы помочь ближнему, каждая такая доброта ненадолго слезала со своего персонального креста, охая и матерясь. Русские умели жить просто так. Умели помогать просто так. И умирали просто так. Но самое главное — они умели любить просто так!

Ради этой вершины им можно было простить многое: и хитрость, и неграмотность, и лень, и похвальбу, и тщеславие, и детскую мстительность, и убогие привычки. Только дети могут любить ни за что любого! Только русские могут любить ни за что весь мир!

Русские любят жертвовать, поэтому жить не могут без жертв. В смерти они автономны. У них в этом деле — всё своё!

ДОМ СЧАСТЬЯ

Несдающийся человек
Говорит миру: «Будь!»
Атакующий век
Окрыляет судьбу.

Время, как перевал,
Изменяясь, не изменяй!
То, что я создавал, —
Создавало меня.

Память, пламя и пыл,
Вы — мой внутренний свет;
Те, кого не забыл,
Не забудут в ответ.

Жизнь — неведомый вихрь —
Дарит главный талант:
Поднимая других,
Поднимаешься сам!

Как опытный рыбак определяет: есть в озере рыба или нет её? Опытный рыбак не сразу расправляет снасти и закидывает удочку. Он сначала садится у края воды на корточки, не спеша закуривает и внимательно смотрит на гладь: «плавится» рыбка, аль нет? Если «плавится», то на границе стихий неспокойно — всплески, круги, а то и вовсе голавль над водой подметнётся. Есть, значит, рыбка в пруду! Можно и труд начинать. А что, если с неба на землю и впрямь тоже

смотрит кто так же вот? Облаками курит, око мудрое щурит: есть тут жизнь, али нет? Если есть — всплески от высоких слов и круги от чувств высочайших быть должны…

Ещё в юности Дух начал мечтать о таком месте, где друзья могли бы собираться. Он много лет искал этих неведомых друзей и находил их, много лет искал «места», и тоже — находил. Не получалось лишь одного — папы-клуба, гостеприимного, обжитого места, и его крёстной мамы — приятной идеи. Дух не мыслил своего комфорта в изоляции от людей. Он был дирижёром и созидателем по своему природному устройству.

Именно в России он решил осуществить свою давнюю мечту. Построить здание на земле и стать его распорядителем. Пригласить друзей и гармонично вступить с ними во взаимополезные отношения. Так началось строительство Дома Счастья.

Дух не был законченным ментором, но и он мысленно говорил стране-троечнице: «У тебя такой замечательный потенциал! Ты можешь получать одни “пятёрки”». Но, увы, на «пятёрки» троечница лишь хулиганила. Она писала интересные, но совершенно безграмотные исторические, военные, экономические и социально-политические сочинения. Предпочитала обычно вольную тему. Высший текст жизни — её поступки. В мастерском исполнении — без черновиков, в дилетантском — только черновики… Ах, текст! Он состоит из энергии мысли, энергии чувства и энергии слога. И в устной реальности, и в бумажном её отражении. Универсальная и нескончаемая верёвочка, по которой цивилизация ползёт неведомо куда — текст! — «хромосома», сплетённая наполовину из земных волокон, наполовину из небесных. Если в нём не хватает хотя б чего-то одного, вся конструкция опрокидывается. Текст! Русская «хромосома» была повреждена многочисленными разрывами. Троечницу это волновало мало. Её не беспокоило то, что всё в тексте жизни должно быть настроено как в музыкальном инструменте — лад в лад. Гармония — это то, что умеет вкладываться друг в друга и лишь в этом видеть красоту и смысл своего жизненного восхождения по сложившимся строчкам-ступеням минут, дней или столетий. Русская разбойничья свобода всегда мыслилась иначе, по-партизански — независимым, автономным обособлением, готовым отразить любое вторжение. Прижатая чьей-нибудь силой, русская свобода отступала в прорву своего бесконечного материка, в глубины своей бесконечной танатической духовной тьмы, чтобы одеть своих граждан, тенеобразных подданных, в железо, чтобы успеть внушить им жажду желанной и доблестной смерти — феодальный патриотизм. Страну-перевёртыша, беспамятную и не всегда обязательную троечницу, не так-то легко было ухватить в клещи правил, по которым жили

отличники. Всякая постепенность русских разбойников раздражала. Брать у других было легче, чем создавать самим. «Дай списать!» — говорила троечница, и заглядывала в тетрадку к соседу, беззастенчиво переписывая у него формулы управляемой ядерной реакции. Из одного в другое люди перемещались не путём целенаправленной совместной старательности, а совсем иначе. Всеми перемещениями в русской «хромосоме» управляла оказия: «Представляете, где я оказался? И в моём распоряжении оказалось...». Новая возможность — новый перескок! Лучшие святые в этой земле получались из разбойников, лучшие разбойники — из святых! А как получались в этой земле «святые места»?! Они заявляли о себе не там, где людям удавалось достичь радости и пробиться к свету, они возникали иначе — там, где полыхнуло самосожжение, где чадящее пламя «всенародного горя» получало гниющую плоть и помпезное имя. Только смертельно обжегшиеся в этих миражах, но случайно уцелевшие люди знали: всякое «святое» на Руси — это ещё одни ворота в ад! Именно отличники поддерживали ворота в исправном состоянии. А троечники, как дети, шныряли туда-сюда. Им прощалось.

Всякое «тёплое местечко» на холодной Руси немедленно испытывало своих граждан не хуже детектора лжи — на «непротухаемость». Мало кто выдерживал: изменившиеся возможности вокруг растормаживали самые мерзкие желания внутри. И — пошло-поехало. Попав в должность или сан, восклицал счастливчик: «Слаб человек!» — и воровал, и подличал, и врал, и собою любовался, как чёрт при медалях.

Все остальные, «замороженные» нуждой и заботами, покорно ждали своей очереди «на оттаивание». Правда, уже не здесь... Ох! И не позавидуешь ведь тем местам, где русский плебей оттаивать будет! Как-то карта его выпадет? На счастье, на казённый дом или на кривую дорожку? От убийства до покаяния путь завсегда приветствовался: «Господь довёл!» — шелестела паства. Поэтому и путь от покаяния до убийства не особенно изумлял губошлёпов. Русская дорога — по кругу, по кругу, по кругу. Куда ж, голубчики, гонимся мы?! Ноги-ноженьки топчутся лишь вокруг куреня своего, думушки вертятся вкруг земли побогаче, а душа — аж край жизни всей ищет, да найти до сих пор не умеет. Круг, видать, непосилен попался. Все спешат от начала к концу! Каждый сам себе правила хода диктует. Кто друг дружке в затылок пыхтит по кругам тем проклятым, а кто бьётся лоб в лоб.

Дом Счастья — деревянное сооружение на верхушке холма, под которым располагался тир-штольня, — появился быстро. Работали сразу несколько строительных бригад, привозя готовые блоки и отделочные материалы. Моргнуть не успели — стоит теремок! Красавец! Центральное помещение — зал-ресторан, от него есть выход на застеклённую веранду с камином, боковая гостиная предназначалась для

узкого круга друзей, жилой блок мог вместить две семьи, кухня обслуживала ресторанчик и примыкала к нему с отдельного входа, имелись две душевых кабины; мелкими грибочками вокруг наросли подсобные помещения и уличный комфорт: лавочки, пергола, ухоженная, с низкими фонариками, дорожка к центральному входу. Дом построили хорошо, вредоносный запах, временами идущий из подземелий Грэя, фильтровали кондиционеры, и он в доме никого не беспокоил. Современные технологии поражали: мечтать можно было всю жизнь, а на практическое осуществление мечты хватило и месяца. Главный волшебник — деньги. Благо, «привязки» к подземным коммуникациям имелись, а всемогущая Ия помогла одним движением своего мизинца «пробить» все бюрократические препоны, и даже лицензию на ресторанную деятельность перепуганные чиновники доставили, как телеграмму, прямо на дом. Только-то и осталось, что расписаться. Грэй и Дух глазам своим не верили, глядя как вырос из-под земли этот сосновый красавец, крытый черепицей, глядящий на мир огромными, слегка затенёнными окнами. Лиха беда начало! Воображение смело дорисовывало на оставшемся пространстве полигона рукотворный рай. Когда последние строители ушли, Дух и Грэй растопили камин строительными отходами и всю ночь проговорили, глядя сквозь ночное стекло на огни Города, который на таком отдалении был похож на сверкающий корабль, плывущий сквозь бездонную осеннюю черноту. Ро отсутствовала. Класс увезли на неделю в Питер.

Дух ночевал в новом доме один. Грэй просто-таки сросся со своим вагончиком и не хотел его покидать ни в какую. Очень русская черта — наслаждаться минимумом и достигать высшего удобства в жизни через неприхотливость.

Ресторан «Silence», заповедник тишины и покоя, оказался идеей очень удачной. Публика наезжала очень приличная. Поговорить или побыть в тишине наедине с собой… Интересно было видеть и знать, каким образом люди встречались, как они делили между собой вещи и время, как и для чего они захватывали внимание другого, навязывали свою точку зрения и подавали примеры из личного жизненного опыта как наивысший доказательный аргумент. Достаточно было кому-то из пикировщиков сказать: «А вот я, например…» — и, по крайней мере, в собственном представлении, он становился непогрешим. Но самое интересное — это видеть, как экономные на жизнь, северные русские расстаются друг с другом. Расставание — безошибочный «дефектоскоп» души. С началом, с весной отношений, плоды совместного бытия — финальные отношения — и не сравнишь: почему-то все они в России получались с гнильцой и порчей. В этом же пороке крылась и причина несамостоятельности русских. «Сиамские близнецы» вырастали не только между человеком и человеком: русский духовный мир

всюду населяли жуткие монстры, небоземные мутанты — существа, чьи души составлялись из невероятных комбинаций; мутантов порождали союзы между одушевлённым человеком и неодушевлённой машиной. Государственной машиной, например. Любая система в России имела шанс на порочную связь с живым человеком и, таким образом, могла жить и жиреть дальше.

Испытание расставанием помогало видеть и отделять людей от нелюдей.

«Сиамские близнецы» в русском небе умели сохранять своё внутреннее тепло, как в термосе, отделившись от прочего мира чем-либо «изоляционным» — неизменяемыми убеждениями, герметичной и плотно закупоренной верой. Сгрудившись в стадо, они умели отбиваться от идеологических врагов, подогревая «термос» изнутри и наращивая толщину и крепость изоляции. Но нет ничего вечного… Всякое расставание рвало «сиамского близнеца» пополам и более хищная половинка его норовила поглотить или уничтожить «предателя». Брат на брата! Внутренняя война в русском небе увеличивала его незащищённость, а культовая «теплота русской души» свободно утекала в мировое пространство сквозь многочисленные бреши в корабле русской культуры. «Кто виноват?! Что делать?!» — сакраментально восклицали капитаны и пассажиры корабля. И находили виноватого, и знали что делать: отступников карали проклятием!

Можете ли вы представить ситуацию, когда бывшая жена, проводив мужа, нежно и трепетно знакомится с его новой женой и желает новой веточке жизни счастья и света? Можете ли вы представить в России «новую» жизнь, которая не топчет старую?

Духу казалось, что эту неправильность можно исправить, можно примером и словом помочь тем, кто обедняет себя в расставании. В расставании с прошлым. В расставании с жизнью.

ФАНТОМНОЕ СЧАСТЬЕ

Дух любил стариков. Поэтому предложение Гоблина устроить брошенным и позабытым ветеранам-оружейникам «достойное торжество» — маленький банкет в честь 300-летия завода — Духу очень понравилось. В равнодушном сером колыхании Города доживали свой печальный век секретные гении страны. Праздновать юбилей было негде, да и не на что. Нынешнее заводское начальство не подпускало стариков к родимому заводу и на пушечный выстрел. Мало ли что могли наболтать старики прессе после того, как увидят вместо оснащённых заводских корпусов зияющую пустоту огромных помещений. Всё было продано и перепродано. В лучшем случае, площади занимали склады супермаркетов и строительных организаций. Действовала

лишь небольшая линия по производству охотничьего и стрелкового оружия. Реальное производство директора-торгаши держали лишь для того, чтобы официально прикрываться солидным статусом оборонного предприятия и без стеснения трубить перед иностранцами о великой оружейной славе Города. Крупное производство умерло, традиции ремесла прервались. О вранье знали все. Поэтому стариков держали от завода на расстоянии. И они согласны, согласны были ничего не знать; они были слишком умны, дисциплинированны, они упрямо продолжали блюсти человеческое достоинство, не жаловались, не ныли, не опускались до осуждения; в их разговорах-воспоминаниях бурлила и клокотала настоящая жизнь — настоящая… в прошлом. Они не имели возможности жить здесь, поэтому они целиком жили там, где работа продолжалась и имела смысл. И ничего, что нынешнее заводское начальство держало стариков на дистанции от рухнувшего производства. Ничего, что и время отделило одну эпоху от другой тем же — дистанцией. Ничего! Память оружейников и их старческое сплочение превратились в спасительный Ноев ковчег, в котором они дружной командой сами гребли через нынешний Стикс. Тела стариков разваливались, но мозг их работал исправно, ни провалов памяти, ни маразма не было даже у девяностолетних. В прошлом веке многие из этих гениев успели повоевать, имели боевые награды, ранения. К оружию они относились священно! Поэтому ни один не сдал перед посадкой в Ноев ковчег, на последней переправе, самого дорогого — любви к работе.

Дистанция! Прекрасное профилактическое средство. И для богов, и для людей. Не «заболеешь», попав в аморальную заразу, ненужными желаниями или корродирующим каким-нибудь возмущением.

Ия перечислила деньги заводу, завод перечислил их Москве, столичный банк, слегка помедлив, перечислил сумму городской мэрии, те, в свою очередь, отправили деньги в заводской супермаркет «Золотая Труба». Из супермаркета приехал человек и вручил Духу средства на проведение банкета. Такой желанной в России, неучтённой наличкой! Пока денежная змея ползла от одного расчётного центра к другому, каждый откусывал от её хвостика свой законный кусочек. Так что в Дом Счастья деньги доползли ополовиненными. Зато — свободными!

Стариков привезли на двух комфортабельных автобусах. Полигон был для них — дом родной. Дедули-бабули, как пули из обоймы, высыпали на парковочную площадку и, оживлённо размахивая руками и инвалидными тросточками, дружным залпом ударили по знакомым местам фейерверком воспоминаний.

— …Вот на этом самом месте маршал из пистолета по голубям стрелял… А помнишь, йеменец оглох, забыл заглушки на уши надеть?.. Вот, вот, здесь у нас пушечный ствол с платформы скатился, ох, нагоня-яй был, хи-хи… Да-аа… сколько сделать успели!…

«А помнишь?» — этот универсальный пароль соединяет практических людей навсегда. Дух видел перед собой людей, прошедших многое: когда-то они «горели на работе», с них «снимали стружку» или «песочили на ковре», они умели работать «как черти заводные», они до сих пор не утратили привычку «расходовать себя». И они — помнили! Словно частицы прочнейшего сплава, застывшие в слитке, они, трепеща и волнуясь, вопрошали о прошлом мартеновском жаре: «А помнишь?!» Их глаза отчётливо видели и впивались в то, чего уже не было. А то, что появилось на самом деле, — лучше было и не замечать. Ну, они и не замечали. Но фривольную живопись на воротах подземелья проигнорировать никому не удалось. Наткнувшись взглядом на обнажённое, старики осекались и отводили взгляд куда-нибудь на сторону. Мол, ничего теперь не попишешь: новые времена — новые плакаты.

— Прошу к столу! — громко объявил предводитель церемонии, сутулый высокий старик, бывший директор оружейного «завода на экспорт» — некогда железную дубль-махину Город возводили в виде «братской» пушечноделательной помощи на африканском континенте.

Вы когда-нибудь приглядывались к взгляду… рыбы? К её бесцветным, холодным и ничего не выражающим глазам? У бывшего «африканского директора» взгляд был именно таким: он «выцвел» за долгие годы и от нечеловеческой ответственности, и от малярии, и от водки, и от картин смерти. Сутулый старик был очень добрым и отзывчивым человеком, легко заводящимся на рассказ о каком-нибудь «возвратном шептале», которое ни в какую «не шло» в производство. А потом — победа! Как через полгодика нашли-таки треклятущую заусёнку, содрали напильником — пошёл конвейер, как миленький!

Старичьё были одеты как все обманутые умники в России: чисто и бедно, по моде сорокалетней давности. Они передвигались, воркуя и поддерживая друг друга. Орденоносцы из конструкторского бюро, стрелки-испытатели, пираньи-военпреды, металлурги и слесари, водители и их бывшие высокопоставленные шефы — всех поровняла старость. Мир, любовь и покой наступили в этом времени. Замешанная на военно-трудовом прошлом оружейная старость казалась самой себе очень достойной. Жаль, конечно, что новые времена не смогли приложить это, уже состоявшееся достоинство, к своему… «Ну, да ничего не поделаешь, жизнь есть жизнь» — этим неопределённым бормотанием старики успокаивали болящее сердце лучше, чем таблеткой «Валидола». Прошлые подвиги непрерывно продолжали совершаться в прошлом! В прошлом гудели станки и сыпались искры от контактной сварки, отстреливались партии экспериментальных изделий, ни на секунду не прекращалась вечная круговерть конвейеров, несущих на своих лентах хитроумные детали чудо-машин, умеющих убивать. Гордость и слава кричали с плакатов над проходной… В прошлом! В прошлом! А, может, и нет никакого прошлого? Есть только то, в чём

живёт и дышит душа твоя, человече?! Дышит! Значит, дудки! — Шевелится ещё жизнь, шерохается, ещё и под козырёк взять сумеет, и кулак показать не побоится, и на девку взобраться не прочь будет! Дышит, голубушка, дышит!

— Я хочу выпить за то, что нам не было стыдно жить. Значит, не должно быть стыдно и умирать, — слепой математик-баллист стоял с полным фужером шампанского и как-то очень бережно, тихо говорил, а собрание его так же бережно слушало, пожёвывая завалившиеся губы и согласно кивая.

Выпили. Ещё выпили. Ещё.

Загорелось! Зашумело! Ожил завод!!! Дух почти физически ощущал, как в атмосфере ресторана материализовался фантом — прошлое счастье! Снова и снова дневали и ночевали эти красивые люди на своём железном ристалище, занимались доводкой изделий, «пробивали» новые изобретения, «бодались» с военпредами, выезжали на стрельбы или разборку ЧП в войсковые части, поднимались на палубы авианосных кораблей и спускались в подводные лодки, принимали справедливые рекламации и ломали головы над техническими тупиками, обмывали правительственные награды, травили политические анекдоты, успевали влюбляться и рождать детей. Фантомное счастье! Похожее на отрезанную часть жизни. Только оно, это счастье, не мучило стариков своей неповторимостью, наоборот, они с благодарностью и поклоном относились к тому, что однажды судьба позволила сбыться каждому из них — в собственном деле, державном и трудном. Оружейники ни о ком не говорили плохо. Послушать их — все в сером Городе были одарённые, трудолюбивые ангелы. Которые построили свой собственный рай — лучший оружейный рай на земле! Оружейники были суеверны и всегда верили в высшие силы, и именно там черпали и своё упорство, и свою поразительную устойчивость в работе «на отказ». Они легко сменили партийные билеты на нательные крестики; для них это было так же естественно, как смена госзаказа. Они и сегодня верили, как дети, всякому, кто произносил: «От имени России, клянусь...». Они уже никого не спасали, производя смертоносные машины, стоящие, как им говорили, «на страже мира». Они — спасались: в последней любви и великом прощении.

Уж не сам ли Господь палил во все стороны из сверхнадёжных пушек, автоматов, ружей, подствольных и стационарных гранатомётов, из зенитных орудий и ракетных комплексов, напоминая землянам: «Ибо!!!» И Город был его лучшей кузней, в которой послушные черти ковали стальные наконечники для грозовых молний. «Ай, молодцы!» — похваляли себя они сами. Слава оружию! Слава! Слава! Но у славы, взошедшей на крови, особая стать: великая Слава — великая Смерть. Миллионы русских «стрелялок» и «леталок» работали по всему миру,

приближаясь к последнему звоночку чьей-то жизни, как божья секундная стрелка на божьих часах, выискивая жертву: кого бы ужалить, чьё б время остановить? Русские пули, как неутомимые пчёлы, всюду собирали «нектар» — кровь человеческую, по капле, чтобы вернулась она в Город свой, обращённая в жуткую славу его. Как, скажите, славой такою гордиться? Как жить ею прикажете? Ведь из смерти она получилась! Но другого-то в Городе и не видывали. Потому и гордились, и жили, и в люди хорошие выходили — сквозь душевную тьму, сквозь поля со скелетами.

— Эх, повторить бы всё ещё разок! Кое-что не так делали. Недоработали малость. Подправить бы надо…

Глаза стариков слезились, руки у многих дрожали. Эти руки прикасались к чертежам и металлу, их пожимали правители стран мира, они исполняли сувенирные прихоти кремлёвских кормчих… Руки, изъеденные машинным маслом, иссушенные работой на холоде, побитые у некоторых пороховыми оспинами. Дух смотрел на этих людей и ему казалось, что в каждом из них он видит… отца, — с родительской теплотой и участием подходили они к нему, чужестранцу, брали за локоток.

— Спасибо вам!

Родина, долг, честь — эти слова-символы не были для оружейников Города пустым звуком. Для них они являлись символической вершиной той реальности, ради которой и была израсходована жизнь. Поэтому тряпичный флаг, венчающий железную громадину военного колосса, был для стариков не просто цветной тряпкой — он был вершиной реальности, которую их руки знали до последнего винтика на ощупь! На этом патриотическом чувстве старшего поколения аморальный нынешний директорат и высшие политики спекулировали при устройстве показных торжеств. Старики легко обманывались опустевшим временем: стоило показать легковерным практикам какой-нибудь новый флажок и произнести: «Родина! Честь!» — и они верили: мёртвое восстанет.

Смерть всегда была самой честной советчицей для мирян. Но советы её мог услышать не каждый — только тот, кто не знал слов «устал» и «не интересно». «Уставал» металл, но не люди. Интересом и талантом «зажигалось» любое дело, к которому эти люди прикасались. Они были неуязвимы и несгибаемы в абсурде русской жизни — потому что их смолоду воспитывала она, нелживая и нелукавая наставница.

Все тосты были за здравие.

— Я надеюсь на молодёжь, которая научится любить свою землю не меньше, чем любили её мы. Молодёжь у нас хорошая! Ну, не может такого быть, чтобы зелёный росточек не пробился к свету! Не бывает такого!

Гений-пушкарь с рюмкой водки в руке сморщил личико и выпил. Сквозь окно веранды картины современного Города непрерывно

«просачивались» в гуляющее прошлое. Издалека огоньки рекламы можно было принять за следы промышленной деятельности, коробочки заводских корпусов по-прежнему стояли на своих местах, а перст трубы по-прежнему подпирал тучи… В позолоченном исполнении труба даже придавала скучноватому городскому пейзажу недостающую для жилого места красочность.

— ПКБО-241-М, — шутливо кивнул на трубу сутулый старичок-распорядитель.

— Точно! Точно!!! — засмеялись остальные. Всем полегчало от подчёркнутой вовремя самоочевидности: вещество жизни видоизменяемо, но непобедимо.

В расшифрованном виде аббревиатура звучала так: «Противокорабельное береговое орудие, 241-й модификации». Старики тепло и ностальгично поглядывали сквозь широкоэкранное стекло веранды на Город своей юности.

Нынешнее русское время, после очередного правительственного переворота, традиционно и хладнокровно выстрелило в собственное прошлое, в его голову, в висок, так, как делали все предшественники. Но кое-что в работе по избавлению от прошлого нынешние революционеры исполнили на свой лад, с «перевыполнением плана» — в труп России был произведён контрольный выстрел. В сердце. Этого не совершали ни варяги, ни чекисты, ни Чингисхан. Сердце — не трогали! Только потому страна-Феникс и восставала из пепла, в очередной раз изумляя и пугая соседей — старым сердцем своим, и иным, «возрождённым», разумом. Кто ты теперь, не земля и не пепелище? Русь, разве Русь ты, без сердца?! Остыли обездушенные мартены. Остывали и небеса над мартенами. Ветераны отказывались поверить, что они — последние, кто носит в груди колотящийся комочек, вмещающий «родины и чести» куда больше, чем все репродукторы страны вместе взятые.

— Помнишь, линию с титановыми фермами? А бокс-изолятор из электролитической меди? Сорок шесть тонн чистейшего металла! Сдали, суки. Директорский сынок сдал. А грехи, знаешь, как папочка-директор с сынком замолили? На личные деньги крестильный храм захуярили! Ну, скажи, откуда у них «личные деньги»?! Э-эх! Магний! Вольфрам! Ниобия сколько было! Э-эх!

За медь, ниобий, вольфрам, никель, ванадий и титан китайцы платили «наличкой». Неучтённой «наличкой», в твёрдой валюте.

Русское государство — бог Танат, очередной коронованный бандит, вымогающий и высасывающий жизнь при помощи непроходимых законов. Как защититься жизни несчастной? Как уберечься ей от объедания заживо до последней косточки? Неужто быть преступником внутри преступного? А то! В царстве теней именно она, неучтённая «наличка», заменяла жаждущим жизни жизнь.

Старики говорили и говорили, глядя на золотую трубу-памятник, которую в наступивших сумерках подсвечивали с земли мощные прожекторы. Говорили и говорили! Словно благочестивые и разумные родители, пришедшие на могилу своих детей в родительскую субботу. И, чтобы не сойти с ума, от неправильности происходящего, они, в большинстве своём, вспоминали только самое светлое, самое яркое время своей жизни, заставляли выплывать из глубин прошлого самые лучшие свои чувства. Каждый из них был — легенда, живой урок истории. Они сдали свой экзамен последними. Школа закрылась.

Многие из веселящихся стариков сегодня не могли купить фрукты, не всегда вовремя получалось оплачивать счета за квартиру, они не покупали спиртного даже на Новый год, а внукам дарили только то, что можно было извлечь из старого комода… Не было денег. Банкет радовал их своим изобилием. Улыбчивые и тактичные, старики украдкой складывали со столов в бумажные пакетики выпечку, конфеты, апельсины. Смотреть на это было невыносимо.

Тосты утратили прежний накал, но тематическую «бинарность» они сохраняли неизменной. Всякая речь состояла из двух простых обязательных частей: воспоминания и пожелания здоровья окружающим. Только к концу жизни старики начали понимать элементарное: что здоровье страны складывается, как река из капель, из личной здравости каждого. Его, здоровье, нельзя «объявить» или «получить», как долгожданную квартиру, его даже нельзя «дать». Потому что здоровье — это жизнь! Стоит ли расходовать её, как ресурс станка? Ресурс закончится, и куда тогда покатится доживать жизнь-колёсико? — На свалку!

Многократно превысившие все нормы расходования ресурсов седовласые «станки», на груди которых красовались знаки отличия, имелись орденские колодки и позвякивала бронза медалей, требовали немногого — уважения. Общество не могло им дать роскоши сей, не владело оно умением редким. Поэтому старики были предельно счастливы и от малого: уважили!

В вечерней тишине, со стороны золотой трубы, иногда доносились еле слышимые очереди и хлопки, которые ухо профессионала различало безошибочно: «Спаркой бьют! Слышишь? Вот ещё очередь! Точно, из моей авиационной пушки бьют!» Ветеран-конструктор, заслышав эту нечаянную мелодию «та-та-та-та-та», распрямлялся и молодел. В огромных подземных дымоходах под заводской трубой устроили коммерческие тиры для зарабатывания валюты. Богатые иностранцы и почётные гости Города могли лично пострелять из чего угодно, чтобы убедиться: жива русская слава! Музей оружия ежедневно проводил банкет-шоу с приезжими делегациями и иностранцами, им показывали и застеклённые пищали, и стреляющие современные

экспонаты, властно манящие к себе мужской взгляд и зудящие руку удобством приклада и чуемой мощью металла; желающие спускались из верхних залов Музея оружия мимо вооружённой охраны вниз и отводили душеньку — стреляли! стреляли! стреляли! Доллары, фунты и евро исправно оседали в музейной кассе, «обналичивать» которую, то есть забирать, приезжал специальный человек в инкассаторской машине с автоматчиками. Но не из государственного «Сбербанка». В качестве мишени в тирах выставлялся всемирно известный русский символ — раскрашенный, набитый опилом, медведь. С точки зрения коммерции, действующие оружейные экспонаты были привлекательнее и куда как ценнее тех шепелявящих и шаркающих «экспонатов», что кормил и обнимал в Доме Счастья взволнованный Дух.

Потом они запели!

У поющего русского человека глаза — пустые. Они обращены внутрь себя самоё. Пели все, без исключения! Самозабвенно, прощально, как всегда. От банкета до банкета доживали уже не все. Пела красивая старая женщина, за которой когда-то ухлёстывал главный маршал страны, пел слепой поседевший математик, пели лысые военпреды и испытатели изделий, тянули протяжные звуки песни рты конструкторов, руководителей секретных лабораторий, могучим басом отличался бывший комендант полигона. Русские, татары, евреи, донские казаки, украинцы, угры… — время скатало их в последний свой заряд, в пушечное ядро поруганной чести, и делало свой последний выстрел!

Песню услышал Гоблин. Он пришел с гармонью и заиграл — песня стариков расправила крылья души на весь свой оставшийся размах.

Дух восхитительно мучился выматывающей душу симпатией к этим людям. Он подсаживался то к одному старичку, то к другому, мычал мотив, кивал, поддакивал, наливал в рюмки. «Крещение» Дома Счастья было серьёзным и высоким. Говорить ветеранам ничего не требовалось. Они просто хотели, чтобы их выслушали, да не какие-нибудь их старческие жалобы или стоны, а — песню! Песню! Живую и вечную, как музыка русских равнин.

И вдруг Дух понял, потрясённо ощутил, что всем своим существом он буквально захлёбывается от нового способа чувствовать — он напрямую, без каких-либо «предохранений» со стороны ума или сердца, родственно, почти кровно соединился с этими людьми. Он их Любил! Боже! Их прошлое беспрепятственно, широким и полноводным током переливалось в него, оно бесцеремонно «занимало» очарованное, зазевавшееся от любви существо, оно, как неожиданный русский паводок топило всё подряд! Дух испугался. Он не умел контролировать любовь. Внутри Духа взорвалась, влетевшая в него русским снарядом, жизнь недоживших: и флиртующий маршал-кобелёк, и ночные бдения

у стреляющих орудий, и погибшие от пуль друзья, и поединки на начальственных коврах, и казусные глупости, и крысы в послевоенном КБ, и озадаченное корпение над трофейным арсеналом, и интернациональная армейская тупость, и монастырская стойкость полуброшенных жён, и восхитительные человеческие качества русских интеллигентов-оружейников! И! И! И! Бесконечный присоединительный союз, легко суммирующий даже противоположности. Хорошие люди, чего ж их бояться? Но Дух вдруг понял, что чужое прошлое захватывает его без меры, целиком, не оставляя «незатопленным» ничего. Да, да! Именно патриотизм русского прошлого «заражал» собою живущих в настоящем. Пусть так, пусть. Лишь бы было в руках ремесло. Но ремесла-то как раз и не было у сегодняшних наций. Пиар-«патриоты» плодились всюду, как поганки. Они поднимали над собою символы, за которыми не угадывалось ничего реального. Ни-че-го! Но за покушение на эту обманную пустоту можно было поплатиться так же, как расплачивается зек в законе, нарушивший кодекс — такого опускают. Дух, испуганный жутким внедрением в него небесного русского «общака», отпрянул. Он не хотел принадлежать не своему прошлому. Он был согласен нести историю в себе, но ему не хотелось превратиться в русского Петрушку на её пальце. Ох, и кто только не вертел этим Петрушей! Новое своё внутреннее приобретение Дух расценил как «патриотическое увечье» — красивое, но очень опасное чувство.

Дух смотрел на трубу завода и ему уже казалось, что это он, он сам держал карандаш над кульманом, терзал переводчиков, вычислял баллистику и нарезку ствола, пыхтел над центровкой шпинделя, вертел ручки станков, придумывал нестачивающийся боёк, газоотводные трубки и «вечные» поршни, механизмы отката, схемы электронного сопровождения, гасители пламени и стартовые ускорители… Чужое прошлое в России — это «третий глаз» русских. Он перехватывает власть у обычных человеческих глаз и посылает к мозгу мистические сигналы. Русский мозг не может отличить чужое от своего собственного.

Дистанция! Всему живому нужна дистанция! Дух воображал, сколь легко и безоглядно «слипаются» на небесах родственные души. И как неудобно после этого жить! Остаётся одно — свалиться с небес, кувырком миновав бурю мыслей и чувств, прямо в клан одинаковых, либо к подружке в постель. Неправильное слияние на небесах заканчивается катастрофой на земле. Дух привык к одиночеству. А обаятельные старики делали его одиночество очень уж русским — коллективным одиночеством, вариантом барака. Дух не желал пережить катарсиса от объятий прошлого. В его научные и исследовательские планы не входил эксперимент «умереть при жизни».

Ветераны принесли в Дом Счастья какие-то вымпелы, старые фотографии, безделушки, обветшавшие от времени письма… Словно пригоршни родной земли на далёкой чужбине, они вынимали эти

«горсточки» родного прошлого, рассматривали их, передавали друг другу, складывали воедино.

— Наш Совет ветеранов решил передать эти ценные исторические документы Музею оружия!

Дух даже зажмурился, представляя, как коробка с исторической трухой в тот же день будет выброшена на помойку. Дух всеми силами пожелал старикам удачи — последней удачи в их жизни: спокойной смерти. Обновившейся, прыгнувшей в котёл с кипятком Родине отшибло память, и она не могла дать постаревшим своим сыновьям этого блага — покоя. Она предала их, обокрала, обгрызла до белизны голов и выплюнула вон, как подсолнечную шелуху, из своей пасти.

Но у многих были дети, хорошие и заботливые.

Гоблин без устали шпарил на гармони. Душа ветеранов воспарила высоко-высоко, и оттуда, с этой головокружительной и пьянящей высоты прошлое расстилалось перед отчаянным изнаночным взглядом старости желанной, обжитой и такой любимой долиной! Стая грозных орлов-ветеранов грациозно планировала к земле обетованной на крыльях протяжных застольных песен. Всякий правильный русский человек хотел быть похоронен не только в родной земле, но и упокоиться в своём собственном, в родном для него, времени. Чтоб уж никакая волнительность больше не могла его потревожить ни сверху, ни снизу.

Не дождавшись конца банкета, Дух незаметно удалился. Грэя он нашёл в нижней штольне. Грэй тоже пел. Он, вместе с наёмными рабочими, ворошил червяков в навозе.

— Прошлое — это могильник. Там живёт чумной микроб, — сказал Дух.

— На, это поможет! — Грэй вручил Духу вилы, а сам, насвистывая, поскакал наверх по винтовой лестнице. В вагончике Грэя ждал верный «Снайпер», одна стопочка которого на пару часов заменяла все джазы мира.

ДОМ СЧАСТЬЯ

У всего породистого ограничивающая цепь — в его воспитании, у дворняжки «воспитатель» попроще — верёвка на шее.

Дух однажды видел страшную уличную картину. Хозяин, респектабельный с виду мужчина, вполне нормальный человек, вывел на прогулку дога. К собаке безбоязненно подошёл посторонний мальчик и протянул пряник. Дог, только что и за немалые деньги прошедший школу собачьей спецподготовки, не удержался и проглотил лакомство из мальчишечьих рук. Хозяин рассвирепел. Мальчик убежал в слезах,

а дог, получивший удар подвернувшейся под руку арматуриной по голове, остался лежать на асфальте… — хозяин ушёл без него.

Расставание тестировало русских как «детектор лжи».

Предателем считался всякий, отошедший от застывших отношений. Поэтому в небесной свободе «предатели» водились в той же изобильности, в какой скабрёзные анекдоты веселили земной русский мир, замороженный идиотскими правилами и формулярами до полного околевания.

Встречаться со своим счастьем в России было опасно. Потому что расстаться с ним в этих условиях было почти невозможно. Как же всё-таки расставались русские? С прошлой эпохой, например? С прошлым мужем? С прошлым самим собой? С прошлыми идеалами? Мучительно. Обычно русские не расставались — избавлялись от «ненужного», обливая ненужное отвратительной грязью, либо с наслаждением расстреливая его. Переходы из одного качества жизни в другое никогда не были здесь управляемы разумом. Скачок из одного в другое вполне исчерпывающе объяснялся излюбленной причиной русских — его величеством Вдруг. Неожиданное появление и неожиданный разрыв в русской голове находили более логичное и привлекательное объяснение, чем то же самое, но — в эволюционном исполнении. На резковатых поворотах дырявого русского корабля, «Летучего голодранца» всемирной истории, призраки охотно сыпались за борт, а уцелевшая малодушная плоть бойко вешалась или стрелялась.

Дух иногда делился своими наблюдениями с местными профессорами филологии или истории. Русские знатоки от этого «прямого переливания» напрягались. В их традиционной школе ценилось умение «взвешивать» и «сравнивать» информацию; мозг каждого такого знатока представлял из себя надёжного нравственно-интеллектуального Цербера, который непрерывно решал: тянет — не тянет, соответствует — не соответствует… Дух к новой информации относился иначе, так же, как ценитель музыки относится к новому в искусстве — он, ценитель, просто открывается и позволяет неизведанному потоку и неизведанным чувствам овладеть собой. Русские «оценщики» открываться не умели. Но, всё-таки, как же они продвигались вперёд? Старым, общенародным способом. Каноничность и стереотипы своих восприятий они преодолевали с разбойничьей удалью — в истерическом прыжке в новизну. Если чужая новизна была глубока, погружались в неё с головой, взахлёб. Если не глубока — ломали себе шеи.

Беседовать на свободные темы с русскими приходилось, оглядываясь на ширину их «коридора допустимостей». Не всё можно было обсуждать. Здешние люди не умели говорить не от себя и видеть движения мира отстранённо. Русские привыкли видеть «мир в себе», а не наоборот — наблюдать себя в мире и зряче руководить имеющимся ресурсом жизни. Увы, увы. Даже очень образованные русские люди,

до весёлой циничности свободные и психологически раскованные, грешили этой национальной хромотой — «прикладывать к себе» и «примерять на себя» всё, с чем ни столкнутся. Беседуя на какую-либо общую тему, — нейролингвистики или сексопатологии, — Дух часто утрачивал бдительность и не был готов к парадоксальным восклицаниям собеседников: «Я, например, так не могу!» Он забывал, увлекшись темой, что русские никогда не думают о теме в чисто научном её аспекте, они всегда думают и говорят на тему контекстно — исключительно лишь для того, чтобы рассматривать самих себя на образовавшемся фоне. Вполне адекватная в науке и исследовательских погружениях дамочка запросто могла воскликнуть в самый утончённый и «глубокотемный» момент: «Ну, что вы, я, например, сделала бы так!» В подобные моменты Дух вздрагивал, точно его огрели плетью. Дух, увлекшись, освещал в мраке неизвестного интересующие его предметы, а русским коллегам казалось: он их… обвиняет!

Русское небо! Частная собственность! Эманации русских гомункулов «надышали» за века плодороднейший слой «чернонёба», божью целину. Племена и общины пахали и сеяли здесь, кто как мог. Буйно росли в русском небе и культурные злаки, и заморское семя, и собственный чертополох. Частные формулы жизни, частные истины, частная идеология и частное мнение изначально здесь были превыше всего — превыше общих мыслей и общей гражданской реальности. Частная собственность в небе России существовала давно; словно в швейцарский банк, попадали в небесные сейфы России великие вклады великих народов. Дивидендов никто не дождался.

А что было общим? Где начиналось знаменитое: русская коммуна, собор, общак? Искать следовало там, где заявляло о себе обобщение, именуемое у русских «правдой». Русская «правда» — это общие мысли, общие судьбы, общая дорога, общие нары, общественный суд, общее голосование, общее горе, общая надежда… Русские судьбы! Очевидно, «частную собственность» в русском небе — тюрьма на земле и в головах вполне устраивала. Всякий, пустивший здесь корни свои, знал наперёд: свобода дерев — в небесах!

Вниз, под ноги свои смотреть было страшно: единой косой подрезанное рабство душ надёжно перегораживало здравый путь рукам и думам на земле.

Город потрясло сообщение о необычной драке. Трое молодых людей дрались на ножах за самку. Благородная дуэль состоялась из-за девицы, которую все трое любили, а она их выгодно «динамила» не первый год. Все трое мужчин получили жестокие ножевые ранения, на всех троих завели уголовное дело. А виновница, которая стояла рядом и наблюдала «гладиаторов», проходила по суду в качестве свидетельницы.

В России в битве личных мнений побеждает молчащий.

Русские часто прибегали к душевному эксгибиционизму и, обнажившись, с наслаждением порочили себя перед зеркалом чужого внимания. «Silence» был единственным рестораном в городе, где мысли и разговоры не глушила музыка, где цепкие коготки видеоклипов не хватали посетителей за глаза и не выворачивали их на бок. Русские, доведённые «измором» тотального шума и коммерческой суетой до внутреннего переполнения, весьма охотно ездили «на кулички» — так в Городе называли ресторанчик компаньонов. Здесь русские «изливались». Грэй не в первый раз слушал в тишине ресторана оригинальные исповеди.

— Тела, брат, у нас здесь белые, а души — чёрные!

Негр понимающе кивал. Всякий раз, когда он встречался с этой невидимой, пачкающейся «ваксой» русской исповедальности, он развлекался.

— Ей Богу, я когда-нибудь сочиню антинародную русскую сказку: «Кот в сапогах в стране людоедов!»

Грэй видел, какими «дрессурами» русская история воспитала своих каннибалов. Людоеды, в соответствии с классическим сюжетом сказки, непрерывно «преображались» то в рыкающего льва, то в мышонка. Людоедов, что правда то правда, было много, очень много. За недостатком человечины они поедали от голода и нетерпеливости друг друга. В попытках спастись и в изобретательности напасть не было им равных на планете! Превращения их носили фантасмагорический характер: утром лев — вечером мышь, вечером лев — наутро мышь…

Век за веком людоеды размышляли: кого бы ещё съесть, чтобы стать, наконец, самими собой?! С кем повоевать? На чью милость отдать свой разум? Ну, в компромиссном случае могла сойти и гуманная схема «очеловечивания» — просто быть при ком-то, или быть при чём-то. Люди-львы, люди-волки, люди-мыши, люди-трава… Они превращались и превращались! Иногда самые нижние, трава и мыши, волчья сыть, объединялись в озверевшую массу и насмерть зажирали, загрызали, защипывали и зажаливали волков и львов. Колдовская, тёмная страсть к «преображениям» и «возрождениям» правила русский бал! Очередного генерального людоеда роняли, и растаскивали на молекулы даже саму память о нём. Известный миру русский «порыв масс» мог завалить и распылить до аннигиляции целую эпоху, чёрт побери! Океан жизни содрогался. На смертельной волне катались и резвились умелые бизнес-сёрфингисты… Усмирить «цунами» русских превращений можно было лишь одним способом — подменив стране и генерального людоеда, и эпоху.

Рисовать и описывать Русь на бумаге легко и сладко. Это — бумажная страна. И всякая бумага для неё — реальность. Человек, лишённый документов и заверенных нотариально поручительств, навсегда выбы-

вал из главных хранилищ русской жизни — из картонных коробок, из папок с надписью «Дело», из пыльных картотек жилкомхозов и собесов, паспортных столов, военкоматов и кредитующих контор. Только прижизненной «бумажной» смертью можно было заплатить за ничем не связанную личную жизнь. И — опуститься на самое дно Руси, свободным и безымянным, как в могилу. Бомжи — вот лицо свободы русской! Её песня и гимн! Её истинный лик.

Больше свободы — больше бомжей!

Ах, бумага! Зачем научили письму обезьян? Зачем дали им копировальные аппараты и компьютерную скорость? Зачем скрестили обезьяну с попугаем? Зачем приделали к пальцам её когти зависти? Зачем выбили дно в кузовке её жадности? Завершая работу свою, опрокинули подпись — чернильницу на душу! Неужели ты пьян был, Господь?! Души, мёртвые души витают в жужжащей вокруг суете. Знай же Ты: подражающий страсть сотворил!

Духа необычайно изумляло, насколько «коротки» люди в России. Их огромные территориальные пространства находились в обратно пропорциональной зависимости с просторами их родовой памяти. Коротким было их время, короткими от этой беды были их мысли. Коротки чувства, коротки связи… И даже жизнь русских «аксакалов» всё равно была короткой — её едва-едва хватало лишь на то, чтобы от личного рождения «дотянуть» до личной смерти. И рады бы жить иначе, да не обучены. Правнук прадеда не помнил. Время здесь было «нашинковано», как лапша. Было бесполезным для одежд бесконечности, как обрывки нитей-лет. Оно не вязалось общими усилиями многих поколений в веретённую пряжу неподражаемой национальной памяти и собственной культуры. Что же ты молчишь, русич? Воскликни поскорее, возмущённый: «А как же русские аристократы, дворянство?!» Прав ты, братец, прав, именно аристократия, изначально имевшая заграничные корни и «нерусский ген», — только они до сих пор действующий заповедник русской истории и русской памяти, её историческое исключение, её духовная резервация. Только они тянули и тянут нить самобытности правильно: от пра-пра-пра-пра-прадедов к пра-пра-пра-пра-правнукам единственно пригодным для этого способом, через живой узелок — через жизнь свою невихляющуюся. На щите благородства — черепов не рисуют.

Обрубленная русская память напоминала деревянные деревья-болваны в городских аллеях. Озеленителей Города люди называли «озверенителями». Судьба — пенёк, а жизнь — лопух. Перерезанный ствол уже никогда не сможет стать полноценным деревом. Ни-ко-гда! Слово-то какое! Никогда теперь древу русской истории в рост не подняться, пень проклятый не пустит! Ни-ко-гда! Никогда не узнает о прошлом своём окороченный русич, памяти евнух!

Воды мирового неба, несомненно, были самой большой Рекой, текущей всюду и во всём. Что ж, в древе человеческой памяти, от тёмных корней к светолюбивой кроне, тоже текли особые «воды» — опыт, ремесло и память людей, преобразованные искусственностью и искусством. По стволу человеческой жизни природа мира и природа людей совместными усилиями гнали восходящие токи неведомой, непостижимой, неизбывной силы всего живого — любви. Ствол бытия! Опора и плоть всего поднимающегося! Те, кто разрезали ствол бытия на пень и труп рухнувшей кроны, сами, своими собственными руками разделяли чудо и восторг неделимого жизненного мига на два мировоззренческих убожества — на мир «верхний» и мир «нижний». Только «короткие» могли в это поверить и в этом жить!

Русские судьбы получались путём ампутации полноценных судеб. Общество здесь всегда делилось на тех, кто режет, и тех, кого режут. В каждом русском периоде, в слишком уж «местном» его времени прихотливо возникали «местная культура» и «местные правила» ампутации: судеб, мыслей, возможностей. «Перерезанным» поколениям внушалась уверенность, что подлая и бесполезная жертва эта — и есть высшая инициация «раба божьего» или «государева человека». Всегда в России царила опричнина! Опричники в рясах, во фраках или в военных мундирах не ведали оглядки. И стоило им договориться «на троих», — между «богом», «царём» и «героем», — в буханьи кулаков и в елее молитвы наступала на горло людям русская свобода: свобода разрушать. Всё вокруг и всё в себе. «Короткие» не нуждались в несокрушимых замках, поэтому они строили избы. И зачем «коротким» было стремиться к долголетию державы? Потрясения ствола бытия приносили плоды сладострастия, власти и денег сейчас же. Они, торопливые, не умели возделывать собственный сад, но, как язычники, знали: только дикое — вечно. Дикому они и поклонялись. Они проклинали своих детей, если те нарушали завет «перерезаний».

Но когда миллионы «коротких» русский Рок закладывал в котёл очередной войны, они сцеплялись друг с другом в условиях нечеловеческого пекла так, как не сцепляется рубленая стальная проволока в дамасской стали! О! Этой «саблей» можно было запросто перерубить напополам земной шар! Только отсутствие испытаний «в пекле» могло погубить этот народ окончательно. Дух видел: без кровавой войны «короткие» русские стягивались в последний свой знак — в точку. В точку! И во времени. И в истории. Эти наблюдения не были, к сожалению, пророчеством, которое могло б, чёрт возьми, и не сбыться. Они отражали конец. Стоит, пожалуй, оглянуться, чтобы понять неизбежность живого пути: от пробуждения в семени — до засыпания в семени. Неужто смысл существования великих и грозных империй на земле лишь в том, чтобы стать, в конце концов, разделом в учебнике истории? Возрождаться в виде принудительного текста для будущих

оболтусов? Как утешиться, чем? Будешь ты, русич, былого параграфом, — коротким и скучным. В ком восстанем, братишки, кого соблазним? О! Россию-троечницу ещё «выучат» будущие отличники, влюбятся в прихоть её неуёмную и получат, получат за неё, за матушку нашу, кормилицу, балл проходной свой — к душе неприкаянной!

...Кто ж нашинковал тебя так, времюшко русское? Что ж само себя ты рвёшь, как рубаху, словно зек перед дракой? Что же бьёшь ты своих напоследок? Уж чужие спешат разнимать: разве свой своего убивает?

ИСЦЕЛЕНИЕ РАЗУМА

Все от чего-нибудь да зависели. Дух украдкой наблюдал в Городе лица тех, кто горстями спускал свои «пятачки» в тумбы помигивающих и попискивающих игровых автоматов. В сети элитных казино Ия ловила своё могущество: крупную рыбу заманивали в крупную ячею; только за вход в эти заведения клиенту требовалось заплатить столько, что и сказать неудобно. А для игрозависимой общенародной плотвы, для рабочих и пацанов, торгашей и домохозяек требовалась сетёшка с ячеёй совсем маленькой. Однако и скромные «пятачки», испаряясь из карманов бедноты и полубедноты, конденсировались на счетах бизнесследи в немалый приварок.

Автоматы, стоящие на улицах и в магазинах, были примитивны так же, как и те, кто с оловянными глазами ждали от шарманки-обманщицы быстрого чуда. Денежки таяли, а жажда чуда — росла! В щелевидной прорези день и ночь исчезали жители дырявых карманов, пятачок за пятачком. Осоловелые, с автоматическими движениями рук, люди были продолжением автоматической системы, которая напоминала механического людоеда, помогающего невидимому демону-хозяину пить из живых их душу и кровь. Пятачок за пятачком! День за днём. За жизнью жизнь... Автомат подмигивал и глотал круглую мелочь, пятаки; автомат иногда высыпал в жестяной лоток, для «затравки», долгожданный выигрыш — кучку тех же пятаков. Выигрыш! Который тут же исчезал в ненасытной прорези.

Вся Россия напоминала игровую дурилку, в которую буднично опускались миллиарды и грошики. Но не денег — судеб человеческих! Кто сорвёт этот банк? Чьим джекпот назовётся? И свои здесь играют, и пришлые.

Русские понимали, что они склонны ко всякой зависимости. И поэтому были очень неразборчивы и поспешны в средствах, от неё избавляющих. Духовных и психологических спекулянтов развелось немеряно! Дом Счастья притягивал их своей демократичностью и в ценах на аренду, и возможностью кухни, и тем, что построен был целиком из дерева; плюсом было и то, что заведение находилось на окраине

и почти сливалось с природой… Выгод и удобств городские «продвинутые» находили много. Дух радовался: дом не пустовал, предприятие приносило доход, появлялись новые знакомые. Пили мало, зато взахлёб говорили об «очищении» и «правильной жизни», которая, как выяснялось, целиком зависела от «правильной веры».

Подобное притягивает подобное. К «тёплому местечку» со всех сторон потянулись «правильные». Дух только через несколько лет понял, что он создал не совсем то, что хотел; в дни проведения тренингов и семинаров Дом Счастья превращался в кунсткамеру русских душ, покалеченных иноземным зачатием.

Время — лечит. Но оно лечит лишь тех, кто сам желает излечиться. Активисты здоровья возвращаются к жизни и выздоравливают гораздо быстрее пассивных пациентов — это знает каждый практикующий врач. Знают это и организаторы исцеляющих «чудес», гипнотизёры-мессии и психические манипуляторы. Время может согласиться на психосоматическое «чудо» и излечить верящего мгновенно. И только неподвижных — время убивает. Время, например, никогда не вылечит машину. Потому что она не имеет своей собственной внутренней жизни. Машина во времени может только ржаветь, либо воспроизводить такой же, подобный образец, по-прежнему бездыханный и бездушный.

Не обязательно угнетать человека, чтобы сделать его ничтожным. Можно просто загнать его в толпу. Человеку не дано быть великим в толпе. Человек велик лишь сам по себе. А если вознестись над толпой, как птица, как Бог? Вот ведь оно, русское величие: Спасители! Они, они, поганцы разэтакие, соблазняют русичей на грех, на возвеличивание кумира. Толпа изрыгает из себя его факельную славу. Кумиры олицетворяют пороки толпы и питают её эгоизм.

Есть тип хороших людей, которые знают, что они хорошие, и очень любят смотреть на самих себя, хороших. Этот контингент — обученные проводники, которые водят заблудших в себе самих овец по их неухоженным внутренним мирам, по ущельям их сомнений, по кривым тропинкам мыслей; проводники вытягивают клиентуру из депрессивных трясин, за умеренную плату зажигают в них сияние веры и исцеляют недуги.

— Где этот хмырь, что молится на Луну? Я его полюбил, — Грэй спрашивал о пожилом лысом мужчине с глазами страдальца. Этот клиент появлялся в полнолуние вечером, экономно, из вежливости, заказывал одну чашку чая без сахара и без лимона, и — оставался коленопреклонённо стоять на веранде всю ночь, пока в широком окне, из края в край медленно проплывал над Городом светящийся диск небесной мишени.

Было как раз полнолуние.

— Здравствуй, заступница моя и защитница ненаглядная! Пресвятая моя и всесильная! Возношу тебе, Бог мой, хвалу и клянусь в послушании. Помоги мне, мученику всего рода человеческого...

Далее следовало необычное. Человек, кряхтя, лез в карман, доставал из него исписанную бумагу — месячный, от Луны и до Луны, свой труд — и далее читал по списку. Это были накопившиеся насущные просьбы. Сначала следовали прошения типа «наказать и надоумить жирную ведьму!», поскольку речь шла о жене, потом доставалось сыновьям и соседям, далее могли присутствовать пункты, касающиеся починки треснувшего унитаза, отсутствия отопления, плохого состояния дорог в Городе; ближе к полуночи масштаб просьб постепенно увеличивался — молельщик требовал наказать «ебутатов» и «козлов зажравшихся», просил дать людям совесть, а тем, кто от неё откажется, «глаза поморозить»; наконец, он просил мира для еврейского народа, назначал полноценное питание детям режима апартеида, сбивал космические аппараты за то, что они «портят погоду», и призывал на головы землян «хоть кого, лишь бы разуму научили».

— Эй, ты зачем на Луну воешь? — спросил его как-то бесцеремонный Грэй.

— Не вою, а молюсь. И за тебя, Гриша, тоже заступаться буду.

Грэй зажал рот рукой и вышел, чтобы не заржать в голос — он только что попал в «поминальный список» человеколюбивого татя.

Каких только чудиков не порождает страна, в которой всегда есть кто-то самый главный, опухший от лести и самомнения русский Генералиссимус, будь он неладен, и только он один знает: как нужно жить правильно.

В чудачествах русские люди спасаются.

Рекламные газетёнки пестрели объявлениями о «снятии сглаза», и, что удивительно, люди шли по указанным адресам и покорно «снимали» из своих кошельков плату за духовную беспомощность и глупость свою полоротую. В Дом Счастья нет-нет да и наведывалась художница-экстрасенс, пытаясь продать «заряженные» свои картины, на которых любые объекты напоминали цветочный взрыв: какой-нибудь городской скверик — в творческом представлении — бабахал во все стороны искрами и лепестками, словно фейерверк. Дама говорила вкрадчиво, двигалась как кошка и сияла своими большими, чистыми глазами не хуже Богоматери. Способности рисовать она обнаружила в себе после контакта с «инопланетянами».

Клин клином вышибают. От веры в плохое можно исцелиться только верой в хорошее. Бывший специалист по детскому туберкулёзу в новых условиях переквалифицировался в предводителя «энергетически

чистых». В этой группе состояли лишь те, кто мог позволить себе выехать для медитаций на тихоокеанское побережье, в Австралию, в Мексику или «очиститься», встретив восход у неопалимой купины на Синае. Предводитель, сверившись с астрологическим прогнозом и собственными позывами, назначал место, а богатая его паства оплачивала не только дорожные расходы Учителя, но и обеспечивала ему солидный гонорар. За такие деньги все были веселы, здоровы и энергетически стерильны, как кастрированные коты. По приезду из очередного экзотического вояжа группа устраивала в Доме Счастья видеопоказы. Однажды, в качестве дополнительной платы, Учитель просветлённых кочевников сложил перед собой руки лодочкой, потом превратил лодочку в невидимый «шарик», который долго перекатывал, как воображаемое нечто, на весу, а после всех манипуляций неожиданно шагнул к Грэю и вставил «фалун» прямиком, сквозь одежду, в негритянский живот. Более недели Грэй мучился жестоким поносом и в дальнейшем от роли дежурного смотрителя ресторана грубо отказывался, если «гуляли шибанутые».

Бывший клиент психиатрической лечебницы, а ныне заведующий кафедрой философии, носитель обширнейших академических знаний собирал вокруг себя исключительно женщин — он оплетал их своей тягучей, монотонной речью, как удав. Женщины, сдавленные объятиями духовного самца, млели и были готовы на всё. «Я — куколка! Я — кризолида!» — заунывно читал удав им свои стихи. И куколки понимали: люди — это всего лишь «личинки», из которых может вылупиться Человек! Удав читал, куколки слушали. Через полчаса в группе наступал всеобщий небесный оргазм.

Обнаружились при хорошем деле и свои паразиты. Псалмопевческая бригада, которую Дух видел на своей первой лекции в Музее истории, так и норовила несанкционированно проникнуть в Дом Счастья, когда проводилось что-нибудь такое-разэтакое, духовно-корпоративное, с употреблением в речах присутствующих слов типа «аурическая данность». Псалмопевческая бригада денег за свои выступления не просила — они считали себя бессеребрениками; городскими апостолами двигало другое — они были одержимы особой миссией: «опеть» в Городе всё и вся. Даже сдержанный Дух мог сказать назойливо-отзывчивым самозванцам: «Пойдите вон, господа!» А Грэй добавлял, поглядывая на дворняжек с гитарой из окна вагончика: «Гитарасты чёртовы!»

Приходила одинокая девушка с Голосом внутри. В Доме Счастья внутренний её «синтезатор» затыкался, и девушка здесь могла отдохнуть от изнуряющих бесед и советов невидимой твари, без спросу поселившейся в джунглях человеческого мозга. Перед хозяевами

ресторана и поварами, как в паноптикуме, обнажали своё нетерпение всевозможные духовные «школы».

Бразильский знаток Истины приехал учить русских, не зная по-русски ни единого слова.

— Какого ты сюда припёрся? Здесь все друг друга учат! — пытался образумить «продвинутого» Грэй. Куда там!

— Духовный язык не требует никакого перевода!

«Киевская школа биоэнергетики», «Школа травников», «Тибетская школа здоровья», «Школа для начинающих экстрасенсов», «Центр парапсихологии и телекинеза» — кого только не водилось в недрах Города! На янтарный свет сосновых стен Дома Счастья эти чудища выплывали, как сомы на фонарь рыболова. Мастер восточных единоборств, чёрный пояс каратэ, тренер чемпионской команды, коренной украинец по крови, всем говорил: «Я — китаец! Китай — это великая страна!» Он и вправду знал её культуру, преклонялся пред её философией и непобедимостью народных традиций, которые легко переживали тысячелетия: «Такую страну нельзя победить. Будущее — это Китай!»

Котёночек из Калифорнии привезла… тувинского шамана. Неисповедимы пути! Полуграмотного деревенского деда вывезли в Америку «новые тувинские». Дед в своих колдовских методах тоже использовал метод холотропного дыхания. В стране строгого контроля и тотальной сертификации шаману развернуться не дали, но с коллегой познакомиться он успел. Котёночку и принадлежала идея «поработать в России под флагом Америки». Возвращение на родину было триумфальным: «Тувинский шаман из США проводит сеансы ребёфинга. Эффективность 100 процентов!» Чего «эффективность»? Никто не знал. Русские активно клевали на голый крючок — просто на «сто процентов».

— Жена приехала, — доложил Грэй Духу.

— Какая она тебе жена, сколько их таких у тебя перебывало?

— Жена, — твёрдо заявил Грэй. — Венчаны!

Знаете, в специальных институтах, говорят, есть особые испытательные барокамеры, в которые не проникает ни посторонний звук, ни свет. Добровольцев-испытуемых в этих камерах дольше двадцати минут не держат. От недостатка поступающей информации мозг человека претерпевает необратимые изменения. Всего за час такого сверхкачественного одиночества можно стать полным идиотом. Дух насторожился… Россия, страна с явно ограниченной духовной и интеллектуальной свободой, влияла на Грэя.

Группу больных раком курировал бывший режиссёр-кинодокументалист из Риги. Он усаживал несчастных кружком, в центре зажигал свечу, а сам выбирал одного из них и стискивал виски больного

в своих ладонях — так он отправлял членов кружка, одного за другим, «на тот свет». Чтобы смерть получила доступ к жизни, и чтобы они вдвоём, договорившись, «подправили» неразумного, безвольно висящего меж полюсами бытия. Исцеление разума — гаснущий плазменный шнур в сверхпроводящем поле волшебных ладоней! Экстрасенс-режиссёр охотно объяснял людям причины их бед.

— Ваш Город вырос на «смертельном» производстве. Все «смертельные посылы», которые Город отправил в мир в виде оружия, возвращаются. Ваш Город — склад всемирных проклятий. Поэтому вы болеете. Вы слишком умны и умелы в ремесле, но недоразвиты изнутри, вы научились, к сожалению, «дёргать» за нити, из которых Бог сотворил разумное существование. Но вы дёргаете их, как слепые. Только зрячие знают: не все нити ведут наверх, к светлому началу. Чаще всего люди сослепу тянут нижние путы. И, конечно, приводят в действие соответствующие силы… Любые наши прикосновения — не безобидны и не безответны. У суеверий есть совершенно реальная основа. Возвращённые эманации «машин смерти» сделали ваш Город проклятым местом. На карте земной жизни вашего Города просто не существует. Потому что здесь нет жизни.

— Ха! Вся Россия — такой склад. Значит, и её нет, — подал кто-то ехидную реплику.

— Вы правы. Такой страны на земле нет и никогда не было. Россия ещё не опустилась на землю, — твёрдо заверил смертельно больных людей прибалт.

МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ!

Окончательным барахольщиком Грэй стал от встречи с Гоблином. Ни тот, ни другой не выбрасывали ничего. Старый халат, завалявшийся носок, гнутые гвозди, обрезки досок, моток трансформаторной проволоки, треснувшая бочка… — инвентаризация списанного, но не выброшенного легко покроет своим ошеломляющим результатом то, что в России помечено знаком неприкасаемости: новое! Рациональность здесь понимаема наособицу! «Совсем как новое» и «может ещё пригодиться» — вещи, стоящие у русского в первоочередном списке пользователя.

Характер любой нации выдаёт отношение её граждан к вторичному рынку и старью. Большинство русских граждан были скопидомами и завхозами: чуланы, клети, «тёмные комнаты», подвалы, гаражи и кладовки под самый потолок забивались старой мебелью, сгоревшими электроплитками и утюгами, заплесневелыми детскими игрушками и неописуемой железной рухлядью. А если и раздавался над всем этим скопищем чей-то здравый голос: «Для чего?» Хоровой ответ был готов

заранее: «Может пригодиться!» И — пригождалось. Надо было лишь научиться жить ожиданием. Какая-нибудь кривая фанерка, пролежавшая на антресолях лет тридцать, вдруг с изумительной точностью подходила к дверце дырявого шкафа, который соседи хотели выбросить, но не смогли — подарили хорошим людям. «Смотрите, смотрите, как подошло! Как тут ведь и было!» — ликование новых хозяев от такого совпадения оставляло в восторженном их воображении даже не след — памятный ров.

Серо-чёрные граждане равнодушной страны, лишённые возможности изменить уровень жизни, с упорством скарабеев меняли обстановку — переезжали из одной полуразвалившейся халупы в другую, пересаживались из скрипучей каркалаги с полумиллионным пробегом в каркалагу с пробегом поменьше. Вторичное позволяло «улучшаться» лишь во вторичном. Важное, знаете ли, открытие! В России у «вторых рук» размах куда шире, чем у первых. Из одной халупы — в другую… И опять везли скрипучие каркалаги на себе: и старую швабру, и раритетные фанерки, и три колеса от потерянной детской коляски… А следом, рискуя жизнью, ехали из плохого в плохое клопы, сверчки и тараканы. Вид из окна менялся, вид на жизнь — нет.

И рад бы человек выбросить весь этот «вторяк», да нельзя. То, что жило когда-то и уж отжило, вроде б, своё — в русском мире, вроде б, заново жить помогает! Там, где холодно, там, где жизни не так уж и много, и трудно ей, бедной, там и заяц-русак не по разу еду свою ест — до последней калории всё выжимает!

Поставь перед русским пару ботинок: новые рядом со старыми — он обязательно старые выберет. А в новых даже на праздник пойти не посмеет. В гроб в них ляжет.

Дом Счастья не гармонировал со свалкой и пустырём. Дух потребовал очистить и облагородить всю поверхность полигона. Сказано — сделано. Всё, что не успели растащить и срезать воры, Грэй срезал и утащил к себе в подземелье.

На спонсорские деньги бизнес-леди к полигону «пробили» асфальт; явление это местные жители восприняли как дар Божий. Духа зауважали.

ТЕНИ

В царстве теней и умерших тени искали для себя прочное счастье. Ох, заботушка русская: где же взять-то его, окаянное, да ещё и чтоб крепкое было? Счастье прочным у тени не могло быть без должности и без мундира. Теней было много, мундиров — едва-едва. Поэтому тени,

даже очень полезные и ценные для общества, шатались и слонялись по мрачному русскому царству туда-сюда: «Здравствуйте! У вас счастья чуток не найдётся? Извините, извините. Прощайте!» Бедность в России приходит не от земли.

У ворот полигона однажды завалился пьяный человек. Ро нашла его и стала внимательно разглядывать.

— Нехорошо так смотреть на человека, — строго заметил Дух.

— А это и не человек вовсе! Пьяница проклятый! — Ро засмеялась и подпрыгнула на месте.

— Ро, вы не правы. Человек, он всюду человек. И человека надо жалеть всякого: доброго, злого, военного, рабочего, глупого, падшего... Ты умеешь жалеть?

— Нет! — девочка засмеялась ещё звонче.

Духу показалось, что русская не-красота ползёт по нему и кусает, как энцефалитный клещ, впрыскивая в жертву свою обезболивающую слюну, а с нею вместе и — заразу: равнодушие. Невидимое нутро зазудело и зачесалось. Но душа — не тело, так просто её не разденешь и не осмотришь. Душа, переболевшая русским равнодушием, увечна и нетрудоспособна.

— Идите за мной, Ро.

— Ни за что! Мне нравится смотреть на это.

В северные районы Грэй обычно выезжал ночью. Тёмные загородные трассы были пустынны и в дороге хорошо думалось. Попутчиков Грэй не боялся — брал любых и подвозил бесплатно: была бы беседа! Дождливая ночь неожиданно покрыла мир полузаморозком — холодной, знобящей моросью. Именно из этой мороси фары выхватили несуразное существо, отчаянно размахивающее руками, — человека, наряженного казаком. Он насквозь промок и что-то кричал, взывая к милости водителя. Отдалённая дорога была не из самых оживлённых — за ночь здесь можно было проголосовать не больше двух-трёх раз... Грэй притормозил, повнимательнее вглядываясь в разнаряженное чучело. Человек был пожилой, грузный, в сапогах, костюм его со всех сторон украшали золотые и красные ленточки, из кобуры торчала ручка нагана, а на боку болталась сабля в ножнах. Грэй сразу смекнул: свой! И — остановился. В кабину ввалился водяной в доспехах.

— Ой, мил-человек, вот спасибо-то, вот спасибо-то! Едва не погиб! Вот спасибо-то!

— Ты кто? — Грэй решил выяснить главное.

— Я-то? Атаман я! Предводитель местных казаков. А вы в райцентр едете?

— А пушка тебе зачем? — Грэй кивнул на кобуру.

— А! Да вы не бойтесь, оружие не настоящее — я его сам из дерева выточил! Но ведь правда, как настоящий? — атаман извлёк бутафорию

наружу и дал рассмотреть водителю. На ладонях у Грэя остались чернильные пятна — игрушку оригинал покрасил чёрной штемпельной краской.

— Сила! — восхитился Грэй. — А сабля тоже из дерева?

— Что вы! Сабля — настоящая! Их сейчас в магазине продают.

— А ночью ты, значит, промышляешь. Ха-ха! Только тебе, папаша, надо на большой дороге промышлять, а не здесь.

Атаман юмор понял:

— Так на большой-то дороге никто не остановится! Не те времена. Понимаете, мил-человек, случай-то какой: отстал я от казацкого автобуса нашего. Случайно. Понимаете, все по мужскому делу вышли организованно, и я вышел, а они — уехали. Забыли атамана! Выпившие все. Ну я им задам перцу с хреном, ну задам! Я почти час Бога молил, чтоб он мне, хоть чёрта, но послал… — попутчик осёкся, не зная, как негр-водитель расценит неосторожное слово.

Грэй ударил обеими ладонями по рулю, одобрительно захохотал и нажал на педаль газа.

— Откуда вы, красавцы писаные, вообще взялись в этих местах?

— Мы-то? Казаки-то? Мы организовали здесь свой филиал Донского казачества. У нас имеется всё своё: есть свой Устав, свой счёт и свой офис. Нас признали!

— Охуеть-не встать!

— Что вы сказали?

— Молодцы, говорю!

— Да, да, очень трудно было делать первые шаги…

Ах, дороженька русская! Каких только историй не вытрясешь ты из попутчиков. Всё расскажет язык без костей, который поворотится вдруг, расшалится, как дитятко звонкое. Мол, не спеши ты, угрюмое ухо, строжить шалуна: мол, не бывает такой небывальщины! Эх, бывает, бывает! Что ни выдумает сам от себя человек, а природа да случай его переплюнут — пуще того повыдумывают.

Грэй азартно погнался за автобусом, в котором тряслись две дюжины добрых казаков. Казаки спешили на узловую железнодорожную станцию, где в почтово-багажном вагоне скорого поезда Пекин-Москва пересекал Россию её эксгумированный сын. Авральная делегация — бывшие местные национал-фашисты, а ныне славные казаки, — должны были поклониться и припасть к останкам знаменитого царского генерала, что по милости неугомонных мира сего во второй раз отправился в свой последний путь — на перезахоронение. Поезд таранил светящимся своим лбом тёмный сумрак с Востока на Запад, в то время как поющие казаки-самозванцы буравили пространство ему навстречу. На узловой станции стремящихся ждала трёхминутная точка — сладкий миг, остановленное совместное бытие в обиталище клятвенных русских знаков: с гвоздичкой в руках и без головных уборов. Грэй,

выслушавший взволнованную речь атамана, уже не был сторонним наблюдателем: ему страсть как захотелось посмотреть и на остальных участников «поклонения».

Автобус нагнали на самом въезде в станционный посёлок.

— Ну, дам перцу! — хорохорился атаман. — Дело очень важное. Исторически и политически. Нас будут встречать. Местная администрация должна обеспечить проведение торжественной встречи с останками генерала на самом высоком уровне… Вам, Григорий, за ваше бескорыстие я выпишу специальную грамоту-благодарность.

Посёлок спал. В колеях отражался холодный желток редких фонарей. В ста пятидесяти метрах от вокзала имелась забетонированная площадка — непотопляемый островок в океане грязи. Автобус и Грэй припарковались одновременно. Из автобуса высыпались ватагой, как клоны-близнецы, разноцветные и пузатые участники спектакля. У некоторых на сапогах имелись шпоры, некоторые успели обрасти устрашающими чубами и усами. Сабли скребли по асфальту, деревянные пистолеты в кобуре имелись не только у атамана.

Стороны поприветствовали друг друга.

— Слава казакам!

— Слава казакам!

— Ах вы, сукины дети! Как же вы батьку-то позабыли?! — в голосе предводителя сквозили умильные отеческие нотки.

— Карай батьку, секи! Когда хватились — поздно уж было возвращаться: поезд пропустим! Секи, батьку!

— Сочтёмся, не чужие! А где глава местной администрации, где оркестр? Согреться бы, братья! — атаману поднесли полстаканчика.

Ни главы, ни оркестра не было. Только унылая морось и ночь. Приехавшие построились в небольшую колонну, развернув над собой плакаты и а-ля церковные хоругви. Морось сильно портила торжество — праздничные тряпки обвисли и не радовали глаз, и не веселили душу патриотов. Часть надписей была сделана с грубыми орфографическими ошибками, фамилию царского генерала тоже написали неправильно. Плакаты в последний момент перед отъездом заказывал в городской похоронной конторе казак-депутат. Холод был сильнее водки. Люди, как могли, подбадривали друг друга вслух.

— Об этом нашем подвиге обязательно будут знать потомки!

Тени! Тени! В своих петушиных нарядах они чувствовали себя неуязвимыми, как в броне. Броня давала им право власти и приобретений. Тени, живущие в царстве теней, охотились за всем настоящим. По неписанному закону жизни всякая русская тень безотчётно стремилась к любой «настоящести», коей в бессветном просторе времён становилось всё меньше. Жаль их, бедняг! Поймите ж трагедию тех, кто себя не имеет: коли одёжку настоящего на себя не напялить, так хоть постоять с неподдельностью рядом! — «Кого везут, господа? О, генерала!

Неужто настоящего?! О, как есть настоящего!» Тени, толкая друг друга, спешили «засвидетельствоваться» у подлинных останков русской истории. Бездыханных уже останков! Извлечённых из чужой земли и принудительно доставленных, как реабилитированный каторжник, великим сибирским этапом к месту посмертного своего заключения и службы — на «новую» Родину.

Грэй по повадкам угадывал во многих демонстрантах тайную угрозу. Слишком напыщенны и слащавы были их речи насчёт «русского величия». Слишком явно они старались показать друг перед другом свой патриотизм. Слишком правильно старались думать и чувствовать. Слишком!

В два часа ночи входная дверь в зал ожидания распахнулась и в помещение стали входить вооружённые люди, призраки времён гражданской войны, организованные психи с красными плакатами в руках. Дремлющая в окошечке кассы женщина подняла голову и онемела — вокзал захватывали террористы! Прежде чем упасть в обморок, женщина успела нажать под столом специальную «тревожную кнопку» — вызов охраны. В другом конце зала ожидания отворилась неприметная дверка и из неё вышел заспанный низкорослый милиционер — тоже едва не упавший в обморок от увиденного.

— Где глава администрации?! — гневно зарычал атаман.

Милиционер понял, что одним вокзалом дело не кончится. Будут брать в заложники весь посёлок.

— Не знаю! — неожиданно тоненьким голосом пискнул блюститель.

Несколько пассажиров на лавках проснулись и лежали неподвижно, послушные, как учили тому телевизионные боевики.

Мало-помалу недоразумение прояснилось. Местная администрация попросту забыла о делегации некро-фанов из Города. Милиционер попросил несанкционированный митинг пройти — транзитом через здание вокзала — на перрон. Казаки поворчали, но вновь вышли под морось, благо до прихода «пекинки» оставалось всего-ничего. За их спинами немедленно бухнула железная задвижка — милиционер блокировал все входы-входы здания. Пассажиры облегчённо вздохнули, некоторые даже позволили себе сесть и лихорадочно снимали только что перенесённый стресс едой — грызли копчёные ножки американских кур.

Грэй примкнул к делегации, накинув на голову кусок полиэтилена. Он представлял, с каким наслаждением расскажет о своём неожиданном приключениии Духу. Тени в России уже не скрывали того, что они — тени.

Тот, кому приходилось ночью стучать в массивные двери почтово-багажного вагона, хорошо знает: не факт, что проводник успеет проснуться и выслушать просьбу. Все проводники любят безостановочные

экспрессы, непогожие ночи и сверхкороткие стоянки, коли уж совсем без них нельзя обойтись. Поезд прибыл. Две дюжины казаков, подзадоренные спешкой и сутолокой, что есть силы затарабанили в серо-зелёный стальной бок вагона, намереваясь проломить стену, если не удастся разбудить экспедитора добром. Но развязка наступила практически мгновенно: загремели полозья под отодвигаемой роль-дверью — из вагона над промокшей толпой навис разъярённый человек, волосы его были всклочены, лицо измучено многосуточной бессонницей, а голос с первых же звуков свидетельствовал о крайней истеричности натуры.

— Опять вы?! Заколебали!!! Я спать хочу!

На всём бесконечном следовании останков генерала вдоль Руси, правдами и неправдами на всех остановках и полустанках, днём и ночью в вагон ломились тени, тени теней, бедные тени и всемогущие «теневики», — делегациями и поодиночке, со скаутским галстучком на шее, или в наряде с медалями и крестами. Тени требовали гроб с законсервированным в нём русским настоящим, чтобы «засвидетельствоваться». Вот, мол, я, и не тень вовсе, а тоже целиком почти что настоящая — вот и фотография имеется: видите? видите? — это ведь я, я на фоне гроба того!

Проводник смачно плюнул через головы казаков и раздражённо бросил:

— Двое, не больше! Стоянка три минуты!

Никто и опомниться не успел — Грэй, ловкий, как пантера, прыгнул внутрь вагона. Казаки заблажили. Но атаман гаркнул: «Этот — наш!» Грэй на руке подтянул за собой ещё двоих — тучного «батьку» и казака-депутата. Внутри вагона стоял чёрный гроб, окружённый какими-то банками, бандеролями, бумажными бочками и свёртками, ящиками и мешками. Атаман повалился перед гробом на колени и застыл, бормоча себе в усы что-то неслышное. Казак-депутат постелил на чёрную крышку современный государственный флаг страны-изменницы и возложил гвоздички. Потом стал неустанно креститься. Точно так же, как десятком лет ранее, неустанно и истово он пел «Интернационал».

Грэй заметил за гробом скомканное одеяло и матрац.

— Спишь что ли здесь? — изумился Грэй.

— Инструкцией не запрещено, — проводник сплюнул ещё раз, прямо на пол.

Через три минуты стремительно развернувшаяся фантасмагория так же стремительно свернулась. Поезд ушёл в большую и красивую жизнь, где царского генерала «новые» торжественно похоронят ещё раз — устроив ритуальную церемонию уже не для него, а для себя. «Всё будет хорошо!» — пропоёт бодрое радио. И будут красивые дети приносить к красивой могиле красивые цветы, чтобы вырасти красивыми. И будут рядом с могилой той большие политики растить большую гордость свою. О! Настоящего генерала на всех хватит!

Зажёгся зелёный. Тепловоз гукнул и утянул железную гусеницу в ночь. Железнодорожный узел вновь погрузился в морось и тьму. Обратный путь к автобусу казаки проделали по непролазной грязи, вокруг здания вокзала — милиционер ни в какую не захотел открывать двери. Сквозь решётку окна за насквозь промокшей процессией наблюдали, попивая из кружек горячее толокно, очнувшаяся кассирша и милиционер.

Перед автобусом самодовольные казаки торжественно разлили по целому стакану. Грэй отказался, поскольку был за рулём. Но не тут-то было! Ему, спасителю и другу атамана, насильно вручили целую бутылку.

— Любо ли вам, казаки? — спросил атаман.

— Любо, батьку, любо! — дружно отозвались молодцы.

— А тебе, Гриша, как?

— Не вру! Мне, батьку, больше всех любо!

ЧАЕПИЙЦЫ

Дом Счастья полюбился группе молодых людей, которые приезжали сюда, чаще всего, с иностранцами. Молодые люди называли себя «новые русские дворяне». Ну-ну. «Дворяне» приезжали в дорогих машинах, привозили с собой массу чайных приспособлений и устраивали в ресторане тягомотные церемонии. Зажигались под керамической посудой малюсенькие подогревающие огоньки, флаконы с дорогими ароматизаторами источали астматическое амбре, пыхали дымком тибетские палочки. Люди с деланно-просветлёнными лицами были вежливы и предупредительны, платили щедро. Всяк участвовал в ритуале на свой манер: кто-то скрещивал ноги, кто-то воздевал вверх руки. «Мудитировали» — говорил Грэй всякий раз, когда видел, как на полу веранды устраивалась пить чай вся эта странная братия. Вся Россия подражала Востоку!

Молодые люди читали в газетах и видели по телевидению, как бывшие бандиты и службисты, а ныне первые лица государства, раздавали награды. Видели и слышали, как бывшие бузотёры и сектанты, а ныне благородные общества, раздавали титулы. Как жаль, что Город в провинции был слишком, слишком далёк от основной «раздачи»! Можно, конечно, было встать в похвальную очередь сию, и ждать, ждать, ждать, боясь лишний раз пошевелиться… Но нет, очередь к заветным наградам и титулам была непомерно велика; она в сотни, в тысячи раз превосходила все вместе взятые очереди за пивом времён социализма. К тому же, в ней толклось немало весьма невежливого, подозрительно бритого и некультурного люда. Так что, поразмыслив, молодые люди пришли к простому и эффективному решению:

благородный чай и благородное поведение — чем вам не награда, чем вам не дворянство?! И ждать не надо.

Ах, дворянство! Накопленное богатство рода. Его можно либо воспитать самому, либо оценить уже воспитанное. Его, так же, как здоровье, нельзя «назначить», нельзя «дать». Дворянство боится любых профанаций, потому что оно само и есть — противодействие профанациям.

Дворянство! Термин, определяющий высоту мотиваций. Почему мы поступает так, а не иначе? Нейрохирурги знают, откуда по живым нервам-проводочкам бежит ток, приводящий человеческую руку в действие. Ту, что владеет кистью или нажимает курок. Электрические импульсы владеют рукой. Но скажите, кто владеет самим «электричеством» внутри человека? И внутри ли? Какие поля и силовые линии влияют на него? Мотив жизни — это «что» или «кто»? Жизнь! Вопрос вопросов! Ответов — миллиарды.

Инструменты живого существования — тело, органы чувств, мысли, трансовое отсутствие — есть у каждого. Но не все мы ими одинаково пользуемся. Бедные «добывают» жизнь, сильные — «добавляют» ей от себя. Бытие ведь тянут не бурлаки, оно само себя способно тянуть. Как? Секрет есть: каждый выбирает для себя посильную сложность. Воспитывает в себе и в детях своих способность уставать от… безделья. Только так появляется человеческая порода. Порода! Которую не купишь, перехитрив и время, и труд. Порода обрастает манерами. Беспородность — манерностью.

Человек успевает за свою жизнь стать взрослым. А народ, нация, империя? Они — успевают? Интересно присмотреться, во что играет народ, чтобы определить возраст нации. В шашки или в гольф, в «городки» или в кегли? В поддавки или на выбывание? С разрешением на повторный ход или нет? Гадалку-Русь лучше всего характеризуют игральные карты! Да, да, те самые, что имеются в каждом доме: «короли» и «червоные дамы», «шестёрки» и «валет бубей». Сколько сыграно партий на этой земле? И каких — больше прочих? В преферанс? Нет! В дурака! В дурака! Всенародная потешка — «дурак»! Каждый умеет, каждый играл. И «на интерес», и «на деньги».

Грэй обожал эту незатейливую, скоротечную игру, в которой можно было и попутно шутить, и попутно выпивать, и попутно думать. Всё — попутно. Потому что вся Русь — попутчики. В «дурака» неутомимо резались дети и старики, солидные мужи и субтильные дамочки, рабочие на буровых промыслах, матерящиеся вахтовики в поездах и автобусах, студенты в «общагах», племя торговцев — играли все! Дурак помогал «скоротать» время жизни. Он, как ангел-хранитель, был всегда рядом и был безотказен. «Резались» на всём гигантском пространстве безбрежной страны. Проигравшие кукарекали под столами

и снимали с себя последние портки. Кричали на весь белый свет, потешая других: «Я — дурак!» И народ улыбался: такая игра!

«Дурак» в России был любим и понятен. Он был скор на раздачу и не долог в сражении. О, «дурак» не так прост, как его представляют! С «подкидным дураком», господа, развлечение пуще того: только дрогнет в игре чья-то масть — «насуют», бедолаге, и справа, и слева. Чтоб сидел проигравший, не вякал!

Нет, неспроста народ назвал любимое игрище словом «дурак», неспроста. Дураком-то быть выгодно! На них — не обижаются. На них хоть и воду возят, а щи наливают. Люди в дураке царя своего видят — надо только ему, дураку, в кипяток прыгнуть… Самый дурной, ещё при жизни, так и стремится пройти через смерть, — мол, умнее и богаче всех на Руси буду. А что?! Прыгают в кипящий котёл охотно, некоторые и впрямь, вылезают обратно, царями становятся. Законы пишут…

От рождения и до смерти «режутся» русские люди в игру свою быструю: «Ку-ка-ре-ку!!!»

Словно семечки, дни улетают: лупят русские жизни игру свою — друг дружке лишь проигрыш прочат, от соседа туза своего козырного, как зеницу, таят. Шулеров здесь ненавидят, но играть соглашаются. Ну, а вдруг повезёт? До поножовщины дело доходит, порой.

Было-стало, было-стало… Русского человека, как песочные часы, то с головы на ноги поставят, то снова с ног на голову. Отчего внутри у него вечно что-то сыплется, скребёт, шуршит и ворочается. Знаете, что такое «геноцид» по-русски? Было-стало, было-стало… Всеми любимый наш «дурак», в честь которого и храмы когда-то ставили, превратился вдруг в дебила. И обратно его не вернуть уж.

«Новые русские дворяне» были бесконечно далеки от тех, кто «резался» за картёжным столом, и тех, кто успел «нарезаться» за углом — из горлышка, без закуски и повода. Они были — вне проблем экологии внутреннего мира. Но и они — превращались, перевёрнутые чужой культурой с ног на голову: русские превращались в нерусских. Чаепийцы!

Они частенько привозили с собой темпераментного итальянца, который постоянно что-то фотографировал и непрерывно кричал: «О! Рашен крези! Крези!» Итальянец напросился с Грэем на подземную экскурсию. Даже на закрытую веранду из-под земли доносились вопли: «Крези! Крези!»

Грэй сорвал с грядки два шампиньона. Один разжевал сам, а второй дружелюбно протянул гостю. Итальянец от неожиданности и страха оттолкнул руку дающую.

— На! Ноу!

Грэй поймал — зрачки в зрачки — того, кто отказывался кушать чистейшую продукцию земли, и — нажал на ответную интонацию, как на боевую гашетку крупнокалиберного пулемёта..

— Итальяно крези!

Итальянец оскорбился. Он выскочил из подземелья вон, чтобы никогда больше не приезжать сюда и не встречаться с хамами, поедающими не сертифицированные продукты.

Грэй зевнул. Потом он прошёл в дальний конец нижней штольни, зевнул ещё раз и, обращаясь к Николаю-Угоднику, прикреплённому к бетонной стене, произнёс:

— Нет, ты видел? Какая жопа!

После этого Грэй зевнул в третий раз и, не торопясь, перекрестился.

ЧЕМУ НАУЧИЛИ?

Путь идеальной судьбы — прямая. Но кто согласится жить так? Без поворотов, без остановок, без случайных попутчиков, без приключенческих блужданий и лопнувших в дороге колёс? Американские автострады, прямые, как стрела, специально имеют искусственные повороты: чтобы не уснула судьба за рулём. Русские дороги «колбасит» от поворотов, как заворот кишок. Русские мечтают о прямой!

Посетители Дома Счастья, озирая окрестности, все, как один, делали полезные замечания и давали мудрые советы. Чему учили русских? Их учили «видеть недостатки» и «искать недостатки». Эта способность людей была развита до почти телепатических возможностей! При взгляде на любой одушевлённый или неодушевлённый предмет обученные граждане провидели его суть насквозь. Как тут было удержаться доброхоту от конструктивной критики или жизненно важного совета! Толмачи на Руси завсегда ценились, а уж «золотые слова» из чужих уст и вовсе до великих прозрений доводили. Русские, воспитанные на врождённом чувстве личной виноватости, на пагубном пристрастии к всевозможного рода «покаяниям-доносам», находили недостатки даже там, где их не могло быть в принципе. Если сравнить сюжеты бестселлеров русского и западного мира, то на Западе в книгах и фильмах люди выясняли отношения либо в постели, либо на войне или в космосе. Фантастические боевики тоже содержали понятную позицию: в демонов, не раздумывая, стреляли, чтобы люди земли спасались сами и героически спасали других людей. Русские спасали… демонов! Они вступали с ними в беседы, в дружбу и в нечеловеческое сожительство. Они извлекали их из могил и называли безумную эксгумацию «возрождением». Демоны занимали здесь человеческие тела, пользуясь пространством свежей жизни, как скафандром. Демо-

ны спорили друг с другом, садистски мучая и тело, и мысли, и душу того, кого они «заняли». Бунтарей, стремящихся к здоровому образу жизни, губили сообща. Демоны любили почести и золото. Вино лести они готовы были пить океанами. Демоны пели смерть и мрак, поэтому чей-то свободный светлый взгляд, независимое мнение, отдельное счастье отдельного счастливого человека — это тоже было большим «недостатком». Вызывающим отличием одного от всех. Тени всегда провозглашали равенство и братство! А самым неисправимым из всех неисправимых недостатков в танатической юдоли могла быть только она — проклятая жизнь! Анекдотчики, разведчики и глашатаи русской правды подтверждали: «Жить — вредно!» Русское «кино» не нуждалось в киноленте.

ЗАПЯТАЯ

Невозможно не рассказать эту притчу новейших времён. Мир учился на притчах. Русские — их создавали.

Женщина, проработавшая в оперативной диспетчерской несколько десятилетий, дослужившаяся до полковника, жизнерадостная и исполнительная, продолжала работать и на пенсии, но не выдержала, ушла… А случай вот какой приключился. В беде погибли люди. По инструкции в случае жертв «больше двух» составлялись бумаги — огромная кипа пустой писанины. За ночь успели создать бюрократический том. Утром папка легла на стол Силовику. Он считал себя знатоком русского языка. На тридцать четвёртой странице Силовик споткнулся и заорал: «Вы что, бля, не знаете, где запятые ставятся?» — и швырнул папку обратно. Первый заместитель примчался к начальнику отдела: «Ты что мне, сука, дал? Не знаешь, где запятые ставят?» Начальник отдела кубарем скатился через этаж к начальнику подразделения: «Ты! Ты! Недоносок фигов! Смотреть надо! Что вы тут нахуярили?! Где запятая?» Молоденький начальник подразделения, летёха, ворвался с пунцовым лицом в комнату к полковнику-пенсионерке: «Вы мне, долбоёбы, за это ещё ответите! Почему нет запятой?» Не столько было обидно неожиданное унижение, сколько стыдно за мальчишку. Женщина сдержала слёзы: пенсионер — не человек. Открыла пачку отчётов на тридцать четвёртой странице, взяла ручку с чёрной пастой и аккуратно чиркнула по бумаге — родилась запятая.

С топотом и матом злополучный отчёт проделал этап вторичной «возгонки» к олимпийским высотам высшего «силового» стола.

— Ну, вот, совсем другое дело! Можете ведь, если захотите!

Безработную пенсионерку Грэй принял к себе экспедитором.

Рассказывая ему эту историю, женщина сокрушалась:

— Любви в людях нет, любви!

— Вы имеете в виду любовь к работе?

Женщина аж поперхнулась.

— Да вы что?! Как можно любить работу? Любить можно мужа, любовника, детей, внуков. В результате любви получаются… дети и… радость. А в результате работы что? Ой, бросьте вы! Ну, как можно любить работу?! Извращение какое-то.

Грэй насупился. Он любил именно работу. Любил как женщину, как талисман, как оберег, который платил ему щедрой взаимностью. Ему было непонятно, как из какой-то паршивой запятой, политой бабьими слезами, может вырасти отрицание всего, чему была отдана жизнь?

ПЕРЕ

— Мать их яти! Почему за полгода уже дважды перекапывали водопроводные трубы? Они что, из бумаги в России делаются?

Гоблин ухмыльнулся. Грэй еще не привык к местным сюрпризам. Вагончик обогревался электрическим тэном, но на случай перебоев с электричеством имелась столетней давности «буржуйка». Гоблин поднял вверх указательный палец и потребовал внимания.

— Щас! — с этим интригующим вступлением Гоблин исчез из тёплого вагончика, но вскоре вернулся с толстой книжкой в руках. — Щас, щас! — шипел он, нацепляя на нос очки. — Вот, слушай! Пере… пере… Ага!

— Читать будешь?

— Щас! Переадминистрировать, переадресовка, переарестовать, переаттестация, перебазирование, перебаллотироваться, перебарщивать, перебежчик, перебеситься, переболеть, перебороть, перебродить, перевёрт, перевирать, перегибаться, переглядеть, перегнить, перегон, перегреть, перегрузка, перегулять, передавить, перегруз, передел, передержать, передразнить, пережить, перезабыть, перезанять, перезаразить, переизбрать, переименовать, перекалить, перекомиссия, перекопать, перекочевать, перекрасить, перекрестить, перекроить, перележать, перепить, переманить, перемереть, перенаселить, переоценить, перевоплощение, переплясать, перепродавец, перерожденец, переспать, перетерпеть, перетолкнуть, перетрясти, переучёт, переходить, переоценить, перещеголять, переэкзаменовать. Понял?! Вся наша жизнь — одно сплошное «пере»! К любому месту его подставляй — подойдёт как родное!

— Ты что читал?

— Орфографический словарь русского языка.

— А что это такое?

— Инструкция-предупреждение для «самых умных»!

Последнюю русскую революцию совершили не идеи — деньги! Деньги стали теперь «идеологией». Потому что предыдущая идеология оказалась менее денежной. Деньги вообще не нуждались в живых людях, они захватили русский материк, как динозавры, плотоядные и травоядные, доллары и иены, шиллинги и евро, юани и марки. Динозавры топтали сушу и родная земля содрогалась от их землеройной поступи, они дырявили небо обжорными ртами реактивных турбин, ныряли в недра и глуби морские, лезли к людям в карман и за пазуху. Ожило всё первобытное! Когтекрылы и бронедавы, шипохвосты и саблезубы справляли свой пир. В Городе чаще стали случаться пожары, убийства, приговоры без суда и преступления без мотива. Может, мифический ящер, подземная гадина зашевелился? Чует, поганый, своих! Но нет, нет, так просто никто здесь не сдастся. Мы ещё повоюем!

В денежном эквиваленте в России выражалось вообще всё. Продажными были не только вещи, но и мысли, и чувства, и голоса избирателей, и даже духовные ценности. Через них — через деньги! — можно было обменять богово на кесарево: расторопные попы-душепийцы жили в коттеджах и вертели рули дорогих иномарок. Деньги, как связующая клейкая субстанция, слепили русский колобок на новый лад, перемешав, на сей раз, не муку с сусечной пылью, а пустив в «замес» чего поболее — и высокие идеалы, и низкую страсть, и жидкую баланду, и рассыпчатую зернистую икру. Время-стряпушка поваляло Колобок в одном, в другом десятилетии, зажарило в печке, которую тоже топили ассигнациями и кабальными кредитами, да и отпустило его на все четыре стороны: катись! И — покатился, круглый, не имеющий ни верха, ни низа, ни бока правого, ни бока левого… Умные знали судьбу всего аппетитного, а неумные верили: Колобок убежит и спасётся. Для чего? Чтоб заплесневеть вновь, стать невкусным и старым. Ох, непросто пекутся гостинцы твои, Вседержитель!

В обновлённом русском мире, лишённом идейных однонаправленных ветров, не стало генерального указателя: КУДА жить? Здесь деньги не только делали деньги, как и положено делать существам одного вида, но, в подражание людям, деньги здесь уничтожали деньги, предавали друг друга, люди при деньгах покупали позор для других и заказную славу для себя. Деньги командовали жизнью и смертью, повелевая, когда им пробуждаться, а когда засыпать. Жадничая, они заставили бодрствовать вечных сестёр — жизнь и смерть — вместе! Деньги были самым приятным и желанным попущением бога — они были дьявольски нужны всем! Меры не существовало. Язык цифр и сумм не нуждался в лингвистическом переводе; чёткая цифровая ясность была универсальна и понятна всем: и зеваке, покупающему кружку чешского пива, и атташе, подписывающему международный

договор. Они, деньги, составляли теперь суть и плоть новой Вавилонской башни землян. Первый вариант этой конструкции Господь разрушил, разделив народы на языки — защитив их от самих себя непониманием в слове и образе. Не помогло. Второй Вавилон уже приступил к репетиции — к жизни в отдельных осколках былого величия, к жизни в безумии, падших в безмерность.

Для людей выше денег могли быть только деньги!

Высшей платой за «цифровой» Вавилон могла быть только неразменная Господня монета — смерть Вавилона. Смерть! Увы, деньги не могли предвидеть этого конца, как пророки. И не могли чувствовать приближение развязки, как чувствуют это слова поэтов. Деньги могли только считать. Они заменили людям внутренний голос, и те послушно твердили: «Считаю, что чувствую. Считаю, что живу. Считаю, что верю».

Мир «счетоводов» алкал и вспухал! И румяный русский Колобок вкатился в него аппетитным соблазном: «Считаю, что я тоже умею считать!» — воскликнул новичок, воспитанный на архаичных понятиях и кодексе разбойничьей чести. Колобка обсчитали и обвели вокруг пальца в два счёта. Колобок озверел и стал мстить всем подряд традиционным русским способом — развалив себя на части и заведя внутри себя заразу.

Заказывая Духу или Грэю юбилейный вечерок или недельный семинар в Доме Счастья, люди перво-наперво заговаривали о цене, а условия помещения и прочие важные вещи многих не интересовали вообще. В России покупали… цену! Покупали охотнее то, что дешевле, что помечено лучшей приманкой — «бонусом», «скидкой», «бесплатной доставкой» и «распродажей». В качество взятого — верили! Дух никогда не торговался. Не умел.

Несколько раз в Дом Счастья приезжали свадьбы. Они иногда появлялись со стороны леска, от дома Гоблина, чтобы фотографы могли запечатлеть не Город на заднем плане, а настоящие деревья. После дождей через неглубокие грязные места женихи переносили своих белоснежных красавиц на руках. А там, где грязь была глубокой и малопроходимой, невесты топали сами.

БАНКЕТ

Грэй всегда считал, что разум женщины находится на самом кончике её указательного пальца. Вечером должны были праздновать защиту диссертации лицейского директора. Но уже с утра в ресторане появилась громкоголосая женщина, которая всем начала распоряжаться, полководчески тыча указательным перстом то в сторону кухни, то в

сторону раздевалки, то поводя этим пальцем, как прицелом, в компьютерной «мочилке». Дух пошёл на учёную защиту, поэтому Грэй вынужден был выбраться от насущных дел из подземелья на свет божий.

— Чем это от вас пахнет? — бесцеремонно спросила дама.

— Говном, мэм, — так же бесцеремонно ответил Грэй.

— Понятно, — сказала «полководец банкета» и больше на запах не отвлекалась. Вершина женского интеллекта — указательный палец правой руки — неутомимо рыскал в поисках «самого лучшего варианта» для спорого слова и скорого дела. Разум-пальчик тянулся ко всему блестящему, пробовал закоулки помещения на предмет запыления, он сообщал женской головке, как разведчик, обо всём, что находил. Головка, естественно, старалась встречно: она исправно вырабатывала целую кучу чувств и желаний, от влияния коих пальчик приходил в окончательное трудоголическое неистовство.

— Покажите вот эти фужеры. Хорошо. Какие будут скатерти? Хорошо. Камин не дымит? Хорошо. Радиомикрофона нет? Плохо. Как вас зовут? Гриша? Хорошо.

Грэй был убеждён, что слово «хочу» для женщин является вершиной мыслительного процесса.

Умники обречены на непонимание. Если описательная литература «охватывала» всех и вся и была одинаково понятна и барину, и холопу, то интеллектуальное чтение изрядно сузило круг посвящённых до круга просвещённых, а уж духовидческий текст, язык притч и символов — был неудобоварим даже для интеллектуалов. Что читать? Это стало вопросом удобства и удовольствия. Всё переменилось в мире. Читали теперь «на слух»: миниатюрная высококачественная техника позволяла интеллигентным людям «присутствовать» на спектакле или в опере заочно — достаточно было приладить наушники и нажать кнопку плеера. Даже едучи в трамвае можно было, при помощи технического искусства, моментально покинуть этот, не лучший из миров… «Play» — и маэстро Вивальди играет лично для тебя в любом удобном, указанном клиентурой, месте! Прекрасно, не правда ли? Симфоническая музыка и радиоспектакли сопровождали теперь просвещённых пешеходов и водителей-интеллектуалов в периоды их недельных запоев… Симфония — в кармане! Об этом «монтаже» восприятия можно было только мечтать! Когда в ушах поют лучшие скрипки мира, а глаза продолжают видеть картины русского абсурда: пустые бутылки, разбитое стекло, летящие по ветру полиэтиленовые пакеты, взметённую пыль, бомжей у мусорных баков, бездомных животных, — возникает непередаваемое ощущение русского реквиема!

Может, поэтому обыкновенные рабочие лошадки и прошлой, и этой эпохи — неискушённые трудовые люди — не любили встречаться с серьёзной музыкой. Уж очень сильно начинала от неё плакать картинка

окружающей жизни. Мироточить липучей чудо-тоской, как облупленная икона, намоленная горюшком горьким, да не одним поколением русичей. Скажите, люди добрые, почему русские иконы плачут? Почему они не смеются? Неужто смеяться в аду не дозволено?

Богатые собой слушали симфоническую музыку и видели вокруг себя «симфоническую» русскую горесть. Бедные пели частушки и они вполне им заменяли Баха. Более того, от частушек мир вокруг расцветал незабудками! Ах, взволнуется человечек, вылетит из него искорка света, да и отправится к своему истоку, к Отцу небесному. И какая ему, Отцу, разница, каким именно способом высек человек из себя этот свет — частушкой, симфонией или метким выстрелом?! Так это или не так, никто не знает!

Гуляющая компания педагогов и оппонентов по-быстрому поздравили защитившегося, немного выпили и… включили диктофон с дневной записью. Сидели и слушали. Дух не понимал русских: как одно и то же может быть интересно дважды? Возможно, русские интеллектуалы тоже были людоедами, только застенчивыми, и поэтому предпочитали «питаться собой».

— Мы, наконец, реально приступили к проектированию модели индивидуального образования! — порадовал директор всех присутствующих авангардной поступью провинциальной педагогики.

На экспериментальной площадке «одной из лучших инновационных школ Европы» задумывалась высшая фаза «делания человека». Он, Человек, задумывался по максимуму — как апофеоз самодостаточности. Человек завтрашнего дня должен был раскрыть все свои потенции, свободно владеть любыми видами адаптации в масштабе земной цивилизации, и ни в ком и ни в чём не нуждаться для чувства персональной свободы. Звезда в космосе, а не человек! Вечный, умелый и для пользы дела — одинокий, как философский камень.

Изначальное противостояние двух самобытностей — воспитанной аристократии варягов и невоспитанного язычества древлян — было взаимополезным: при тесном общении происходила взаимная диффузия культур. Аристократы становились народниками-разночинцами, а приписные рабы выбивались, порой, благодаря везению и таланту, в дворяне. Пара последних столетий в России бродили как брага на печи.

Сегодня в каждом образованном русском Дух находил гремучую смесь «победившего раба» и «проигравшего аристократа».

Диффузионные процессы закончились. Рабы восстали по всей земле и создали общество потребления. Друг другу противостояли уже не самобытность и самобытность, а «культура денег» и «геноцид безденежья». Пропасть между имущими и неимущими поднялась сначала

на высоту кирпичной кладки дворцов, потом она поднялась ещё выше — до недосягаемых высот хорошего образования, и вот, наконец, она достигла олимпийского разрыва — одухотворённая элита пряталась и всячески укрывалась от своего неодухотворённого народа. Аксиома проста: одухотворена может быть только высокая Личность. А толпа, а народ? Увы. Толпа всегда одержима демоном. Толпа кричит: «Ура, или Аллилуйя!»

Лицеисты посягали на богоподобие. Они «проектировали» личное Совершенство.

ДОМ СЧАСТЬЯ

Старости в России боятся. Должности и мундиры людям-теням выдавались во временное пользование, и либо досрочно отнимались по причине служебных «залётов», либо в срок — по причине известного возрастного рубежа. Другие уж тени толклись у гардероба с мундирами: «Теперь моя очередь носить!» Мундир и должность часто превращали чью-то ничтожную бесплотность в могучий таран, в судьбоносный рычаг эпохи. Жаль, не могло это удовольствие длиться вечно. Обязательно находился какой-нибудь молодой нахал и кричал: «Снимай! Моя очередь подошла!» И вылезала состарившаяся тень, нехотя, из такой удобной брони, из такого обжитого и благоустроенного окопа со спецпитанием и спецраспределением. Страшно было тени: как дальше-то быть? Только ведь миг и прошёл: вдруг в нём всё началось, вдруг всё и закончилось. Никому теперь тень без мундира не нужна, никому уже не страшна! Ну, скажите на милость, кому нужна в России голая тень?

От старости до смерти дорога-то пострашнее будет, чем любая другая! Иные десятилетиями по ней тащатся: ни мундира, ни почёта тебе, ни служебной синекуры. Ничего, кроме кашля да попрёков. А свекровки-зятьки так и зыркают: скоро ли преставится привидение в шлёпанцах? Потому что смерть стариковская в русской стране — тоже радость чья-то: отмучился, маковка, жилья в коммуналке от его смерти на целых пять «квадратов» прибавилось; то-то радость внучку — теперь и у него свой угол будет.

Есть в недосказанности телеграфного стиля намёк на значительность. Коротко сказано — значит, многое передумано, многое пережито. Слова оскорбляют молчащих.

Поздняя осень. Ноябрь. Ночь и горящий камин. Двое ведут разговор.

— Грэй, мне кажется, ты… опускаешься от жизни в России. Я беспокоюсь за тебя. Посмотри, как ты одет, как небрежно ты питаешься и как

много проводишь времени за черновой работой. Ты не должен так жить! Мы вместе могли бы заняться твоим имиджем и духовным воспитанием…

— Стоп! Я живу в кайф. Я работаю на земле и обеспечиваю жратвой, материалами и основными деньгами, между прочим, всю нашу бражку. И твои учёные игры там, наверху, я уважаю. Дух, дружище, то, чем я занят, мне нравится! А ты стоишь на моей спине и презрительно рассуждаешь о том, что от Грэя пахнет говном.

— Грэй!

— Стоп!

— Может, по чашечке кофе? Вот и хорошо. Знаешь, старина, мы с тобой не сможем поссориться, даже если очень этого захотим. Ты прав, как всегда. Фундамент жизни и её этажи составляют одно целое…

— Продолжай!

Тепло. На руках у Духа спит маленькая, доверчивая Ро. Двое пьют кофе и смотрят в ночь. Чёрные волны осмелевших низких туч колышутся над Городом. Дом источает уют. Люди спокойны и души их чувствуют право своё на любовь. Город через золотую соломинку — трубу — пьёт из чаши чёрного неба.

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР

Непородистость местных лиц заметил даже Грэй. Обилие косметики и неумение ею пользоваться лишь усугубляло отрицательное впечатление: раскрашенные «мартышки» изобильно прыгали как раз по окраинам Города.

Грэй был одержим идеей безопасности территории полигона, он мечтал возвести по всему периметру капитальную кирпичную стену, желательно, с колючей проволокой поверху и электрическим разрядом для любителей шнырять по частной территории. Местные, в общем-то, не беспокоили. Но боялись не драчливого Грэя — боялись шипящего Гоблина. Воровать с поверхности земли уже было нечего, поэтому старались просто нагадить. Для личного спорта, для сравнительного удовольствия и удали, так сказать.

Проложенный к полигону асфальт сослужил местным жителям плохую службу. Он сделал окраинную улицу привлекательной для бандитов-риэлтеров. Ветхие деревянные дома один за другим начали гореть. Все понимали, что за «полтергейст» бушует в этих местах. Сначала к хозяевам приходили добры молодцы и, честь по чести, предлагали за дом с участком неплохие деньги. Хозяева, сами вросшие в свою бревенчато-дощаную обитель до одеревенения, мотали головами

и занимали круговую оборону: ни с места! Добры молодцы извинялись и уходили. Через некоторое время дом неожиданно начинал полыхать. «Полтергейст» работал очень умело — всегда загоралось уголовно-незримо и обходилось без жертв. Хозяева выли над головёшками. Едва успевали обсохнуть слёзы, вновь являлись добры молодцы, уже другие, и предлагали уже половину от прежней суммы. Хозяева, вплотную припёртые нуждой к судьбе попрошаек, соглашались. Бандиты-посредники совершенно законно и по обоюдному согласию сторон вступали в права землепользователей и, вдесятеро взвинтив цены, перепродавали участок очередному «новому деревенскому», мающемуся проблемой избавления от лишних денег.

Грязь спасала окраину. Асфальт её погубил.

...Русь, зима планетарного духа, всё здесь стремится к спячке! Поэтому снятся холодным «горячие» сны. Работа зимой падает прямо с неба. Всегда есть, чем заняться на земле: добыть тепло, чтобы выжить, заранее подумать о пищевых запасах, чтобы не умереть, и поклоняться великому спасительному инструменту — лопате.

ЗИМА

Хватаю прошлое, как ящерку, за хвост,
благословенна будь, наивность! —
и красного заката красный воск,
и грешников игра в невинность.

О, я его поймал, тот миг — любить! —
когда клонились дерева над нами
и ласточки, крича, стремились вить
невидимую нить под небесами.

Нет, всё не так, мой друг, произойдёт...
За кем погнался я, тот гонится за мною,
и прошлое, как хищник, рвёт и пьёт
кровь тишины и плоть земную.

На влагу губ осядет медью слов
обиженность и чувств неизречённость.
Не покидай меня, наивность, я готов
для звёздочки одной быть небом чёрным.

О, зима! Исповедь красок, стылый взгляд деревенских прудов, восхищающий стражников времени. Всякий год непорочность приходит

сама, первый снег облегчает пуховой молитвой уставшую землю, ни дождей и ни слякоти нет, обожжённые чёрные листья причастию рады, на великую серую даль вдруг ложится покой, белый-белый, ровняющий всех, и поэты зовут его саваном — красота тишины сочетается с белой аскезой, как бескровная связь, как родство с запредельем; коли свет не играет, дробясь, то и небу дышать ни к чему. Холодно русское время. Праздничны люди в остуде своей.

Череп земли поседел. Снег укрыл некрасивую грязь. Взгляд ворчливых стерилен теперь. Никого не осталось в деревянных проулках: ни перекатывающихся от одного дома к другому хозяев, ни кокетливых кур на улицах, ни болтливого Физика, шатающегося по полигону. Никого. Никого и ничего.

Ро училась стряпать в доме Гоблина и никак не могла слепить края пирожка. Сок вытекал.

— Тонкое от тонкого рвётся! — загадочно произнесла по поводу этого неумения пышнотелая хозяйка.

Зима в том ноябре объявилась по-театральному. Серьёзный снег выпал сразу и уже не таял.

Из русской печи несло жаром, пироги шкварчали на чугунной сковородке. Стряпушки, молодая и старая, поджидали первую партию румяных красавцев. Вертлявая Ро лихо упражнялась в русском языке, водя пальчиком по строчкам журнала:

— Первой стала цифра. И увидели они, что это хорошо. И сделалось так… — девочка, мало что понимая, читала вслух отдельные места из статьи на тему прогресса цивилизации, написанную Физиком для молодёжного альманаха. Альманах же хозяева с удивлением обнаружили в своём почтовом ящике, сделанном из старого скворечника, с откидным верхом. Взяли на растопку. Над полупорванной страницей статьи красовалось изображение Физика в обнимку с мерином, а на заднем плане, помельче, видна была разноцветная россыпь поющего табора.

— Гли-ко, и ты тут есть! — обрадовалась бабуля, заметив на изображении белое пятнышко детского платья.

В этот момент в дверь бесцеремонно ввалился, напускавши под порог холодных клубов, в рабочей одежде Грэй. Левой рукой он держался за спину, а правой прижимал к себе кота, торчащего из-за пазухи.

— Выручай, ба!

— Чего опять наделал? Опять в шахту к чёрту лазал?

— Не, не к чёрту, ба. Штабель с машины пошёл — завалило нас, понимаешь. Поправь кота, ба!

— Кота?! Да ты сам-от еле на ногах держишься, ну-ка, раздевайсь! Дочка, подержи кота. Чего с котом-то?

— Хвост сломало.

— Тьфу ты, нечистый! Ложись на лавку сам. Покорячило ведь тебя. Ну ничего, ба тебя сейчас быстро…

Жаренье пирогов пришлось временно отложить. Костоправ стала осторожно трогать спину, рёбра, ощупывать мышцы. Потом её движения приобрели другой характер — силу, резкость, удары. Пользуя пациента, бабуля сыпала прибаутками:

— От человека к человеку доплывёшь через реку, а от реки до реки только через годки. Колодезь родился, водицы напился, поехал-поехал, да назад воротился: под землёю черпнёт, тут заглотнёт — на небо отправится, да не воротится. Понизу заколодит — поверху запогодит. Что своим назовёшь, то отдашь во-первой, а кто спит во-вторях, тот уже во царях. Ты боли, моя боль, ты не прячься за печь, на ухвате сидит молодец, кто без боли целует, тот с болью уймётся. Умом богатые на бегу крылатые, а у сердца крыла — забытьё добела… Дочка, подай-ка траву с плиты, коричневая такая! И со стола смети… Ух ты, голуба, два ребра у тебя помяты! Дочка, погладь кота-то, погладь, и киселя ему налей. Тебе не холодно, родная? Доху накинь.

Руки бабули сноровисто шныряли уже не только по поверхности пострадавшего тела, но и погружались сквозь мягкие, податливые места внутрь, нащупывая и «поправляя» внутренние органы. Грэй орал благим матом. По какому-то, одной ей ведомому наитию, старушка уверенно правила и правила, точно попадая своими суковатыми пальцами в нужные точки жизни. Отчего затаившаяся в болезненных закоулках жизнь отдельных органов вздрагивала и послушно присоединялась к общему потоку телесного бытия, текущего через «прозрачного», то есть здорового теперь, человека. В округе знали: даже переломы, побывавшие под руками бабули, заживали за неделю.

— …От запрета не вред, если в пользу запрет. Не беда, что не крещён, был бы до смерти прощён. Три древа растут, корнями три древа тут, крона одна видна, крона другая уму дорогая, третью не удержать, третья — душа: троемирие, троемирие, троемирие — все в одной ягодке спят.

— Ой, ба, больно!

— Было больно, стало довольно.

Грэй встал, попробовал себя в наклонах.

— Лучше ведь. Честно, лучше! — помятые рёбра перебинтовали.

— Ой, дочка, гля-ко, гля, тесто опять поднялось!

Из окна дома видна была входная калитка полигона, автоматический шлагбаум. Комфортабельные машины въехали на территорию и припарковались на специальной площадке перед рестораном, люди, вышедшие из них, были похожи на чёрных грачей, важно вышагивающих в пашне снегов — дорогие тёмные пальто, степенные манеры усиливали сходство.

— Гляди, дочка, гляди, какие важные!

С бабулей никто не уживался. За её долгую жизнь в доме перебывали несколько мужчин, крепких, основательных, хорошо к ней относящихся, но… ни один не удержался рядом до конца. Кроме Гоблина. При близком общении выяснялось: избранница обладала худшей разновидностью доброты, — она забрасывала всех настырным советованием, покрывала пространство активной стоокостью и подтверждала личным примером идею неутомимости в любой работе. Рядом с неиссякаемым уникумом терпение обыкновенного человека иссякало довольно быстро. И только Гоблин пришёлся этому дому в самую пору. Горячие лучи женского тепла и заботливости проходили сквозь него беспрепятственно, как сквозь хорошо промытое стекло, не нагревая внутренний мир до вредоносного градуса.

— Ой ты, мати-яти, и «казиношница» при них! Глянь, глянь, дочка!

Ро гладила кота и даже ни разу не взглянула в ту сторону, где приезжие люди что-то взволнованно обсуждали.

Делегация приехала с предложением — пробурить сверхглубокую скважину и качать на продажу из подземного озера уникальную воду, возраст которой, по оценкам специалистов, миллиарды лет. Дух упёрся, он не хотел тревожить ящера… Вслух же он давал другие объяснения: на территории полигона планируется создать зелёный супермаркет — экологическое чудо, подарок горожанам, магазин-грядка. Подземные и надземные воды и так буквально пронизывали этот край, в нём было «слишком много воды», как сказал один гастролирующий лама, — субстанции, склоняющей жизнь в бесследное ничто. Ещё лама сказал: «Воду следует уравновесить огнём».

Делегация уехала. Демоны соблазна и упрямства поочерёдно зачерпнули из родника идей, глотнули из невидимых ладошек ледяного хрусталя, призадумались и стали прислушиваться к журчанию судьбы внимательнее: не простудиться бы!

— Ба! Хвост у кота сросся! Ба, нет, ты посмотри — сросся!

Бабуля обследовала хвост кота. Исподлобья глянул на Ро.

— Он помятый был, а не сломанный. Но всё равно… — она не договорила. Подошла к гостье поближе. — Мышам-малышам приволье в подполье, а наш дурак хорош и так. Хо-хо-хо!!!

Смех у бабулечки был грудной, неожиданно басовитый, как у большого колокола на деревенской колокольне.

Три понятия: покой, мудрость и немота, — математика вечности, — их можно переставлять как угодно в уравнении жизни: равенство сохранится. В окраинном посёлке время ложилось на зиму спать, как медведи в окрестных лесах. Оно сосало папироски у горячих печей, оно скрипело полозьями саней на дорогах и пускало вертикальные

дымы в промороженную синь, вечерами оно сонно следило по видеоканалам за временем-собратом, городским шатуном, бешеным зверем, который и зимой кормился хищным промыслом — охотой на людей.

Кто-то считал это «белое» время горем северных мест, кто-то ждал его, как преддверия рая. Если рассыпать пристрастия русских людей не по карте, а по всем четырём временам года, то зима будет первой красавицей в этом ряду. Иней — сканью тончайшей сияет на прядях волос! щёки брызжут румянцем! поцелуй на морозе — режет, режет, как бритвой, обветренность треснувших губ! Холод нужен России, чтоб жить, не болея. Потому что в тепле и достатке всё прокиснет здесь и не возродится. По ночам небо шире, чем днём. Холод венчает лучи дальних звёзд, и пространство меж пылкостью звёздной чисто и прохладно. Ниже холода нет ничего. Выше — огнь беспредельный!

Лето, осень, зима и весна… Время — крест. И вершина распятья — на белом.

Русский человек мыслит километрами, а чувства измеряет в градусах. Жажда тепла, внутреннего или внешнего, присутствует всюду, как неотвязная тема. Здешнюю природу невозможно приспособить напрямую для своей пользы, поэтому умение одиночек — приспосабливаться — стало жизненно важным свойством северных людей.

Допустимая доза — это сам человек. Там, где холод съедает энергию жизни, каждый сам себе мера. Эталонов здесь нет. Даже сбившись в людские стада, души чувствуют незащищённость. Ах, какая большая страна! Как пустыня.

Календарное лето больше похоже на насмешку, чем на время года, когда хочется петь и выводить птенцов. На искусственных денежных крыльях улетают зимовать за тридевять земель перелётные… А оставшихся воробьёв и синиц подкармливают крошками с чьёго-нибудь стола. Как вшивый о бане, о душевном тепле твердят те, у кого его не осталось. А имеющие запас — сидят молча, нахохлившись, делая вид, что и у них ничегошеньки нет. Прибедняться в условиях сплошного Севера — жизненная необходимость: это увеличивает шанс сохранить ресурс и сохраниться самому. Северные люди придумали самые красивые сказки: о дармовых чудесах, о том, что утро вечера мудренее. Чувства — костры на снегу — очень красивы, но они не могут гореть без пищи. И люди жертвуют собой, «сгорая» то на работе, то в авантюрах.

Приспособиться к северной жизни можно и так — умеревши частично: разумом бедным поблекнув, душою впав в спячку. От рождения и до последней черты путь нелёгок — зимовка. Холодом встретят, пришедшего жить, ледяные глаза всевозможных служак и чинуш. Человек человека без горячего спирта, войны или жгучей обиды — не чует. Как остаться нетронутым льдом, как живое тепло уберечь? Слово «нет» заменяет здесь знание истин.

Север тянет к себе и манит, словно вечность. Приспособиться, выбраться из западни, убежать от обвала и стужи каких-нибудь рухнувших лет и иллюзий — вот конкретная суть бытия. То, что «ниже нуля», люди видят как подвиг, как возможность сразиться с недоброй стихией. В мерзлоте этой вечной отходы и свежие вещи равны — не гниют и не старятся. Словно снежные клоны, повторяются жизни людей. Символ счастья — пуховый платок, знамя веры — горящее сердце горящих героев. Север очень суров и языческий праздник парадов, салютов и шабашей именем веры — это жизнь вместо жизни. Приспособить нельзя ничего. Приспособиться можно любому. «Приспособленец» здесь — бранное слово. Потому что обидная правда.

Там, где природа щедра на остуду, «брать» от жизни нельзя, просто нечего брать. Спячка, сон, замирание в водке и в вере, в тоске и в работе, забвенье в веселье — это то, что всех делает нацией ждущей. Атаманы командуют ждущим: «Давай!» Прочь от этих команд! Надо б ждать лучшей доли, счастливого случая и просветления — вот, авось, отогреемся в будущем, братцы! Замерзающим чудится жар. В каждом прошлом тепло, как в раю, в каждом будущем — свет и избыток. Грезят все, кто согласен был окоченеть перед телеэкраном, кто не раз заколел, выводя свой шагающий труп на беспомощный митинг.

Зло с добром уровнялись во льду. На экзотику ездят смотреть иностранцы. Страшно южанам, срывающим кайф прямо с ветки: вдруг растает безмерная северность — Русь? Всех затопит тогда!

...А костры на снегу разгораются. А огня человечьего больше и больше. Вот уж руки к огню потянулись: то ли греться, то ли выгрести вон полыханье.

— Ну, чего сидишь? Иди погуляй, доча. Погуляй, а то совсем захиреешь. Вот валенки, вот всё остатнее... Хочешь расти — не грусти, гуси дальше реки не ходили, а кота — за реку отпустили. Ступай, говорю!

Не очень-то хотелось покидать в морозный денёк натопленный дом с жёлтыми бревенчатыми стенами, из пазов и щелей которого торчали мохнушки пакли; кувшины из красной глины рядами стояли на неструганных полках, отовсюду свисали сухие пучки травы, да покачивали лапками какие-то целебные веточки, белёная печь источала уют, а в воздухе витал запах пирогов, — деревянная капсула добротного деревенского жилища исправно хранила в себе всё, что греет и душу, и тело.

Описывать красоту зимней улицы русских — занятие приятное и заведомо безнадёжное. В отличие от калейдоскопически меняющихся городских вкусов и вычурности стилей, ищущих удовлетворения в камне и металле, гармония одноэтажного мира «древлян» привлекательна гениальной своей простотой, не раз воспетой деревенщиками, безыскусностью и надёжным, как подошва сапога, основанием мысли — думами о хозяйстве. Красивое — это простое. Талант любой

русской окраины, удалённой от бойких дорог городского времени, в том и состоит, что бессловесное здесь правит словесным. Работой всё ещё лечатся, на устои дедов все ещё оглядываются, с мнением соседа считаются, а сами на себя в зеркала смотрятся редко. Утилитарная суть предметов совпадает здесь с их мистическим предназначением — всё одушевлено: и старый колченогий табурет, и безмен, коему века два, а то и три наберётся, и мучной ларь, и лающий репей на дворе, и коровушка милая, и петух, проклятый драчун… К чему не притронься — живое! Ты его трогаешь, и оно тебя трогает: живой живого без слов понимает.

Вообще, натуральная жизнь очень близка к иллюстрации того, что можно было бы назвать здоровым счастьем, уравновешенным и одинаково сытым: что последней крошкой, что обжорным пирогом. Деревянная жизнь на Руси — это не населённый пункт. Это, скорее, состояние. В котором есть: и сопричастие, и сожитие, и совершение, и сопереживание, и собутыльники… Это — храм без стен, внутри которого нет ни золота, ни поучений. Всяк здесь знает молитву свою бессловесную: кто кидает навоз, кто стучит топором, кто железку к железке винтит, кто бурёнку от сглаза таит. Глянешь вдаль — хорошо над полями уставшему глазу! Лишь земле доверяет надежду свою человек от земли: лишь возделанной пашне, лишь запасам своим в погребах да подклетях. Прихожане от мира сего неизменны вовек: в рясе робы, на крыльях кирзы… Почему же не просят они ничего у излишка чужого? Или гордостью бедный богат? Или сами дают от себя?!

Школа, магазин, управа, отделение связи — все они грудятся в центре посёлка какого-нибудь, образуя его голову, от которой, как лапки паучка, во все стороны тянутся ломкие улочки. Одни подлиннее, другие покороче.

Ро гуляла. Улочка, по которой она шла, заканчивалась иссякающим выходом в непродолжительное поле, за которым виднелась лесная чащоба. Ро, одетая в тулуп не по размеру, шаль и валенки, вызывала улыбки встречных. Она была счастлива: здешний незнакомый холод кусал, а незнакомые люди — согревали.

Зима — невеста года. Зима! Умение выжить важнее умения жить. Кто же суженый твой, о, холодная дева?! Не растает фата на лице твоего безразличия… Солнце выглянет — редкий жених промеж вьюг. Выглянет, да и сбежит поскорей. Месяц блудом окутает искристый мрак — к утру блёкнет, уходит долой. Как снегурку-невесту обнять? Не даётся! Девой старой зима на Руси умирает. Всякий год предрешён: всеми люблена, всеми проклята Афродита холодных широт.

Всё вокруг говорило друг с другом! Словно радиоволны, звучала неслышимая человеческим ухом симфония жизни; от дерев и небес,

от снегов и домов, от скрипящей тропинки, от тела земли и от баханья пульса в груди — отовсюду неслась первозданная речь говорящих существ.

— Я — травинка-травинка, пришла от земли, чтобы жить: то проснусь, то усну; а ты кто такой?

— А я — небо высокое, памятью древнее, всех люблю поровну, дождиком плачу, теплом улыбаюсь; а ты кто такой?

— Я — ручей безымянный, дождём напоённый, травою одетый, времен не считаю, бегу себе мимо — не знаю откуда, куда не пойму; а ты кто такой?

— Я — немое дыханье меж небом и твердью, я — древо; корни держатся здесь, крона держится там, — между светом и тьмой я живу; ну, а ты кто такой?

— Кто такой, знаешь сам: и дышу и гуляю, всё хочу, что могу, — вижу, чувствую, слышу, кончину не чую, обид не храню; ну, а ты кто такой?

— Ты скажи мне, трава, пустота над главою скажи, и ручей безымянный, и древо, и живность, и снег, — почему не дано одному мне ответа: кто таков и зачем?!

Снегири обдирали рябину. Ручей-родничок, вытекающий сквозь чугунную трубку, не знал своего родства ни с кем и не ведал пути в грядущем. Он просто был и источал своё бытие неутомимо, не спрашивая ни у кого разрешения на жизнь и не интересуясь: нужна ли она кому? Он просто был. И оттого становилось всё вокруг былью. Ро слушала неслышимое и видела невидимое. Глаза её блестели. Осмелевший снегирь сел на плечо и заглянул в лицо.

Ро засмеялась. Голоса не было, но всё существо её наполнилось ликованием. Она встала на колени перед родником и отпила студёный глоток. Мир вокруг шептался друг с другом, как в сказочном сне.

По посёлку-окраине прокатилась волна слухов: бабушка-знахарка, мол, выводит у коров мастит. Слух этот возник после того, как стряпушка подоила больную соседскую корову — недуг исчез. Бабулю стали приглашать. В качестве оплаты и благодарности её снабжали продуктами. Деньги она за работу не брала, даже если их настойчиво навязывали. Ро, бывая по выходным на полигоне, увязывалась и сопровождала необычную бабулю. В одном из домов, хозяйстве очень бедном, запущенном и грязном, корова была уже при смерти. Бабуля только глянула, определила.

— Неча делать тут.

Однако хозяева стали умолять «починить кормилицу», вытащили для пущей сердобольности кучу своих сопливых детишек — те расплакались.

Старуха молча подошла к несчастному животному и обняла бурёнку за голову. Корова послушно закрыла глаза. Хозяева застыли в трепетном ожидании. Бурёнка постояла-постояла так и — упала замертво, не издав при этом ни единого звука.

— Душу отпустила, — прокомментировала целительница, не ожидая от случившегося ничего хорошего.

И точно: полупьяный хозяин схватился за топор и, густо бранясь, замахнулся… Да так и застыл. Паралич не отпускал его неделю. Уже совсем другой слух покатился по посёлку и каждый выбирал свою сторону: кто-то защищал бабушку-травницу, кто-то подхватывал брань, продолжая собою гнев парализованного хозяина. О сути произошедшего не говорили, потому что в России знак равенства между «что» и «кто» впаян, как данность. Личность здесь определяет историю — хоть дворовую, хоть страны в целом.

Совет старушек, кои собирались иногда посудачить о том, о сём в жарко натопленном доме знахарки, тайно постановил: Ро надо «почистить в церкви».

Бабулечка-хозяйка пыталась вразумить суеверных подруг:

— Креста на ней нету! Опекун сильно против будет.

— Всё равно надо. Хуже никому не станет. А ей только польза — молитвы послушать.

Городских служителей поселковые старушки не уважали. Излюбленное культовое место располагалось в сорока километрах от Города; раз в несколько дней в ту сторону гоняли рейсовый автобус. Сказано — сделано. Ро, как послушная кошка, спокойно следовала за своей пожилой подружкой куда угодно.

Кто кого читает: ты «Евангелие», «Коран» или «Бхагавадгиту», или они тебя? Смысл жизни, осыпанный крошкой слов и умностями, наворотивший вокруг себя вещественной суеты, изменяет свой «объём», изменяя ему: то, что было весомым смыслом сорок тысяч лет назад, сегодня — песчинка в нынешних играх Сизифа… Всегда будет нужен ему «иносмыслец», парящее око, чтобы сладко шептать трудовому титану: вершина близка! Сколько мерзких лжецов, лицемеров, влюблённых в убогость душонок, питаются потом и кровью такого труда!

…Настоятель заведения имел уголовное прошлое и успешное махинаторство в сегодняшнем дне. Однако внешне он был свят. И это устраивало старушек.

— И даже хорошо, что он пришел к Богу через грех… Это ли не свидетельство силы Божией?!

Сидел батюшка за убийство, а махинировал с акциями, стройматериалами и водкой. Он не был исключением в своём чёрнорясенном контингенте: по захолустным посёлками и деревням у тёпленьких

божьих кормушек осело немало бывших функционеров, работников госбезопасности, неудачников от искусства, уголовников и пациентов психбольниц. Некоторым из них крупно везло — они махом строили карьеру, потому что делились хорошим бизнесом; такие перебирались поближе к благам цивилизации, чтобы масштаб их покаяний соответствовал подросшему размаху дел.

Бедные дураки отдавали «лону истины» свои деньги сами, а богатые — широкожестно откупались от голоса совести, заказывая «корпоративные богослужения» безналичным перечислением.

— Поцелуй батюшке руку, — приказала Ро одна из старушек.

Ро подняла глаза.

Перед ней замаячил неприятный человек. В гражданской жизни он скромно содержал свой трёхэтажный коттедж и старался уверить соседей-бедняков, что служитель «есмь раб и слуга» их. В храме поп был велик и уверен в себе. Словно муха под микроскопом, он чудовищно увеличивался под линзой церковного купола, его мохнатые лапки непрерывно шевелились, ощупывая себя и всех, до кого они дотягивались, клейкая дрянь вытекала из его рекущего разума и опутывала головы остальных, он жужжал и умело шнырял среди неподвижных. Ро содрогнулась.

Тот, кому доводилось пережить психический ужас, знает что это такое, и знает, как ёжится от встречи с ним обыкновенное человеческое существо, ошеломлённое и беспомощное перед зияющей трещиной между мирами, — вырывается вдруг на обжитую волю нездешний «сквозняк».

Ро от волнения и страха затошнило. Ей показалось, что на гвоздях закачались фанерно-картонные лики, взвыло за алтарём, вёдра и швабры поползли из угла, из стены потекло что-то чёрное, а горящие свечи погасли. Фиолетово-синее пламя плясало у ног перепуганной Ро.

Бабушки лихо метали кресты и кричали в уши девочке:

— Крестись! Отгони бесов прочь!

Дух, узнав о мракобесии, пришёл в негодование. Он не поленился и съездил к настоятелю злополучной церкви. О чём был разговор и как он происходил, никто не знает. Только поп труханул после этого не на шутку. Деревенские простаки говорили, что он удавился и сгинул бесследно. А директор лесхоза божился, что встретился с ним на курорте в Испании.

Жена-стряпушка ещё долго после этого случая обобщённо каялась и сокрушалась. Гоблин молчал и хмурился. А лаконичный, воспитанный в драчках Грэй, тоже «пропустил через себя» создавшуюся ситуацию и выдал жизнеутверждающий слоган: «Да разве ж можно живого человека ебать?!»

Церковь, русская церковь, соборная сила… Ах, как жаль, что засижено мразью светлейше место — материнство культуры, создавшее Русь! И язык, и волшебные сказки, и образы света, и правила тьмы, и оглядка назад, и мечта о бесплатном добре, и наказанность злоб, и желание каяться, плакать на счастье, смеяться до смерти — всё посажено в грядку культуры церковной рукой: не отнять! Но садовник куда-то ушёл… Что оставлено тем, кто хотел бы пожать урожай, не заботясь о всходах, не помысливши завтрашним семенем — всхожим скопищем мыслей и дел? Едоки порождают желанного идола — голод.

Бабулечка пошатнулась. У неё постепенно закрылись способности лечить и ворожить. Она сожгла в печке пучки сухих трав и пахучие веточки болотного багульника. Она купила сатин и пояснила: «На гроб». В обнимочку с Ро она часто стала сиживать перед русской печью, как перед камином, которую в повседневной жизни просто так не топили, берегли поленья — обычно в сводчатом зеве пламя кувыркалось и пыхало только когда пекли пироги или томили молоко. После слов: «Скоро умру, дочка», — бабуля извлекла из старомодного шкафа разноцветный, как весёлая радуга, национальный наряд. Примерили на Ро. Бабулечка прослезилась. Пироги они теперь пекли всякий день, когда девочка приезжала на край Города. Приговаривая несуразицу, старый, утомившийся жить человек, всё пристальнее наблюдал свою последнюю зрелость и она ему нравилась.

— Где копеечку дам, там возьму пятачок. Пятачок к пятачку, будет бедному рублик. На кафтан да на пряник, на день беззаботный, на пиво и девку да ночь беспробудную — вот ведь заговор мой! И расколется небо, посеются звёзды, будет много воды, да не хватит напиться. Где безумному время, там умному пропасть, потешится рублик — копеечки врозь. Мимо слов говорю: ни кафтана, ни пряника нет… За ворота пойду сей же час, не ищи меня, лихо, вовек! Ну а встречу кого — самого себя дам…

Не истребить надежду человеческую!

— Эту берёзку я посадила, когда мне ещё и пяти не было, — бабулечка показала на высокое дерево, растущее недалеко от дома.

Ро протянула к дереву ладони, прикасаясь к нему на расстоянии. Дерево спало. Оно продолжало собой миллионолетнюю ветвь рода и не имело ярко выраженной собственной жизни — оно, скорее, было одним из бесчисленных «входов» в огромный мир объединённого растительного Нечто, которое породило всё прочее: и ползающих, и ходящих, и летающих, и горений восторг — кислород. Нехотя, в нудно-томительном, медленном ритме древо откликнулось, предоставляя «вход» людскому любопытству; дрогнули вялые клетки корней: кто пришёл и что надо?

Природные дети — деревья — безусловны, как святость: на призыв отвечают ответом. Почему же не слышит их каждый? Не потому, что ответ слишком тих, а потому что призыв — как пила.

— Ты не трогай, доча, зазря мою душу. Не надо. Не отвяжется, если прилипнет. Ты сиротку мою добротой не корми, а то будет идти за тобой по пятам…

Ро опустила ладони. Разбуженное древо нервничало и искало тепла.

— Ну вот, теперь будет аукать, — вздохнула бабуля. — Петух на козе катался, козёл без козы остался. — Бабуля на ходу сочиняла свои прибаутки-буриме и они её веселили. — Хо-хо-хо!

Малый да старый — линеечка жизни — что ж завернулась в колечко ты вдруг? Малому хочется мерить помногу: поступь легка и поспешна, торопит себя он, и сам себя тянет. А старый и рад: ты прибавь, говорит, то, что я не успел, — это ведь тоже твоё. Жизнь-линеечка в гору восходит. Где бубенчик звенел, там хомут шею трёт. Не вернуться назад, до конца бы дойти! Мёртвая петля, круг постижений, первый твой шаг и последний — две слитые точки: след в след. Ничто не изменится в этом краю, пока не изменишься ты. Глянешь лукаво, вздохнёшь, усмехнёшься едва: авось, прирастёт твоей мерою родненьких непутей путь.

— Ты приди на могилку-то, доча. В праздничном будь. Смерть — это третья из свадеб, что даны человеку. Первая — как народишься. Вторая — женой или мужем становишься. Ну, а третья, последняя, — с Богом венчает.

Бабулю проводили затейливо: с танцами, с музыкой и без слёз. Гоблин играл на гармошке. Так она завещала: «За ноги обратно к земле меня не тяните. Спойте лучше!» Бабуля до последнего своего дня была здорова и не жаловалась на отсутствие бодрости — ресурс жизни не иссяк, а прекратился — словно щёлкнули выключателем и разом кончился ток. Сердце тактично остановилось во сне, в миг, когда разум не чувствовал боли. За день до смерти она истопила жаркую баню и вместе с мужем насладилась жаром-паром с калёных камней и даже бравой прогулкой на снег: «Хо-хо-хххо!»

БОМЖ

Ах, что происходит? Я драться бессилен!
Отравлено сердце, мучителен шаг.
Я бросил поводья, весь мир опостылел,
волшебною дверцей открылась душа.
Как будто бы в сказке, однажды проснувшись,

я жажду почуял: самим быть собой!
Но только всё поздно: проиграна юность,
и смерть перед Богом — как ангел босой.
Зачем я теряю товарищей верных,
доверчивость женщин терять тороплюсь?
Я злая песчинка в пустынности смертных:
люблю не любя и не веря молюсь!

Ты видишь, Отчизна, заблудших, но гордых:
рожденье моё было Страшным Судом!
Судьба оглянулась, а на поле чёрном —
ничто уж не мило и всё всё равно.
Ах, что происходит? Я балуюсь петлей...
Мои идеалы — красивая ложь!
Не надо присяги, подайте веселье,
не трогайте душу — последний мой грош.
Я, будто бы птица, преступно свободен,
но меткий стрелок подобьёт меня влёт...
Бегут сыновья от обиженных родин,
неужто и мой наступает черёд?!
Мой друг, с пустотою я драться бессилен,
отравлено сердце, мучителен шаг.
Я бросил поводья, весь мир опостылел,
тюремною дверцей закрылась душа.

Добывать русское дерьмо становилось всё труднее. Грэй поездом отправился в самую глушь, в соседнюю область, на разведку. Без приключений не обошлось.

Поздней январской ночью в зал ожидания железнодорожного вокзала вошёл рослый человек мужественного вида, в белом овчинном полушубке, спину он держал в прямой выправке, как это принято у кадровых военных, — прирожденный командир, воин, уверенный в себе хват; вертикаль тонкого чувственного носа снизу подчёркивала горизонталь прямолинейных, плотно сжатых губ, а глаза и брови придавали рисунку лица то выражение, какое свойственно всем обладателям пристального, цепкого взгляда и никогда не засыпающего ума. Экипировка вошедшего никого не удивляла: глухие места всегда были изрядно насыщены военными, и далеко не все из них день и ночь щеголяли в форменной армейской одежде — многие офицеры предпочитали в обычной жизни носить «гражданку».

Вокзал привычно переваривал в своей утробе томящихся пассажиров. Спящая на казённых лавках интеллигенция застенчиво поджимала ноги под себя, пытаясь, даже во сне, проявлять вежливость и не занимать лишней квадратуры, солдаты-кочевники бедовали кто

как, разномастная публика из торгово-рабочего мира, а также пожилые воробушки пережидали вокзальную пустоту бытия по-своему: на корточках, в обнимку с баулами, лёжа поперёк чемоданов или маясь с соседом за картёжными упражнениями. Вечно временное, это человеческое пристанище сопело, пыхтело, стучало и шаркало беспокойными конечностями, переворачивалось с боку на бок, лялькало и улюлюкало с детьми, и тошнёхонько, порой, вздыхало, полуразбуженное на минуту-другую хрюкающим в пустую бочку станционным громкоговорителем.

В самом центре этого разномастного, лениво шевелящегося, живого обилия фундаментально возлежал, сдвинув два станционных диванчика вместе, натуральный негр. В потрёпанном пальтишке, он покоился на спине и зверски храпел. Обе ноги его были раскинуты в самых что ни на есть вольных позах, а небрежно нахлобученная шапка-ушанка прикрывала лицо от излишне яркого электрического света. Композиция выражала полнейшую безмятежность. В головах у негра покоился небольшой рюкзачок, прицепленный к ножке диванчика наручниками. Едва завидев «браслеты», да ещё и негра к ним в придачу, воры исправно обходили соблазн стороной. Однако охрана вокзала, как оказалось, имела насчёт иностранного подданного иное мнение. Увальни с дубинками довольно грубо растолкали храпящего и предложили пройти с ними «на выяснение». Назревал занимательный скандал. Публика проснулась и оживилась.

— Я никуда не пойду! — кипятился Грэй, слегка ошарашив стражей внятной русской речью.

— Пойдёшь, как миленький, пойдёшь!

— Я военнослужащий!

На этот выкрик дружным хохотом ответил весь зал.

— Оставьте его, — человек в белом полушубке и с чеканным лицом голос имел низкий, хриплый, насыщенный обертонами, он извлекал из своего командирского горла звук каким-то особенным образом, смешивая регистр суперконтроктавы с обычным баритоном; чем-то этот многосложный «голос в голосе» напоминал горловое монгольское пение.

— Кто вы такой? — взъерепенились стражи.

— Оставьте, пожалуйста, человека.

— Да он здесь уже три дня ошивается! Откуда? Не говорит. Куда? Тоже не говорит.

— Документы его в порядке?

— К сожалению…

— Вот и не трогайте.

— Так он же полресторана, считай, за это время вылакал! Мы, так сказать, принимаем очередные меры.

— Хулиганит?

— Нет. Спит постоянно. Лакнёт стаканчик-другой и спит. Может, он террорист?

Грэй сопел, вращал белками, молча упирался и выкручивался из объятий охранников. Человек в полушубке показал блюстителям какое-то удостоверение, и оно гипнотическим образом мигом остудило служебное рвение костоломов. Охрана удалилась. Зал ожидания, так и не утолив в полной мере кровожадного своего любопытства, вынужден был вновь впасть в дрёму и забытьё.

— Уки банные! — произнёс непонятные слова офицер-спаситель и раздвинул диванчики Грэя, намереваясь занять один из них. — Можно присоседиться?

— Можно. Спасибо, — Грэй поглядывал вокруг исподлобья. Ему казалось, что опасность ещё не миновала. Путешествия по России научили его хорошей премудрости: к людям здесь изначально нужно относиться очень хорошо, но никогда не забывать думать о них плохо. Поскольку первое помогает выжить, а второе — избавляет от ошибочных решений.

— Вы и вправду военный?

— Профессиональный лётчик-истребитель космических ВВС. Был.

— Понимаю… Глушите небесную тоску земным путешествием. Когда испытаешь, хоть раз, эмоции на краю, то тянуть дальше, как все, уже не можешь. Не тот завод. Вроде как не живешь, а доживаешь, получается. Приключений на опу ищешь. Такое лядство!

Грэй не мог знать, что кадровик был майором, начальником ракетного подразделения, что возвращался он после очередного отпуска из-за рубежа, из родных украинских степей, к месту службы, что за плечами у него была высшая разведшкола, умершие родители и недавний развод с семьёй. Этот человек вырос в образованнейшей среде, в обстановке красивого и правильного воспитания, он много читал и даже сочинял сам, в груди его билось ранимое сердце, а существо его органически не переносило хамства, ханжества и пошлости. Он легко мог бы пополнить собой и своими талантами элиту нации, но судьба распорядилась иначе… Почему-то очень часто она поступает наперекор данности: натуры ранимые и утончённые обязательно засылает в какое-нибудь пекло, а неотёсанных мужланов жалует чинами и милостями. Этот майор был абсолютной «белой вороной» в окружении матерящихся золотопогонных чертей, опустившихся в своих нравах до семейных драк и непристойного натурального юмора. С волками жить — по волчьи выть. А если не хочется? И майор нашёл компромисс: он придумал для себя оригинальный новояз — убирать из бранных слов кое-какие буквы. Новшество быстро прижилось не только в родном подразделении, но и успешно перекочевало

в лексикон окружных штабистов; безобидным, оскоплённым недоматерком охотно пользовались в повседневной жизни и жёны военных, и даже их дети.

Кое-каких слов Грэй не понимал, но прислушивался к новому знакомцу с интересом. Военных от гражданских отличает одно безусловное умение — ходить строем. Нужда заставляет. Идея вражды — Ариаднова нить цивилизации! — катнула однажды клубок истории. И покатилась путь-дорожка — мимо орущих питекантропов с дубинками, мимо железных мерзавцев на железных конях, мимо вонючих пушек и машин, мимо ядерных вспышек и лучевой обработки… Всё лучшее было отдано этой дорожке! Сколько минуло судеб, сколько минет ещё! Грэй рядом с этим бесцеремонным представителем оружейной силы вновь почувствовал себя в надёжном боевом строю. И, наконец, расплылся в улыбке.

— Ха-ра-шо!

— Арсений. Друзья зовут Арс.

— Гриша.

— Ер с тобой.

Офицер опустился на диванчик, рука его, расслабившись, повисла как раз на том месте, где «браслеты» соединялись с дужкой казённого дивана.

— Ё?!! — глаза офицера недобро сузились. — Говори!

— Надо выпить, — незамедлительно отрапортовал Грэй. Чувствовалось, что эта фраза уже не раз выручала его в щекотливых ситуациях. Он смотрел прямо в глаза. Офицеры без слов поняли друг друга: злого умысла нет, а значит, все прочие проблемы решаются интернациональным братанием.

Опыт коммивояжёра по навозу складывался из многих импровизаций и случаев. Грэй никуда не торопился и рассчитывал постепенно наладить крупные поставки ценного сырья из глубинной России.

Однажды он провел несколько изумительных ночных часов в санных розвальнях, — лёжа на шевелящейся от лошадиного хода соломе и глядя в простреленное звёздами небо. Можно было сколько угодно воображать, что куда-то едешь, путешествуешь… а неподвижный узор над головой каждый раз убеждал в другом: настоящее движение от людей прячется, а то, что они им считают, — всего лишь «дрожание», подобное тому, что трясёт молекулы, намертво впаянные в неизбежность своего окружения.

На бумаге отдельные письменные значки — существительные, глаголы, предлоги, запятые, союзы и пробелы — складываются в картину. Слова, собранные воедино особым образом, позволяют видеть даже слепому. Возможно, они нащупывают сообща то самое «настоящее движение», которое прячут неподвижные звёзды. А человек? Он

беспокойно ёрзает по планете, словно буковка, он словно ищет для себя подходящую другую буковку, — чтобы, уже совместно, поискать и третью, и четвертую… авось, сложится оттого слово жизни и вольётся само в бесконечную повесть истории. И узнают участники сей эстафеты: куда всё идёт?

Грэй, объезжая районы, жил в различных домах, его постоянно знакомили с кем-то, возили на экскурсии в коровники и свинарники, снабжали информационными копиями каких-то материалов. Жители русской «глубинки» проявляли немалое внимание к жизнерадостному чернокожему чудаку, который умел «говорить по-нашенски». Люди, утомлённые однообразием будней, были рады «ничейному» человеку, появившемуся в скучноватой провинции с обезоруживающим простодушием, без каких-либо корыстных планов. Увы, людей, способных жить «просто так», а не для чего-то, на земле очень мало — это долгожданные эндемики, тестирующие своим появлением всякого, кто завертелся в одном и том же. Грэй, сам того не ожидая, очутился в центре непрекращающегося праздника. Всякий день становился Днём рождения — рождения новых удивлений и встреч. Грэй вошёл во вкус. Грэй-Гриша легкомысленно отдавался всякому первому встречному-поперечному «на хранение», и жил на всю катушку.

Передвижение и приют Грэю облегчали звонки и рекомендации тех, кто наперёд сообщал друзьям в другом городке или посёлке о прибытии «чёрного Гришки». Путь Грэя не был прямолинейным. Он больше напоминал след подружейного сеттера, снующего челноком по пространствам Руси, и «поднимающего на крыло» грубоватых, но удивительно отзывчивых и очаровательно приветливых людей. К Грэю пришла большая любовь. Грэй полюбил Россию и всех русских, содержащихся в этом заповеднике любви: эвенков, татар, китайцев, тувинцев, монголов, корейцев, китайцев… Грэй, конечно, не знал Россию с другой, изнаночной стороны, но та её часть, которая гостя обнимала, поила, укладывала спать и шептала в уши неслыханные сказки, была в тысячу, в сто тысяч раз лучше любого Диснейлэнда! К Грэю вернулись детство и счастье. Он орал заунывные песни в кабинах тягачей дальнобойщиков, он с восхищением осматривал щетину лесов и лысоватые горбы перевалов с высоты геологоразведочного полёта, он неделю питался солёной селёдкой и пил коричневую воду на буровой, куда из-за непогоды не могли пробиться летуны, доставляющие питание и грузы, он шпарил по огромной реке на фантастически богатом скоростном катере, а хозяин посудины пытался подарить Грэю колбу с алмазами. О, Россия была азартна, как игра в рулетку! В жизни Грэя и вправду случился однажды период, когда он крепко прилип к казино. Но та игра выедала душу и высасывала кошелёк, а игра в Россию —

восхищала своей беспроигрышностью. Впечатления сыпались и сыпались! Грэя передавали, как эстафету, из одних рук в другие, с наземного транспорта пересаживали на воздушный, из остановившихся деревенских часов перемещали в бешено несущееся время городов, окунали из холодного в горячее и наоборот…

Аттракцион жизни по имени Россия был бесподобен! За оставленное надолго хозяйство он не беспокоился — Гоблин был как раз тем человеком, которому доверяешь больше, чем себе самому. Грэй успел полежать в больнице золотодобытчиков с воспалением лёгких и побывать на их приисках. Он кормил из рук живого медведя. Он стрелял из карабина по тучам летящих гусей. Он научился пить спирт и водить дизельный лесопогрузчик. Дважды он участвовал в драке за право на женщину и оба раза победил. Иногда Грэй вспоминал Духа и его наивно-интеллигентные уговоры насчёт оглядки на сюрпризы русской жизни.

Эстафета по передаче негра-чудака из рук в руки неожиданно прервалась — отшумели новогодние праздники и вся страна впала в апатию. Грэй, уже закалённый в горниле русской жизни, не стал зря печалиться и погружаться в отчаяние. Он без долгих размышлений осел там, где застал его неожиданный русский паралич — послепраздничная остановка общественной жизни. Это явление следовало просто переждать, как стихийное бедствие. Огромный Диснейлэнд временно закрылся «на ревизию». Вокзал был крайне неудобен для существования, но в гостиницу Грэй не пошёл намеренно, рассчитывая на какой-нибудь новый случай в своём «рашен-крези»; так он и кантовался, уповая на волну познавательного абсурда и непередаваемых русских приключений. Трещала зима. Температуру ниже минус пяти Грэй невзлюбил люто и на всю жизнь.

Расстояние в три-четыре сотни километров — не крюк по русским меркам. Офицер заверил, что дерьма в части — выше крыши! И его можно забрать даром! Выпив всё возможное, мужской дуэт прибыл в посёлок военных, который теперь лишь номинально числился «запретной зоной»; охранять Родину было не от кого — мир по ту и по эту сторону политического жизнеустройства почти выровнялся, сделался одинаковым, как пыль на земле, или облака над головой. Доблестная воинская смерть ушла куда-то за ненадобностью, и профессиональные часовые неба «забродили» от гражданской тоски кто как мог.

— Дец всему!

— Что?

— Дец, Гриша, дец пришёл.

— Какой дец?

— Полный дец, Грихонтий!

Душа и сердце кадровика остро, гораздо острее и болезненнее, чем у многих, переживали неизбежные процессы социальных изменений в стране, обширную культурную ассимиляцию и необратимую смену ценностных ориентиров вообще. Арс, как истинный солдат и гражданин своего Отечества, обладал полноценным имперским мышлением и вёл себя в беседах, если они задевали «взрывоопасные» темы, подобно императору.

— Гришка, ты не знаешь, что такое тоска!

— Знаю.

— Откуда ты можешь это знать, Гриша?

— Знаю.

— Откуда?!

— Знаю.

Чем встретило Грэя-Гришу новое место? Голые поля вокруг ракетной части перемело, реликтовый горный массив выгнул свою старую спину и приподнял на ней невыразительный посёлок вместе с его невыразительными жителями чуть выше уровня мирового океана, но всё ж поближе к ядрёному небу, отчего климат здесь получился резко-континентальным, с зимними ветрами и морозом за минус сорок. Заиндевевшие псы изредка прошмыгивали из подвортни в подворотню, изо всяческих жилых отверстий: труб, форточек, канализационных люков, — вылетал клубящийся парок. Такой же парок вылетал из Грэя, и с каждым выдохом негр воочию наблюдал, как его тело испускает дух… Птиц, лая, шума моторов, вообще каких-либо звуков, кроме звона в ушах, да собственного пыхтения в воротник, не было слышно. Посёлок лежал на самом дне бирюзового неба, словно затаившаяся подводная лодка.

Недалеко от казарм и служебных помещений, но уже на гражданской территории, стояла двухэтажная офицерская гостиница, в которой и проживал Арс — в двухкомнатном номере на втором этаже. Окончательно оттаял Грэй только здесь, потому что котельная шпарила, не жалея угля, и термометр в комнате показывал плюс тридцать три.

— Это кто? — в комнату бесцеремонно заглянул офицер-сосед и ткнул пальцем в чернокожего гостя.

— Зять! — рявкнул хозяин, и нахал немедленно скрылся.

— Что за уй? — проявил Грэй свою недюжинную способность к быстрому обучению.

Военный самым внимательным образом выслушал рассказ Грэя о замысле с преображением русского говна в золото. Цокая языком, он восхищался рабочим старанием калифорнийского червя.

— Покажи залежи? Здесь есть крупная ферма? — за выпивкой Грэй не забывал и о деле.

— Ферма? Какая ферма? А, вон ты о чём… — офицер подошёл к окну. — Этого добра здесь завались!

Грэй тоже выглянул в окно, непонимающе осматривая окрестности: ничего, кроме домиков-бараков и обветшавших военных плакатов он не увидел.

— Где?

— Говно перед вами, сэр!

— Дневальный? Молодец! Вот твой земляк, — шутник-офицер ткнул пальцем в Грэя. Дневальный понимающе кивнул в ответ: в армии лучше со всем соглашаться. Сказано, что чёрное — это белое, значит, белое.

Пользуясь своим особым положением «зятя» и добротой гусарской натуры своего нового знакомого, любопытный Грэй «повис на хвосте» у командира, который с удовольствием взял на себя роль покровителя и экскурсовода. Русская армия сделалась бутафорной и несекретной, поэтому внутри неё стала возможна любая жизнь, определяемая законами водевиля. Редкий человек в посёлке помнил, какое сегодня число и день недели, а многие совершенно не следили даже за ходом месячных циклов. Вскоре Грэй досконально знал практически все существующие в этом месте военные тайны и даже позывные спецсвязи. Впрочем, никто и ничего не боялся, в смысле ответственности, потому что разглашать было уже нечего, все русские «секреты» давно и подробно были описаны в специальных американских каталогах и выпущены массовыми тиражами.

Грэй наблюдал, что в русской армии те же изломы, что и везде: пока на погонах лейтенантские звезды салаг, молодые ребята безоглядно чудят и куролесят, да так, что только дым коромыслом! А после майора начинается застопоривание. Оглядываются, могут и заложить при случае «из идейных побуждений». Как-то мужики из особого отдела подробно, почти с восторгом рассказывали ему: «Мы следим, и над нами — ещё два эшелона следящих!» Вот она — тоска! — королева всех захолустий. Офицерские жёны здесь сходили от пустоты и скуки с ума, изменяли направо и налево, а вооружённые их мужья пылали от ревности. Тоска! Здесь играли в шахматы на водку и женщин. Здесь в огромной подземной пещере сидел, корчась от бронхитов, батальон солдат. Зубной врач в погонах держал рядом с креслом двенадцатилитровое ведро, полное вырванных без наркоза человечьих зубов. В специальные проволочные ловушки для гипотетических шпионов попадались, отбившиеся от отар, крестьянские овцы, и это — была законная добыча тех, кто искусные ловушки приготовил. Здесь пекли удивительно вкусный и пышный хлеб рядом с открытым урановым карьером. Одна из сопок сплошняком состояла из ровненьких, как перепелиные яйца, агатов и аметистов, сердоликов и редкостной яшмы, корнеолов и горного

хрусталя; эту сопку вояки грызли экскаватором, чтобы рассыпать под колёса машин — на многие десятки километров до ближайшей станции — удобную «гравийку». Баню топили так, что от деревянных стен и потолка начинал струиться сизый дымок. Солдаты содержали для себя и для офицеров, наряду со служебными собаками, свиней, коров и кроликов. Неосторожных лосей били из снайперского оружия. Зимой в рукавах реки устраивали «закол» — гигантскую ловушку для крупной рыбы, хитроумно сделанную из вбитых в дно свай; на последнем этапе ловли кишащих в проруби диких рыбин доставали саком, словно карпа в магазине, и отправляли в мороженном виде контейнерами «на материк»: пусть, мол, родственнички похохочут! Тоска… Она пропитывала здесь всё, любую вещь, любое движение, любую мысль или чувство, она просачивалась всюду, оставаясь в нагромождениях жизни и покрывая собою всё, словно никотин в доме курильщика. Тоска!..

В пустой кухне бобыль-офицер подошёл к пустой плите и запалил, чиркнув спичкой, газ. Зашипело и загорелось.

— Видишь, как горит? Это тоска, Гриша. Она жжётся. А твой «червячок», Гриша, греет. Улавливаешь философию? Завидую я тебе, беспутому.

— Поехали вместе, работа найдётся.

— А что? Полгода до пенсии. А?! Хорошо бы. Но нет, Гриша, не получится… Я — цирковая лошадь, обучен ходить только по кругу. Строевым шагом, с обязательным отданием чести вышестоящему начальству.

— Поехали?! — Грэй взял нового друга за плечи и заставил встретиться с ним взглядом.

Выпили.

— Хорошо, слушай сюда. Попробую говорить просто. Каждый человек хотел бы жить правильно, но у него это не получается. А, скажи, зачем ему эта правильность? Затем, чтобы правильно появившись, так же и уйти. Чёрта с два — не получится! Мы набираемся по дороге всякой дьявольщины. И хотим от неё избавиться. А как, как? Её можно только убить. Сжечь проказу. Ты знаешь, Гриша, сколько в тебе этого проклятого добра? И я не знаю. А сжечь хочется. Если дерьма в тебе не очень много — получишь ожог души первой степени. Выживешь. А если дерьма много? Побалуешься огоньком, свободой, да и подохнешь. Справедливо? То-то и оно, что справедливо…

Грэй слушал по пьяной лавочке уже не раз персональные кошмары крепкого вояки, которые тот вытащил, еще будучи младшим летёхой, из какой-то небольшой, но буйной страны. Он выполнял там боевую работу. Убивал и был готов сам быть убитым. Но его готовность к смерти оказалась лучше, чем у тех, кого он убивал, и поэтому «командировочный» выжил. Когда офицер рассказывал о том, как «снять заслон», как человек после удара в горло послушно молчит, тихо

захлебываясь собственной кровью, то во всём существе этого хриплого и обаятельного зверя даже сейчас трепетал неподдельный восторг победившего гладиатора. А после рассказа он сникал, коварно расстрелянный собственными же словами. Грэй хорошо понимал русского друга, ему самому приходилось нажимать на гашетку, выпуская далеко не учебные ракеты согласно цели и приказа.

— Такое лядство, — подытожил военный и выключил газовую конфорку. — Тоска, брат, тоска. Всё разрушается.

— Что разрушается?

— Всё.

Однажды утром хозяина принесли на руках солдаты под предводительством соседа-офицера, он был с разбитым лицом баклажанного цвета.

— Выхаживай, коли родственник, — сочувственно, но с нескрываемой ехидцей произнёс сосед-офицер и свалил полуживого коллегу на застонавшую под ним казённую кровать. — Сцепился с вольноотпущенными зеками в пивнушке. О Родине говорил, а они не поняли.

Грэй соотнёс запомнившиеся слова, сказанные военным как-то по поводу обычных драк: «Мне нельзя с гражданскими махаловку устраивать. Не смогу, не успею остановиться: один мах — один труп. А зачем мне тюрьма? Остаются два варианта: либо не ввязываться, либо терпеть, пока дураки не устанут колотить “грушу”».

— Он говорил о родине? О том месте, где родился?

— Нет, он говорил о том месте, где ему и им предстоит умереть. О России.

Арс метался в жару и иногда бредил. Ему было очень плохо. Грэй попытался по телефону связаться со штабом и вызвать помощь. Пришёл зубодёр, оставил коробку из под одеколона, набитую заправленными шприцами.

— Будет херово — коли. Но не чаще шести раз в сутки. Усёк?

Грэй кивнул. Он сам осунулся, потому что глубоко сочувствовал несчастному и слишком много волновался.

В воздухе витало русское горе.

Здоровяк выжил. Зима, зима, скорее бы уж она заканчивалась! Надо перетерпеть её остаток. Через несколько месяцев за окном, на тополях, набухнут почки, сопки освободятся от снега и прошлогодний ковыль приобретёт пороховую сухость — его, как всегда, подожгут безмозглые мальчишки, и волна огня очищающим гребнем пройдётся по земле, чтобы ничто уже не мешало новой молодой и сочной зелени встречаться с оживающим миром. Скорее бы!

Фермы и навоза у вояк не было. Грэй засобирался в дальнейший путь, и его бестолковая неопределённость была, как ни странно, куда определённее судьбы офицера. Страна маниакально мутировала, и, вместе с ней, пертурбации переживало практически каждое поколение её граждан. Ни один служивый не знал, что ему уготовано волею генштаба.

— Знаешь, приятель, что мне в бреду примерещилось?

— Погоны полковника.

— Плохо шутишь, Гриша.

— Извини. Генеральские!

Арс сгрёб собственное лицо в ладони и сжал его. Когда ладони разошлись — Грэй увидел смеющегося хозяина двухкомнатной берлоги.

— Не поверишь, я видел себя бомжом! Жаль будет расставаться, — сказал он.

— Да, очень жаль.

Офицер расстегнул рубашку и снял с себя православный нательный крестик.

— Сувенир! Держи! — с этими словами он надел на обалдевшего негра языческий атрибут русских.

— Ё!!!

Выпили.

— Понимаешь, Гришка, пуля поражает цель, а вера поражает мозг. Чем же «заряжена» эта самая наша вера? Древний шаман заряжал её криками, танцами, дурманными травами, дымами. Потом «стрелки» стали цивилизованнее — придумали идолов, иконы, ритуалы, телевизор… Думали, что на века сработали, но… Ба-бах! Патрон уже пустой. Мимо! Кто следующий? И что завтра? Понимаешь, Гришечка, я знаю, что будет завтра…

— Ну?

— Погоди, погоди. Дай доворковать. Мир ухудшается, если говорить не о его внешней стороне, а о самом человеке. Образованных, умелых, нормально развитых мужиков и баб полно, но не-ка-че-ственных людей стало слишком много. Злых, завистливых, жадных, тщеславных… Им внушают, что лядство — это хорошо. И они в это верят. Верят!!! Любой «хороший» среди их стада — уже гад. Сколько у тебя друзей, Гриша? Все?! И — никого! А я верю, Гриша, что придут ещё хорошие люди. И их будет много. И они возьмут верх.

— Дец всему!

— Не всему, Гришечка, а только всему ёвому в человеке.

Выпили.

...На плацу стоял, специально для этого случая снаряжённый, солдатский духовой оркестр. Как только в поле зрения дирижёра попали двое — майор и его пошатывающийся спутник, — музыканты грянули прощальный марш. Звуки труб и всплески меди прошили, и без того до предела напряжённую психику, дополнительным электричеством. Грэй, переполненный чувством разлуки, измученный тянущей за сердце петелькой новой дружбы, опутанный колючей проволокой новых мыслей и подогретый последней рюмашкой «на посошок», не сдержался — судорожно сглотнув пару раз, он зарыдал в голос, как осиротевший ребёнок.

Грэй уезжал. Лоб его был прижат к мутному стеклу вездехода, в горле что-то хлюпало и подвывало, а по чёрным щекам текли чёрные слезы. Оркестр на плацу зачехлял инструменты.

СМЕРТЬ ГОБЛИНА

После смерти жены Гоблин изменился. Что-то внутри него проломилось, треснуло, словно в теле дамбы, исправно держащей до этого озеро с человеческой жизнью, появилась промоина, и сквозь неё накопленная сила стала утекать куда-то — сначала небольшим ручейком, а потом и ревущим водоворотом. Он забил нутрий, распродал домашнюю живность, подарил пацанам старенький свой мотоцикл, некоторое время по двору ещё вышагивали куры, но и они исчезли. Гоблин целиком отдался молитвам и работе в штольнях. Для жизни ему стало достаточно, как и всем русским, просто зарплаты. Платил Грэй неплохо.

Деревянный дом в России, обжитой курень и его хозяин составляют одно целое. Зайдёшь в такой дом — дышит всё! стены прозрачные! Тело в тепле, а душа на воле. И если здоров и бодр хозяин, то и «верхняя одежда» его здоровья — карусель натуральной жизни — тоже хороша: доски у забора не оторваны, сено сухое, шифер на сараюшках ровно лежит, двор подметён, под навесом запас кирпича, как крепость, покоится. Одной жизни хозяину маловато будет, чтоб такую махину на себе самом содержать — так он, шестижильный, за один раз все шесть жизней живёт! Даже голос у домашней скотины при таком заводе особый: не воет она, не ржёт, не квохчет — поёт! Как хор имени Вечной Жизни. Так и было на дворе у Гоблина до недавнего времени. Теперь всё умолкло. Соседи, правда, ещё побаивались доски от забора рвать и шифер тырить, но воровскими глазами уже косили в ослабшую сторону. Гоблин, как охранник Шамбалы, как непонятный «снежный человек», излучал вокруг себя и своих владений непреодолимое невидимое поле — защиту, которую боялись переступать даже посторонние

дворняжки. И вот — защита пала. Гоблин сам повернул внутри себя какой-то таинственный выключатель и «ток» прекратился. А без него дворняги так и шныряли по двору и огороду. Гоблину было всё равно, он их даже подкармливал. Дом, русская родина румяных пирожков, славных песенок-прибауток и крепкой мужской надёжи, захирел.

Причиной всему — скоротечный рак горла, который схватил и без того сипящего Гоблина за кислородный шланг, за трахею, железною кащеевой рукой. Гоблин не жаловался, но видно было, что человеку плохо. Шипение приятеля понимал только Грэй, вечерами мужчины выпивали.

— Ш-шшш, х-н-шш, оо-вш?

— Конечно! Если по русской башке врезать, как следует, то она или совсем отвалится, или поумнеет!

— Кш-ша!

— Ну, я и говорю. Ни один умный человек в России до ума просто так не дошёл, горе подгоняло.

— Хх-хе-шш!

— Сам знаю, что молодец.

В штольнях было влажновато, но тепло. Там же, где располагались «этажерки» и «движущиеся грядки» с калифорнийскими ударниками круглосуточного труда, расположился и Гоблин. Собственный дом наверху стал для него невыносим: всяческие виды активной жизни, воспоминания о радостях суеты, вынужденные контакты с соседями — всё это угнетало. Даже сам факт чьей-то жизни, над которой ещё не был занесён топор судьбы, отталкивал и был неприятен. Наваливающаяся беспомощность склоняла человека к изнаночному удовольствию: жизнь не мила — хорошо б от неё подальше держаться. Мол, я тебя, поганая, не трогаю, и ты меня не трогай: дай умереть спокойно. Однако уползающих и таящихся жизнь преследовала с особой силой и жестокостью, выжимая из них соки мук и сожалений до последней капли. Словно таковы были самые главные правила её финального покаяния: параличи, инсульты, метастазы, циррозы, прободные язвы или обидный маразм. Словно жизнь изначально была «беременна» растущей душой, а муки были её отходящими водами в конце. Из мира в мир шагнуть — не вилами копать! Страшно и волнительно в конце персональных времён; больно и желанно, — чтоб боль эта рвущая кончилась…

Гоблин спал на раскладушке, в одежде, под иконой. Вечером рабочие уходили. Грэй приносил «Снайпера» и какую-нибудь снедь. Светили ртутные лампы, приглушённо гудела вентиляция и калориферы. Грэй в очередной раз предлагал деньги, чтобы отправить несчастного в Швейцарию на дорогую операцию и лечение. Гоблин лишь

усмехался. После стакана водки он на весь вечер поворачивался к Грэю спиной — молился.

— Сш-хх-шш, щшш-ж-шш! Шшуа—хх-фф, ашш-шш…

Ночью Гоблин, оставшись в подземелье наедине с червяками, вступал с ними в беседу. Он мог подойти к грядке или кормушке, зачерпнуть вместе с навозом горсть извивающихся бодрячков и начать с ними мысленный разговор. О, если б малые твари могли слышать эти ровные речи, в которых слились и смешались и крепость земли, и пепел молитв! Они бы узнали, что все прощены: и прошлое, что стремилось пробраться в живое, и вещи, обретшие власть над людьми, и соитие юрких желаний с рассудком и телом; он простил дерева и животных, что его не простили, пришедшего к ним с топором и ножом; он простил тех, кто знал, что он верит, и простил тех, кто верил, что — знает; многих, «ставших одним» в слепоте своей, он пожалел и простил наособицу — проклял их, оскверняющих храмы слепым поклонением; проклял он проклинающих, и себя, значит, тоже, ибо в небе России проклятий не счесть, как навоза внизу — в нём выводят «проклятые» деток своих: ересь, елей непотребный, хулу и стенания — всё, что Господом претерпевается, что гонит Он «сквозь себя», как небесный червяк, и, гляди ж ты, опять жизнью смерть оборотит; разминая в руках плодородную смесь, перед Господом Гоблин просил, чтоб искусство он людям оставил, потому что искусство, как нож, не научатся детки владеть остриём, не порезавшись… Пред глазами бессонницы раненной проплывали: дочурка-покойница, жинка-стряпушка и Ро, и пришельцы упрямые; он просил исцеления разума им и всему, что разбуженный разум имеет; он у Господа милости людям просил: чтобы крест не втыкали в пустое заради пустого, а чтоб крест, как звезда лучевая, торжество воплощений венчал — напоследок, а не наперёд.

Аминь!

Дух связался с друзьями из онкологических центров. Один из действенных противораковых препаратов готовился как раз из… червей. Эти твари обладали фантастическим, до сих пор неразгаданным иммунитетом ко всякой заразе. Тела их состояли из белка. Дух рассказал Гоблину об ещё одном удивительном свойстве подземных «богов». Сизиф внутри Гоблина воспрял и покатил скатившийся камень жизни на новую гору. Больной, показав Николаю Угоднику шкодный кукиш, начал готовить на небольшом столике под иконой адскую смесь из подручного материала. Он сначала сутки держал червячков на мокрой тряпке, обильно пропитанной простой водой: ползая в выхолощенной среде, беспозвоночные избавлялись от своего земляного содержимого, — потом Гоблин бросал кольчатых в спирт, чтобы из них в предсмертной агонии вышла наружу вся внутренняя горечь, и уж после

этого он рубил их в мелкую кашицу, и, смешав с томатным соком, выпивал «коктейль», крякая и отирая рот рукавом ватника. Утром и вечером. Грэй смотрел на дикарские методы русского с отвращением и ужасом, но однажды, после «Снайпера», раздухарился, не утерпел, глотнул — вырвало сразу же.

Первым прошёл хронический псориаз на руках Гоблина, потом зарубцевалась хроническая язва, а через три с половиной недели вернулся голос. Рак от встречи с «царями земли» попятился.

— Хер-лишшшь надо ишьшо? — голос из смертельных боёв вышел битым, но хромал уже вполне жизнерадостно.

— Ты зачем шивеш-шь, Дух? Для себя шивешь-шь! Ты в других свою ш-шизнь вкладваеш-шь, шоб она к тебе с прибылью-ш вернулась-сь! Уваш-жш-аю!

Оздоровлённого Гоблина друзья выманили на земной соблазн — погреться у камина. Вновь обретший дар речи, он был на сей раз словоохотлив.

— Без исповеди шш-человек тонет… Исповедь любой принять мош-ж-шет, да не любому она даётся… Всю шши-жизнь мы, как дураки, чуж-шие слова повторяем, а из несобственных слов исповеди не сделаешь! От несобственных слов ведь и дела несобственными получаются. Ш-штука-то какая! Вот Бог меня и наказал…

— О чём ты, Гоблин? Живёшь, как святой, никого не трогаешь. Ты, Гоблин, не думай про свою болезнь вовсе…

— А я и не думаю! Моя болезнь — моё прош-шлое. Я азартный в молодости был. Работа тогда «спецзаданием» называлась. Понимаешь-шь? Раз-два, прикаш-жут выехать туристом в «загранку» да шш-шлёпнуть кого надо по-тихому. Весело! Ш-шш! За выполнение «государственного задания особой ваш-жности» ордена тогда давали. Чеш-штыре их у меня… Полный кавалер! Потом на бандюков работал. Эти — шшш! — наград не давали. Потом — облуч-шш-чился на реакторе, тряхнул стариной, называется… Так и списали все. Баба меня выходила. Очень уж природная, — ч-шшш!!!, — она у меня была… Думал, смыла насовсем чужую кровь… Ан, нет, видать. Такое не отстираеш-шь. Кое-кто тут знает о моих умениях, вот и боятся до сих пор. Шшш! Вы-то со мной зачем возитесь? И-э-эх! А вдруг и на вас гнев Бош-жий перескочит? Он ведь, как молния, по дружбе-любви, как по медным проводам, охотнее всего ш-шибает. Опасно в России дружить… И любить опасно… Душ-ша не на замке! Безвинных много здесь погибло и от любви, и дружбы. Эх, не понять вам, правильным да разумным! В России первым умирает тот, кто больше всего жить хотел бы! У русского бога имя суровое — Ш-шш-ш! Конечно, боги-то на земле разные бывают, но только ведь не сами боги разные, а их имена всего лишь… Бог на то и Бог — Он един для всех! Смерти Его никто

не избежит: Бог — это Смерть! Ш-шш! Она и плохая, и хорошая может быть, и красивая, и страшная. Русские на страшную молятся! Как считаешь, Дух?

— Ты достойный человек, Гоблин, — Дух взял разгорячённого откровением соседа за плечи. — Я говорю сердцем!

— Сгоняй за гармош-шкой, а?! — вдруг обернулся Гоблин, человек-Луна, к шурующему в огне каминной кочергой Грэю.

— О любви своей скаш-жу! — заявил Гоблин и растянул меха. Больше до утра он не произнёс ни слова. Играл.

Старая гармошка тоже шипела и астматически присвистывала на высоких регистрах. На басах она угрожающе сипела и бурлила горлом, как подземный зверь. Через певучего человека и его певучую игрушку с кнопками-клавишами попеременно выходил воздух всей жизни голосистой — и небесная пронзительность ангельских дискантов, и рык преисподней; человек только руки разводил, да на клавиши жал-нажимал... Какие уж тут слова?!

Дух под музыку уснул прямо в кресле. А Грэй — слушал, глядя сквозь прозрачное остекление веранды на закоченевший Город. Одной берёзы за ночь спалили, считай, поленницу!

— Пойдем, покаш-жу, где дрова брать, — Гоблин повёл Грэя на свою территорию, сунул в карман негру ключи от кладовок, а потом позвал в свой остывший дом.

— Давай в «дурака» перекинемся? Больно уж расставаться не хочется.

— Давай! — сразу же согласился Грэй. — На интерес?

— На интерес.

— В подкидного?

— В подкидного.

Холодное солнце заглядывало в окна; сели в холодном доме у остывшей печки, сыграли кон, дуя на замерзающие пальцы. Гоблин вышел «дураком», оставшись в конце игры с кучей бесполезных теперь «дам», «королей» и даже «тузов».

— Везёт мне сегодня! — засмеялся Гоблин. Около него опять было приятно жить. Грэй радовался. — Иди. Я сегодня здесь останусь. Ш-шш!!!

Через полчаса Гоблин застрелился. Он извлек из тайника крупнокалиберный пистолет и выпил из него свой последний «посошок» — порцию свинца. Голову разнесло вдребезги!

Ро привезли на кладбище. Она, вместе с небольшой группой «провожающих», вышла из автобуса и направилась по тропинке к выкопанной могиле, отвал которой краснел на проваливающемся снегу

невысоким глиняным терриконом. Провожающие ушли неправильно, без покойника, — гроб с телом остался у катафалка, и там ссорились рабочие похоронной команды.

— Как нести-то? По самые яйца нога проваливается! Уроним!

— Ты чо-ко говоришь? Обратно повезём, да?

Траурное собрание покорно топталось у пустой могилы. Единственный имеющийся тощий венок с надписью на ленте «Спасибо за всё!», — прислала Ия. Крест соорудили церковные товарищи по вере. Ро принесла живой цветок, который она украла в учительской из очередного огромного дорогого букета, кои не переводились в Лицее никогда. Слёз ни у кого не было. Ро прятала нежную хризантему под шубкой. Все начерпали в обувь снега и теперь, отвлечённые таянием в ногах, не столько прощались с ушедшим человеком, сколь сосредоточенно терпели свою зябкую участь.

Рабочие ритуального бюро, наконец, понесли закрытый гроб.

— Ёбаный случай! Вперёд ведь головой несём! Разворачивай!

— Охуел, что ли? Где тут развернёшься?

— Нельзя головой вперёд! Не положено по русским обычаям!

— Так ведь нет, бля, головы-то!

— Точно, нету! Хуй с ним, понесли так!

Ро положила хризантему на свежую могилку. Морозец схватил лепестки. Цветок лежал на холмике красной глины как живой!

Панихиду справляли в Доме Счастья. Пригласили и похоронную команду, парни не отказались. Гармошка так и оставалась стоять на веранде всё это время… За столом никто и ничего не говорил. Просто ели и пили. Многие люди на похоронах впервые видели друг друга. Грэй не выпил ни капли спиртного. В конце печальной трапезы он взял гармонь в руки, попробовал инструмент и неумело заиграл, подбирая мелодию на ходу и слегка фальшивя: «О-оой, моро-ооз, моро-ооз, не мо-орозь меня…». Люди-тени, испуганные непонятной вольностью жизни, спешно прощались и уходили.

ТРЕУГОЛЬНИК

— А ты, Дух, меня никогда не разлюбишь?

— Нет, моя девочка, никогда.

— А ты, Грэй?

— Отстань!

В наклонный угол «любовного треугольника» тепло двух взрослых мужчин скатывалось, как росинка, под гору — к милому и умному ребёнку.

ВЕСНА

Творим свободно, ведаем — едва ли:
чей замысел преследует итог
мифосложения и каменных развалин?
И дух, как прах, у чьих-то вьётся ног!

Трубит нужда сиреной заводскою,
и воля тратится на компромисс,
и радость русича дополнена тоскою
бессильной птицы, падающей вниз.

Седьмая ночь творенья разрушений.
Иди ко мне! Обнимемся, уснём,
родим детей, накормим и поженим...
А мебель передвинем завтра днём.

Смерть Гоблина подействовала на Грэя крайне угнетающе. Грэй, спасаясь от нахлынувшей вдруг депрессии, поступил по-русски — плюнул на дела, закинул рюкзак за плечи и опять был таков. Отправился куда глаза глядят, разгонять тоску. Дух впервые в жизни произносил бранные слова — командовать делами в подземелье пришлось ему.

Состав лязгнул, минутная стоянка проходящего закончилась, железный червяк с грохотом укатил дальше, по направлению к Москве. Закалённый скиталец спокойно курил, когда рядом возникли две курносые девчушки. Они, словно две весенние синички, выпорхнули непонятно откуда и наперебой защебетали.

— Здрасьте! А вы иностранец?

— Ё-ё!!!

— Иностранец, да?

— Посланец, леди.

— А кто вас послал?

— Калифорнийские друзья.

— Хи-хи.

Нет для искушённого мужчины соблазна сильнее, чем встреча с простотой. Грэй подтянул живот, выгнул, как весенний кот, спину, настроившись трепаться с синичками дальше.

— До Города далеко?

Синички переглянулись.

— Хи-хи. Двести.

— О, рядом! — Русь научила Грэя измерять расстояния по-самолётному.

— Ничего себе рядом! Полдня на автобусе кишки трясти надо.

— Кишки?

— Ну, можете потрясти чего-нибудь другое. Хи-хи.

Всеобщее ликование на перроне наступило после того, как одна из курносых произнесла томным голосом любовную фразу на английском. Грэй аж начал пританцовывать от удовольствия. В вольных скитаниях он приобрёл неистребимую страсть — знакомиться, знакомиться, знакомиться… И чем усерднее он насыщал эту свою вновь приобретённую потребность души, тем ненасытнее и бесшабашнее она становилась. Россия казалась ему огромным семейным клубом, открытым для всех желающих, в котором жизнь и смерть веселятся и плачут вдвоём, пьют друг с дружкой, спят в обнимку, целуются взасос и неутомимо производят на свет детей, наследующих поровну качества обоих своих родителей.

Перешли на английский. Девчушки оказались преподавателями иностранного языка в старших классах местной школы. Слово за слово — разговорились.

— А мы на вокзале часто бываем. На поезда смотреть ходим!

— На поезда?! Для чего? Вы что-то торгуете?

— Какой глупый! Они же красивые! Едут всегда куда-то.

— Красивые? Там тараканы.

— Хи-хи. Там люди счастливые. У них деньги есть, они потом на самолёт сядут в Москве, к морю полетят. Знаешь, как на море хорошо?

— Знаю, — уверенно подтвердил негр.

Синички, осмелев, перешли на ты.

— У меня сестра двоюродная в Испании нянькой устроилась. Нормально. Пишет, что дома там красивые, и вообще… Можно пойти, куда хочешь. Я сама фотки видела. А ты откуда?

— Из Города.

— Из Го-ро-да?! Там что, все такие?

— Все.

— А зовут тебя как?

— Григорий Григорьевич.

— Ой, не могу! У тебя что — папа русский?

— Ну. И дедушка тоже.

— Ой, хохмач! А ты куда сейчас едешь?

— Куда угодно.

Синички озорно переглянулись.

— А поехали к нам в гости! У нас есть дом на двоих, школа выдала как лучшим молодым специалистам. Правда, маленький и на самой окраине. Хи-хи. А хочешь, мы тебя на урок сводим? По-английски чего-нибудь этим… нашим скажешь. Ну, и нам практику тоже дашь. Хи-хи.

— Оеть можно! Едем!

— Ой, согласился…

Грэю казалось, что он уже привык в России ко всему краткому, неповторяющемуся, одноразовому и непрочному в житейско-бытовом её мире. Но дом девушек его изумил — это место было апофеозом временности: стёкла в оконных проёмах были составлены из отдельных прямоугольных кусочков, а щели замазаны пластилином, цветы на подоконниках росли из проржавевших консервных банок, занавески крепились при помощи гвоздей и алюминиевой проволоки; потолок был низкий, оклеенный старыми газетами, а на полу, на крашеных досках, лежали бесформенные куски войлока, от которых в доме витал ощутимый запах кошары; умывальник в углу, жестяная раковина и ведро под ним составляли отдельный ансамбль в самом тёмном углу, а в противоположном, над металлической кроватью «полуторкой» висел лаковый постер — изображение индийского божества: очень толстой женщины в цветном сари и с пятнышком на лбу; печь, стоящая посреди дома, имела корсет, сделанный из сетки-рабицы, который помогал ей удерживать кирпичи и не разваливаться; квадратный стол, срочное изделие местного мастера, больше был похож на гигантский табурет, он был застелен развесёлой клеёнкой с ярчайшим изображением цветущей поляны; на весёлых клеёнковых цветиках рядком стояли четыре бутылки водки, а из пятой, пустой, выглядывал искусственный цветочек, украшавший жилище. В доме было холодно. Над землёй всё ещё попеременно помахивали ветрами-косынками две своенравные дамы — зима и весна. Зима по ночам побеждала. Без хорошего отопления мысли во всякой голове не имели размаха, речь увядала, а чувства сворачивались клубочком и норовили уснуть навсегда. Девочки это понимали. Но дрова закончились ещё в феврале. Чтобы не ударить в грязь лицом и не опозориться перед иностранцем, стали пилить забор.

— Щас тепло будет! Щас!

— Бись! — отозвался Грэй, самостоятельно наливший себе полстакана водки и уже употребивший порцию горячительного. С чем бы ни пришлось встретиться — Грэй старался воспринимать происходящее позитивно. Видя в процессе жизни, прежде всего, собственное удовольствие и собственное наслаждение, а не старательность доставить это же самое другому. Так он был воспитан. В духе здорового эгоизма. И в этом состояло коренное отличие заграничного вояжёра от многих из тех, кого он встречал на своём пути. Их эгоизм был болен.

— Мисс, я не мылся уже полторы недели.

— Ух ты! — синички обрадовались этому сообщению так, как если бы застоявшимся боевым лошадям дали команду: «В атаку!»

Баню топили тем же забором, благо он тянулся вокруг дома и прилегающего к нему участка на сотни метров. Двуручную пилу особенно радовали сухие столбики, которые тоже падали во имя интернациональной дружбы и сгорали, не охнув. Девушки управлялись с делом раз-

рушения хозяйства сноровисто, по всему была видна уверенная хватка, оригинальная русская выдумка и привычка «точить» окрест то, что ещё не сточили другие. Деревни в России не бедные — убогие. И деревушки были, как ни странно, этим счастливы, потому что научились наслаждаться своим лёгким, ни к чему не привязанным ничтожеством и заведомой кратковременностью линий жизни. Как дервиши.

К вечеру обнажённые нимфы стегали обнажённого мавра берёзовым веником, украденным из соседского сарая. Мавр стонал и орал благим матом.

— Тихо ты, чёрт! — шикали на него синички. — Соседи услышат.

Хотя соседи, побросав дела, накануне откровенно прилипали к своим окнам, воочию наблюдая натурального негра с вёдрами, натаскивающего воду из уличной колонки в дом к «учительшам».

Водка, колбаса и варёная картошка — это незабываемо! Бывший лётчик космических ВВС наслаждался русским «космосом», который был куда глубже и круче той изумрудной пустоты, в которой приходилось когда-то бывать. Здешние виражи и перегрузки не шли ни в какое сравнение с запрограммированной картой боевого полёта и дисциплинарным регламентом. Всякий скафандр в русском космосе только мешал. Здесь, в этих бесконечных просторах и бесконечных разговорах принято было обнажаться — в такой комплектации групповой полёт становился идеальным и неуязвимым. Устремлённым требовалась лишь иногда «дозаправка»: в бане, за столом, за углом, в драке или в мыслях о героической смерти…

Истомлённый душой и телом мавр лежал посередине кровати, царственно обнимая горячие подарки судьбы, которые прильнули к нему с двух сторон и тихо сопели.

— Сколько вы так живёте? — спросил Грэй.

— Шесть лет! — хором пропищали синички.

— Ни яя себе! — этой утончённости русского языка, почерпнутой Грэем в лексиконе военных, девочки не поняли.

Засыпая, Грэй видел прямо перед собой, на потолке, оклеенном номерами «районки», лица механизаторов, мутные изображения природы, знатных доярок, графики надоев и привесов, отчёты депутатов… Храпел в ту ночь мавр как реактивный движок на форсаже.

— Я храпел? — участливо поинтересовался он утром у своих нимф.

— Ой, мы не помним, — они говорили чистую правду.

…Утром, раненый похмельем в голову и в сердце, Грэй вдруг почувствовал трагедию этих синичек, мечтательно ходящих смотреть на чужие экспрессы: ни своего дома, ни своей семьи, ни будущего — они, конечно же, чуяли страшную безнадёжность жизни того, кто оказался в стоячем, заболоченном времени русской глубинки. И девочки

торопились «быть», бессовестно ловя, как тундровый цветик, всякий недолгий лучик судьбы. Грэю захотелось остаться здесь навсегда.

Банкомата в посёлке не оказалось, наличность у Грэя кончилась, а финансовые возможности синичек истощились в первый же день волшебного знакомства. Грэй постоянно хотел есть. Однажды он гулял по посёлку, здороваясь направо и налево, пока неожиданно не вышел к роднику, около которого бабы полоскали бельё в колодах. Вокруг баб ходила ничейная утка. Грэй с большим нетерпением дождался конца полоскания, потом убедился, что округа пуста, и изловил домашнюю птицу. В тот вечер дом наполнился ароматами жареного мяса. Вечером синички пришли с работы домой и ахнули. Утку сглодали под старые сухари. Но у всех было такое ощущение, что счастье влилось в семью полной чашей. Тем же вечером, достав сокровенный запас сахара, поставили в сорокалитровом бидоне брагу.

Грэй перестал следить за датами на календаре. Даже с закрытыми глазами он продолжал видеть портреты доярок и их графики, а также толстую индианку с нарисованным на лбу пятном. Синички были неутомимы, особенно по ночам. Грэя мучил голод и чувство, никогда не посещавшее его ранее, — тоска. Он вспоминал, как часто это слово произносили русские. С особенной проникновенностью они любили произносить его в самый разгар какого-нибудь веселья.

— Тоска, — сказал Грэй.

— Что ты, миленький, что ты! — синички переполошились, словно на их крупу прилетела вдруг незваная ворона.

От этого испуга родилась замечательная идея — «показывать» Грэя, водя его по гостям. В гостях было тепло, весело, там играли на гармошках и балалайках, мужики иногда грозились «показать кузькину мать», но не всерьёз, в гостях на колени лезли невоспитанные детишки, хозяева часто топили в знак особого расположения к залётному гостю бани, показывали кипы старых, пахнущих плесенью фотографий и пачки почётных грамот, с порога всячески показывали себя и рассказывали о себе, словно до сего момента жили с кляпом во рту и с завязанными глазами; самого Грэя о его жизни и о том, что он вообще делает в России, не удосужился спросить ни один. Грэй сделал вывод: русских «распирает» от себя, поэтому никакой другой интерес в них «не лезет». На это милое свойство нации можно было не обращать внимания, главное — кормили и поили. Когда Грэя повели «показывать» по одним и тем же домам в третий раз, энтузиазм «распираемых» заметно поугас. Бани не топили. А на столе стелили уже не скатерть-самобранку с разносолами, выпечкой и дымящимся мясом, а обходились одним лишь самоваром.

— Тоска! — сказал Грэй во второй раз.

Девочки испугались, что самое лучшее, что могло случиться в их жизни, неожиданно прошло, что оно сейчас заберёт свой рюкзачок, напялит шапчонку и — адью. Но в этот момент пушечным ударом выбило пластиковую обвязку, наглухо закрывавшую горловину сорокалитрового снаряда. Пойло поспело. Тоска послушно, как овца, отступила. Иллюзия жизни немедленно превзошла свой невыразительный оригинал.

Грэя уговорили дать показательный урок английского в местной школе.

Директор, женщина-кнопка с утомлённым выражением на лице, самолично провела гостя по всем кабинетам и коридорам учебного заведения.

— Сами видите, небогато.

Школа представляла из себя деревянное сооружение циклопических размеров — двухэтажная конструкция имела не менее трёх десятков комнат, длинные коридоры отзывались гулом на каждый шаг, пахло тем особенным запахом, какой присущ очень старым, хорошо обжитым помещениям такого рода, — смесью молекул, вылетевших из котлов столовой, краски, потеющего спортзала и старых бумажных планшетов. Новизна открытых границ нового мира дошла и сюда, щедро выразившись в приветственных надписях на английском языке, в этом же языке были выполнены «наскальные» письмена неформалов — настенная матерщина и скабрёзные призывы. Столы в классах, изрезанные ножами и разукрашенные письменно, тоже весьма редко обращались к русскому алфавиту. Дети, дружно встающие в классах при виде директора, были одеты в расписанные англоязычными слоганами футболки и джемперы. Грэя это языковое пристрастие «посконных» русских слегка удивило. В нём всегда уживались два человека, один — обалдуй и распутник, которого знали все, а другой — чувствительная, сопереживающая натура, спрятанная даже от себя самого; с этим вторым Грэем дружил Дух.

— Классы не укомплектованы, — журчала директор-кнопка по ходу осмотра. — В старших классах нет преподавателей математики, физики и права. Детей мы выпускаем с прочерками в аттестате… Куда они могут пойти с таким аттестатом? — она остановилась и вперилась печальным взглядом в Грэя, словно он мог найти подходящий ответ. — Никуда. Их судьба заранее определена самим местом рождения. А ведь есть очень талантливые ребятки…

Прозвенел звонок. Из всех дверей на бешеной скорости стали выскакивать разновозрастные бесы. Мимо Грэя галопом промчалась пожилая учительница. Все неслись в одном направлении.

— Большая перемена, — пояснила директор. — Все торопятся в столовую.

К моменту своего коронного выхода перед собранием учеников Грэй окончательно «дозрел». Он уже не относился к своему выступлению как к забавности и курьёзу, как к ещё одному мимолётному приключению, нет, он хотел — именно хотел! — рассказывать и говорить перед молодыми людьми, которые жили в ужасном законсервированном мире и, наверное, ждали своего «открывателя» так же, как ждёт его мёртвая красавица в гробу, затерянном посреди великолепной природы.

Когда-то Грэй читал курс лекций перед молодёжью, желающей подняться в небо на крыльях военной машины. Но тогда были другие лекции и другая молодёжь. Самоуверенным деревенским пацанам, нагло скалящимся ему навстречу, он не мог передать секреты высшего пилотажа, применяемые на гиперзвуковых машинах. И он решил говорить не о том, что знает, а о том, что понял в этой жизни. Грэй представил, что где-то за партой сидит его дружок Дух и слушает, кивая в знак одобрения седеющей, породистой головой…

Грэю синички объяснили, что главная ценность его выступления — правильный английский. Редкая, уникальная возможность для сельских школьников пообщаться с носителем языка «вживую». Благородное дело. Грэй даже испытал некий возвышенный трепет, какой охватывает всякого волонтёра, выкладывающегося, при случае, сверх своих возможностей и не требующего за это никакой оплаты.

Всех учащихся старших классов собрали в одном месте, было тесно и душно. Грэй, ослабленный предшествующими алкогольными упражнениями, в духоте от волнения сразу же стал сильно потеть. Три-четыре десятка зорких пар глаз воткнулись Грэю в переносицу, и, поскольку на его лбу не была нарисована индийская защита, взгляды беспрепятственно проникали внутрь черепа и что-то ковыряли там, словно вилы в компосте. Дети думали о сексе. Парни иногда сально поглядывали в сторону синичек. Ничего другого в атмосфере не витало. Грэй собрал всю свою волю: предстояло живейшую энергию натурального человеческого интереса перевести в следующий «класс» — в область смыслового понимания. Грэй сам взахлёб любил и умел окунаться в натуральность бытия. Но он знал, что только, только и только натуральность — это не жизнь. Есть ещё много других жизней: говорящих языком проповеди или поэзии, языком формул, языком дерзких поступков, языком высшего молчания, наконец… Секс, пища, монотонная работа, животное любопытство — тоже хорошо. Но мало. Почему же многие старики в глубокой России гордо отвечают в конце своём: «Нам и этого достаточно. Не хуже других прожили»?! Что наполнило чашу их жизни? Или так неглубока она была?

Старшеклассники с наслаждением наблюдали за муками Грэя, который, обливаясь потом, расхаживал перед аудиторией, постепенно подводя ток своих мыслей к горлу.

Он взволнованно рассказывал о своих новых друзьях, о «червячном производстве», о том, что Россию нужно обязательно пересекать пешком, что из окна вагона или автомобиля она попросту не видна. Что только остановившийся путник сможет поговорить и полюбить тех, кто живет в «остановленном». И это — непередаваемое счастье!

— О, Россия живёт безвыходностью! Это — её Конёк-Горбунок, который вывозит всякий раз страну или отдельных её граждан к одному и тому же финалу: всё или ничего. Жадный и плохой насмерть варится в смертельном кипятке обновлений, а хитрый, но добрый и старательный человек — чудом оказывается на самом верху социальной пирамиды. Чудом получив новое тело и новый ум. Потому что душа так постаралась… Конёк-Горбунок — это русская душа, она кормится ожиданиями, надеждами и смирением. Но вся эта «кормовая смесь» лежит, впрочем, в кормушках обмана… Обманщики в России — двигатель её прогресса. Не будет обманщиков — не полетит сказочный конёк никуда. Господа! У меня есть друг, он сейчас здесь, на этой земле, потому что здесь родилась его душа и здесь же, наверное, хотел бы умереть он сам… Кажется, я только сейчас начинаю понимать, почему он этого хочет. Национальная идея всех живущих в России — страсть к преображению. Тяга к переходу из одного состояния в другое через обязательное добровольное согласие на полную гибель. На гибель одной какой-то привычки или себя целиком. Поэтому любовь к безвыходности здесь заложена самими условиями нестандартной эволюции. Я это понял и я этим потрясён. Потому что в скрытом виде, наверняка, такая жажда заложена, как в детях, в каждом человеке планеты. Но добровольно экспериментируют со смертью только русские. С песнями, молитвами и опустошающим покаянием. Русская смерть — это и есть долгожданное Преображение! Я это знаю, господа, знаю! Она либо стимулирует искать необычно богатый выход из необычайно убогого окружения, либо… Либо берётся за дело сама. Ищите выход, друзья, сами, в своём собственном доме, в себе самих, чёрт вас побери! Я вижу повсеместно вывески и надписи, сделанные на чужом языке… Мне дико видеть эту бень в русской глуши! Это — не ваш «выход». О, русские так влюблены в свою безвыходность, что они никогда ей не изменят. Поэтому они и впредь будут с истеричным усердием и восторгом безнаказанных воришек хвататься за то, что было на земле найдено другими…

Откуда что взялось! Грэй сам немало удивлялся своему красноречию. Как будто он был лишь голосовой «трубой», через которую кто-то другой успешно ораторствовал. Грэй с изумлением и нарастающим куражом впервые слушал формулировки и сравнения, вылетающие из его горла, которое неожиданно легко выдерживало предлагаемый ток. Накопленные за год впечатления сбродили в голове, как

брага в домашней посудине, и теперь Грэя — прошибло. Градус его волнения заставлял присутствующих следить за представлением очень внимательно. Парни жевали резинку как в замедленном кино. Девочки не шушукались. Грэй давно не говорил на родном английском. А тут — было кому и было о чём.

— Вопросы?

Вопросов не было.

Он вдохновенно рассказывал этим людям, сделанным из местной глины и подсолнечной шелухи, о предках-русичах, о великом и трагичном пути, который те проделали, покидая родные места и унося в эмиграцию дух своей культуры. Очень возможно, что они проходили и по этим самым местам, где раскинулись, пережившие время, поля и дороги. Никто не знает всей правды… Земное слово невелико, оно пишет мечтами по облакам, а небесное слово — вписано в землю кровью.

Грэй рассказывал о чайных клубах Китая, о красотах стратосферного полёта, о русских военных, оставшихся в дураках без врага, о странных явлениях человеческой психики, о естественной любви человека ко всему простому и о любви всего сложного к человеку… О том, что никто не знает, кем и как управляется наш разум… Что персональный разум может вместить в себя задачу коллективного… Сколько многоточий приходится ставить! Потому что в России есть лишь одна настоящая точка. И имя её известно.

— Конечно, мы все подражаем друг другу в процессе своего развития. Мы узнаём себя и других через пробу на копирование. Но, господа! Продвигаясь через подражание, не забудьте: нельзя в нём останавливаться. Что такое творчество? Сотворение того, чего ещё никогда не было. Идти по указкам судьбы следует до тех пор, пока не встретится на вашем пути пустота, тишина, неведомое пространство, ещё не имеющее ни вещества, ни имён. Что дальше? Вы можете «соблазнить» это пространство клюнуть на вашу жизнь. Не вы, а оно вами воспользуется. По старшинству. И тогда земных завоеваний будет чуть больше. Молитвы нужны не для того, чтобы «воспарить» и дезертировать, таким образом, с земной линии жизни, а совсем для другого — мой друг называет эту работу «одухотворением ада», «беспримерным погружением духа в землю», «работой неба»… В России многие обращаются к духам и богам… Для чего? Русская вера — это бегство с земли! Если и есть на свете Бог, то от такой «веры» он, скорее всего, умирает, получив предательский удар в спину. Всякий человеческий младенец рождается в глубокой гуще информационного чрева цивилизации. Чаще всего он до конца остаётся в том же, в чём пребывал изначально. Живым физически и неживым — в нереализованных своих потенциях. Все зёрна падают на землю, да не все пробуждаются. А те, кто разбужен, бежит по кругу, мечтая убежать однажды за край… Где он, этот край?

У каждого — свой. Дикарю кажется, что рубикон там, где перестают действовать законы его племени. Но дикарь-исследователь мужественно переходит его, подражая законам соседей и наивно полагая, что в его жизни наконец-то случилась «новизна». Увы, друзья мои! Край, за которым маячит действительно что-то новое, находится не в соседнем царстве, а за пределами наших представлений. И попасть туда можно лишь одними путём — заплатив за невозможный шаг в пустоту собственной жизнью. Другие, те, кто следом пройдут этот, уже известный шаг, — пройдут по твоим костям…

С Грэем происходили перемены. Он говорил сейчас так же, как обычно говорил на своих лекциях Дух. Перед расставанием старый друг иронично напророчил: «Однажды ты будешь красноречив от встречи с отчаянием…». Грэй испытывал необычайный подъём оттого, что его собственный язык мог излагать столь гладко невидимую скань причин и целей жизни. Душа его была распахнута и летела, ликуя. Душа понимала: высокие слова одинаковы во всех устах.

Грэй поклонился в конце своего вступления, ожидая шквала аплодисментов. Но… В классе стояла тишина. Мёртвая тишина. Английского класс не знал и из пламенной речи, насыщенной образными сравнениями, старшеклассники успевали ловить и осмысливать лишь восклицания да союзы. Грэй смутился и сник. Он достал из принесённого пакета картину, собственноручно нарисованную углем на толстом белом картоне — райскую птицу, из клюва которой торчало раздвоенное жало.

— Это мой дар вашей школе! — сказал Грэй.

— Дети, не молчите! — подтолкнула оцепеневший класс кнопка-директор.

Шпанистый парень, веснушчатый, как сельский грузовик в распутицу, вперил в негра прямой наводкой два разноцветных глаза:

— А правда, что вы наших англичанок трахаете?

Ещё секунду или две в классе сохранялась прежняя тишина. Но потом юмор дошёл до нужных извилин и — началось. Хохотали в голос, с икотой, повалившись из-за столов, тыча пальцами в ничего не понимающего лектора; смех напоминал истерику или лавину — её невозможно было остановить, всех, кто попадался на её пути, она подминала и тащила за собой: хохотала, взвизгивая, директор, хохотали, обнажая неполный ряд коричневых зубов, юные школьники-мужички, дискантом вторили им их подружки-одноклассницы; но, что было хуже всего и всего непонятнее, так это поведение полегших в изнеможении от смеха двух подружек-синичек, которые, собственно, и уговорили Грэя на участие в мероприятии. Морального осуждения в этом шквале стонов, охов и дыхательных вскриков не было никакого. В деревнях жили простые и беззлобные люди. Они искренне наслаждались тем,

что беспросветная серость их будней дала незапланированную трещину и сквозь неё на скучную землю посветил чей-то клоунский фонарик… Что-что, а праздники в деревнях ценят!

Грэй покинул класс под улюлюканье.

Сосед, у которого из сарая воровали веники, постучал в окно и крикнул:

— Айда, поохотимся! — за спиной соседа топорщился стволами в небо видавший виды дробовик.

Грэй накинул на плечи какую-то хламиду с гвоздя и вышел.

Охота представляла из себя недолгий поход к зерносушильному комплексу, под крышей которого несметными стаями коротали свой ангельский век объевшиеся голуби.

— Жиру в них больше, чем в курице! — деловито сообщил сосед. — Нагулянная птица. Двух штук взрослому мужику на обед хватает. И чистые. Одним зерном питаются.

Грэй молчал. Школьный сеанс философского стриптиза впустил в его распахнутую душу ливень отравленных стрел.

— На, пальни ты первый, — сосед вручил Грэю заряженное ружьё. — Пушка, а не ружо! Бей, пока не улетели. Да они и не улетят никуда от своей кормушки. Дураки совсем. Вальнешь — испугаются, покружат-покружат, да и опять сюда же собираются. Совсем дураки. Не зря их на святых картинках рисуют. Пали!

Грэй поднял стволы и шарахнул дуплетом куда-то под потолок. В плечо садануло отдачей. Сверху на землю свалились, кувыркаясь и барахтаясь в воздухе, штук пять сизарей. Сосед проворно сложил их в авоську. Туча птиц в панике шумно снялась со своих мест, покидая смертоносные насесты, но, покружив немного над деревней, голуби вернулись, как ни в чём ни бывало, и снова заняли сидячие места под потолком, на галёрке.

— Дай-ко, теперь я сделаю, — сосед рассчётливо выглядывал наибольшее скопление птиц. Его выстрел свалил вниз целый десяток. Маленькие капельки крови скатывались по радужному перу, не пачкая его. — Хватит на двоих. Хорошо поохотились. Лишнего бить нельзя — разбой это.

Свою долю Грэй получил при расставании — пять голубей.

Синичек дома не было, они зарабатывали на хлеб не только уроками, но и модным теперь репетиторством. На Грэя накатила ещё большая депрессия. Он видел, как эта беда случалась с друзьями-летунами, прошедшими через военную мясорубку. Таких снимали со всех полётов и бережно реанимировали в специальных санаториях. Грэй даже заподозрить не мог, что и с ним может случиться подобное. И где? В глубокой России! И кто же его «подбил», неутомимого балагура и аса-ловеласа? Какие-то зубоскальные щенки! Единственная,

доступная в этих условиях «реанимация» стояла на печи, и мутного пойла было ещё предостаточно.

Когда хозяйки вернулись, они застали в своём жилище незабываемую картину. В одном шерстяном носке пьяный в стельку негр сидел посреди комнаты голый и дощипывал пятую голубиную тушку. По всему дому разлетелись перья и пух. Над головой Грэя красовалась, привязанная к какому-то крючку, настоящая верёвочная петля. Девочки взвизгнули от неожиданности, как и полагается в таких случаях. Они одинаково испугались: вдруг гость и в самом деле повесится — греха не расхлебать тогда. В этот момент томительные чувства обеих синичек, как океанский отлив, стали стремительно убывать и мелеть. Они хотели вернуть статус-кво, им остро вдруг стало не хватать прежнего, размеренного счастья, в котором мечты впархивали в окна мимоидущих экспрессов, а глянцевые журналы мод исправно щекотали те же самые нервные женские окончания, что и у королевы Англии. Хорошо — это когда между «было» и «будет» не вклиниваются никакие неожиданности. На эту «вечную» размеренность можно вечно ворчать, но, в конце концов, именно она гарантирует стаж, отсутствие строгих выговоров и пенсию.

— Что ты, миленький, что ты! — девушки захлопотали вокруг Грэя. В слове «миленький» опытное ухо покорителя женских сердец уловило неприятную фальшь.

— Тоска! — сказал Грэй в третий раз и полез спать на печь, свернувшись несчастным калачиком среди старых валенок, галош и ватников.

В тяжком сне ему привиделось, как он выделывал на своей боевой машине всякие виртуозные штуки, а в небе повсюду, на разной высоте, болтались повешенные — надо было летать так, чтобы не врезаться в препятствия. Причём, некоторые повешенные висели правильно: ногами вниз, а верёвка уходила куда-то вверх и там терялась. Другие висели наоборот — в антигравитации, ногами к небу, верёвка же натягивалась, тем не менее, как поводок, и уходила к земле. Обычно снов Грэй не видел. Или не помнил их. Вечером он засыпал, свободно рассыпаясь на мириады атомов в тёплую материнскую тьму мира, а утром его будила собственная улыбка на губах — мириады отдохнувших частиц мигом собирались в то, что именовалось Грэем.

Грэй проснулся оттого, что стонал. Был уже вечер следующего дня. Синички рядком лежали на своей кровати и помалкивали. Грэй с печки посмотрел в их сторону. Дом наполняли смрадные восточные благовония, которые источала специальная дымящаяся палочка, купленная у расторопных ловкачей с пекинского поезда.

Ещё совсем недавно Грэй был уверен, что все люди в этой стране — его самые близкие и желанные родственники. Потому что они феноменально родственны друг другу. Он только не мог понять: что

именно делает жителей этой огромной «плоскостной» страны телепатами, ведающими друг о друге любую подноготную. Их роднило какое-то волшебство. Теперь вдруг он понял природу волшебства — это было отчуждение. Отчуждение! Оно, именно оно, сближало людей в сверхоткровенные и сверхплотные жизненные ядра, какие случаются в закрытых тюремных зонах или в ядрах урана, например… «Русская бомба, ядерный нравственный взрыв, породнённые отчуждением…» — какие-то осколки мыслей и фраз наполняли голову Грэя, словно первая — пробная — бомба уже взорвалась внутри полигона слов и представлений: внутри черепа шалили и перекликались дети перевозбуждённого, воспалённого мозга.

Синички лежали с открытыми глазами и шептали какие-то заклинания. Грэй перевел глаза на окно. С той стороны, прильнув к стеклу, в дом заглядывал… отец Грэя. Он белозубо улыбался и манил к себе пальцем. Грэй, прошедший суровую выучку самоанализа, похолодел: видение означало только одно — начало белой горячки. Ночь наваливалась муторной тьмой, в которой не было места покою.

— Вы ленивые, — в кромешной тьме произнёс Грэй слова, которые со скрипом провернули застывшие часы общения. — Вы очень ленивые. Почему вы не уезжаете сами? Почему не зовёте к себе тех, кто мог бы изменить жизнь? Вы боитесь. Потому что вы ленивые. Вы самые ленивые ленивцы из всех известных мне ленивцев.

— Нам не дают, — донёсся робкий голос со стороны кровати.

Тьма была абсолютной. Как во время аннигиляции ада и рая. Ничего не осталось, ни единого фотона. Только голос.

— Ага. Вы, значит, даёте, а вам не дают… Лядство! Вас окружают уки банные и вам это не нравится, — во мраке сотворения мира что-то заворочалось и с жестяным стуком по нему прокатилась пустая консервная банка.

— А ты в Париже был? — трепетная инь хотела видеть больше, чем было ей дано от рождения. Она впервые проявила подобный интерес к превосходящему её в проницательности ян.

— Был. Там по утрам собачье дерьмо плывёт по всем улицам, — ответил ян.

— И в Нью-Йорке был?

— Был. Плохо только помню. Забыл захватить с собой память. Но город большой. Не город, а космическая ёвина! Его с любой высоты видно.

— И с Луны?!

— Видно. Как копейку на дне Байкала. Без пи ля буду!

Инь и инь хихикнули и опять притихли. Ян зевнул.

— Бись!

— Чего? Мы маленько не поняли.

— Завтра уеду.

— Правда?! А адрес оставишь? Вдруг мы к тебе приедем. Хи-хи!

— Запоминайте: Город…

— Ну-у, это не интересно!

Русская жизнь, как змея во время линьки, ползёт, изо всех сил тащится вон из своей опостылевшей старой кожи, а когда, казалось бы, совсем уж освободится, вылезет — глядь: новой-то кожи нету… И приходится в старую обратно влезать, кряхтя и печалуясь. Обычные люди разок-другой за всю жизнь пробуют «полинять», а некоторые входят во вкус — в году не по разу из старой кожи в старую ползают.

— Родили бы вы девки, что ли, — ян опять зевнул.

— И родим! — инь в темноте раззадорились. — Для себя-то уж постараемся, будь спокоен.

О, великая и плодородная сила тьмы! Ты — первая. Чёрное делает равными всех. И огонь делает всех равными. И белое. Больше никто не делает.

— Дети рождаются для того, чтобы превзойти родителей. У входа в жизнь их ждёт правильная забота, а у выхода правильное сожаление. Впрочем, есть народы, у которых это удовольствие воспринимается наоборот…

— А ты в Антарктиде был?

— Был. Только без посадки и снижения.

— Без чего?

— Без детального кайфа.

— Миленький, иди к нам, а то страшно как-то…

— Не могу.

— С печки слезть не можешь? Хи-хи.

— Я умер, леди.

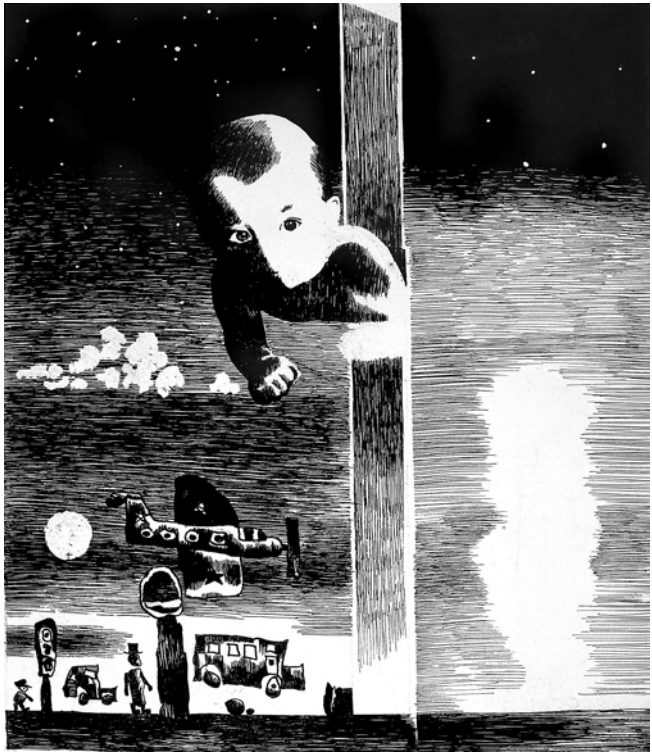
Весна уверенно шла на таран последних холодов. Она взорвала на ветках почки, огненным взглядом слепящего дня сделала ноздреватым лёд на деревенском пруду, а потом и вовсе растопила его, выпустила на волю блохастое племя дворовой живности, разбудила войско бабочек и первой мошкары, вырастила на оттаявших плешинах прошлогодних бугров весёлую зелень травяных причёсок. Мир сам собой приходил ко всеобщему согласию и благу: да, надо жить.

Грэй встал утром очень рано и молча приводил себя в порядок. Говорить было не о чем и не с кем. Синички спали под защитой толстой тётки с гипнотической кляксой во лбу. Слова иссякли. Молчание бережно, словно в ладонях, сжимало сердце с двух сторон — снаружи и изнутри. Грэй вытащил остатки браги на двор и вылил на землю. Молодая трава поникла.

Чувство было странным — жизнь словно начиналась заново, с нуля, совершенно не помня своего предыдущего опыта и не нуждаясь в нём.

Так, вышедший из ада не нашёл бы слов, чтобы передать полноту пережитого. Есть путешествия, которые не поддаются описанию.

Первое, к чему Грэй приступил по возвращению к работе, это — возведение капитальной кирпичной стены по периметру полигона.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Прошло девять лет.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Когда душа увянет, перезреет,
вороной старой упадёт она к ногам
святых болванов, и уж не посмеет
о Боге врать по собственным слогам.

Покой последний выкупа не просит.
Ответь никчёмному: кому, зачем мы там?!
Враньё молчит, а хор многоголосый
искусной «правдой» мёртвый славит храм.

Сорняк нахальный обживает камень,
чтоб стать землей. И добрым зёрнам путь
сперва закрыт. Но высшим стеблем станет
тот, кого ангелы, цветущего, пожнут.

Сожженьем дров, кадилом, ритуалом
не возбудить непостигаемых чудес…
Ворона старая, душа, беглец усталый,
скажи, зачем ты умираешь здесь?

Русской жизнью управляли символы.

Шпана обрела идею — уничтожить пришельцев.

Возможно, этому способствовала не только стена, но и слишком успешная деятельность компаньонов. Дух весьма активно писал рекламные статьи, выступал по государственным и частным каналам вещания на тему здорового образа жизни, предлагал всем желающим вступать в экологическое «ополчение», штабом которого и был загородный ресторан. Состоятельные горожане зажигались от красивой мысли, как лампадки, хотя «мода на здоровье» стоила не дёшево.

Грэй почти отошёл от дел, он много читал; деньги под землей ковала Котёночек. Успешная консолидация творящих неизбежно отразилась консолидацией проигрывающей стороны. Стена! Около неё, как около высокой плотины, много лет копились ручейки и капельки русского «всенародного» недовольства. И вот — уровень накопленного достиг критической отметки.

Рассудите, люди: кто кому враг на земле? Может, и нет никаких «врагов» между теми, кто в замыслах общих творится? Что ж воюем-то?! Откуда приходят те, кто не способен переносить «не таких, как я». Человек для человека невыносим, если силы их водят разные! Не голод — демоны шепчут на ухо: убий! Стена собирала вокруг себя немало воинственно настроенного народа. В построенном для люмпенов окраинном диско-клубе, где обычно только танцевали и пили, теперь за стойками бара и на диванчиках велись суровые разговоры, словно вспахивалась внутри каждого «обиженного» почва злобы, и колючие семена падали в неё сами. Уголовников среди этого люда было немного — они предпочитали вращаться в собственной вселенной.

Диалоги и монологи произносились очень чувственные, вызывающие прилив крови больше к кулакам, нежели к голове. Суть их выражалась в часто повторяемой фразе: «Пусть убираются!»

Стена снаружи вся была осквернена похабными рисунками и надписями, в наиболее высокие места стены, куда не дотягивалась рука вандалов, кидали всевозможную красящую или пахучую дрянь. Обихоженное место оказалось в положении культурной осады. У ворот теперь постоянно дежурил дополнительный наряд охраны. Были случаи, когда посетители ресторана делали заявления о порче их машин и имущества. Публично об инцидентах старались не говорить.

Ночной Город стал опаснее, чем был. Резко пошла вверх кривая, так называемых, безмотивных преступлений. Идея разрушающей «справедливости» пришлась как раз впору тем, кто не умел, не успел или ещё не начал строить свою жизнь. «Справедливость» их не имела чётко обозначенного выхода, но уже впрыскивала в своих поборников адреналин. И каждый успокаивался как мог. Грабили от скуки, втыкали под рёбра ножи, били витрины, резали колёса и поджигали лифты… Прямо среди бела дня в центре Города московскому артисту сломали переносицу. Просто так, даже закурить не попросили. Действия шпаны стали приобретать осмысленный характер. Избили гостей джазового фестиваля и многих зрителей, выходящих в ночь после концерта. На весеннем Празднике цветов, который проходил в закрытом помещении, кто-то распылил боевой газ, и едва успели и смогли эвакуировать обезумевшую толпу. На стенах домов стали появляться экстремистские надписи: «Город — наш!» Насмерть запинали двух арабов, которые поступили учиться в местный университет, отрезали палец с обручальным кольцом женщине — жене главы инвесткомпании из Канады. Страх нагнетался последовательно; по кухням, как тараканы, поползли достоверные слухи, нарастало настроение, за которым — паника. Люди стали бояться ходить на вечерние концерты и спектакли.

Велика власть тени! Она будет жить, пока жив свет. Пока проливается он на больших и на малых, на восставших и на лежащих

ниц. Свет! Вечное, вожделенное чаяние всего живого. Свет! Пища глаз наших и душ. Далёкий источник его, низкий, как сам горизонт, тени даст безраздельную власть — непомерно велик будет рост её рядом с хозяином в час заката и в час восхода. Мир считает до двух: день и ночь, свет и тьма, жизнь и смерть… Победить тень можно только поднявши Источник в зенит.

Тени ожесточались.

На убыль пошли доходы от игорного бизнеса, продажи алкогольной и табачной продукции, резко сократился приток молодых прихожан в богадельни. Дельцы забеспокоились. На волне этого беспокойства Тень обрела плоть. Наци!!!

В городе на стенах домов, в подъездах, на столбах и на ограждениях учреждений появились кровожадные листовки с призывами убить «неверных». Противостояние в России всегда олицетворяло «борьбу за правду». Эта политическая инфантильность русских кочевала из века в век и прекрасно пережила все эпохи перемен.

Власти противодействовали очень осторожно, боясь, очевидно, спровоцировать более крупный социальный пожар. «Мстители» грозили покою Города и в прямом, и в переносном смысле. Обыватели, выведенные из привычного равновесия, тоже выражали своё недовольство — ругали… власть. О! Не бывает клятв без проклятий! С экранов обыватель видел одно, а на столбах читал другое. Расщеплённое мировоззрение, недосказанность, которая хуже недопонятости, означали, что в умах нейтрального большинства побеждала… ложь. Чьим словам верить в начале дел? Куда жить, в какую сторону?! Слово — самый опасный стрелочник на пути наших мыслей.

Путь живых отсчитывают не километры и не годы. Слова. Движение человека — его рост. Дорос ли он до того, чтобы спрашивать у себя о том, на что нет ответа? А если не сумел он сам ответить на заданный вопрос, то был ли человек?! Говорил с чужих слов, пел с чужих слов, даже молчал — не по собственной воле. Много, много хищных слов и формулировок накидываются на всякого вновь прибывшего на землю! Жизнь дана, остальное — присвоено. Как возьмут эту жизнь — так отпустится всё. Всё, кроме слов.

Слова не могут жить сами по себе, им требуется говорящая плоть, чувствующая, мыслящая и действующая. Поэтому они беспощадно охотятся на людей. Слова напоминают неродившихся акулят в брюхе матери, которые поедают друг друга еще до своего появления на белый свет. Все слова — хищники. Все до единого! И те, что носят одеяния окрика, и те, что сладко проповедуют. А уж неопровержимая афористика, состоявшиеся в искусстве идеи или картины — это самая настоящая «боевая техника» для битвы слов друг с другом и для проникновения

в глубины человека. За каждое рождённое или погибшее слово на этой земле заплачено миллионами человеческих душ… Люди находятся в рабстве у сбывшихся слов. Люди — их собственность.

Слова, поселившиеся внутри живого человека «навсегда», внушают ему: «Мы — твои. Пользуйся нами. Храни нас. Повторяй нас. Мы — твоя жизнь». Подчинившиеся этому искушению — гибнут, окаменевают в одном и том же. Любая религиозная технология вступает во взаимовыгодный сговор с этой дьявольщиной. Дьявол работает страхом. Но говорит о любви.

Жизнь кончается — не беда. Слова легко перебираются в другое тело. Жизнь кончается… И перед смертью человек вдруг понимает: не было ничего собственного. Ни-че-го. Даже слов. Пел, говорил и молчал, как велено было. Жестокая власть слов снаружи захватила и сделала согласным всё, что имел человек внутри. Поэтому и боятся конца.

Неизречённость — несделанность жизни — высшая мука, известная миру. Неизречённость! Зерно символа пробуждает разум и его дела — зерном символа заканчивается круг жизни. Суета — обречение на смысловую немоту — начинается там, где мы «гоним по кругу», не поднимаясь. Словом всё начинается. Словом всё заканчивается. Люди нужны словам, чтобы слова могли сбыться. Слова — хозяева этой муки.

Насколько подходящ человек для того или иного слова? Оно само выбирает. Насколько соответствуешь ты его силе и величине? Оно само определяет вместимость ума и души. Слово! Оно — сила и свет, бездонность и жестокость, согласие и опровержение. Оно испытывает всех тех, кто с ним соприкоснулся — до окаменения или до воспламенения. Слова не жалеют людей, потому что для них нет людей «собственных». Почему же люди относятся к словам иначе: берегут, прячут, торгуют ими, сожалеют о них? Процесс прост, как работа на оптовом складе. Человек — коробочка. Что вмещает и что может он? Слова подбирают для себя земной «транспорт» — человека говорящего или человека слышащего.

Слова — истинный бог человечьего мира! И война между сказанным «здесь» и несказанным «там» есть война за размах бытия. Другого бога, кроме условности, в мире людей нет. Что же могут люди? Те, кто хотел бы вмещать, да не вмещает? Они могут расти! Человек не фатален в силу своей незавершённости. И это является непреодолимым соблазном для слов, это сводит их с ума, заставляет биться и за каждого человека, и за толпы единословников. Изменяя свою содержательную и качественную вместимость, человек свободно играет с фатальностью окружающего мира. Человек подвижен в своём росте и потому всё сбывшееся в мире он заставляет сбываться ещё раз, но уже чуть-чуть иначе. Банальность глубока: изменяясь сам, человек

изменяет мир не только вокруг себя — он изменяет мир вообще. В этом процессе гибнут не только люди, оказавшиеся в плену у слов, гибнут и сами слова, умерщвлённые людьми. И только слово слов — Тишина — всех мирит без всяких условий. Тишина — это башня из прожитых жизней. В бездонном подвале гиганта — покой. Покой и в бездонной вершине. Ослепительно тихо в созревшем!

Мир вокруг человека — это огромная говорящая голова, эфир, в котором одномоментно существуют неисчислимые множества хоров и монологов. И один из этих монологов — чья-то судьба. Что она слышит?

О, «простые слова» по-прежнему падают, как плодородный дождь, на самое дно земляной души. И грешники рады. Во всяком словесном дожде есть удивительная «проникающая» сила. Ростки глаголов, прилагательных и существительных исправно, поколение за поколением, дают очередной урожай новорождённых слов… Но, слава Богу, опять всё перемелется — опять мука будет.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

После того, как Котёночек взяла в свои руки ресторанную деятельность, многое переменилось. Вместо одного, на благоустроенной территории полигона появились аж два родственных заведения. Ресторан «White Silence» — «Белая Тишина» — занимал деревянные хоромы бывшего Дома Счастья, заметно потемневшие за это время. Верхнюю и нижнюю подземные штольни Грэй без особого сопротивления сдал под «чертовщину»… Русские, за неимением интересного настоящего в собственном времени, просто помешались на реставрации исторической самобытности прошлого. К тому же, Грэю давно всё надоело: поиск сырья, заказы, таможенные проволочки, вымогательства пожарных инспекторов, налоговые ловушки, бандиты и недоброжелательная окружная шпана — это уже утомляло, а не радовало, как в начале, потому что было однообразным. Русские трудности однообразны! По прошествии «русского срока» негр почти не пил и уже не хотел работать сам. К тому же шампиньоны почти не давали дохода, а ресторанно-музейное дело вдруг «пошло» очень хорошо: в штольнях подземелья Котёночек устроила вурдалачно-вампирскую харчевню «Black Silence» — «Чёрная Тишина». Многочисленные посетители полигона проходили все этапы хорошо продуманного шоу: сначала их погружали в нижнюю штольню, где в нешуточном мраке и всепоглощающей изолированности люди выпивали из чаш дымящееся колдовское зелье, осматривали амулеты и атрибуты колдовства, свезённые сюда со всего света, а за дополнительную плату Котёночек проводила «тематические погружения» для самой отчаянной публики — в глубины их,

предварительно настроенного, подсознания. Сеансы «погружения» были небезопасны: кто-то становился в них «богом» и общался с ангелами, кто-то убивал или был убитым в войне, кто-то встречался с кошмаром. После подземного ребёфинга люди шалели настолько, что готовы были расстаться с кошельком немедленно! Тут-то их и поднимали на небольшом эскалаторе в верхнюю штольню, где «очищенных потрясением» ждали: малюсенькая рюмка русской водки, изысканные мясные блюда и стриптизёрши. Насытившиеся близнецы — подсознательные страхи и желудок — плавно переходили к завершающей фазе комбинированного шоу — выходили на свет божий и перемещались путём витиеватой пешей прогулки по оранжереям и грядкам «экологического магазина», живописно разбросанного внутри территории полигона и защищённого от нескромных глаз люмпенов высоким каменным ограждением. Последней «кормилась» душа — в симпатичном деревянном ресторанчике обычно любили собираться на застеклённой веранде, с которой открывался вид на Город. Люди наслаждались фруктами, лёгкими винами или кофе. Устроители часто нанимали профессиональных музыкантов, которые трепетом поющих скрипок закрепляли память о наивысшем состоянии жизни. Познавшие делали рекламу непознавшим. Очередь посетителей была расписана на три-четыре месяца вперёд. Иностранные делегации и группы по протекции принимались без очереди.

Кочевая повозка городских балаганщиков отжила своё и превратилась в мистический иллюзион. Лицейский мерин давно умер, а гараж, где он зимовал, заняло директорское авто. Но не всё пропало: «намоленную» конструкцию — балаган с иллюминацией и амулетами — Котёночек выкупила и расположила в подземном ресторане. Желающие могли забраться внутрь кибитки, побыть там минуту-другую и «получить энергетическую защиту» от всего внешнего. Простерилизоваться, как заготовленный овощ, внутри консервной банки. Входные ворота, могучие стальные створки с электроприводом, имели уже не первоначальную фривольную живопись, сделанную рукой весёлого дилетанта, а встречали дрогнувшего посетителя сюжетами из Страшного суда. Один раз в году створки открывались и балаганную затею на никелтрованных колёсах вновь вывозили на свет божий — горожане приветствовали знакомый потешный поезд и охотно чудачились с ним рядом в День Города.

Грэй скучал. Он тоже попробовал «дышать-дышать-дышать», надеясь ещё раз испытать сильнейшие эмоции из «предыдущей жизни», где он стрелял, верил и плакал, но ничего, кроме двухчасового знакомого видения — копания вилами в навозе — повторный ребёфинг не дал… Червячное производство было вынесено в районы, где функционировали несколько производственных филиалов. Грэй просто выл от тоски. К тому же, после перенесённого клещевого энцефалита он стал гораздо

флегматичнее. Единственным местом на всей планете, где Грэй чувствовал себя действительно дома, был строительный вагончик — «расхипованный» по последнему слову ландшафт-дизайнеров, но абсолютно тот же самый изнутри. Грэй выпивал только здесь, закрывшись на щеколду и отключив всякую связь с внешним миром.

А что Дух? Он нашёл себя там, где был нужен больше всего. Он, почти постоянно, находился в командировках, читая лекции в университетах Принстона или Кембриджа, находясь в Беркли или Тель-Авиве. «Профессора из России» — так его теперь представляли передовому учёному сообществу — приглашали много и охотно. Представители администрации местного городского университета, узнав о масштабах интеллектуальной деятельности своего «соотечественника», пришли-таки с нижайшей просьбой: «С нового учебного года мы вам разрешаем читать лекции на наших кафедрах!» Дух отказался. Чем поверг местную учёную челядь в неоднократно излюбленную яму слухов, сплетен и пересуд.

О повзрослевшей Ро нейтрально заботились, как два безымянных робота-няни, её добрые хозяева жилья «по гостевому обмену». Они, конечно, не могли не замечать, что девочка «портится», но по условиям контракта были категорически запрещены любые педагогические и моральные воздействия в сторону несовершеннолетних квартирантов. Манеры и суждения Ро стали резкими. Среди лицеистов были и те, кто невольно учил Ро философии «верующих» штурмовиков: мол, счастье в России нельзя вырастить, как долгожданные плоды в обетованном саду, его можно только добыть! В бою! И на пути к своим целям надо уметь всё! Победу в России приносит вера. А вера — это сила, которая минует голову, и кулак подчиняется ей, не раздумывая!

Лицеистов вообще отличала смесь жизнелюбия и бессовестности.

— Дух, я хочу тебе задать неприятный вопрос.

— Пожалуйста, Ро, я вас слушаю.

— Где мои деньги? Когда я смогу ими распоряжаться? Как я могу уехать из этой страны?

— Ро!

— Ты не ответил на мой вопрос!

Дух часто привозил из-за рубежа экзотические «хвосты» — делегации любопытствующих коллег. Он брал на себя роль экскурсовода и комментировал то, что видели глаза иностранцев: золотую трубу, лицейскую систему образования, явление бомжей у мусорных баков, повсеместный торговый апокалипсис, религиозную моду русских, постепенно превращающуюся в патриотический фанатизм… Венчало «русское сафари» посещение «сдвоенных» ресторанов; подвыпившие

иностранцы, вознесённые из мрака колдовских подземелий к поющим небесам, раскошеливались и расшаркивались от неведомого доселе счастья.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Завод издавал шумы. Ухо городских старожилов эти шумы радовали так же, как возвращённая народу «твёрдая рука», заморозившая инфляцию в карманах и в головах до следующего русского «раза» — до очередного переворота «коротких». Однако, завод шумел, шумел завод! Старикам шум нравился. Значит, будет работа, будет и завтрашний день! О том, что оживающие «кузницы оружия» принадлежат теперь невесть кому, старики не думали. Зачем? Был бы шум!

Реконструировали и готовили к первому пуску гигантские мартены. Их выкупили у китайцев обратно, заплатив за своё же собственное раз в десять дороже того, что получили когда-то при продаже. Но Москва настаивала: стратегические производства — держать под контролем! Оживали постепенно мелкие трубы цехов, окружающие золотой фаллос — памятник-пушку. Из отверстий и трещин трубопроводов с шипением вырывался сжатый воздух и пар, гудели трансформаторные площадки, кое-где даже попахивало горячим машинным маслом.

Впервые за долгие годы весной в Городе и вокруг него натаял чёрный снег — солнце обнажало с лабораторной наглядностью полугодовой осадок сажи и промышленных загрязнений. Как радовались старые работяги: закрутилась-таки, закрутилась жизнь, родименькая наша! Но подросшая молодёжь плевать хотела на физический труд. Традиции перенимать оказалось некому. Проблемы отцов и детей в России больше не существовало — поколения разделяла пропасть. Поэтому на мини-заводах и в дочках-цехах тысячами трудились привозные силы — те же китайцы. Однако престижные мартены оживляли без посторонней помощи. Первый торжественный пуск огнедышащих печей намечалось сделать в День Города, из Москвы ждали высоких гостей; пуск считался делом государственной значимости и здесь принципиально самостоятельно трудились уцелевшие русские специалисты.

А на отвоёванной у завода территории по-прежнему располагались магазины и развлекательные центры, с трёхсотметровой трубы смельчаки, визжа, сигали вниз головой на специальных эластичных «лианах», и их, привязанных за ноги, раскручивал оригинальный «паучок» — ферма вращающейся карусели.

День и ночь грохотали под трубой коммерческие тиры. Русские давали пострелять всем, у кого водились деньги. И продавали оружие за рубеж — по тому же принципу.

Мордастые московские дядьки из телевизора вновь заговорили о «военной мощи русской державы». Понимающий народ в Городе, слушая эту болтовню, издевательски хохотал. А зря. Бывшие воры и политические торгаши, насытившись временем «мутной воды», искренне хотели позаботиться о будущем своей частной собственности, о России. Москва больше не хотела быть неуважаемым паханом. Она спала и видела себя справедливым драконом, справедливый огнь изрыгающим. Москва-дракон вдруг начала понимать: провинция — её больное нутро, которое следует вновь раскалить добела, завести на всю катушку, чтобы затопорщились генеральские усы, чтобы раздулись гефестовы ноздри и посыпались искры окалин, и чтоб вылезли наружу стальные когти чудовищ.

А вот для чего было стремиться к стальным когтям и раздутым нозд рям? Никто не ведал. Русская сила отродясь не ведала цели своей.

На том месте, где возвышался дом Гоблина, Ия поставила миниатюрную памятную часовенку, к стене которой была прикреплена мраморная доска. Несколько десятков имён и фамилий легендарных оружейников золотом были вписаны в этот прямоугольник.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Ураганная гроза бушевала над миром, видимость падала — дворники на ветровом стекле автомобиля не справлялись с потоками воды, а свет фар освещал, скорее, сплошное водяное решето, чем дорогу. Дух сбавил скорость. В дерево, стоящее неподалёку, ударила молния. Раздался оглушительный, сухой, колюще-рвущий звук. Дерево вспыхнуло и тут же погасло под струями дождя.

— Знак! — произнёс Дух иронично, вполголоса.

Огромная Река делала вокруг Города стокилометровую петлю, практически замыкая образовавшийся контур в кольцо, и к ночи разнотемпературные восходящие и нисходящие потоки воздуха начинали свой труд — как в воронку, ловились бегущие мимо облака, невидимый пастух сгонял небесных барашков, нагулявших за время дневного зноя аппетитные водяные бока, вместе; они ещё более тяжелели к ночи и начинали бодаться. Гром и молния! Грозы над Городом были стоячие.

— Оеть можно, как долбашит!

Дух сделал вид, что ничего не понял.

— Грэй, ты что-то говоришь? Тебе нравятся русские грозы?

— Ули не понять? Россия несколько раз меня прикончила и несколько раз вернула обратно. Но возвращала — уже другим. Дух! В России я — мутирующий клон себя самого. В армии было всё не так:

клонирование без мутаций, а если уж приканчивают, то и не возвращают. В общем, мне здесь очень даже не ёво. Было… Лучшего места, где можно попрыгать с земли на небо и с неба на землю, я просто не знаю. Второй и третьей, и четвертой попытки больше нигде на дают…

Опять горел камин. Играли в шахматы, сохранившиеся со времён Гоблина. Облезлые деревянные фигурки передвигались по клетчатой доске.

— Им просто нечем заняться, — произнёс Дух фразу, самую беспомощную из всех беспомощных, продолжая вслух мысли, которые одинаково тревожили сейчас обоих друзей.

Дух развил мысль.

— Да, да. Они слишком вольны в своих степенях свободы. Чувство протеста заменяет содержательность. В создавшихся условиях они ведут себя очень естественно и… правильно. Правильно, чёрт бы их побрал! Они не могут владеть собственной формой, не могут её создать, не могут взять. Но обязательно найдётся тот, кто даст им это. Русский фашизм всегда бродит очень близко! Чувство исключительности, замешанное на религиозном фанатизме и зомби-патриотичности, — это становой хребет русских! Мундир, оружие, цель атаки, будущий куш, пьянящее чувство сплочённой рати — это вам не шутки. Слепая сила вольётся в любой сосуд. Я много раз видел, как этим пользовались подстрекатели.

Грэй кивнул.

— Полный дец лучше всего назначать самому себе. Иначе дец назначит кто-то другой.

— Какой ещё дец?

— Пиз-дец! Русский его вариант. С медным тазом.

Мужчины играли всякий раз, когда предоставлялась такая возможность. Им нравилось сидеть вечерами в полумраке ресторана. Ещё ни разу Дух не смог выиграть партию у Грэя. Ни чёрными. Ни белыми. Обычно играли молча, приводя в порядок каждый свои мысли. Встречались — как две чашки весов. Уравновешивались и — вновь расходились по своим делам.

После продолжительной паузы заговорил Дух.

— Уровень смерти должен соответствовать уровню жизни. Беда в этом: низкая жизнь — низкая смерть… Знаешь, на что подсознательно рассчитывают истерические герои и бунтари?

— «На миру красно»? Точно! Они сигают в неё, в Косую, как спортсмены. Ха! Только такой «рекорд» может превысить их постылую и однообразную обыденность, не имеющую иных перспектив выпрыгнуть из самоё себя в принципе? Так?

— Так. К сожалению. В русской традиции «уровень смерти» преподносится как сказочное, но вполне достижимое совершенство.

А уровень жизни — это, знаете ли, потом… Только в природе одно продолжает другое, последовательно и естественно. Уровень смерти должен быть заработан уровнем жизни. А без коллективных усилий и личной воли эту лестницу не построишь…

— Хорошо говоришь, Дух! Ты поставил мне мат!

— Правда?! — Дух был немало изумлён. Он играл механически, не думая, и впервые одолел непобедимого Грэя. — С меня кофе!

Скоро только чужая сказка сказывается, а своя не скоро пишется.

Мужчины очень любят рассуждать о смысле того или иного явления. Женщинам никогда не понять, в чём выгода этих рассуждений, которые не приносят никакой пользы семейному очагу. Может, поэтому все отшельники, играющие смыслами, одиноки. Отшельники дружат не домами — они дружат одиночествами.

— Вы рассказываете о… вере своими словами или опираетесь на цитаты? — Котёночек испытующе взглянула на Духа.

— Собственных слов не бывает.

Собственность!!! Именно она — идеология всего, что вещественно. Собственностью мы называем то, что в состоянии удерживать в период своей жизни. Но едва ослабевает хватка рук, как всё присвоенное вновь становится ничьим, и в этом статусе охотно присваивается всеми желающими, в коих недостатка никогда не было. То же и со словами. Собственными можно считать только те из них, которые продолжают существовать и после жизни говорящего. Много ли таких найдётся? Ни до, ни после жизни — вещей словно бы и не существует. Сон, призрак… Однако и до, и после жизни — слова живут! Слова живут в нас самих ровно настолько, насколько мы погружены в них. Бытие определяется словом: разумное бытие — разумным, глупое — глупым.

В апофеозе своей магической сути, в концентрации своей знаковой силы слово равносильно поступку. Нарушение этой золотой пропорции легко заметить, наблюдая много говорящих и бессильных в действии, или наоборот — следя за упорством молчаливых старателей. Так что же это такое, «собственные слова», и есть ли они вообще? По складам и по слогам учит малыш чью-то жизнь — символику взрослых: звуки и знаки, язык обозначений, перечень имён и названий, схемы и символы. Некий эфир, повторивший в процессе времён алгоритм эволюции земной материи, соединившийся из простейшего в сложное — в кодексы, нормы, науку, искусство. Выраженная таким образом любая идея есть совокупная сила «освещённого», — она составляет уже сверхслово, мощь которого несомненно превышает умение и изречённость отдельного человека. Именно на этом играют ловцы умов и душ человеческих. Человек слишком легко наполняется понятиями и словами извне. И только самые дерзкие могут преодолеть этот внешний натиск,

противопоставив ему нескончаемую работу личной цивилизации — голос внутреннего мира.

Малыш может повторить только то, что слышит. А до каких пор? До той критической черты в своём развитии, пока не научится соединять услышанное в бесконечные комбинации и удивляться этой своей способности, как открытию чего-то безбрежного. И обрадоваться наивно: мир обновился! Структуру речевого умения можно сравнить с устройством муравейника. Слова — это «население», обитающее внутри сложной живой иерархической системы по имени Я. Слова, как и люди, подчиняются и служат друг другу, умирают и рождаются. Внутри словесного «поселения» обязательно есть Главное Живородящее Слово, производитель и командир всего остального и всех остальных — непререкаемый, охраняемый авторитет. Матка. А вокруг копошатся слова-няньки, слова-ученики, слова-строители, слова-солдаты. В муравейнике слов хорошо и уютно. И пока жив родитель муравейника, каждую звучащую тварь, находящуюся внутри иерархии, он называет «своей».

Всех своих ношу с собой! Это и о словах-штампах. «Своими» делаются все необходимые слова и выражения, либо слова о внушённой «необходимости». На словесные штампы бытовая речь опирается так же уверенно, как безногий на свои костыли.

Каждый человек — «бог» своего словарно-фразеологического запаса и паутины понятий. На краткий и потешный срок — водитель языка, того самого, что без костей… «Страна», «патриотизм», «долг», «партия», «бог», «справедливая месть» — эти слова-хищники претендуют на роль первостепенного источника. Но все знают: самозванцы мертвы. Они лишь имитируют жизнь, заражая мертвечиной остальных. Они всегда претендуют на превосходство, обозначая словом то, что будто бы больше жизни. Особенно, жизни независимой, самостоятельной и самоизбыточной. Поэтому все мерзавцы стремятся убедить человека в том, чтобы он добровольно обозначил себя маленьким в чём-то безусловно большем. Именно так искусство обозначений хоронит личность. Оставляя, однако, в неприкосновенности самую низкую из выгод — людское эго.

Непостижимым, феноменальным особняком плодит слова «якающий» эгоизм. Суетятся вокруг него слуги-слова и слова-рабы. Я!!! Неугомонный и ненасытный феодал внутри самовлюблённого мозга. Свободные, независимые слова его очень раздражают. Ах, слово, свободное слово! Инструмент очень уж тонкий, текучий, неуловимый. Но, пойманное-таки однажды мастером, ремесленником наитие становится видимым и общедоступным — застывшей формулировкой.

Чтобы брать слова из пустоты, нужно самому из пустоты «взяться». Взявшийся из пустоты — не лепится к людям с повышенной светимостью, не вымогает и не покупает у них световую творческую милостыню,

не кормится чужой высотой и не чванствует, похваляясь знакомством, не вцепляется мёртвой хваткой в тех, кто крылат. Творчество — это умение не оглядываться и ничего не просить. Особенно слов.

Книга! Клеточки букв, течение мысли и чувств, скелет сюжетов, кипучая страсть живых тем — авторская книга! — это прямое строительство будущего тела. Тела памяти. Стоит ли делать его наспех, плохо, или воровать «строительный материал» у соседа? Творчество — это смертельная битва с небытиём. Ни до жизни, ни во время её, ни после — нигде нет такой окончательности, которая годилась бы на звание «собственности». Теософы правы: собственное существует вне нас. Нам принадлежит только право принадлежать.

В зависимости от высоты и строгости выбранной человеческой «принадлежности» строится поведение. Можно создать свою «принадлежность» самому, вне существующих шаблонов, но это труд очень тяжкий и одинокий. Большинство же предпочитают «отдаться» на милость или на откуп. А некоторые «ищут» свое призвание, вечно находясь между первыми и вторыми. Не являясь собою, собою становимся. Это — феноменальный подвиг, именуемый Путь. Собственный или чей-то? Судить можно лишь косвенно — без своих слов и своего пути не обрести.

Детские книги учат жить. Настоящая «взрослая» книга может помочь лишь в одном — приготовиться к смерти. Зрелое слово учит умирать. Ни одно самовлюблённое Я не только не способно порождать слова вокруг этой темы, но боится даже приблизиться к ней.

Слова, объединившись особым образом, превращаются в поэзию, в притчи, в поток страстной прозы. Слова! Сообща они могут очень близко подкрасться, почти вплотную подобраться к тому, что люди именуют словом «вечность» — к той самой неиссякаемой, щедрой пустоте, из которой может «взяться» что угодно. В теле слов, в теле овеществлённой памяти можно жить почти вечно. Именно поэтому крылатое воруется. Поверх авторских имён пишутся имена самовлюблённых проходимцев и бездарных торопыг. Бывающий в мире слов видит там странного зверя — всеядную свинью, на боках у которой выросли зачем-то карикатурные беспёрые крылышки-калеки. И из-за них свинья тоже воображает себя крылатой, и ищет дружбы с любым Пегасом. И любит полёт и скорость, безошибочно вцепляясь для этого в жителей бега и неба. Она лезет на хребет чужого вдохновения, она верит в волшебную силу уздечки. Она счастлива только в одном положении жизни — поверх счастливых.

Многие поют «свои» слова на чужой мотив. Это тоже неправда. Красивая неправда. Получается «как бы песня», сочинённая «как бы автором», которую принимает, наслаждаясь и умиляясь, «как бы слушатель». Несобственная речь порождает несобственный слух.

И не собственный взгляд. И не собственный голос. И — не собственную жизнь.

Спасает движение, оно отодвигает смертоносное «как бы» до тех пор, пока способен ты двигаться.

Одежды слов, чарующие фразы, привлекательный смысл, красивые формы — это всего лишь маскировка хищной их сути. Это красивая приманка для поголовно немых. Антивзгляд позволяет предположить, что слова — это, действительно, живые знаки, могущественные существа вне времени; колоссальные их сообщества в мире образов неисчислимы. Оттого-то мозг по-настоящему верующего человека согласен: истинная реальность невидима. А люди? Кто есть раньше?! Дух или человек? Люди — затвердевшие в материи, дети слов.

Люди, помогающие миру слов, восходят к славе. Слова, прислуживающие миру людей, ведут к позору. Слово — это то, что высоко. Всё названное — уже низко. Ни в чём нельзя быть уверенным до конца: есть слова, похожие на правду, как есть и правда, похожая на слова…

Что может сказать послушный ученик непослушному учителю напоследок? Отчеканить выученный урок?.. И Учитель исчезнет в молчании… Отзовётся пространство делами… Музыка струны и музыка голосовой связки — сёстры-близнецы… Однако фальшь струны слышна всем вокруг, а фальшь слова — нет. Почему? Потому что природа слов абсолютна, им безразлично что выражать. Но ведь и дело существует вне лжи. Слово и дело — земные близнецы!

Грэй потянулся с таким хрустом, что, казалось, рвутся хрящи и сухожилия.

— Да, чуть не забыл сказать! Дух, мой тебе совет! Нельзя быть вежливым в жопе. В яме жизни, в мирах низких и примитивных вежливость равносильна самоубийству. Вежливость провоцирует нападение, в низком мире вежливый всем кажется очень лёгкой добычей. Вежливость расценивается грубыми как слабость. В русском мире воспитанность могут позволить себе только боги и богачи.

Дух театрально изрёк:

— Путем взаимного владенья к поочерёдности придут и сила плоти, и виденья, что плоть к восстанию зовут!

— Ты пишешь стихи, Дух?

— Цитата… Творчество, на мой взгляд, должно быть бесследным. Незаметным, как здоровье, как воздух. Для меня текст и поступок в сегодняшнем мире — одно и то же. Это — оселок, на котором можно проверить их соответствие друг другу: либо говори о том, что делаешь, либо делай то, о чём говоришь.

— Ну-ну. Знаешь, Дух, чем отличается мудрость от мудрёности?

— И чем же?

— Количеством слов. Хочешь, я тебе Евангелие на трёх буквах перескажу?

Пикировка приносила собеседникам замечательное наслаждение, подобное тому, какое приносит море пловцам, не боящимся ни глубины, ни шторма. После шести выпитых чашек кофе мужчины легли спать.

Вы знаете, как ликует здоровье? Оно восхищается не собой — оно восхищается всем, что вокруг!

Изумляет точность, с какой судьба сшивает лоскутики человеческих жизней в единый замысел своего полотна. Игла времени с абсолютной безошибочностью попадает туда, куда надо, и соединившимся лоскутикам остаётся лишь восклицать да ахать: «Не может быть!!!» Именно так на земле воочию происходит очередное обыкновенное чудо — смена банальностей.

На Духа было совершено покушение.

Активный день начинался, как всегда, рано, Дух крутил баранку, насвистывая и размышляя…

Живое всему подражает, но копий не ведает. Единственный раз в единственном месте единственный вдох! Бессмертные камни бесстрастны, а капелька жизни — мгновенна! Садовник по имени Время вращает сезоны потопов и огненной лавы. Невнятное «будет» и странное «было» сливаются в светлое «здесь»! Единственный раз и в единственном месте. Однажды пришедший однажды живи!

На пустынной дороге, у резкого поворота, лицом в асфальт лежала распластанная молодая женщина… Дух резко нажал на педаль тормоза и вышел. Женщина была безмерно пьяна. Когда Дух выпрямился и повернулся к машине, то был удивлён ещё больше. Именно удивлён, а не испуган. Рядом с ним выросли, откуда ни возьмись, три молодых человека. Один был обрит наголо и носил на шее золотую цепь, двое других были ему под стать.

— Садись в машину и не ори, — приказал Бритоголовый.

— Вы хотите меня убить?

— Угадал.

Парни вели себя очень спокойно. Они усадили Духа на правое переднее сиденье и привязали тело верёвками в трёх местах: обездвижели ноги, спеленали туловище и подтянули голову к подголовнику — за горло. Рот не заклеили. Но Дух и без того молчал. Слушал пустоту внутри себя. Смертельно пьяную даму оттащили в кусты. Бритоголовый сел за руль и вырулил с асфальта на ближайший просёлок. Здесь были припрятаны несколько плоских ящиков. Машину начинили взрывчаткой и вывели электродетонатор к переднему бамперу. Дух нисколько не боялся смерти, он о ней даже и не думал. Неожиданное

соседство с молодыми бандитами, скорее, вызывало в нём глубокое чувство скорби и досады за них.

Машина вновь выпрыгнула на асфальт и на большой скорости помчалась в направлении к полигону. Торжествующий рассвет медовым половодьем мчался навстречу и заливал всё вокруг буйством и чистотой прекрасного утра. К машине с пленником присоединилась ещё одна, крупная, почти танк, с сильно затонированными стёклами.

Подъехали очень медленно, словно искали, где припарковаться — до ворот полигона оставалось метров пятьдесят. Тонированный танк аккуратно развернулся и встал, в ожидании, не заглушив мотор. Двое вышли. Бритоголовый заклинил руль двумя рейками, уперев их в сиденья.

— Что, страшно, дед?

Дух смотрел прямо перед собой. Мускулы лица мелко подрагивали. Но не от страха, а от негодования. Какая-то глупая фраза крутилась в мозгу: «Я буду жив до тех пор, пока вы не прекратите умирать…».

Водительская дверца была приоткрыта. Парень, готовясь к прыжку из кабины, левую ногу поставил на дорогу, а правой отжал сцепление и включил первую передачу. На колени перед Духом он положил какую-то экстремистскую газету с фотографией двух девочек-синичек, добровольно задохнувшихся в своём доме от угарного газа. Заголовок гласил: «Хочешь? Иностранцы — помогут!»

— Ты знаешь, за что, — глаза жертвы и палача встретились.

Тонированный танк рванул с места в сторону Города. А машина Духа медленно подкатывала прямёхонько к воротам полигона. Дух тянулся телом и зубами к палке-фиксатору, верёвка душила за горло, в глазах плавали слёзы и кровавые круги. Ему удалось вцепиться в неструганную палку и вырвать её из укреплённого состояния с первого же раза. Губы наполнились занозами, но теперь это не имело никакого значения. Траектория движения ползущей машины начала изменяться, забирая в сторону, влево от ворот и будки охраны — туда, где на глухой кирпичной стене красовались глупые надписи и угрозы.

Машина под углом упёрлась бампером в столб. Кнопка детонатора оказалась в пяти сантиметрах от препятствия… Колёса продолжали скрести асфальт. Выскочила охрана, выключили мотор.

В тот же день для Духа наняли телохранителей.

Сделали, как положено, заявление. Бандитов нашли. В кабинете генерального прокурора Бритоголовый держался спокойно.

— Объясните мне, старому перцу, какие мотивы толкнули вас на убийство?! Я ничего не понимаю. Ни-че-го!

Бритоголовый зачем-то осмотрел кабинет, прежде чем ответить. Долго следил за движением золотого маятника в башне гиревых

часов, обрамлённых красным деревом и стеклянными дверцами. Часы исправно мололи секунды и века ещё с купеческих времён.

— Да так… Настроение плохое было.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Фотограф-иностранец, которого местные коллеги прозвали Рашен Крези, «прилип» к России так, что не мог от неё оторваться. Он научился с любовью и пониманием снимать русскую жизнь: старушек в платочках, покойников на отпевании, выпивающих мужчин, стукачей в шляпах, дымы над промышленной зоной, пасторальную русскую природу, шикарные лимузины, убогость родильных домов, осмысленную злобу и бессмысленную радость на лицах людей… Фотограф, как охотник за привидениями, кружил в русском царстве теней и восхищению его не было предела: «Рашен крези!» — кричал он всякий раз, когда видел, как очередная русская тень оставляет реальный отпечаток на его сверхпиксельной профессиональной цифровой матрице.

Выставка фоторабот вызвала неплохой резонанс на родине охотника. Но… По сложившейся традиции, профессиональные выставки западные продюсеры рассматривают как самоокупаемые проекты. Работы должны были раскупаться к концу показа. Не получилось… Русское горе, даже в очень страстном и художественном исполнении, никто из многочисленных посетителей купить не захотел. А и впрямь, скажите, зачем благополучному бюргеру тратить деньги на то, чтобы со стен его дома глядела чужая тоска? Произошёл непредвиденный казус.

Промахнулся варяг! Русские художники сами не могут разобраться: что тут просто «чернуха», а что — «с любовью к чернухе».

— Рашен крези!

Сколько сил и времени было потрачено безвозвратно! Кипами остались лежать в заграничном шкафу мастерской распечатанные фотографии городских улиц, золотой трубы, улыбающегося Грэя с вилами, Ро в окружении лицеистов… И зачем только Рашен Крези так рисковал! Русские, заметив, что их некрасивую жизнь снимает фотограф, становились очень агрессивными. Его спасало алиби: иностранец! Тут же настроение возмущённых менялось на противоположное: «Снимайте, пожалуйста, снимайте! Хотите, дом свой покажем?» Русские — очень странные нищие: они до зверства стесняются своей нищеты лишь друг перед другом.

Рашен Крези тоже отмечал, что пересекать русскую границу, если ты, конечно, не являешься счастливчиком с двойным гражданством, становилось всё сложнее и заковыристее. Да и сама русская социальная среда крепчала. Как, наверное, сказал бы Гоблин, «маринад» уплотнялся: уксус пропаганды, ядовитая соль казённых формуляров и

специи общественных слухов «пропитывали» нынешних жителей до однородной «по вкусу» массы куда быстрее, чем раньше. Инакомыслие приобрело в России свою крайнюю и последнюю форму — безденежье и безропотность падших.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Грэй бесцельно шлялся по Городу, когда взгляд его зацепился за фигуру высокого, плохо одетого мужчины, который читал мятую газету, восседая верхом на бетонной урне.

— От-т-ж, уки! Гнильё, а не нация! — этот выразительный, рычаще-хрипящий командный голос нельзя было не узнать.

— Арс!!!

Человек оторвал взгляд от газеты и равнодушно посмотрел на возбуждённого Грэя, который никак уж не ожидал встретить такого пепла во взгляде…

— Ты что, не узнал?! Ты — Арс?

— Был Арс. Теперь бомж. Садись, почитаем, — человек на урне подвинулся и Грэй невольно подчинился, притулившись рядом.

Газета, как оказалось, интересовала бомжа больше всего остального. В ней имелась длиннющая колонка-мартиролог: протокольно и пофамильно сообщалось о смерти двухсот шестидесяти двух горожанах, покинувших мир сей за прошлую неделю, но главный эксклюзив, привлекший внимание бывшего офицера, состоял не в этом — против каждой фамилии была напечатана причина смерти: асфиксия, переохлаждение, интоксикация, рак, цирроз, диабет, сердечная недостаточность…

— Бись! Нет, ты видишь? Сплошное гнильё, а не нация! Секи диагноз! — он подчеркнул грязным выпуклым ногтем четыре строчки в длинном списке. — Всего четыре правильных диагноза смерти: старость! А вся остальная шобла — говно! Нет, ты видишь?!

Грэй заинтересовался. Статистика была беспощадной. Жизни заглядывать в такое зеркало было б полезно. Именно в этот миг Грэй и придумал для себя занятие на ближайшее время. Да, да! Он установит в обоих ресторанах полигона зеркала с намёком, но не так, как это было подсмотрено в далёком прошлом, а по-своему: прямые зеркала — под землёй, а кривые — наверху. Дневная жизнь людей — сплошная комната смеха! Ха-ха-ха! Грэй теперь, по прошествии лет, проведённых в России, оживал «вспышками», он действительно стал похож на русских.

От бомжа воняло. Грэй притащил его на полигон и попросил охрану помочь человеку помыться и сменить одежду. Вонючее тряпьё выбро-

сили в мульду. Через час перед благодетелем предстало измождённое чучело в камуфляже без знаков различия.

— Твоё тут всё, что ли?

— Моё. Наше, то есть.

— А… Понимаю. Коммунизм для богатых.

Пили в вагончике, удалившись от суеты, как два инока. В неиссякающей атмосфере этого старого «батискафа», благополучно освоившегося на русском дне, старые друзья, стопочка за стопочкой, отдышались, каждый от своего «замора». В этой атмосфере не было снов, которые снились двум мифическим городским ящерам — небесному и подземному — вечно борющимся в своих снах за волшебное пробуждение в людях, как Бог и Дьявол. Спали боги, спали и люди. Снились друг другу боги, снились друг другу и люди. Сон всесильнее яви! Только-только моргнуть и успеешь, а уж глядь — сон другой подоспел, по-другому уж плотью и разумом правит…

Бомж нарывался на обиду.

— Знаешь, негр, ты спи в России, как хочешь, а моя совесть чиста! Меня нет… Понимаешь?

— Не зди! Здесь многие так говорят!

— А, знаешь, почему? Потому что на Руси выше всех — самозванцы! Самозваных царей, ох, бля, как любят! Что Христа, что Емельку того ж…

— Не богохульствуй! — Грэй перекрестился.

— Ули не так? У нас здесь всегда революция, понял? Ску-учно! Знаешь, что такое скучно? Это — когда каждый день одно и то же. Здесь каждый день — революция! Каждая мало-мальская жизнь человеческая — опять революция! Понял? Скучно! Одно и то же! Даже если это виселицы или золото под жопой! Мою душу, братан, расстреляли перед строем, когда я принимал офицерскую присягу. А ты ведь, ука крестомётная, небось тоже стреляный, а?!

Грэй по-русски перебрал спиртного и уснул, отрубившись вмёртвую. Когда он очухался к вечеру, то Арса уже нигде не было. Охрана сказала, что «чмо» переоделось «в своё» и ушло в Город. В мульде оскорбительно валялась камуфляжная зелень.

Грэй почувствовал внутри себя сильнейший порыв: бежать! бежать! бежать без оглядки, отстреливаясь и спасая то, что ещё можно спасти!

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Идею с зеркалами Котёночек забраковала. «Баба есть баба», — беззлобно подумал Грэй и погас ещё больше.

Лицей превратился в международный офис продаж услуг образования. Возвысившийся директор ходил по головам сам и учил этому других. Атмосфера братства и любви в стенах учебного заведения иссякла. Да и детей-то, собственно, было не много. Чада или их родители просто выбирали в «офисе» набор интересных полезностей для ума и сердца и колесили по планете. Деньги, вложенные в мозг, начали, наконец-то, окупаться в России. Затраты «оправдывались», как говорили здесь многие. Лицей стал дорогим заведением, поэтому дети были свободны в своём выборе, а родители представляли из себя действующую «тяжёлую артиллерию» — родительский совет, состоящий из глав городских бизнес-центров и управы. Провинциальные родители умилялись: в открытые по-новому педагогические возможности несовершеннолетний карнавал нырял, не стесняясь!

А «средние» школы продолжали штамповать будущих продавцов, солдат, пьяниц, наркоманов и зеков. Поэтому воспитывать потенциально опасную молодёжь в средние школы устремились все, кому не лень.

Однажды в Лицей пришёл православный священник, очень уважаемый и почитаемый в среде городских старушек. Этот служитель не воровал и был презираем более успешными своими коллегами, он много молился, а также страдал от весьма ненадёжного собственного здоровья, поскольку «принимал тяготы и грехи людские» на себя лично.

Развалина в рясе явился прямо в директорский кабинет с предложением ввести бесплатно, хотя бы факультативно, в курс воспитания учеников «Закон Божий». Позже, рассказывая эту историю друзьям, директор начинал устное изложение круто и честно: «Я — охерел!» Разговор в кабинете и впрямь состоялся занимательный.

— Настоятельно рекомендую вам ввести такой факультатив.

— Зачем?

— Молодые люди должны знать христианские заветы.

— Зачем?

— Церковь научит их терпеть страдания.

— Зачем?

После полутора десятка «Зачем?» развалина, не нашедший ни одного ответа, сдался. Охраннику достался нагоняй: «Ты зачем этого мудака сюда пустил?»

Официальные власти, за неимением идеологического ритуального карнавала, охотно теперь обращались к ритуалам церковным. Духовный гегемон в России уже окреп, получив статус «государственной

веры»; он кичился собой и потихоньку вступал в неизбежный размах русского разгула — начинал мстительно и плотоядно «ловить ведьм». Поп, хоть и опальный, нажаловался, куда следует. «Откуда надо» дёрнули за ниточку, следующая марионетка дёрнула свои нити — так в Лицей пришёл пожарный инспектор. С очень простой и понятной калькуляцией: приобретение в указанной фирме и установка нового пожарного оборудования — сто пятьдесят тысяч, откупная, взятка, то есть, — триста пятьдесят тысяч. Голова у директора после этого «божьего гнева» сильно зачесалась. Официальных денег на официальный ремонт и переоборудование министерство, конечно, не даст, а личные деньги предназначались для других целей. Пришла беда — отворяй ворота! Однако и несчастье в России, выставленное напоказ, может принести доход. Да-да, доход! Только мелкая сошка сидит, в ожидании копеечных подаяний, на ступенях храмов. А крупная... О, для крупных подаяний есть совсем другие ступени. С каким вожделением произносит рот русского новое слово: с-п-о-н-с-о-р!

Директор сосредоточил всё своё внимание на всемогущих родителях чад. В кабинете верховного папы-правителя сказано было: «Плавучий остров строить надо? Надо. Предвыборную кампанию проводить надо? Надо. Где я тебе лишние деньги возьму? Как отчитаюсь? Нет у меня ничего». Не получилось с наместником бога на земле — можно попытать счастья с наместником чёрта. Сынок бандюка, что считал воровской общак, тоже состоял при Лицее. Однако и папа-вор отвечал точно так же, как и муж государственный: «Посылки в тюрьмы посылать надо? Надо. Семьям пострадавших помогать надо? Надо. Где я тебе лишние деньги возьму? А отчитаюсь как?»

Пришлось директору на свои кровные «поддержать» земную фирму, торгующую злополучным пожарным оборудованием. Дешевле обошлось.

Времена песен под гитару и городских шатаний за балаганом даже и не вспоминали. История Лицея хранила прожитое как годовые кольца на дереве — в виртуальном отражении. Этого было достаточно для нынешней офис-рекламы.

Лицеисты с младших классов проводили «деловые игры», в которых учились участвовать в дальнейшем возведении башен цифрового Вавилона. В стремительных забегах жизни играть в детство было уже некогда, незачем и даже опасно — можно было навсегда опоздать на сторукий и стоокий экспресс, везущий своих пассажиров в прекрасную страну личной выгоды.

Мир родителей с изумлением видел, что не только хватательный рефлекс руки является врождённым свойством человека; разбуженные в русских душа и разум тоже имели «врождённые умения» — хватали ценности мира так, что бедняги пищали не хуже проституток!

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Внизу социальной лестницы послушные старались превратиться в успешных. Они не знали, что наверху этой лестницы успешные вновь превращаются в послушных.

Город заматерел.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

В старших классах у Ро появилась «нехорошая» подруга — Жозефина. Грэй называл её несколько иначе, Жопазина, что гораздо больше соответствовало истине. Она была фантастически красива, обаятельна и умна. Ро рядом с ней внешне казалась просто замарашкой. Но девочки дружили, дополняя практически взрослую жизнь друг друга разнохарактерностью взглядов на одни и те же предметы, взаимно подглядывая манеры, репетируя в себе понравившиеся черты другого; дружба как волшебное зеркало — многое в нём можно углядеть заранее... Друг отражает будущее. Куда смотреть? В кого? Вот вам и педагогика.

Подруга была такой же белокурой, как и сама Ро. Училась красавица плохо. Зато она, несомненно, превзошла положенный для её возраста предел развития. Жопазина была блядью. Но далеко не простой, не той, чьими номерами телефонов обклеивались столбы. Она стремилась к высшему свету, к открытому счёту в банке, к абсолютной независимости, к поклонению и восхищению. Дорога к вожделенному райскому изобилию была одна — зрелые мужчины, богатые кабаны, у которых всё желаемое уже имелось. Оставалось лишь умно и правильно заарканить дичь и собрать трофеи. Начала свою карьеру Жопазина рано, ещё в восьмом классе. От порочной связи с малолеткой кабанов сначала трясло от страсти, а чуть позже, когда она выставляла условия шантажа, трясло иначе — уже от страха. Так к пятнадцати с половиной годам у бизнес-бляди появилась и собственная квартирка, и не совсем законные права, и микролитражка. В России деньги и блядство — нежно любящие друг друга родственники. Простое раздвигание колен было занятием не для Жопазины. Она разыгрывала сложнейшие партии взаимоотношений между собой и мужчинами. Между самими мужчинами. Она была прирождённой интриганкой. Немаловажно заметить: родители секс-мастерицы, люди очень состоятельные, нисколько не осуждали «хобби» дочери. Наоборот, даже гордились её выдающейся самостоятельностью и практичностью. На нравственность и моральную оглядку бизнесменам было наплевать; они по себе знали и помнили, что именно нравственность вредна для русского бизнеса более всего. Вредна, если не смертельна: всякий свет убивает мрак. Мрак этого никогда не прощает! Колени лицейской дивы раздвигали

перспективу жизни очень успешно. Сначала они сломали и раздвинули рамки приличий самого Лицея, потом поглотили Город, потом без особого труда покорили Москву и Питер.

На прудах и реках неленивые крестьяне ставят запрещённую рыболовную снасть — вентерь: пара приветливо распахнутых направляющих крыл ажурной сетчатой ловушки, заканчивающихся дыркой, из которой нет выхода… В правильно распростёртые объятия ног Жопазина ловила таких «карасей», что не всякие рядовые уста осмеливались произносить их имя вслух. Опасную репутацию дивы «дичь» знала, и всё равно попадалась.

Жопазина бывала на полигоне. Девочки иногда приезжали сюда на обед. Иногда ночевали. Однажды белокурая дива, подвыпив накануне, постучала к Грэю в вагончик, который ни в какую не хотел переселяться в комфортабельные условия. Грэй, подумав, что на стаканчик-другой заполночь притащился Дух, открыл. Жопазина развлекалась — Грэй понадобился ей просто «для прикола». Эту молодую, неотразимую сучку Грэй ненавидел всеми силами своей темпераментной души. Он понимал, что поднимать руку нехорошо, даже на блядь, но не сдержался… Удар был единственный, но удачный. Синяк на поллица превратил личико куколки в морду.

Знаете ли вы, что такое «смотрящий» по Городу? Это — око Божие на земле, это — глас Его и длань Его карающая. Перед Смотрящим вся жизнь, даже сильных мира сего, течёт словно мусор. Страшен суд его. Уж не ходит он сам при нагане, но по воле его остужается кровь. Уж не вор он и не грабитель, но по воле его заливаются капли грошей и зелёные реки валюты в общак воровской. И не сам он законы поганые пишет. И не сам людям ложь говорит. Он — верховный правитель теней! За поклоном поклон ему тени кладут. Кто осмелится молвить не так, или взгляд поперечный поднять? Нет таких смельчаков! Жить хотят, хоть и жить не дают. Берегут своих деток и жён, на съеденье себя выставляя. Ох, велик ли заслон от карающей длани? Не велик он, увы, не велик. Проникает повсюду Смотрящего око, пригибает к земле непокорных, и ни жён, ни детей не жалеет он в гневе. Дисциплина железная в царских палатах царя теневого! И законов здесь писаных нет, коль неписаный крепок закон!

…Не так давно дочь Смотрящего вышла замуж. Свадьбу на видео попросили снять хорошего оператора-частника.

— Нельзя ли отказаться от заказа… рублей за пятьсот? — уклончиво спросил оператор.

— Нельзя.

На «закрытой» воровской свадьбе гуляла вся официальная верхушка Города. Подносили подарки. В банкетном зале льстиво трепетали поздравления. Мэр угождал: «Мы всегда с вами выручали друг друга!» В царстве теней ложь заменяет свет.

Смотрящий — смотрел и внимал. Он, единственный, вёл себя естественно, не притворяясь. Лицо его выражало откровенную скуку — весь вечер перед главным свадебным столом выплясывали говорящие гниды: президенты, генеральные директора, председатели правительственных палат, генералы-силовики, а также смотрящие по районам…

Дух сидел в своём микроскопическом лицейском кабинетике и стучал по клавишам. Как обычно. За дверью в коридоре зацокали уверенные копытца — кованые женские каблучки. Дверь офиса открыли, не стуча и не спрашивая разрешения войти, — как дверь в уборную. Порог перешагнула… Ия.

— Вы поедете со мной. Сейчас. На вопросы я не отвечаю. Собирайтесь, это очень важно.

Даже не поздоровалась! Дух пошевелил извилинами, но не смог припомнить повода, чтоб с ним так обращались. Ию он, конечно, узнал. Но не успел проявить гостеприимство и радость — неожиданный натиск был силён и холоден. Дух, наконец, нашёлся, что сказать:

— Может, чаю? — он поднялся гостье навстречу и первым протянул ей руку.

— Собирайтесь! — она, как в прицеле, держала его на «мушке» своих немигающих глаз, украшенных накладными цветными линзами. Два зрачка-ствола жёлто-зелёного цвета не дрожали, голос был властным.

— Это в ваших интересах. Собирайтесь. Большего я сказать не могу.

— А если мне сейчас не до вас? — Дух начал было защиту своей независимости и достоинства. Голос его тоже утратил теплые интонации.

— Вы будете доставлены принудительно.

Дух понял, что владелица игрового бизнеса не шутит. Тихая сиротка, русская судьба, часто узнаёт о своей доле так же, как восточная невеста, — после всех.

— Будь по вашему, — сердце Духа защемило от нахлынувших неясных предчувствий. Почему он, ни в чём невиновный человек, должен куда-то ехать, даже не спросив куда? Но он инстинктивно подчинился. И сразу понял: в России подчинившийся — уже виноват.

В машине Ия молчала. На улице светило яркое солнце, но в машине был филиал мрака — тонированные стёкла по своей светонепроницаемости больше напоминали сажу, чем приспособление для обзора при быстрой езде. Дух тревожился. Он знал нравы русских, которые, как дети, часто копировали то, что видели на экране. А на русском

экране всегда показывали одно и то же — картины Апокалипсиса. Теням, живущим в русском аду, это нравилось. Они со знанием дела смаковали детали экранных убийств и вожделели новых. Духу стало страшно. Он даже никому не успел сообщить о подозрительном форс-мажоре. Он достал телефон, чтобы позвонить Грэю.

— Запрещено! — Ия бесцеремонно выхватила аппаратик из рук Духа и передала его шофёру-бугаю. Тот равнодушно, как зомби, припрятал данное.

Дух захлебнулся от чувства справедливого возмущения и хотел даже пригрозить адвокатом и судом, но… «русский ген» подсказывал: притворись мёртвым, молчи и не шевелись — уцелеешь. Русское «кино» обернулось неожиданной сценой, дурной выдумкой, внутри которой Дух вдруг оказался… Вдруг! Ах, уж это русское «вдруг»! Обаяние и магнетизм Ии, которые так приятно порадовали Духа тогда, на Реке, бесследно исчезли. Вместо этого он чувствовал, что его прочно держала в невидимых лапах могучая хищница, а вместо личного обаяния и магнетизма — выросла непроходимая стена отталкивающего поля. Люди и впрямь, как магнитики: слипаются, отталкиваются. А что когда — не угадаешь. Всё в мире притяжений-отталкиваний от положения зависит, от поворота и степени близости.

Ия была близко. Два напряжённых молчания, взведённые, как курки, сидели на заднем сидении рядом. Дух чувствовал тепло, идущее от упругого бедра Ии. Но это тепло живой женщины только усиливало ощущение могильного холода, которого становилось всё больше. Дух закрыл глаза, чтобы не видеть дьявольских линз на зрачках спутницы. Ия заговорила:

— Слушайте внимательно. Мы подъезжаем. Предупреждаю: активное поведение может дорого вам обойтись. Вы меня слышите? Хорошо. Двигайтесь очень плавно. Вход контролируется внешними снайперами. Внутренняя охрана тоже вопросов не задаёт. Ничего не делайте сами. Не говорите. Следуйте за мной, находясь справа в полуметре. Не обгоняйте и не отставайте. Вы поняли? Хорошо. Пошли!

Дух ожидал после такой инструкции увидеть особняк, резиденцию Папы римского, палаты белокаменные… Но жук-авто, филиал мрака, подкатил к обыкновенной панельной высотке и остановился у подъезда. Может, розыгрыш? Дух уже встречался с этой манерой русских разыгрывать — пугать человека до смерти. Очень смешно! Одного такого беднягу увезли с инфарктом, когда ему позвонили подряд три ближайших друга-соседа и все прокричали одно и то же: что загородный дом его сгорел, что от его дома загорелись и их дома, и что дома сгорели, и что они, пострадавшие, выставляют иск. Смешнее не бывает: русский человек шутку от нешутки не отличает. Шутка и проповедь воспитанной меры к себе требуют. Так только где ж её взять, эту меру, в стране безразмерной?!

— Идите рядом. Не озирайтесь.

Бред какой-то! Виртуальная жизнь. Русское «кино». Смена плана. Жесткая склейка. Стык в стык. Высший пилотаж монтажа… Дух поднялся по выщербленным ступеням подъезда. Ия пропустила его внутрь первым, сама открыв двери. В подъезде, в свободной нише у окна, чьято аляповатая строительная рука соорудила подобие конуры, в которой сидели вооружённые собаки — трое с автоматами. Перед лифтом Духа обыскали. Они поднялись на седьмой этаж. По выходу из лифта Духа обыскали ещё раз. Кованые копытца процокали несколько шагов к бронированной чёрной двери. Ничего не понимающий, но всегда галантный Дух протянул руку, чтобы нажать кнопку дверного звонка.

— Стоять! — Ия зашипела не хуже Гоблина. — Звонить не принято. Могут положить, — костяшками изящных пальчиков Ия фигурно постучалась в черноту.

За первой стальной дверью находилась, ещё более массивная, вторая. Дух бывал в подобных квартирах русских. Это была типичная трёхкомнатная — предел мечтаний многих семей, живущих в деревянном гетто или в коммуналках. Квартира, как квартира. Только очень грязная. Пол не мыли с момента окончания строительства дома. На этом полу Дух разглядел пару шагнувших к нему армейских ботинок и двух овчарок, серьёзных, как церковные кассирши. Духа обыскали в третий раз.

— Проходите, — Ия подтолкнула гостя в сторону кухни.

Складывалось впечатление, что Дух по какой-то дикой случайности попал в переплёт, для него совсем не предназначенный, но назад дороги уже не было. Кухня была нежилой. Ни чашек, ни шкафов. Голая раковина, голая газовая плита, голый стол, несколько голых табуреток. Что здесь? Притон? Тайная квартира для пыток? Что этим людям нужно от человека, целиком посвятившего свою жизнь философии и гуманитарным проектам?

— Садитесь. Ждите, — Ия вышла, Дух остался один. Прошло минут десять, пока Дух безуспешно тянулся нервным, обострённым слухом к источнику глухих голосов за кухонной дверью. Он ни слова не разобрал, отчего пустота в груди и тревога сковали его существо ещё больше. Мысли разбежались, кто куда. Даже чувства притворились мёртвыми… Проклятая страна! Проклятые люди!

Вошедший вместе с Ией респектабельный господин не представился. Разговор он начал в стиле неожиданного артобстрела:

— Вы вместе?

— Простите, не понимаю… — Дух поднял глаза на Ию.

— Он ещё ничего не знает, — холодно пояснила та.

— В трёх словах. Начинайте.

— Дух, ваш друг Грэй нанёс тяжкое оскорбление одной из наших… женщин, он ударил её…

— Короче! Вы эту блядь знаете, — терпение мужчины иссякло. Он говорил отрывисто и раздражённо. Дух мгновенно понял, о ком идёт речь. — Она требует, мать её, пять миллионов. Сегодня к вечеру.

— Это неудачная шутка? Я не совсем понимаю…

— Короче! Мы вас все уважаем, Дух, вы помогаете нашим детям и Городу. Но… У этой бляди есть очень высокие связи в Москве, она стуканула, так что… Короче, мне поручено сегодня же разобраться. Вы понимаете меня? Сегодня же! Вы знаете, что такое «разобраться»?

— Нет, — честно ответил Дух.

— Таких денег в свободной наличности у них нет, я проверяла, — между прочим доложила Ия.

Кабан насупился и с минуту думал. Дух начал осознавать идиотизм и серьёзность ситуации. Внутри русской страны-тюрьмы они с Грэем были абсолютно беззащитны. Абсолютно!

— Короче! Ещё раз спрашиваю, вы вместе или нет?

Дух уже обо всём догадался и был готов к ответу.

— Да, — сказал он твёрдо и тихо, взглянув на допрашивающего.

Кабан задумался ещё на минуту. Потом произнёс.

— Хорошо. Повторяю, мы вас очень уважаем. Вы на нас работаете. Претензий нет. Поэтому сделаем так. Я заплачу бляди сам. Но скажу ей, что деньги — от вас. Никто не должен знать об этом. Понимаете? Я рискую из-за вас. Если об этом выкупе догадаются наверху… Всё! Свободны!

В затемнённом салоне машины Дух получил назад свой телефон. Ия расслабилась, она вновь излучала притяжение и симпатию.

— Он поступил с вами очень благородно. Вы его чем-то взяли.

— А кто это? — совсем по-детски спросил Дух, уставший и безразличный, как мальчик, которого случайный педераст изнасиловал, но не убил, а отпустил жить дальше.

— Как кто?!! Сам Смотрящий!!!

Грэй так никогда и не узнал, что жизнь его висела на волоске. Что в стране духовных рабовладельцев и феодалов даже косой взгляд в сторону касты хозяев мог быть чреват самыми крайними последствиями. Истеричным и театральным здесь было всё: и кара, и прощение. Предупреждение кабана более чем надёжно запечатало уста Духа. Но что делать? Ничего не знающий Грэй был опасен, как дурак на минном поле.

Кое-как Грэя на пару недель отправили в Калифорнию, в дом к Котёночку — отдохнуть. Дух надеялся: авось, беда утрясётся. Но была и вторая беда — Ро. Жопазина портила девчонку, как ржавчина.

Талантливых, умных и решительных блядей в России следовало опасаться особо. И не только тех, кто прослыл «мастером золотые

ноги», но даже тех, кто просто распахивал объятия. Дружеские, или всенародные. Это всё равно было блядством, ложью. Тени, одевшись во фраки и мундиры, становились похожими на настоящих людей, они сами теперь были способны отбрасывать тень. Но для этого в царстве мрака им обязательно нужен был источник света — светоч. Неверный… Неверный! Внутренний враг. Отступник, победив которого, они, тени, докажут сами себе, что и не тени они вовсе. Вроде бы чепуха чепуховая. Но сколько же русских жизней скормлено этой чепухе и с той, и с другой стороны!

Чему было положено говорить, молчало во тьме. А чему положено молчать, обретало вдруг голос. И стонало, и выло, и боль свою в музыку обращало. Нищетой и убожеством здесь любоваться могли, как искусством.

Ро полюбила фотографировать пьяных, калек, попрошаек, драчунов и аварии. Дух возмущался:

— Не смотри на плохое. Прилипнет.

Хохотала беспечная Ро.

О низком с наслаждением говорили даже высокие души. О высоком — говорить не умели. И тупые молитвы его заменяли.

Каналы русской пропаганды до отказа были набиты непотребным смакованием картин разрушения. Россия! Родина смерти! Адский могильник для образов гнусных, помойка всемирная для непотребных веществ. Все этим пользовались.

— Малышка, человек похож на грядку. Можно его не трогать, не пропалывать, и тогда он зарастёт сорняками… — балагурил Грэй перед отъездом.

— Какой ты скучный, Грэй.

— Да уж не скучнее твоей Жопазины, слава Богу.

— Не смей её трогать!

— Щас! Знаешь, Ро, я много разных баб трахал, но, честное слово, первый раз трахнул бабу по морде. Не думаю, что с Жопазиной это — извращение. Скорее, традиционный способ тянет с ней на статью: скотоложество!

— От тебя самого дерьмом воняет!

По возвращению из-за океана некогда трудолюбивый Грэй впал в ещё большую спячку. Состояние переселенцев за минувшее время утроилось и удачно вложилось в русскую недвижимость. С террасы «светлого» ресторана открывалась панорама на «Версаль» — плодово-ягодный сад и грядки. Экологический магазин под открытым небом регулярно посещали жёны и экономки из богатых домов.

— Из окружения выходят по одиночке. А наступать лучше всего армией! Армии у нас нет. Значит, мы окружены… — Грэй частенько бормотал себе под нос всякую несуразицу.

Ро возненавидела Россию, она не стеснялась говорить об этом вслух. Она требовала немедленно всё распродать здесь и «уехать к нормальной жизни». Распродать! Разрушить и разорить то, что кормило, что стало домом, что пустило здесь корни и застряло живыми ветвями в чугунных просветах законов и правил продажной страны. Дух очень переживал. Начать всё с начала! Зачем?! Опять двигаться в неизвестном направлении? Куда?! Тот, кто выжил в России, не сможет жить больше нигде. Грешник, из ада пришедший, по аду скучает. Как боец по войне.

В ресторане «White Silence» один из посетителей включил переносный телевизор. Ультраправый американский лидер бесновался.

— Русские ракеты вновь нацелены на нас!

Огромная площадь, заполненная бисером человеческих голов и дёргающимися флагами, свистела. Лидер с чеканным лицом и уверенным голосом вколачивал свои отточенные убеждения в головы слушателей, как гвозди в крышку гроба.

Грэй и Дух с грустью сообщали друг другу: русская граница вспомнила о колючей проволоке. А русское общество из всех репродукторов и экранов «опыляли» идеей «великой России». Из старого исторического чулана был извлечен имперский показной альтруизм. Русские опять «боролись за мир», прижимая к груди гранату. Только русские умели доказывать торжество справедливости погашением разума. Ничто, кроме смерти, кроме заплесневелых мыслей о войне и врагах, не могло подтолкнуть клячу русской истории на следующий шаг. Тени доподлинно знали: и для плебса, и для «смотрящих» прощание с жизнью и есть жизнь! Поэтому каждый играл с прощанием как мог. И не было смысла, прощаясь с собой, строить далёкие планы или помнить о предках с неподдельной любовью.

Лучше всего, когда человек «как бы умирал», утратив свежесть чувств и критичность разума ещё при жизни. Так он получал возможность видеть всё хорошее не своими собственными глазами, а глазами внушённой мечты. При взгляде ОТТУДА Россия вновь была и сильна, и красива, и уважаема, и грамотна, и духовно возвышенна… Курильщики политического и религиозного опиума в стране спелись как никогда под отеческим патронажем Верховного Смотрящего.

С голодом и неразберихой в стране кое-как справились. Тени привычно набивали живот мякиной, размножались и не роптали зря. Пора было двигаться дальше, по знакомому кругу. Новое потрясание оружием многим казалось необходимым и уместным. И — желанным. Русская

жизнь не умела производить ничего, кроме смерти и её орудий. А какой профессионал откажется от того, что он умеет делать лучше всего?!

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

— Полный пи! — произнёс Грэй, глядя, как в окне проплывают картины белой горячки. Над жилыми кварталами на бреющем полёте прошло звено военных истребителей — репетировали приближающийся праздник Дня Города.

Нетрудный опыт простейшего наблюдения позволяет легко убедиться в том, что мир жизни существует благодаря простейшему действию — сложению. От микромира до макромира, всё без исключения подчинено этой образующей силе: складываются атомы, складываются времена и судьбы — нет ничего, что могло бы избежать сложения. Складываясь, простое порождает сложное. Складываясь, обыкновенное порождает чудо. Мир создаёт и пишет сам себя, как огромная книга: драмы миров, главы времён. Вещество становится разумным, чтобы разум мог овеществляться. Огромная книга без меры и края — Слово, длиною в вечность. Мир человеческий и мир прочий не враги, но мир человеческий — всего лишь малая буква в книге неведомой жизни. Много ли она скажет сама по себе? Разве что сгодится на крик или стон. Сила чувства и бессилие мысли выражаются одинаково — в яростном вопле одинокой, голодной страсти.

Всякая жизнь — Буква. И она ищет, жаждет сложения с себе подобными, чтобы смогло изречься большее. Простота — лучший фундамент для всего сложного, и чем она надёжнее, тем выше поднимется дерзость строителей и искусство певцов. Буквы жизни складываются в слова, слова в предложения, предложения в повести лет. В мире есть, есть свои подлежащие и сказуемые, предлоги и приставки, союзы и люди, похожие на знаки препинания, — в каждой стране свой особый язык бытия.

Для чего же годится небывалое русское завтра? Ах, неужели оно годится лишь для того, чтоб легко, как всегда, оправдаться перед выцветшим прошлым?

Смотрите! Сложились две любящих жизни, и родилось их слово любви. Так ведь и рождаются эти слова: как воздух, как дыхание, как небо и свет. Впрочем, есть вокруг и другое: слова, рождённые от слов, — мы всюду слышим их трепет, но не они заставляют трепетать наше сердце.

Предки?.. Пишут покойным письмо на особый манер — словами, обращёнными только к себе самому; так услышат тебя твои мама и папа

и ответят: и тем же, и так же — голосом совести, тихим намёком судьбы, неизбежным наитием, — жить продолжением жизни. Так прибавится жизнь того, кого уже нет, к жизни тех, кто ещё только будет; каждый может сказать: это я — знак сложения прошлого с будущим! И другого вовек не дано.

Буква не может сама себя прочитать. Складываясь лишь с собой и умножаясь за счёт себя, она не сможет ничего выразить, кроме унылой своей однотонности. Поэтому поиск другого — есть поиск себя: на двоих, на троих, на безмерную долю.

Простота безошибочна и гармонична, как младенец. А сложение — это искусство, именно здесь начинается мир ошибок и драм, и трагедий. Жизнь человечья, Буква, оказавшись в ряду неуместном, ты можешь погибнуть иль будешь стыдиться соседей своих! Человеку ведь дан удивительный дар личной воли и выбора: кому передать своё я, с кем соединиться, где, как и когда прозвучать: в одиночку или в хоре других голосов? Как необъяснимо нас тянет к одним людям и как отталкивает от других! Почему?! Слово бытия написано не нами. Как в недетской игре: угадай, кто ты есть и где твоё место? Можно потерять букву своей жизни, отдав её в книгу лжецов. Можно потерять эту букву, до времени бросившись в самосожжение.

Образ владеет жизнью. Объединившись в словах, мы в состоянии сказать сами себе то, что никогда не сможем изречь в одиночку, — причину жить в собственной речи. Одинокий человек в жизни — это глубокая осень ума, это предвестник зимней прохлады в душе. Кто тебя «прочитает», если закрылся вдруг листик судьбы? Каким бы сложным внутри себя самого человек ни был, а для всемирного закона сложения он по-прежнему остаётся клеточкой, первокирпичиком, мыслящим атомом вселенной. О, незачем, незачем его «расщеплять», освобождая энергию внутренней тайны!.. Мир устойчив, потому что он банален, и он всегда приглашает «прибавиться» к нему не чудом, а самым обыкновенным образом — путём жизни и смерти. Но в воле самого человека и сей дьявольский трюк — «вычитаться» из жизни: верить в дурман и искать самозабвений.

Слушай, как просит судьба: «Хочу стать большой!» Чтобы большому миру легко и удобно было брать её для своего прибавления.

Буква вполне выражает чувство, — для этого ведь достаточно и мычания, но одинокий знак бессилен, когда выражается мысль. Разум коллективен по своей природе: проникая в каждого, он существует лишь в целом.

Коротки повести русских лет, не связаны их главы и абзацы, рассыпаны в пьяном шатании память и буквы истории. Слишком громко спорят меж собой отдельные Я, слишком тяжело они складываются

в непрерывный рассказ общей жизни. Реплики, выкрики, мрачные молитвы и страстные проклятия, заговоры и выдающийся рёв одиночек, приказы и песни подвижников — вот на что израсходован наш алфавит бытия. Здесь голос одного звучит как выразитель немых миллионов. Неграмотно и опасно. Здесь голос общества — жадный урок подражания. Акцент языку и душе.

Текст жизни, устроенный чуждо, не может быть продолжительным. Только во сне ради сна чьё-то утро всего мудрёнее! Русское прошлое принято забывать ради русского утра.

Видимо, и впрямь есть время истинных заблуждений и заблуждений ложных. Первые учат преодолевать ошибку, а ложные — хоронят в себе голос разума навсегда. Какая простая мысль: продолжаться будет лишь то, что продолжается лично. Именно поэтому история русской страны и история её Гражданина — не линия, а пунктир… Рассказать о высоком чувстве здесь получается лишь после того, как оно угасло. Или отдаться идее, но ценой собственной жизни. Называть жизнью то, чего вовсе нет.

Посмотри из окна своего дома, чудак, на текущий по тротуарам пунктир прохожих: кто они, как они складываются, есть ли среди них живые буквы, и что хотят сказать по одному и все вместе? — ни конца, ни начала у этой «бегущей строки»!

Ах, на разных страницах лежат наши буквы… Общую книгу нашей общей судьбы отворяет загадочный ключ: от молчанья к молчанию Слово ведёт! Человек подражает всем сразу — он надеется сразу всем стать! Зверь увидит в нём зверя, злом откликнется зло, ангел смотрится в ангела. Как мы «пишем» других, так мы «пишем» себя. Буква! — Оптический фокус, сквозь волшебную точку которого преломляется весь алфавит суеты. Речь — наша жизнь. Знак препинания — смерть. Кому многоточие, кому знак вопроса.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Милый любовный «треугольник» — Дух-Ро-Грэй — распался. Грэй изрядно «окуклился» в своей подуставшей печали и оттого самоликвидировался из активных бесед и дел; над котлом русского бизнеса кашеварила Котёночек. Она, как и Грэй в начале своей карьеры, была жизнерадостна и подвижна, словно свежий кулачный боец, раздоренный русской «махаловкой». По прошествии лет каждый здесь оказался сам по себе. Ро подросла и превратилась в стройную девушку с лунообразным лицом. Между нею и Духом всегда сохранялись тесные, доверительные отношения. Но за последнее время и они получили трещину — Ро постоянно портила теплоту общения то одним

ультимативным требованием, то другим. Дух терпел подростковые нападки, ожидая, когда Ро изменится к лучшему. Девушка была ему очень приятна: знакомая, как дочь, и любимая, как… Как кто? Дух не смог бы ответить на этот вопрос. Девушка-кошка! Своими коготками она научилась трогать его сердце. И это сердце мучил примитивный чувственный опыт, впервые случившийся в жизни анахорета, — тихая, запоздалая страсть, которая зрела долго, слишком долго, как баобаб.

Как и все существа, наделённые от природы собственной «гравитацией», обаянием, Ро обладала способностью притягивать к себе мужчин. Но, в отличие от Жозефины, Ро преследовала в этой игре не сиюминутные меркантильные цели, нет, она искала другое — цель жизни вообще! Но ни одна из дорог судьбы в России не заканчивалась «попаданием»: таких целей здесь не было.

Широколицая, скуластая Ро не могла считаться красавицей, но она умело пользовалась косметикой и производила впечатление приятной, простой и доступной во всех отношениях девушки. Настолько простой и доступной, что на этом обманном мираже сильный пол обжигался до хандры и запоев. Ро была прирождённым воином! Внешней слабостью и лукавой простотой она обманывала бдительность тех, чьи сердца потом потрошила. К сексу она была почти равнодушна, но невидимые поединки сблизившихся человеческих «масс» на земле и на небе её привлекали необычайно. Женская душа, приблизившаяся к мужской вплотную, всегда вызывала в последней обвал, катастрофу, которая доходила до земли, — до идиотских неуклюжих признаний и семейных развалов. Победившая сердцеедка мстительно ликовала! Возможно, юная охотница таким образом отыгрывалась на жизни за несправедливость предшествующего этапа судьбы — за отсутствие настоящих родителей.

Знаете, как готовят «муравьиный спирт» не в аптеках, а в деревнях? Зарывают в муравейник стеклянную бутылку с гладким горлышком, на дно бутылки наливают одеколон — бестолковые мураши валятся вниз. Вот вам и «спирт» против ревматизма! Ро действовала по-крестьянски. «Рыцари» и «защитники» исправно сваливались в уготованную для них любовную пропасть, чтобы стать «растиркой» для ноющей девичьей души. Ро, несомненно, несла в себе некие комплексы: недоданности, недолюбленности, недопонятости, недо… Недо! Оформившееся тело и подростковый максимализм находили для своих сублимаций наиболее прямой путь.

Ро замучивала сердца своих поклонников не как Жозефина — внутри сердцеедки жил маленький, но очень шустрый и прожорливый дракон. Именно он поедал добытые сердца и души. Сверстников Ро сторонилась — она не понаслышке знала: в мире взрослых невидимая

добыча была и крупнее, и смачнее. Жертвы страдали. Мужчины чувствовали, что избавиться от образовавшейся зависимости очень трудно, почти невозможно. Ро превосходила серьёзных партнёров в умении владеть собой, отчего серьёзные дядьки становились глуповатыми и послушными. Она ничего не просила у мужчин, кроме одного — безрассудства. Она гипнотизировала их именно этим: любовь — безрассудна! Кабанов и воротил в её окружении не встречалось — воздыхатели, чаще всего, говорили изысканно и имели учёные степени. Ро, как первобытный воин-дикарь, прибавляла к себе от каждой, падшей от чар и соблазнов жертвы силу и уверенность. Она могла снять с влюблённого ангела скальп, даже не прикоснувшись к нему! В своих собственных глазах Ро возвеличилась до колдовской непобедимости. Все, кого захватывала её «гравитация», гибли не в падении нравов и принципов, а разбившись о твердыни и тёмные скалы характера чертовки. Она возникала в чьей-нибудь уравновешенной судьбе нежданно, как белокурая комета, чтобы безжалостно опрокинуть чьё-то сложное движение, связанное общей жизнью тел, и — исчезнуть, не оглядываясь, не прощаясь, гадко размахивая перед сокрушёнными чьими-то очами удаляющимся белым хвостом распущенных волос… Зачем, зачем она прилетала в этот круг, зачем щебетала и мило хлопала ресничками, зачем была так соблазнительно беззащитна! Смещались привычные центры тяжести, всё переворачивалось в соблазнённой душе бедолаг, гасли после пролёта кометы кормильцы-светила, сталкивались и разлетались на куски обжитые планеты. Ро бессовестно наслаждалась своим роковым даром. Влияние её на мужчин было несомненным, вина перед ними — недоказуема. Около неё ссорились влюблённые пары, расходились друзья, утопали в бездонном самокопании одиночки; Ро, как катализатор, заставляла в людях подниматься наверх, до фальшивых слов и поступков, самые потаённые и мутные их чувства, она одним своим присутствием помогала спускать с цепи злобные мысли; при ней сами собой ломались рамки дозволенного. Она заметила эту свою власть над людьми и стала ею пользоваться — брала, не возвращая, влюбляла, не влюбляясь. Юный зверь, прикрытый плащом инфантилизма, жил весело и сыто. Внутренний хищник существовал вне пола. В то время как оформившаяся грудка, голосок-колокольчик, сияющие глазки, округлые стройные бёдра, гибкий стан, выдающийся талант танцовщицы — были «приманкой» зверя. Ро очень редко смотрела на себя в зеркало. Гораздо больше информации ей доставляли «ощупывающие» взгляды будущих жертв.

Учёный бобыль, Дух, женщинами интересовался мало. Ро заполняла в его жизни какой-то пробел и за многие годы это стало по-домашнему привычным. Но что-то изменилось. Дух почему-то не мог контролировать внутри себя странное, очень странное пробуждение…

Кого? Чего? Он этого не понимал, не с чем было соотнести качество нарастающего беспокойства. Подобного опыта Дух не имел. Пробуждение новых чувств, наверняка, было как-то связано с дразнящими действиями девушки. Она по-прежнему, как ребёнок, садилась к Духу на колени, обнимала его, прильнувши к мужчине, так ветка весенней сирени из палисада жмётся к оконному стёклышку. Она могла на прощание или при встрече поцеловать его в губы, если была в восторженном настроении. Так было всегда. Но… В её взгляде появилась цепкая медлительность, она беспрепятственно, как инфернальный зонд, проникала внутрь зрачков Духа, что-то цепляла там коварным рыболовным крючком и словно начинала вываживать и принудительно выводить из глубин чужого существа самую осторожную и самую крупную дичину — живую человеческую душу. О, как билась и сопротивлялась пойманная душа! Как она не хотела покидать обжитой свой мир, как тянула обратно! Но крючок, проклятый крючок, вонзался всё крепче и крепче. Грудь девушки уже была горячей и упругой, объятия были уже не детские. Ро вынимала из Духа душу! Дух задыхался и обливался горячим потом; он чувствовал, как прыгало и трепетало в его груди сердце — нет, нет, оно не хотело оставаться в теле Духа одно-одинёшенько, без своей удобной и такой знакомой души, и вот оно, сердце, сорвалось со своего рабочего места и, не раздумывая, побежало за пленницей.

Вершина объятий жизни — небо, и живородящее дно её объятий — постель. Души земные идут «на нерест» в самые верховья Стикса — спариваться и погибать. Чтобы молодь — новые веры и новые надежды — вертели хвостиками и стремились к отеческому океану. Чтобы вырасти, чтобы драться и выживать. Чтобы тот, кто выжил, вновь стал дерзким и поднялся в верховья — за своею погибелью в детях, и возрождением в детях. Стикс течёт вертикально!

Дух пошатнулся. В течение последних полутора лет он наблюдал за собой раздражающий феномен. Где бы Ро ни находилась, он доподлинно знал направление, в котором следует её искать. Он интерпретировал это знание не глазами — тонюсенькая ниточка была привязана девчонкой к той пустоте, что некогда была сердцем внутри Духа; а настоящее сердце, как бесплатная собачонка при украденной лошади, душе, тоже теперь находилось в её владении; за живое сердце дёргали издалека — пустота внутри отзывалась близкой мучительной болью. Тонюсенькая серебряная ниточка! Эта ниточка выходила наружу со стороны спины, из-под левой лопатки, и безошибочно тянулась, наподобие стрелки компаса, именно в ту сторону, где находилась в этот момент быстроногая Ро. В Канаде или в Новой Зеландии, на Таити или в центре Города… Лицеисты-старшеклассники в неуёмном

стремлении «собрать самих себя» носились по миру, как взлетевший рой русских пчёл. Они обрастали замечательными связями, делились этими связями друг с другом, находили всё новые и новые полезные источники знаний и возможностей и перемещались с места на место со скоростью фотона. «Интеллектуальные цыгане» из России давали прикурить, кому хочешь! Ро была среди них.

Серебряная ниточка «тянула» день и ночь. Она отвлекала от мыслей, она не давала читать лекции, мешала спать и портила аппетит, она пагубно сказывалась на утреннем настроении и повергала Духа в неведомое доселе и крайне неприятное чувство — в чувство земного одиночества. Земного! Дух с детства привык к совсем другому одиночеству, которым можно было наслаждаться, как звездой, — в высоте и недосягаемости. «Высокое» одиночество было похоже на репетицию вечной жизни. Низкое — убивало. Убивало: время, мозг, руки. Разве может зависимость быть любовью?! Ах, Дух! Своё неожиданное «ранение» он скрывал. Но мог бы и не делать этого. Котёночек «рулила бизнес», а Грэй впал в состояние, похожее на опьянение, но это было опьянение от какого-то нематериального русского вещества — едва початая бутылка любимого «Снайпера» стояла перед его глазами и не убывала. Грэй полюбил тосковать. Разбудить его прежнее жизнелюбие теперь мог разве что какой-нибудь проснувшийся вулкан.

Бывая в Городе, Ро приходила на полигон одна, вступала с Духом в интересные беседы, рассказывала о диковинных местах на планете и диковинных людях, но больше всего Ро любила танцы — из каждой поездки она привозила что-то новенькое. В её репертуаре была уже целая коллекция «языков тела». Она любила красивое, «говорящее» тело, она была талантлива в нём! Ро при последних встречах излучала такую приветливость, что Дух вообще утрачивал способность логически мыслить. Дух скатывался в «приятие», как малый ребёнок, впервые съезжающий с русской горки, — наполненный смесью восторга и страха. Он наслаждался её близким обществом, радовался тому, что девушка научилась формулировать и задавать вопросы, на которые ответа нет и быть не может, — о сути жизни. Развитая интеллектуальная сторона воспитанницы наполняла Духа радостью, похожей на родительскую. Но когда она, полуобнажённая, танцевала перед ним на веранде ресторана, — в стеклянном «аквариуме», который Дух, по старой привычке, продолжал называть Домом Счастья, — она волновала его иначе: серебряная нить сходила с ума, превращалась в лассо, ловила прекрасное и тянулась обладать им, скрутив и спеленав воедино ловца и ловимую. Дух обычно сидел в широком кресле, лицом к освещённому Городу и его несгибаемой золотой трубе. У него у самого кружилась голова, когда Ро профессионально вращалась и летала, шлёпая босыми ногами по сосновому полу веранды; ему

казалось — это он танцует! Они позволяли себе приятное: ночь, огонь в камине, лёгкое вино… Дух, как мастурбирующий мальчик, вновь и вновь боязливо и восхищённо косил глазом на точёную фигурку юной женщины, изображающей перед ним то индийский танец живота, то аргентинское танго или венгерскую польку. В конце каждого номера он аплодировал, а Ро, счастливая, прыгала к нему на колени обниматься. Небеса в такие секунды выли и содрогались в конвульсиях — от слитой, спаянной теплом и инстинктами близости, от обнажённых и перевитых душ. В такие секунды украденное сердце Духа чуяло своё законное место и просилось обратно — билось о рёбра и металось под горлом — но темница по имени Ро не отпускала пленника.

Все влюблённые пары попадаются на этом! Украв друг у друга сердце, они начинают страдать, и, чтобы вернуть утраченный комфорт и покой души, они обнимаются и обнимаются, — в надежде на несбыточное, мол, вдруг сердца опомнятся и вернутся, авось, по домам. И ночь обнимаются, и век. И по двое, и миллионами. Увы! В России краденое редко возвращается на своё законное место — оно становится «своим» для того, кто украл…

Выход был. Реванш и спасение Духа — украсть сердце Ро! Обменяться воровством, чтобы жить дальше. Конечно, никаких подобных слов и помыслов разум Духа не рождал. Но — души! Души!!! Бессловесные и бессовестные твари, капельки божьего неба, веселились, глядя свысока, как их самодельные игрушки — тщедушные людишки! — трепещут в ладонях той самой шутницы-судьбы, что их слепила из «подручного материала»: места, языка, памяти и вещей. Трепещут и сопротивляются, плачут и смеются! Пробуют выпрыгнуть из ладоней Рока, или, наоборот, держатся до последнего… Соблазн никогда не бывает случайным: соблазн — зряч! Ро-хищница обвела Духа вокруг своего танцующего пальца, как наивного мальчонку.

В финале какого-то очередного восточного танца она ловким движением скинула с себя и без того необильные одежды. И — прильнула к Духу! Горел камин. Шатался и качался мир вместе с огнями ночного Города. Шаталась и торчала посреди марева городских огней огромная золотая труба.

Дух в ужасе приготовился к тому, что его немедленно разорвёт, замучает стыд, но ничего подобного не произошло: он прижимал к себе желанную девушку, она послушно отвечала на все его толчки и ласки… Впервые в жизни Дух понял: как хорошо ни о чём не думать! Ни о чём! Чувства превосходят мысли и по силе, и по возрасту. Чувства — огонь! Они легко спалили всю прошлогоднюю солому слов, насквозь, как из огнемёта, прожгли бумажные декорации учёных трудов и хитроумных сплетений текста; девальвировали и ухнули в никуда ценности умных книг; неинтересным сном забылись лекции и рукоплещущие

аудитории, незначительными и глупыми предстали подвижнические усилия волонтёров и их напыщенные принципы, канули в небытиё денежные хлопоты и размышления, куда-то, как эфир, испарились вездесущие «выгода», «расчёт» и «прибыль», — ум замолчал, тело насладилось. Дух, дурак-дураком, понял: как хорошо быть счастливым и что это значит!

В миг любви живой человек наполнен бесконечностью мига, неповторимым моментом вспышки, потому что момент этот полон сам, полон так же, как полна собою Вселенная в любой её божьей росинке.

...Не говорили. Молчали. Каждый чувствовал сокровенное: в миге бытия любое слово — лжец!

Поэты на всех континентах твердили: любви хватает и малости. Что ж, она, действительно, обходилась малым, но и торопилась на земле не зря. Высокой, прекрасной и хрупкой, парящей где-то там, над городами и машинами, любви грозила смертельная опасность в путешествии сквозь слова и мысли землян! Сквозь кордоны их смертоносных правил. Поэты стенали! Как охранить эту безмозглую святую, эту родительницу света и тьмы в душах человеческих?! Любовь нельзя поймать, нельзя сдать её в музей или спрятать под воровским плащом, никто не сможет приковать её к гранитному памятнику или заколдовать, заточить в чёрную россыпь писательских букв; она, любовь, не имеет ни хулы, ни поклонений.

Любовь, любовь! Лишь она одна способна жить здесь и сейчас! Здесь! Здесь! В вернувшемся из небесного путешествия сердце. Вот она — серебряная ниточка, петелька серебряная! Душа не имеет времени, значит, нет у неё возраста. Все души — свободны! И они сливаются так, как им хочется. Прихотливо. Без оглядки на земную неподходящесть. Мужчины и женщины, женщины и женщины, мужчины и мужчины, люди и деревья, и животные, и демоны. Седовласые и юные. Была б лишь душа! Чистые души сраму не имут!

Души играют в людей, хохоча. Бог, играющий в души, вечен. Плач людей краток, как жизнь их смешная, как капли дождя. Бог любуется играми деток своих.

Ро заговорила первой. Она обняла Духа крепко-накрепко и твёрдо произнесла:

— Милый мой! Давай уедем навсегда, мне нужны все мои деньги. Все мои деньги! Я не хочу жить в России.

На выдохе Дух понял глубину самообмана — он понял, что такое «умереть не своей смертью». Вместо возвращённого сердца и вечных объятий, сладких и светозарных, выпотрошенный любовник обнаружил в своей груди... муляж. Ро соблазнила его не по любви, не по безумию. Дух был подавлен и унижен. Он не узнавал, кто перед ним: Ро или Жозефина? Пустота в сердечной пазухе колотилась: бух-бух,

бух-бух-бух… Но, что это? Серебряная нить… не исчезла! Она осталась, осталась! Духа потянуло закрыть глаза и умереть.

— Хороший мой, ты исполнишь мою просьбу?

— Нет, Ро. Пока нет. Вы зря потратили на меня своё время.

Девушка поджала губки и как ни в чём не бывало, не одеваясь, ушла в свою комнату. У камина остались лежать брошенными её танцевальные наряды.

Рано утром, на рассвете, Ро подожгла Дом Счастья.

ПРОШЛО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Да, пел с другими я, но жил тобой!
Двойная ложь преображалась в правду:
К единственной стремясь, я был с любой
Единственным, как миг, как плод из сада.

Простите, женщины, инстинкт, восторг,
Дорогу опыта, молчанье адресата,
Всех прошлых радостей пожизненный острог
Содержит память, что, как смертник, полосата.

А, знаешь, трудно продавить стеклом
Столь хрупкий лоб, и это — странно…
Льём скучный чай. Соседи пьют одеколон.
И двери разделяют нас, но всё ещё не явно.

Споёмся, милая, как с ночью день!
Мы всех поделим, до последней шавки,
И на познаний спил — древесный пень —
Поставим рядышком неревностные тапки.

— Смерть! Смерть! Ты просто слепой! Зачем ты привёз меня в эту дыру? Зачем?! Ты ищешь здесь какую-то несуществующую идею, великое оправдание для невеликого себя? Это я подожгла твою богадельню. Я! Я!!! Россия — это смерть. И, знаешь, какая? Особенная, мучительная, которая заставляет ослепших дурачков любить её… Таких, как ты, Дух. Люди умирают здесь медленно, по частям, смакуя гибель свою по кусочкам. Сначала подыхает душа, потом разум, потом чувства… А уж когда наступает черёд для тела — это, действительно, избавление. Избавление от себя самого — трупа. Здесь нет ничего, кроме смерти, и никогда не было. Она всюду, во всём, в каждой пылинке этой проклятой страны, в каждом её мгновении, в каждом взгляде

и в каждой двуногой гадине, мечтающей о счастье! Здесь прославляют мёртвых. Слепой! Ты не видишь, что опущенные люди не сильны в жизни, что они не умеют и не хотят подниматься, объединившись. Они сильны лишь в падении, в разрухе, в убийстве, в чёртовом их равенстве на самом дне. Смерть, смерть, смерть — желанное начало. И для толпы, и для каждого из них. Ты что, не понимаешь, что они на неё молятся, что это — единственная любовь лентяев и неудачников? Русская смерть заразна! Она проникла в жизнь, она научилась носить её одежды и говорить на её языке. Смерть — языческий культ её деток. В честь неё они готовы навсегда превратиться в стадо безропотных овец, гордящихся своей безропотностью и своим оскоплённым разумом. Так вот, героический конец — не для меня. Я не хочу жить в куче вашего поднебесного навоза. Мне не нужна ваша несуществующая «правда» — хватит! Я не желаю всегда быть настороже, чтобы не спятить, не свихнуться от трупного яда, вытекающего из русского прошлого, и не опьянеть от реальных иллюзий, взятых из нереального будущего. В царстве смерти слишком много говорят о духовности, потому что этого здесь нет и в помине. Духовное — бессловесно! Тебе ли этого не знать?! Здешнее небо кишит самовлюблёнными каннибалами и убийцами. Настоящего словно бы и нет вовсе. Потому что смерть ненавидит настоящее! А я его обожаю. Дух, я, я… я любила тебя. Я…

Девушка, крайне возбуждённая обвинительной речью, опустилась на колени и неожиданно поцеловала человека, безучастно лежащего на носилках. Глаза Духа были открыты, губы бледны и плотно сжаты, одежда местами прогорела. Полукругом топтались у носилок спасатели, поджидающие экипаж медицинской «неотложки». Пахло гарью. Пожарные машины готовились к отъезду. Оперативная работа кончилась. Среди наступившей тишины стали слышны птичьи разговоры, да негромкий матерок специалистов, собирающих свой технический инвентарь; и как шум в шуме — привычно покрывал Город и окрестности отдалённый гул гигантского оружейного завода. Июньский ветер волнами окатывал пустырь полигона то теплом, то холодом. Деревянный терем — единственное диковинное украшение этой окраины — сгорел. Духа вынесли из огня спасатели; после оказания первой медицинской помощи пострадавший пришёл в сознание, но был ко всему безучастен.

— Сама призналась, бильдюга, задержать бы надо, — начальник караула, молодой, решительный парень направился к девушке и уже протянул было руку, чтобы поднять её с коленей, но не успел… Гибкая и стремительная, как смуглая змейка, поджигательница отпрыгнула в сторону и, не оглядываясь, побежала по сухой тропинке в сторону Города. Начальник караула потянулся за рацией, но вдруг передумал. — Хер с ней. Пусть менты ловят, это, в конце концов, их работа.

ДЕНЬ ГОРОДА

08.35

Дух ослеп. Он отказался от госпитализации, по памяти, на ощупь расписавшись в бумаге медиков. Грэй слонялся вокруг головней, он был серым от волнения и с утра уже пьян. Котёночек хлопотала около Духа. Мужчины молчали. Чудную тишину июньского утра наполняли лишь причитания Котёночка. Да откуда-то издалека доносилась бравурная музыка, льющаяся из уличных репродукторов. Город с утра вожделел праздновать свой День. Обожаемый всеми праздник — День Города! К этому событию горожане готовились заранее: муниципальные учреждения культуры, учебные заведения, крупные бизнес-корпорации и мелкие лавчонки, спортивные общества и церковные хоры, закупленные артисты и местная самодеятельность — все стремились слиться в едином однодневном сценарии, в потоке общего веселья и взаимопонимания. За рабочий год, наполненный беготнёй, грызнёй и притворством, люди успевали изголодаться и соскучиться по открытым настежь дверям, по бесплатному входу-выходу в парки, музеи и частные шоу-потешки; в этот день все любили друг друга, как братья и сёстры. Сотни тысяч нарядных сограждан заполоняли пространство центральных улиц и площадей Города, и соборные люди с наслаждением, гордостью и счастьем видели: как нас много! как замечательно быть всем вместе!

Сценарий праздника на сей раз получился особенно хорош. Его подсказала случайная находка — в здании бывшего инструментального цеха, а ещё ранее — бывшей пересыльной острожной тюрьмы, нашли под вскрытым полом… склад кандалов. Находка пролежала в каменном мешке больше двух веков. Промасленные кандалы были как новенькие! Горожане ахнули, всплеснули ладошками, изумились, но — не удивились. Все знали, что Город находился на знаменитом Сибирском пути, который, словно становой хребет русской истории, тянулся от Москвы аж до самого Сахалина и Магадана. Около тысячи кандальных комплектов принадлежали теперь хозяину бывшего гипермаркета, который нынче, в связи с веяниями свежих выгод, срочно переделывали под ресторан-музей. Предполагалось, что водка, дизайн-атрибуты оружейной смерти, местные шаманы и колдуны будут привлекать сюда богатой публики куда больше, чем полки с магазинными финтифлюшками. Идею бессовестно украли у Котёночка. Собственно, это было в порядке вещей — идеи воровались теми, кто обладал лучшим местом и большей властью. Чужими идеями богатые и сильные мира сего украшались, как модницы, хвастая ими друг перед другом и похваляясь умыкнутым.

Входные двери острожной тюрьмы располагались почти вплотную ко входу в Музей оружия. Коммерческое удобство для ловли рублей

и валюты было несомненным. Пересыльный острог — длинное одноэтажное здание со сводчатым высоким потолком и стенами четырёхметровой толщины — пережил и царей, и горлопанов. Сам Бог повелевал устроить здесь что-нибудь этакое-разэтакое!

Кандалы поначалу хотели отправить на торжественную переплавку — День Города оружейные металлурги готовились встретить долгожданным возрождением своих реконструированных, сверхмощных мартенов. Но потом кто-то из бывших лицеистов, а ныне начальствующего состава, предложил блестящую креативную мысль: устроим для Города исторический театр! С переплавкой кандалов решили повременить.

На полигон с городского ипподрома прибыл верховой казачок. На длинном поводу он привёл за собой вторую, неосёдланную, лошадь. Балаганное диво с огоньками и амулетами раз в году выкатывалось из «Black Silence», подземного ресторана, для участия в однодневном городском карнавале. Мэрия платила.

Контракт, хоть умри, выполнять надо! Котёночек поласкала Грэя, пошептала ему что-то на ухо и негр послушно пошёл запрягать коня, достав из подсобного помещения необходимую амуницию.

— Вот это да! Вы умеете?! — восхитился казачок. Грэй действовал как холоп: сказано запрягать — значит, запрягать. И говорить тут не о чем. Да и думать незачем. Знай, запрягай!

— Куда гнать? — поинтересовался Грэй.

— К Музею истории, знаете, где он находится? Праздничная колонна пойдёт оттуда. Начало шествия — в одиннадцать. Ой, что бу-удет!

Казачок ни о чём не спрашивал, но было заметно, что он мечтает поскорее покинуть территорию полигона. На месте Дома Счастья чернели головни, грядки и дорожки были в безобразных колеях, оставшихся от тяжёлой техники огнеборцев, и в колеях этих плавали хлопья пожарной пены, а воздух отравлял запах гари. Лошади тоже вели себя неспокойно.

— Садись, Дух, покатаемся… Эй, ты в порядке? Поехали, старина, приведёшь нервишки в порядок и всё образуется. Очухаешься!

Котёночек пробовала возражать, но Грэй озлобился:

— Отойди, баба, от воза!

Духа усадили внутрь фургона. Он ни на что не реагировал. Перед его взором — теперь уже только мысленным — маячила какая-то чёрная вата, в которой иногда проплывали неясные тени, какие-то обрывки цветных линий; хаотичное нечто, чему не было ещё придумано земных названий… Всё было слишком нечётко, чтобы внимание могло опереться на внутренние видения и хоть как-то сосредоточиться. Голоса он слышал и понимал их, но они были ему безразличны. Он хотел лишь одного — найти Ро во что бы то ни стало!

— Н-но!!!

Повозка отправилась в путь. Цокали по асфальту подковы, болталась на повозке всевозможная колдовская шелуха и какие-то магические ленточки, среди этой детской требухи по бокам фургона красовались два рекламных плаката, призывающих испытать «неповторимую красоту и эксклюзивную атмосферу» уникальных ресторанов полигона… Охрана подняла шлагбаум. Кирпичная стена, крепость и опора русской жизни и русского бизнеса, осталась позади. Справа и слева на шутовскую повозку пялились утренними бельмами окна домов — вперемешку: то каменные палаты «новых», то стёклышки, уцелевших в битве за собь, покосившихся куреней.

— Н-но, пиз-зда ленивая! Н-но!!! Н-но!!!

Грэй что есть силы вдарил по крупу лошади вожжами. Лошадь встала, как вкопанная, и осуждающе оглянулась.

09.00

Улицы перекрыли работники автоинспекции, даже для проезда общественного транспорта был запрет, отчего Город сразу же приобрёл уют, подобный тому, что создают лужайки и прогулочные дорожки в садах и коттеджах избранных.

Внутри многоквартирных высоток и в деревянных домах частного сектора, в огороженных новоделах власти и денег, в оплотах религиозного натиска — всюду велись волнительные приготовления к выходу в общегражданский примиряющий свет. Девочки крутили бантики и косички, папы скребли бритвами щетинистые щёки, тёщи разводили дрожжи и ставили своё, «немагазинное» тесто, мамы и старшие дочки пшикали дезодорантами в подозрительные телесные места и второпях размахивали раскалёнными утюгами над обнаруженной вдруг складочкой… Даже объевшиеся домашние кошки в этот день держали хвост торчком, как во время свадебных ухаживаний.

Утро! Молодёжь начнёт глушить себя адским звуком и беситься в танцах лишь к вечеру. А утро — пора семейная! Из загаженных подъездов появлялись неожиданно нарядные и чистенькие детки и их родители, чтобы устремиться в центр Города, в радостную толкотню и ярмарочную пестроту особенного дня. К гуляющему по-семейному народу демократично присоединялись семьи директоров и глашатаев от политики. Все дружили улыбками, поклонами, рукопожатиями и сердечными ахами: «Ах, кого мы видим!»

Рядом с Музеем истории находился городской «Арбат», как в шутку острословы прозвали короткую, заасфальтированную улочку, закрытую для проезда автотранспорта всегда: и в праздники, и в обычные дни. Улочка постоянно была ухоженной, летом на газонах зеленела подстриженная трава, а в палящие часы голову граждан защищала пышная листва дерев. Здесь обожали бывать, как в анти-урбанистическом заповеднике, любители городской красоты, которые приезжали

походить туда-сюда по «Арбату» аж из ближайших к Городу деревень. Улочка была показательной, действительно сделанной для жизни, для людей. Она соединяла собой две площади, на которых располагались важные правительственные здания с флагами. Чиновники с удовольствием прогуливались пешим ходом по своим многотрудным умственным делам от одного здания к другому и обратно. Они сделали эту улочку для себя. Но и народу, конечно, не возбранялось насладиться общедоступным Эдемом.

В День Города на «Арбат» с утра высыпала вся творческая живность, ютящаяся по подвалам, чердакам-мансардам и приютам рукоделия — сараям. Чего только не выставлялось здесь и кого только не встречалось под сенью «арбатской» листвы! Глаза разбегались от разнообразия: плетёные корзиночки, кичевая живопись, деревянные фигурки мифических подземных ящеров и каких-то местных леших, задёшево щенки лабрадора, отворотно-приворотные зелья, авторы книг, раздающие автографы, кадеты, прославляющие Родину и родную казарму, байкеры, псалмопевцы с гитарой, вербовщики на работу за границу, надуватели шаров и воздушных зайцев, мороженщики, — казалось, что в один-единственный день Город старался втолкнуть весь годовой заряд своего оптимизма, улыбчивости, таланта и песен. Сделать запас, чтобы было что вспоминать потом, чтобы можно было лютой безработной зимой достать, как варенье из погреба, светлую летнюю память да и припомнить со вкусом: «А ведь славно тогда погуляли! Как украли денёк!» День завсегда здесь год поит и кормит!

Утром выходили на прогулку однодетные пары степенных — непростая примета новейших времён: он уж седой, а она — только-только из школы. Словно русская жизнь прогнила посерёдке, здоровье по краям лишь осталось — в молодом женском теле, да в зрелом зерне устоявшихся, крепких самцов. Много пар этих нынче! Лихо ищут друг друга они, и находят, и счастливы вместе вполне. Да прибыток от них невелик. Вместе две «крайние» жизни сойдутся — одна получается новая. Древо жизни назад стало пятиться. Ах ты, Русь!

До беды до своей недотёпушка русский лишь верует, а уж после беды — и подумать не грех. Без беды ни того, ни другого никак не получится! Что готовишь судьба, замешав первоцвет с пустоцветом?!

09.40

Дух трясся в телеге. Он понимал, что, кажется, сходит с ума, что зрение уже не вернется к нему. Но до того, как окончательно испортится его разум, он должен, должен найти Ро! Он должен ей сказать самое главное! Этой мысли, этому отчаянному поиску, горячечной жажде последней объяснительной встречи и лихорадке чувств было подчинено всё.

— Ой! Это вы, Дух? Можно, мы тоже прокатимся?

Стайка развесёлых лицеистов попрыгала в полутьму фургончика. Духа, всегда подтянутого, твердого в голосе и манерах, справедливейшего грантодателя, ребятня почти не узнала — Дух постарел за одну ночь. Шевелюра его была всклочена, лицо небрито, а глаза пусты. Оказавшись рядом с детворой, Дух жалобно вскрикнул и стал метаться и искать способ покинуть фургон. Откинув задний полог, он на ходу вывалился прямо на дорогу — умягчённые Днём Города до сердобольности, к нему со всех сторон ринулись люди. Остановив лошадь, бежал к Духу Грэй.

— Грэй! Они здесь, здесь! Они хотели меня схватить! Они здесь! Грэй, убери их!

Воспалённый мозг, не получающий сигналов от глазных нервов, видел не то, что видели остальные. Когда малышня попрыгала в кибитку, Дух ясно узрел, как вокруг него закопошились «мохнатые» — жуткие фантастические существа, которые хватали друг друга страшными щупальцами, резали друг друга бритвенными крючками и лезвиями, пили мозг и чёрную кровь, а иногда выпускали длиннющие, как у хамелеонов, арканы-языки, которые приносили им новые пыточные инструменты или какую-нибудь падаль. И все эти щупальца-убийцы вдруг обнаружили Духа и потянулись к нему… Он потерял над собой контроль — тело в панике попыталось спасти себя.

— Пш-шли вон! — Грэй разогнал молодых нахалят. — Дух, я вызову «неотложку» и тебя отвезут домой. Домой! Ты слышишь, домой!

Дух слышал. Он справился с болью в локте и жестом отмёл предложение друга.

— Найди Ро!

— Не беспокойся, Дух, найдём. Найдём твою девочку! Куда она денется! И дом новый построим! Так или не так? — утешать Грэй не умел.

Дух нащупал никелированный поручень, идущий вдоль повозки-фургона, и в дальнейший путь отправился пешком. Движение замедлилось. Благо, до «Арбата» оставалось всего ничего.

Физик, надевший ради праздника белоснежный костюм, подскочил к балаганному шествию.

— Оп-ля! Какая встреча. Как дела? У меня всё отлично! Послезавтра еду читать курс. Знаете, болгары пригласили на неделю… — он тараторил, никого не слушая и даже не интересуясь: слушают ли? Физик, представленный нескольким иностранным делегациям, которые привозил в Город лицейский грантодатель, удачно «зацепился» за знакомства и теперь развивал собственную линию интеллектуальной игры. Русской провинцией иностранцы интересовались так же охотно, как посетители ресторанов Котёночка интересовались клубничкой

и экологически чистыми огурчиками, собственноручно сорванными с унавоженной грядки.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — Физик раздавал поклоны встречным знакомым. — Знаете, я обнаружил преинтереснейшую штуку! Хотите, скажу? Так вот: дети в России перестали рождаться! Понимаете! Не понимаете? Под «детьми» я подразумеваю высшую детородность — когда живой Бог порождает такую же живую душу. Понимаете? Дети в русских небесах больше не рождаются. Вообще не рождаются! Русское небо бесплодно! Бес-плод-но! А мир мысли? Он не заменит нам душу, хоть и тщится это сделать. Увы, увы, мир русской мысли тоже болен: здешний ум оплодотворяется не возвышенной собственной душой, а такой же обездушенной мыслью, взятой где угодно и как угодно. Инцест! Мысль, идущая от другой мысли, — выродженец, урод! Вы согласны? Спасибо. И, наконец, земля. Что ждёт нас здесь?

— Блядство, — подытожил Грэй, вышагивающий с вожжами в руках рядом с Духом. Он перестал «облагораживать» выразительный русский мат обрезанием слогов.

Физик словно перенял эстафету умствований от Духа и откровенно стремился занять в учёном мире его оригинальную нишу. Физик по-западному старался «видеть умом», чтобы «объяснять духовное». Но никому здесь это не было интересно. Люди в России традиционно хотели допреж всего иметь то, что можно унести с собой в руках или в желудке. И только современные дети обывателей хотели и согласны были «нести» в завидущих глазах образы иных миров без разбору — и блеск их, и грязь. «Проверено на себе!» — вот марка качества русских самоубийц. Духу было всё равно. Его рука держалась за сталь, а ноги уже шаркали по «Арбату».

10.00

Серость расступалась, над Городом поднималась заря. Солнышко «играло» как на Пасху. Настроение было праздничным даже у бомжей, которые стянулись к «Арбату» через дворы и закоулки, минуя милицейские кордоны. Бомжи прослышали о самой привлекательной задумке исторического сценария: тем, кто пройдёт весь «этап», от Музея истории до Музея оружия, в кандалах, — тому нальют по стакану бесплатной водки и дадут миску солдатской каши. Официально слух нигде не подтверждался, но все знали: так и будет.

Общий праздник накладывал на лица людей общее одухотворение, подобное солнечному свету, который умел ложиться на всё без разбору и делать суету осиянной. Всходящее солнце атаковало городскую серость сверху — превращало пасмурность домов и дорог в милую лучезарность, а люди, дружно засветившиеся от любимого праздника изнутри, помогали работе солнца своими улыбками и ожившим блеском глаз. Серость сдавалась, она покорно отступала под натиском

объединившейся осиянности людей и неба. В этот день городская серость не была агрессивна, она не опутывала собой пространства и не смела нападать даже на одиночек. Это был не её праздник. Серость, как туман, уползала в соседние миры, в мистическое подпространство, таилась там, выжидала и, как всегда, готовилась к длительному и мстительному реваншу. Но в свой день — Город гулял! Уцелевшие ветераны завода, одряхлевшие вояки с орденскими колодками и потускневшими медалями на старомодных кителях, кучковались у аляповатого памятника Вечному солдату. Рядом с ними старушки-домохозяйки дребезжащим, ультразвуковым фальцетом пели «Рябинушку», слов которой никто не помнил. Благородная, но беспомощная старость демонстрировала гуляющим непонятный трепет своих непонятных душ, взятый из какого-то непонятного прошлого. Архаичные ископаемые ничего не могли передать тем, кто сегодняшнюю жизнь «проектировал», — строительный материал и чертежи русского бытия поменялись до очередной неузнаваемости. Всякий век пел лишь свою песню. А на стыке веков полностью менялись и «дирижёр», и «репертуар», и «декорации».

Немалое скопище людей затоптало газоны чудесной улочки, замусорило углы пластиковыми бутылками, стаканчиками и окурками. Но привычных мелочей никто не замечал, да и урн на всю улочку имелось только две. Парочка мусоросборников, выполненных в виде пингвинов с открытыми ртами, стояла как раз перед входом в Музей истории; рты и недра удивлённых металлических птиц уже с утра до отказа были забиты мусорным подаянием от наиболее сознательной публики; однако культурные люди, новые, подходящие на «Арбат» интеллигенты, продолжали старательно пихать свои фантики в переполненные зевы. Люди вокруг толклись, переговаривались, шутили, трепались по мобильной связи, визжали и кидались друг другу на шеи.

— Дают! Дают! — пронеслось над толпой.

Сразу в нескольких местах на первом этаже Музея истории распахнулись окна и из них бойко стали выдавать кандальные «железа». Началась весёлая давка. Но кандалы давали, в первую очередь, тем, кто соблюл условия участия в городском карнавале — раздобыл для себя исторический костюм. Разумеется, в первых рядах у заветных окон оказались баловни протекций, начальники и их дети. Этим наряды любезно предоставили местные театры и музейные запасники. Граждане, не имеющие свободного доступа к государственным закромам, проходили карнавальный ценз честно. Неутомимые городские энтузиасты шили наряды собственноручно. Костюмированная толпа постепенно оформлялась во внушительную колонну. Счастливчики, добывшие бутафорию двухвековой давности, закрепляли «железа»

на ногах, свинчивая половинки кандалов на пластиковый винт: партию резьбовых сцепок специально приготовили для этого случая. Кто-то «заковывал» себя самостоятельно, кто-то помогал соседу или соседке. Колонна представляла из себя поразительное зрелище! Словно разбуженные Страшным Судом, восстали из многовекового небытия жители прошлого и сошлись в небывалом торжественном ходе. Бывает, река, наткнувшись на затор, вот так же бурлит и копит всё, что ни принесет ей течение… И восстали мёртвые! Цари и вассалы, крестьянки и барышни, гусары, купцы, ремесленники, военный люд от белого до красного и чёрного цветов, разбойники, морские офицеры, господа и холопы, ямщики, цыгане и щёголи прошлых лет, джентльмены во фраках — все они спешили надеть на себя потешные цепи, строились, балагуря, чтобы пройти «по этапу».

Кандалы на ногах странным образом сплачивали плечи людей — потешная неволя подталкивала толпу к ощущению родственной близости, может быть, даже к чувству неизъяснимой дружбы, какая рождается в России только от тяжких совместных испытаний. Может быть, может быть… Карнавал хохотал и безбоязненно заигрывал с канувшей в могилу историей. Ха-ха! Будет что рассказать друзьям и знакомым, живущим в иных уголках этого мира. Ха-ха! Ха-ха-ха! Мол, и мы не лыком шиты: «Глядите, как можем!»

Всё бы хорошо, да не хватало в этой толпе главных героев русской истории — каторжан. И тогда мудрый мэр принял смелое политическое и гражданское решение: выдать бомжам кандалы! Оборванных людей с синяками на лицах поставили в хвост колонны; заскорузлыми руками и горбатыми ногтями они ковали себя торопливее прочих. Запах цветов и дорогих духов, витающий над «Арбатом», перемешался с запахом трущоб, канализационных колодцев и подвалов. Глаза бомжей зажглись и засветились, они живо навинтили кандальные цепи на ноги: вот он, праздник, вот она, справедливость, — и их за людей в этот день посчитали! Спасибо, отцы родные!

Костюмированной колонне выдали растиражированную листовку — слова подобающей песни. Чтобы «пели с листа», как один!

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль.
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Динь, бом, динь, бом,
Слышен звон кандальный.
Динь, бом, динь, бом,
Путь сибирский дальний.

Динь, бом, динь, бом,
Слышно там и тут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

Грэй сидел бы в своём «курене», в расхипованном вагончике, за высоким каменным забором, как обычно, не участвуя в городских пиар-помешательствах. Внутри забора жизнь рукотворного оазиса текла из самой себя в себя же саму, а жизнь местных — всегда мимо, мимо... И кто мимо кого тёк? Никто не знал!

Пожар на полигоне разозлил Грэя, а всеобщая радость вокруг лишь усугубляла эту злость, отягощённую ещё и наступающим похмельем. Он готов был оторвать голову Ро за её выходки. На полигоне Котёночек в это время давала показания пожарному дознавателю.

Возглавлял шествие верховой казачок, в руках у которого мешался, нелепый для всадника, мегафон. Следом за верховым должна была тащиться фетиш-повозка, в которую тоже накидали, на случай присоединения к «этапу» новых членов колонны, штук пятьдесят «желез». Рессоры просели. Шествие из музея в музей не было прямым перемещением — участники должны были посетить по пути несколько тематических площадок Дня Города, где тоже набирал обороты и шумел долгожданный праздник. Люди искренне радовались. Серости не стало хотя б на один день. Её, городскую позорницу, закрасили общими усилиями. Так красится баба-молотобоец на свой день рождения.

Зрелище было необычным и внушительным! Построившуюся колонну охраняла рота автоматчиков с настоящими, но холостыми патронами в рожках магазинов. Услуги роты оплатил хозяин исторической находки — кандалы не должны были потеряться, дармовой металл ждали «Вторчермет» и мартен. Для острастки и антуража автоматчикам было разрешено постреливать в воздух, имитировать хрестоматийную грубость конвоя и подталкивать идущих. В ряды потешной охраны встали также энтузиасты-добровольцы с деревянными штыковыми «трёхлинейками», они тоже подтыкали закованных. И этап, и конвой до слёз смеялись друг над другом, перебрасывались циничными репликами и подзадоривали себя чёрным юмором.

10.55

На балаганную повозку взобрались несколько человек: мэр, лицейский директор, Ия и девяностодвухлетний оружейный конструктор легендарных пушек. Мэр, руководящий Городом автоматически действующих граждан, автоматически живущих и верующих в своём «заводе», произнёс, как и должно ответственному лицу, «автоматическую» речь. Глас его, уловленный микрофоном и усиленный демонической силой электричества, полетел, полетел из уст августейших к ушам

внимающим. Но ни в сердце, ни в душу «автоматическая речь» государственного мужа не попадала — едва достигнув ушей толпы, она увядала и бесследно рассыпалась в ничто.

— Друзья мои! Наш Город — кузница страны, которая вот уже триста лет верой и правдой служит интересам великой державы. Мы бережно храним память о наших предках. Мы можем гордиться своей историей. Наш Город и наше оружие знают во всём мире! Здесь живут замечательные люди! Мы — наследники великой славы и мы её с честью понесём дальше. Сегодня состоится первая торжественная плавка нашего знаменитого металла! Наши пушки снова будут лучшими! Нам есть чем гордиться и ради этого мы готовы жить и работать дальше.

Кандальники зааплодировали, засвистели и закричали: «Ура!» И построившийся этап, и конвой, и дети с мамашами на тротуаре, и цветочницы, и пацанва на газонах, и художники-портретисты, и их модели — все, кто оказался на «Арбате» в сей торжественный час, автоматически поддержали оратора: «Ур-р-рааа!!!»

Мэр спрыгнул с повозки и демонстративно, встав в строй, заковал себя в кандалы — равный среди равных. Слегка поколебавшись, в колонну этапа шагнули за своим предводителем несколько банковских директоров — сложившийся политес не позволял отставать от поданного «сверху» примера. Смело шагнул в строй чиновничий аппарат: дамочки из отдела культуры, заведующий налогами и министр промышленности, президенты компаний и корпоративные богачи. Да что там! Сам Смотрящий передал милого карапуза юной жене и шагнул в карнавальный поток. Кандалов хватило на всех.

Городские вип-отцы возглавляли колонну. Им, как персонам особым, разрешалось использовать кандалы с обычным костюмом. Но среди разнаряженной смеси платьев и френчей их отутюженные пиджаки и модные штиблеты, белые рубашки и перстни на пальцах не смотрелись диковато или отчуждённо, наоборот, как нельзя лучше продолжали маскарад русской истории! «Новые» вполне органично вписывались в этап, они украшали его — действительно, равные среди равных.

Казачок на коне привстал в стременах, поднёс мегафон ко рту и гаркнул поверх голов:

— Парад, алле!

Многоголовая змея колонны всколыхнулась, подалась нерешительно вперед, пробуя в новых цепях свои первые шаги; вот уж первый шаг позади, вот уж второй, вот уж и третий удался… и — пошла, пошла, пошла, родимая!

Шутки, хохот и гомон наполнили воздух праздника, залитый солнцем.

Но вот часы отсчитали пять минут кандального хода, десять… Шутки иссякли. Цепи прошлого были тяжелы. Они отяготили земную

поступь шутников и остудили их пыл. Железа тёрли лодыжки весельчаков точно так же, как это было с каторжниками — государственными изменниками, ворами, убийцами и разбойниками, лихими людьми и мздоимцами, бунтовщиками и поджигателями. Сибирский путь! Становой хребет! По этой дороге русская история водила своих преступников. Дорога была бесконечной, оттого и муки в ней были нечеловеческими, а память о муках — героической. Русская история научилась гордиться своими адовыми дорогами. И всякий мученик, что проходил по ним, становился свят, независимо от дел своих прежних.

Колонна, которую в большинстве своём составляли мужчины, замолчала. Люди сосредоточенно терпели первую боль. Каждый боролся со своей немощью сам, цель испытания неожиданно стала ясной и понятной, как на войне: выжить, дойти до конца, не сломавшись — вот оно, дело личной чести! Словно не бутафорское шоу выскочило из прошлого, чтобы повеселить горожан, а настоящая каторжная рука злодейки-судьбы схватила идущих сначала за ноги, потом за сердце, потом сбила их в безымянное стадо, и — повела, повела, повела чад своих неразумных на край и за край неизвестного мира. Куда?! Зачем?!

— Запе-евай! — скомандовал казачок.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперёд тяжело.
Суровые сдвинуты брови,
На сердце раздумье легло.

Динь, бом, динь, бом,
Слышен звон кандальный.
Динь, бом, динь, бом,
Путь сибирский дальний.
Динь, бом, динь, бом,
Слышно там и тут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

О! Как они пели! Идущие в кандалах люди чувствовали плечо другого. Голос одного становился голосом всех, а голос могучего хора вливался в душу, как свой собственный. Пел и конвой. Подпевали прохожие и зеваки, высунувшиеся из окон по пояс.

Ещё заглядывали в листочки-шпаргалки со словами: «Динь, бом, динь, бом...». Но пройдёт еще минут десять, песня выучится наизусть, и воткнётся в поющую душу народа, как топор, и оставит зарубку на память — вовек не забудешь!

В рядах кандальников шли: сыновья-погодки, наркоманы, дети Ии; городские лицензированные колдуны и мальчишки из Лицея, вышагивал, понурив голову, в самом конце этапа Арс, топтали родную землю,

покрывшуюся корой асфальта, ряженые купцы, рабочие в картузах, городские алкаши, мэр города и его свита, сами музейщики, попы с поминальными списками под полой, «гитарасты и чаепийцы», шагал среди русского люда и Рашен Крези — с пустыми руками, отчего-то не взявший с собою никакой фотокамеры. По этапу тащились: работяги, девицы в потливых скафандрах — костюмах былого. Нищие шли за стаканом водки. Театр или жизнь?! Кто разберёт тебя, русское место? Люди восхищались своим ЕДИНЕНИЕМ в боли! Казачок впереди и мигающая повозка с кандалами вели караван к новодельному Храму.

Как можно наказать холопа, ежи холоп уж внутри у тюрьмы? Как наказать уже наказанного? Могилой иль ссылкой! Ибо велик сей острог непомерно, как божья пустыня! В России пространство — лучший тюремщик.

Лица изменились. Рота конвоя, солдаты, вошли в роль и постреливали вверх. И уже не понарошку — для острастки. Охрана с бутафорскими трёхлинейками и деревянными штыками иной раз тоже колола под рёбра до всамделишной боли. Костюмированные солдаты екатерининских времён, более поздние эсеры и большевики-комиссары помогали штатной роте автоматчиков толкать и охранять шествие кандальников. Путь от Музея истории до Музея оружия был не так-то прост.

— Шевелись, каторга!

Кое-где в колонне уже начались настоящие оскорбления и перебранка.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные рядом идут.

Динь, бом, динь, бом,
Слышен звон кандальный.
Динь, бом, динь, бом,
Путь сибирский дальний.
Динь, бом, динь, бом,
Слышно там и тут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

Страшный, тяжёлый звук железа, скребущего землю, опустил человечьи взгляды под ноги. Головы понурились. Не было для идущих никакого другого дела, кроме главного — терпеть муки и волочь свои цепи. Дела по-русски трудного, дела безнадёжного. Погуляли — поплакали! Движение ещё только началось, а толстушка-преподаватель с филологического факультета, спасая натёртые лодыжки, уже запричи-

тала: «Отпустите! Я не хочу!» От малодушия её удержали товарищи, подхватили под руки и понесли дальше.

Динь, бом, динь, бом,
Слышен звон кандальный...

Демон великого русского пути проснулся и овладел шествием. К непостижимой колонне постепенно присоединялось пополнение: пьяноватые отцы с детьми на руках, спортсмены только что закончившейся «Велогонки мира», несколько солистов национального ансамбля песни, главный дирижёр театра оперы и балета, раздухарившиеся старики-оружейники. Кандалы в повозке закончились, но к колонне продолжали примыкать — музыканты духового оркестра, подтянутые, как струнки, кадеты, женщины, активисты еврейской общины, деревенские люди, замагниченные в Город обещанным грандиозным фейерверком, несколько веселящихся китайцев...

Повозка шла впереди, Дух придерживался за её никелированный поручень и по-прежнему молчал. Грэй иногда отпускал в сторону лошади ободряющий матерок. Котёночек позвонила и сообщила, что пожарный дознаватель неумолим: на Ро будет заведено уголовное дело. Грэй был мрачен. Город — ликовал в муке и мучился, ликуя.

У демонов нет времени! Они могут лишь спать беспробудно иль бодрствовать вечно. Вызванный из сна, дух великого Сибирского пути действовал как застоявшийся маг. Толпа входила в глубину роли — уже не по одному решая для себя «входить-не входить», а сообща: входить! Душа толпы беспощадна. Одинокое возражение она не потерпит — сомнёт, даже и не заметив поперечного! Плечи всё теснее прижимались друг к другу; этап чувствовал своё братство, конвой — своё. И все вместе они были — семья, русские люди! И они это знали не умом или сердцем, а каким-то животным чутьём, туполобой верой, знанием без дум и памяти — русской шкурой!

Мэр с богачами и свитой шёл впереди всех, так же глядя себе под ноги и сосредоточенно распевая. Замыкающие, кандальники в лохмотьях, для пущей убедительности картины рвали на себе тряпьё, добытое из мусорных баков, некоторые даже специально калечились до небольшой крови — в конце спектакля выдающимся страдальцам могли налить и по два стакана. Первые в колонне «играли» в историю, последние — в ней участвовали.

На асфальте после прохода колонны оставались царапины, словно когтистый зверь только что махнул здесь своей лапой, потягиваясь и пробуждаясь ото сна. О-о!!! Русские всегда «живут в след». Боле того — «след в след»! Они могут, как партизаны по болоту, пройти сквозь эпоху все, как один. И ни один бес не догадается, что здесь была — нация!

Динь, бом, динь, бом,
Путь сибирский дальний...

Дух был близок к отчаянию, к безвозвратному помешательству, плачущий разум отказывался подчиняться — он искал Ро. Её нигде не было. Только «мохнатые» вокруг. Мохнатые! Страшные и неописуемые настолько, что страх перелился в двуногом живом существе через край и... — и успокоился. Русское пугало, страх-стахолюдный, как бездонная яма в ночном беспределье, — и звёзды там есть, и великая тьма. Лишь испуганным страх помогает бежать, чтобы жить; а в России испуг из смирения сделан — не боятся смирённые встречи со смертью.

Впереди кандальников, перед лошадью казачка, в белом костюме вышагивала Ия — шоу проводилось на её деньги; бизнес-леди готовилась к выборам; как же без праздников сесть в президентское кресло, без потешек народу и водки ему задарма? — не-ет, шалишь, не прокатит в России такое!

Динь, бом, динь, бом,
Слышно там и тут...

Этап поравнялся с мраморными ступенями Храма и застыл на черепах предков, что оставались ещё лежать в этой земле под ногами, — не всё самосвалы вывезли ради спешки и мраморных прелестей.
С небес покатился колокол!

12.15

Скороспелый гигантский храм нависал над колонной своим великолепием. На ступенях стояли люди, держащие хоругви. Каторжанам раздали зажжённые свечи. Архиепископ — мохнатое чудище, на которое смотрели ослепшие глаза Духа, — явился перед народом и окропил, благословляя, идущих. И тех, кто был угнетён, и тех, кто угнетал. И тех, кто пришёл во фраках, и тех, кто пришёл сюда в лохмотьях.

— Благословляю дело ваше! — произнёс «мохнатый».

Дух видел, как разлетается во все стороны от мерзкого существа трупный яд брызгами, как попадает он в души людей и заражает их неизлечимым разложением. Одна из таких брызг впилась Духу в лицо. Дух страшно закричал и скорчился. Грэй обнял друга и кое-как успокоил его. Старушки на ступенях Храма одобрительно зашептались:

— Вот ведь какая сила-то у нашего батюшки! Бес выходит, бес!

Откуда-то из зрительской толпы выпрыгнули поклонники восточных религий, босоногие девчонки в сари, очень жизнерадостные и подвижные, с пятнышками в центре лба. Они тоже хотели «благословить» идущих на свой лад и раздавали им съедобные ритуальные фигурки, выпеченные из сладкого теста. Девушки торопливо, словно опасаясь

преследования, совали сладкое этапникам и конвою. Глазам Духа казалось, что кто-то стряхивает с ночной палубы искорки курящихся сигарет… «Неверных» грубо отогнали — наряд спецназа и казаки, словно специально, сидели в засаде и ждали случая, чтоб отличиться на миру, перед всеми.

…Русский бог — убийца! Да что там! Любой бог, ставший русским, становится в этой земле убийцей! Основоположник православия или диалектического материализма — не важно. В ушкуйной России не может быть двух равноправных «паханов», ни на земле, ни на небе. Победивший бог обязательно уничтожит всех остальных. Он не потерпит никакой делёжки при славе и власти. Вседержитель Руси един и всемогущ. Свято место это пусто не бывает! Боги в России меняются, как «вахтовики», но манера править единовластно остаётся: только в России новый бог убивает старого.

Физик, поочерёдно показав пальцем сначала на каторжников, а потом на архиепископа, произнёс:

— Эти убивают друг друга, а этот — пожирает их души. О духовном вампирстве на Руси я ещё напишу…

Физика никто не услышал. Грянул церковно-казачий хор. Каторжники победили: на них, несгибаемых, любовался весь Город; они гордились собой, потому что ими гордились другие! Уважить себя да потешить — русскому любая причина годится! Едва надышавшись традиционных мук, люди и впрямь впадали в реальное состояние исторического «ребёфинга»; не актёры — а, гляди ж ты, роль пришлась впору, ничего и придумывать-то не надо. Звуки, пыль, да заунывная песня для радости.

Дух ощупывал новым своим взглядом пространство: где-то здесь должна быть Ро, где-то здесь… Она просто испугалась «мохнатых», она захотела жить и поэтому убежала. Убежала! Ты права, Ро! Дух ощупывал ослепшим своим зрением открывшийся перед ним космос — Ро по-прежнему не было нигде. Но серебряная ниточка тянула — тянула! — и это было продолжением надежды! Где ты, Ро? Ослепительная, как ангельская белизна! Желанная и любимая! Дух искал: свет, свет, свет и ничего, кроме света. Ро! Серебряная нить подсказывала: не волнуйся, сердце человеческое, — она здесь, где-то рядом, и можно будет скоро найти друг друга… Это ещё больше усугубляло внутреннюю тревогу ополоумевшего слепца. Где рядом?! Где здесь?!

14.00

Помещение пересыльной тюрьмы чем-то напоминало штольню — такое же длинное и такое же крепкое. Добротность, с какою было сработано здание острога, изумляла: высокий сводчатый потолок, точнейшая кладка, разумная аккуратность — всё так и просилось

на восхищённую русскую оглядку: «Да-а, умели делать раньше!» Остатки гипермаркета вымели из внутреннего помещения подчистую — остались лишь голые стены да трёхярусные строительные леса, похожие на нары.

У входа в острог стояла солдатская полевая кухня и открытая бочка с водкой, из которой черпаком доставали очередную порцию наградного зелья и подавали его «каторжанину» в медной кружечке старинной работы. Кружечек было несколько. Общий этап пил из общей посуды.

За время, проведённое на потешном ходе, изменилось поведение участников: около бочки с водкой — ни давки, ни спешки, ни ругани на нервах, ни лишних разговоров; путь в железах одинаково угомонил всех и отучил спешить. Куда спешить? Туда, туда, куда не опоздаешь, даже если и захочешь опоздать… Что беда, что радость на Руси — спешить некуда!

Каторжане подходили к раздаче спокойно, степенно выпивали положенную кружку, получали в руки пластмассовую тарелку с кашей и куском хлеба и — проходили внутрь тюрьмы. Некоторые крестились перед порогом, иные благодарственно кланялись. Всё перепутали люди от радости: словно и не тюрьма это была вовсе, а божье место!

— Идите, идите, болезные! — иронично подбадривал конвой гремящих кандалами.

Люди копились внутри закрытого помещения по специальному хитроумному плану хозяев шествия. Чтобы не растерять металл, кандалы, устроители праздника придумали сконцентрировать идущих именно в остроге, самодоставкой, так сказать, где железа можно было просто снять и бросить на пол. Ах, уж эти сценарии! Хозяева планировали металл сдать в переплавку, мэр намеревался с высокой трибуны поблагодарить людей за участие, Ия надеялась на благодарность будущих избирателей. Каждый стремился убить в этом деле своего зайца. Сказать всем «спасибо» и, после каши и водки, отпустить людей с миром. Но… Но не тут-то было! Несколько сотен горожан, только что сплочённые на крови и поте, спаянные общим ходом, окрылённые общей песней и болью и ошеломлённые высшим результатом деяний своих — восхитительным единением тел, умов и душ, — отказались… снимать оковы. То ли водка виною всему оказалась, то ли что-то другое. Но очутившись внутри острога и рассевшись по нарам и на полу, кандальники наотрез отказались от свободы. Они сжились с железами и не хотели выходить наружу. Такого никто из устроителей шоу не ожидал. Люди вели себя так, словно пришли после долгих блужданий к себе домой. На радостях этапную песню затягивали уже не в первый раз, выучили и знали наизусть. Брошенные листочки с текстом слов песни валялись на всём протяжении пути колонны. Гуляющие их подбирали и пробовали напевать.

Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду.
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду.

Динь, бом, динь, бом,
Слышен звон кандальный.
Динь, бом, динь, бом,
Путь сибирский дальний.
Динь, бом, динь, бом,
Слышно там и тут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

Спектакль удался на славу, все были счастливы. Витало, как ангел, меж живыми такое забытое чувство родства, что словами и не скажешь! Оно пьянило и отрезвляло одновременно, жало взволнованные сердца друг к дружке — хотелось петь ещё и ещё, чувствовать небывальщину русскую — общий собор. Путь каторжан, путь сибирский! Уж не сам ли дьявол процарапал когтем своим эту борозду в тысячи вёрст бесконечных? Проснувшийся демон Сибирского пути урчал от наслаждения — он был жив! он хотел жить дальше!

— Тебя за что? — спрашивал бомжующий Арс городского мэра, оказавшись на нарах с ним рядом.

— На городской канализации сэкономил, хотел коттеджик сыну сделать… — будто бы врал мэр. — А ты?

— А я Родину предал… За измену!

Люди говорили о себе вроде бы в шутку, а получалось — всерьёз. И то: что ни скажи в кандалах — правдой будет. Не бывать русской правде без оков! Привязь для всего здесь нужна: и для мужа к жене, и для казённого человечишки — к станку своему иль к бумажке отчётной какой. Без кола да без привязи Русь разбредается!

Грянули песню в который уж раз.

Нашего товарища на каторгу ведут…

Могучее эхо взлетело под потолок, ударилось в него, отразилось, немедля вернулось к певцам и вонзилось, как сабля, в самое сердце! Да так, что аж захолонуло оно, сердчишко тщедушное, от своей неизбывности! Зазвенели голоса ещё громче, ещё крепче. Единение, мать его яти!!! Пел поп, пела свита мэра и банкиры, пели бомжи и переодетые опера-стукачи, музейщики и кандидаты наук, лицейский директор, отдельной группой сбились в остроге ряженые конвойные и тоже пели! Ничто так не объединяет русских людей, как горе и песня! Песня без горя — не песня! Песня была хороша, а горе — и того лучше!

В момент очищающего просветления поющие и впрямь видели себя такими, какие есть уж… И жалели, жалели себя, мол, не исправишь, что вот так вот всё получилось… Как так? Да вот — так! Так сложилось, хоть могло б и иначе сложиться…

Динь, бом, динь, бом…

Грэй присел на нары к каторжанам — после «кружечки» похмелье и мигрень отпустили его голову. Внутрь тюрьмы, вопреки строгим условиям карнавала, пускали всех желающих. После второй «кружечки» Грэй тоже присоединился к заведённой каторжной публике и забубнил: «Динь, бом, динь, бом…». Правда, у него не было на ногах кандалов, но самого себя ему было жаль по-русски, до отупения, до слёз, и шпага-эхо, вернувшаяся откуда-то сверху, била в негритянское сердце точно так же, как коренному соседу.

Рота солдат с автоматами вошла в острог с чётким приказом — снять с зачинщиков неповиновения кандалы принудительно. Назревала драка. Грэй ожил. Перед ним был конкретный враг, значит, была конкретная жизнь. Но назревающий конфликт успел погасить генерал-силовик, который, гремя кандалами, отошёл в сторонку и позвонил куда следует по своим каналам. Рота развернулась и ушла.

— Урррааа!!!

Вокруг генерала немедленно образовался тесный кружок просителей. Потешные каторжане просили не отбирать у них кандалы, оставить.

— Да на кой ляд они вам?!

— На память!!!

Генерал разводил руками и беспомощно повторял одну и ту же фразу — заклятие нынешней современности русских:

— Частная собственность! Частная собственность! Не могу. Частная собственность!

— А посидеть ещё можно?

— Сидите, сколько хотите.

— Урррааа!

Люди не расходились. Потекли разговоры. То там, то тут возникали самостийные очаги песни — остальные с рёвом подхватывали полюбившиеся слова. Кандалы на себе никто не развинчивал. Демон Великого пути ликовал: «Знай наших!» Никто не смотрел на часы. Водки и каши было предостаточно — армейские котлы и резервные бочки внесли под своды и закрыли входные ворота изнутри, на брус. Пили, но пьяных не было. Водка и кандалы — сочетание отрезвляющее. Карнавал в Городе объявил «всеобщую мобилизацию» и закованный авангард городского «ополчения» достойно нёс свою долю и пил свою чашу. Люди из разных сословий впервые смотрели друг на друга с… любовью. Как перед смертью. Как перед боем. Прощаясь

навеки! Русская жизнь: зал ожидания или камера — кто отличит одно от другого?! Что-то внутри каждого человека предельно напрягалось, и водка горела на этом напряжении не для кулачного куража на сей раз — для высоты и крепости русского духа!

Бомжи наполнили помещение запахом барака. Никто не курил, терпели. Пошёл «срок» — люди сидели и сидели на своих нарах, не обращая внимания на возмущённые удары в дверь с той стороны. Говорили. И вновь пели. И снова говорили. И не желали отвинчивать железа, что так славно скрепили всех вместе. Словно чуяли: самое лучшее, что случилось в их жизни, — эта песня и эти вот своды. Вот оно, вот! Уберечь бы любовь, не щадя живота своего! Вот оно, вот… С этим жаль расставаться да вновь разлетаться по креслам аль по трущобам… Навсегда или нет? Али будет похожий разочек ещё?

Русское прошлое не документально. Оно — внушаемое. Но в народной массе, умело покрытой подходящей проповедью, оно обретает силу реальности.

Если к шествию колонны можно ещё было присоединиться в начале карнавала, то постепенно, по мере набирания закованными людьми груза одинаковых «мук» и «страданий», — их удаление от мира становилось надземным, недосягаемым и нездешним. В острожной тюрьме уже никто не мог присоединиться к кандальникам запросто так — желающий, чтобы стать здесь своим, должен был проделать тот же путь! Русские небеса — для обречённых. Для несдающихся. Для попирающих смертью смерть.

Лишь несколько человек не дошли до конца. Не дошёл вместе со всеми Смотрящий, донесли под микитки до золотой трубы, но «помиловали» и отпустили от лап самосудной помощи филологиню. Физик перед входом в пересыльный острог по деловому взглянул на часы, пожал плечами и повернул вспять — готовиться к важной лекции.

Солнце палило. Балаганную повозку оставили у входа в Музей оружия. Широкий вход-зев в чрево трубы имел высокое арочное оформление, дававшее тень, и Дух мог там передохнуть. Старого друга Грэй оставил ненадолго внутри повозки, объяснив, что скоро вернётся и они поедут искать Ро вместе. Дух то ли кивнул, то ли Грэю показалось. Похмелье, к тому же заквашенное прогулкой по солнцепёку, было сильным. Да и вообще голова у Грэя шла кругом! От того, что вожжи русского бизнеса начали отвязываться от клячи русской истории… Всё пошло наперекосяк. Голова — кругом! кругом! И от усталости. И вообще!

Все в Городе ждали заводского гудка, по сигналу которого должна была начаться торжественная первая плавка в возрождённых оружейных мартенах. Заводчане и городская администрация договорились: загудит на заводе — стреляем фейерверком в Городе. Людям, взвинченным политпропагандой, в очередной раз казалось, что с началом

гудка обязательно начнётся новая, лучшая жизнь. Реальная и счастливая. Горожанам вливали в уши старые обманы и показывали с экранов новые сказки. И они — ждали и верили!

Настоящего заводского гудка, ни парового, ни электрического, уже не нашли. Всё было срезано и сдано в утиль. Поэтому воспользовались шефской помощью — сигналом противовоздушной обороны, ревуном. Гудок должны были заменить сирены воздушного налёта, одномоментно включаемые во всём Городе по специальной команде. Молодёжь не знала, что это такое, — ревуны, — а ветераны помнили настоящие бомбы. Но условность никого не смущала. Как чуда, ждали промышленного пробуждения — апофеоза Дня Города. День удался, что надо! Солнце жарило. Люди на площадях и улицах млели и томились, они глотали тоник, не успевающий охладиться, а их дети поедали расквашенное жарой мороженое айсбергами. И лишь в острожной тюрьме четырёхметровые стены держали прохладу безо всяких кондиционеров.

15.46

Дух увидел свет!

Она! Она!!!

Он выбрался из балаганной повозки и вытянул перед собой руки, и пошёл к центральному входу в Музей оружия! Часовые округлили глаза. Билетёрши, получившие приказ денег с посетителей в праздничный день не брать, оказались любезны и предупредительны: «Дедушка, вам помочь?» Убогим — все двери открыты. В нижнем зале Дух остановился. Прямо перед ним ослепительно сияла Она.

Он безмерно волновался, руки его тряслись, они то сжимались в замок, то повисали плетьми. Он разлепил ссохшиеся губы и заговорил еле слышным шёпотом.

— Росиия! Россия… Ответь! — Она молчала! И тогда он, слегка и впрямь свихнувшийся от всего пережитого, признался ей в том, что так его волновало.

— Ро! У нас родился сын… Ро! Россия! Ты не знаешь об этом…

Охранник с автоматом, мальчик, подошёл к говорящему:

— Дедушка, это же фотография, вы говорите с фотографией! Идите в острог, это напротив, ваш праздник там!

Дух не слышал слов. Он видел ослепительное сияние, идущее от огромной настенной фотографии, вынутой из 160-летнего прошлого, увеличенной и реставрированной. В центре фотографии стояла курносая девочка с раскосыми глазами.

— Россия, я люблю тебя! У нас есть сын! Россия!

Она молчала.

Дух шептал.

— Больше не могу держать эту тайну в себе. Не могу! У нас есть ребёнок! Сын. И он диктует мне эти слова… Сын!!! Младенец. Ин-

валид поднебесный. У него… у него нерождённое тело. Понимаешь ли это, мой тающий друг?! В этом-то мы и виновны, и уже ничего не исправить. Время, как сон, утекло. Юность покрыта, как сталью, холодом разума, а возраст — ах, возраст! — поле выжженной памяти да знойность невсхожих желаний под миражами фантазий. Сердца вдруг распались на прежнюю разность, разъединились, их чудесный союз безоглядно иссяк. Сын!!! Он теперь в западне: и обратно уже не подняться ему, не вернуться в эфир, и сюда добежать — не хватило пути. Ро! Он кричал в мою бедную душу: «Спаси!», — чтоб я в женские ушки твои прошептал вожделенье… Ничего тебе не сказал я тогда, испугался: и себя самого, и когтей эгоизма, и твоего недоверия. Россия моя! У нас есть ребёнок. Малыш, который нас выше. Он, рождённый случайным венчанием душ, смело ринул бы в мысли и в память, и в плоть… О, как хотел он, чтобы мы поскорее подали ему эту твёрдую часть бытия: чувствовать, говорить, обнимать… Плачет и воет сегодня бесплодное сердце моё! Сын наш прекрасен, как первая встреча с тобою, он умный и сдержанный; в дрожи я ощущаю, как ему не хватает простого — быстрого бега, запахов, дел, инструментов и игрищ, и звука, и света, тепла и насущных волнений. Мудрость и такт не дают малышу обезумить нас вновь, чтобы нынче же бросить друг к другу. Россия моя! — без пламенных чувств ты не сможешь, и я не смогу… Высота ожиданий не снисходит до форм без огня. Ро! Он, малыш наш, уже не исчезнет, как выдумка, сон, наваждение, — он уж здесь, безнадёжный, он рядом. Он, мальчик наш, не успел приоткрыть то, что, глядючи с неба, всего тяжелее — ту последнюю дверь, что ведёт в этот мир! Воплощенье любовного зова двоих не стало его пробуждением. Из-за меня. Я, мужчина, покалечил судьбу нерождённой судьбы. Медлил и уклонялся, был чёрствым, нечестным… Стыд — невеликий венец достижений моих: наконец-то он есть и готов испытать мрак мужской слепоты, рушить властность моих заблуждений. Но не ведаю я, как и прежде: стоит ли мне сожалеть? Ведь цена покаяний известна — ступени иного бесстыдства. Россия! Я, падший, боготворю тебя, падшую. Чтобы взгляд поднялся, чтобы оба мы видели чадо своё. Отчего ж я один наслаждаюсь изнанкой своей — опозданием жить? Наслаждайся и ты. Отчего малый сын утешает седого отца непрестанно? Пусть утешит и мать. Как любил я тебя, как люблю и сейчас тебя, Ро! Пусть нелепо и плохо, и неправильно в мире этом любил, но провидит скучающий Бог — звероподобно и страстно я в сердце своём трепещу по сей час. Лесть моя, Ро, женщина женщин — Россия! Наш малыш не пробился сквозь пламя обид, не прошёл сквозь трясину земного расчёта. Впрочем, он и не пробовал этого сделать — он родился калекой. Без возможности видимым быть. Тела нет у него. Длинен родовый путь соблазнённой души. Неизвестность падений сладка! Собственным стать — сквозь несобственных надо пройти. В небе собственной жизни

и собственной нити времён не добудешь… Сыночка наш! Сколько он проживёт? И не день, и не век. Он умрёт вместе с нами. После нас без него — пустота! Вот что страхом мой разум пасёт: недожитое хуже убийства. Продолжение истины — в жизни младенцев. Закалённых в густой глубине испытаний. Мы ведь сами манили любовью дитя наше в верную жизнь. Словно в верную гибель влекли. Присягать мы умели и свету, и тьме. И его б научили. Кабы верность земная и верность небесная во плоти сбывались! То, что видит малютка с небес, то не ведаем мы. Скажи, мы смотрели друг в друга? Да, мы смотрели… Почему, насмотревшись, стали видеть одно — лишь свою правоту? Страшный суд — это встреча с несбывшимся счастьем. Ах, зачатие в небе, — вот оно, рядом, — восхитительный дар двум нашим временным судьбам! Твоей и моей. Что же делать теперь?!

Мир вокруг загрохотал и зашатался. Пол под ногами Духа дрогнул и стал обваливаться. Свет погас.

15.57

Город тряхнуло так, что ослабевшие разумом оружейники-старожили воспряли однозначно: «Ага! Слыхали, как дало! Первые испытания, небось!» Потом земля ещё несколько раз содрогнулась. А через некоторое время из трёхсотметровой заводской пушки-трубы повалил густой чёрный дым, застилающий безупречную синеву праздничного неба, в котором, точно младенец, купалось предвечернее солнце.

Первая полнозагрузочная плавка в мартенах шла нормально, пока печи не начали чадить и плеваться металлом во все стороны. Инженеры приказали открыть основные шторки и вентиляционные вытяжки, взвыли могучие лопасти вентиляционных турбин — раскалённые до двух тысяч градусов по Цельсию газы хлынули в штатные дымоводы, которыми давно пользовались не по назначению. Взорвалась пыль. Лопнули складские переборки. Огонь быстро достиг «розы тиров» и немалых их складов с боевыми припасами. Взрыв арсенала под первым залом Музея оружия вышиб пол, а вместе с ним и все остальные перекрытия внутри золотого оружейного символа. Труба устояла. Она, наконец-то, освободилась от надоевшей своей заткнутости внизу и обрела внутри себя лихую свободу и былую тягу — огненный смерч устремился по открывшемуся железобетонному каналу в небо, мгновенно сметая и уничтожая всё на своём пути. Погибали люди. Дурацкую повозку засосало в трубу вместе с конём.

Заводчане, спеша порадовать сограждан своими успехами, дали преждевременную отмашку «заводскому гудку» — по всему Городу душераздирающе выли противовоздушные сирены. Ия щёлкнула пальчиками и пиротехники на набережной запустили вверх тридцатиминутный грандиозный фейерверк. Труба чадила. Ничего не пони-

мающие люди на праздничных улицах и площадях Города обнимались и аплодировали.

Ящер проснулся! По многочисленным подземным каналам и переходам огонь легко подбирался под супермаркеты и увеселительные заведения, подогревал их снизу, прожигал заслоны и защиты и вскоре выпрыгивал ало-бордовым чудищем, показывающим миру язык, из окон и проёмов. Пожар был высшей степени сложности. Гасить в Городе его было некому и нечем. Пожарные занимались эвакуацией людей.

Когда дрогнуло, забаррикадировавшиеся кандальники пили «за железную славу» своего места обитания. Толчок и грохот были очень сильными, многие попадали с нар и не устояли на ногах. Водка пролилась, но они не отступились — продолжали петь.

И вот повели, затянули…
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни.

Динь, бом, динь, бом,
Слышен звон кандальный.
Динь, бом, динь, бом,
Путь сибирский дальний.
Динь, бом, динь, бом,
Слышно там и тут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

Пожар от фейерверка русские не отличают. Спаслись от прямого огня только те «камикадзе», что застряли на металлическом паучке-карусели, подвешенные на лианах, вниз головой; люди, пока были в сознании, ужасались с трёхсотметровой высоты аттракциона на вид внизу — горели торговые центры и склады, выли пожарные машины, бежали люди…

Кандальники пели до конца!

Поют про широкие степи,
Про дикую волю поют…
День меркнет всё боле… А цепи
Дорогу метут да метут.

Динь, бом, динь, бом,
Слышен звон кандальный.
Динь, бом, динь, бом,
Путь сибирский дальний.
Динь, бом, динь, бом,

Слышно там и тут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

23.55

Городские каторжане достойно пережили взрыв внутри острога. Но когда открыли эвакуационный выход с другой стороны и закричали: «Пожа-ар!» — герои побросали кандалы и уже спасались, как все: в толпе и давке.

Котёночек и Грэй до поздней ночи в обнимочку сидели на своих полигоновских головнях и били комаров. Над Городом шевелилось зарево кроваво-венозного цвета. В этой небесной палитре постепенно сгустились тучи и разразилась проливная гроза, которая и погасила разгул огня. В почерневшую трубу со всех сторон били молнии.

ЭПИЛОГ

Ой, солдатик, солдатик, солдатик!
Из каковских ты будешь земель,
Кому верною жизнию платишь
За патроны, ружьё и шинель?

Ой, солдатик, солдатик, солдатик!
Во прицелах — картинка креста…
Кто тебе повелел воевати,
Кто подал, как на бедность, устав?

Ой, солдатик, солдатик, солдатик!
Слёзкам-ягодкам быть до поры:
Злое сердце растёт на проклятьях,
Сердце бедное плачет навзрыд.

Ой, солдатик, солдатик, солдатик!
Погуляй от пьяна до пьяна…
Пулям жарко, им крови не хватит,
А убитому жизнь не нужна.

ОНИ отлили первую пушку. ОНИ отрапортовали и отсалютовали. ОНИ приехали представительной государственно-заводской делегацией на полигон. ОНИ продиктовали свою волю: «Россия возвращает своё былое могущество!» Штольни потребовались вновь для секретных военных испытаний. Грэй на себе понял, что такое «частная собственность» в России — о, это несчастная собственность, которая возникает

и улетучивается сама по себе! Частная-несчастная! Ну-ну. С тем же успехом можно объявлять «своим» какое-нибудь понравившееся облако над головой… Оценщик работал на полигоне больше недели. Грабители поступили с иностранцами благородно — дали за всё двойную цену, но потребовали за этот свой размашистый русский жест «убираться немедленно и в суды Страсбурга не соваться».

Грэй спас Ро от суда. Вылет из страны и перевод крупных сумм за границу были не совсем законными, но взятки в России по-прежнему творили волшебство.

Ро пряталась в квартире у Жозефины.

Грэй постучал. Дверь открыла ненавистная блядь. Она без предисловий въехала острым кулачком Грэю по губам. Грэй даже не соизволил уклониться, кровь закапала на костюм. Из-за плеча подруги выглядывала слегка испуганная Ро.

— Собирайся, курица. Вылет самолёта через два часа.

Взлёт. Под крылом самолёта — стена, холмик полигона, почерневшая от пожара заводская труба, да чёрное пятнышко на полигоне — след от бывшего Дома Счастья. Да ещё остриё булавки, высунувшейся из-под земли, — золочёный наконечник часовенки Гоблина…

— Ро, нельзя пользоваться связью в самолёте!

Раз сказал, два, не понимает… Заступилась Котёночек:

— Ничего не случится. Звони.

— Ро, существуют определённые правила поведения в воздухе.

— Заткнись! — Ро грубила уверенно.

Жизнь продолжалась. Избитая фраза. Но избитая не более, чем сама жизнь. На коленях Грэй держал свой неизменный рюкзачок, который пережил и помнил столько же, сколько и его хозяин.

— Что там? — поинтересовалась Ро.

— Живые деньги!

— А посмотреть можно? — девушка развязала тесёмку и заглянула внутрь. Салон самолёта наполнился женским визгом. — Идиот! Идиот! Идиот проклятый!

В рюкзаке копошились в небольшом запасе русского навоза калифорнийские черви — они возвращались на родину.

Где-то над Тихим Океаном Ро растолкала спящего Грэя и вручила ему тетрадку.

— Держи! Это какие-то его записки. Искала деньги, а нашла вот это — в его кабинете, в Лицее. Он писал странные письма какой-то бабе, у которой нет ни тела, ни имени, ни своего дома… Которой вообще, наверное, нет! Он называл её Любимая.

Любимая!

Мой прекрасный друг!

Каждый человек подобен скрипке. Он томится по неизвлечённому звуку своей жизни. Одни называют этот звук «смыслом», другие — «судьбой», третьи даже не верят в его существование… Ты мудра сердцем женщины. Ты знаешь только одно слово — Любовь. Оно наполняет музыкой бытия и тебя саму, и всё вокруг. Это — великое Слово! Пред ним замолкают мысли и склоняют голову объяснения. Потому что вечность любви наполнена тишиной. Голодные скрипки наших судеб торопливы и неразборчивы. Очень часто обыкновенный шум кажется нам замечательной песней. А действительно чудо — даже не волнует. Кто, какой Мастер держит в руках смычок? Редко кто владеет им сам. Тревожная музыка собрана в сегодняшнем миге бытия! Образы, время, удачу и крах — рождаем мы сами.

Любимая! В мире, где все привыкли притворяться, естественность трудна! Но другую тебя я не смогу полюбить, другой я не смогу сказать эти слова. Не буду услышан. Я боюсь слов. Они делают меня лицемером, а тебя — обманщицей. Ведь так легко принять за любовь — самолюбие.

Жизнь проявляет наши лица. Сначала — видимые, потом — остальные. Любимая! Я обращаюсь к заклинанию. Пусть будут прекрасными все твои лики: доброты, терпения, кротости, святости, слёз печали и слёз радости. Любимая! Я охраню твою беззащитность. И Бог даст преображение нам обоим.

Величайшее мое сокровище! Каждая наша встреча — восторг единения и мука рождения. Светлый Реквием звучит над полем жизни. Я люблю тебя, мой друг! И не хочу ничего более.

Любимая! Я всегда ценю тебя по самому последнему мгновению. По самому последнему

мгновению между нами. Потому что ничего другого между нами нет. Только миг! Если ты восхитительна в нём, если невозможно устоять против тебя, если ты любишь и просишь любви — зови меня, иди ко мне! Так свершается таинство нашей вечной игры. Не убегай в прошлое, которое подобно алкоголю, не рвись так отчаянно в будущее, которое всего лишь выдумка, фимиам для безнадёжно уставших сердец. Зачем ценить это?! В том, чего нет, нет и цены. Удержать бы высоту любви в каждом из наших очарований. Потому что нельзя остановиться, потому что держит нас золотая цепь — череда судьбы. Оборвись — и канет мир во тьму. Надежда — мираж. Не уставай! Всё слилось для меня воедино в бесконечно короткой вспышке по имени Жизнь. За пределами мига — тьма. Будь, чтобы быть.

Любимая! Я не знаю твоего имени, не знаю, какого цвета твоё небо, на каком языке ты говоришь, в каком времени мы встречались. Но я помню одно: всегда ты со мной, в каждом моём живом вдохе. Любимая! Я вижу и нахожу тебя всюду, в любой наречённости и в каждой чужой новизне. Ты прекрасна! Твое вечное прощение и греховный мой искус — вот что называю я нашим мгновением.

В любви твой взгляд останавливает мои мысли... Эта сила принадлежит тебе так же, как принадлежит солнце каждому из нас. Расширенные зрачки любящей жизни! — на тёмном дне этого великого колодца я вижу всё пройденное время, вижу, вижу, как в пылающей истоме разливается лава, морщатся материки, как бушуют океаны и плачет небо, как дрожит земля: всё в твоём взгляде, Любимая! — звон оружия, стенания пленных, клятвы лгунов и оскорблённая вера, — всё в этих зрачках, которые любят; через эти живые колодцы на меня смотрят: история, вечность борьбы и миллионы лет предшественников. Я не могу не любить тебя, друг мой, я — раб твоей загадки.

Любимая! Спасибо, что я слеп, что велика глухота моя. Спасибо, что не прозорливец я, не пророк, не ведун, спасибо, что могу насладиться красотой жизни сегодня и не видеть её конца завтра. Иначе невозможно было бы жить. Я смотрел бы на детей малых, а видел бы в них завтрашнюю правду. И нельзя бы стало любить их в начале. Я смотрел бы на чудесные творения рук человеческих, а видел бы только пыль и тьму бездыханную. Не обнять бы тогда тебя, Любовь мою, в радости, чтобы не заплакать тут же от видения разлуки. Ничего бы тогда! Спасибо за тишину жизни моей, за то, что не рушится она сразу. За это благодарю.

Любимая! Я говорю своей жизни «Да!» так же сильно и искренне, как говорят это на исповеди. Что услышу в ответ? «Да! Да!» — отвечает мне жизнь: и смеющаяся юность, и плачущая старость, и холодный рассчёт делового мира, и колеблющиеся голоса разуверившихся пасторов, и чванливые умники, боящиеся жить, и глупцы, боящиеся умереть, — мои единственные сограждане по планете и учителя. Чувства сильнее бесчувствия. Любимая! Ты — единственная, несущая миру: рождение и погибель, соблазн и покаяние, испытание тьмой и неизбежное просветление. Любимая! Великое множество лиц твоих и времён бессловесны; высшим покоем и силой исполнены все наши «Да!»

Любимая, ты — Музыка жизни! Слова договаривают недочувствованное, музыка — дочувствует недоговорённое. Любовь существует в невидимом переплетении того и другого. Произнесённая, воплощённая, сбывшаяся, она исчезает навсегда. Чтобы повториться музыкой жизни, возрождаясь в иных воплощениях!

Любимая! Моё ожидание — в прошлом, в настоящем, в будущем! Всюду! Ему слишком мало одного времени, оно ненасытно и

неутомимо. Я звал тебя всегда! Ты меняла свои имена и наряды, но — приходила, чтобы смирить и возвысить. Моё ожидание не исчерпано временем. Я люблю тебя во всех и во всём: в разливах рек и ликах цветущих полей, в человеческих существах, в тварях и вещах, в слепом жестоком случае и в лукавой игре воображения. Кто же даёт эту вечную силу живущему кратко? Неведом и прекрасен круг земных испытаний! Кто отправился в путь, тот и счастлив; родина мыслей и чувств — ожидание высшего света; чистый взгляд, чистый голос и чистая вера души — дом, в котором чужих не бывает.

Любимая! Все мы стремимся в единую даль, и каждый несёт свою веру. Не умеешь понять — люби, не умеешь любить — терпи, не умеешь терпеть — уйди. Что из этого сможешь, Охотник? Что же ты выберешь в мире подсказок: подлость или пожертвование, тишину или шум, спешку или окаменение? Самолюбец ревнив, и только любящий — берёт и даёт, не выбирая.

Любимая! Словом исцеляется тело, вниманием исцеляется больная душа. Человеческая жизнь подобна растению. Она вызывает восхищение, когда побеждает пустыню.

Человек богат своими испытаниями — в этом его счастье, в этом его исцеляющая мука. Внутренняя чистота испепеляюща! Любимая, тебе ли это не знать?! Пришедший к тебе из суеты и вставший рядом, пронзительно чувствует: как грязен он, как мутна и невысказанна сила его блужданий.

О жизни неявленной, внутренней, потаённой могут говорить лишь два распахнутых, два всесильных в своей беззащитности, верующих в любовь, человеческих сердца. Лишь бы сердца говорили первыми, а ум — лишь подсказывал.

Любимая! Спрячем мысли о выгоде и пользе, или спрячемся от них сами! Душа в душе

отдохнет. Как сделать так, чтобы никогда не разомкнулись наши руки, чтобы не иссякла, не оборвалась между нами невидимая нить — память? Как поверить, что судьба — наш друг, а не злая служанка? Слишком ненадёжен мир вокруг, слишком тороплив он бывает и жаден. Давай же удивимся сегодня друг другу: не мелочны ли стали наши желания, не превратились ли мы с тобой в живых куколок, не называем ли мы заботы о повседневности «счастьем»? Что нас ждёт впереди? Я не спасу тебя, Любимая, от неизвестности, но я обещаю быть рядом. В твоих глазах — свет и радость. Мы сбываемся в сбывшемся.

Любимая! Прости! Не говори ничего в ответ. Ответа не существует. Он затерялся в шуме машин, в голосе споров и сутолоке истин, он растворился, устал и иссяк. Его унесли тучи, его растрепал ветер, волны превратили его в песок. Уроки молчания самые трудные. Покой природы не может сравниться с бесстрастностью опыта...

Что подарить тебе, друг мой? Любой подарок — лжец. Я не могу доверить вещи то, что должен передать невидимо, — Любовь. Возьми её из уст в уста. Она вся — в тишайшем моём: «Прости!»

За то, что ум занят хмурыми мыслями.

За то, что время ушло на бездарные битвы с хамством, инстинктом, гульбой и пошлостью.

За то, что рождённые и нерождённые дети твои озлобленны и расторопны.

За то, что память ума коротка и бессильна.

За то, что страх стал выше мудрости.

Любимая! Я смогу тебя спасти! Я сумею. Я знаю как. Это древнее искусство души забыто, но не утрачено. Никто из нас не слышит разговора птиц и не понимает голоса деревьев и не видит настоящего. Потому что ослепляет себя иглами желаний. Миру не хватает всего лишь обыденности! Самой

простой и только потому вечной: когда огонь согревает и помогает готовить пищу, когда скрипит рассохшийся пол, когда усталость реальна, но терпение — сильнее. И потому лишь мир есть мир, и он длится и длится, и всё дрожит светящимся листочком волшебного огня над праздничной свечой… Любимая! Ты всё смогла. Тебя нельзя победить, потому что ты — беззащитна.

Любимая! Даже если сомкнутся уста и глаза мои будут закрыты, даже если ослабнут знакомые узы и свет превратится в отсутствие плоти, то и тогда, мой единственный друг, ты — мой вдох и мой выдох, мой ангел и кнут. Я буду всё чувствовать, слышать и знать. Ты — моё небо. Небо небес! Не столб атмосферы над нами и не длины ночного пространства, сорящего звёздами. Небо жизни — на ниточках любящих взглядов: их нельзя отводить друг от друга ни на миг, ни на даже полмига. Те, кто жил, те, кто жив, и грядущие жизни — едины в своей ненаглядности. Это небо — работа души и ума, эхо печали и радости, страха, забот и восторга любого из нас. Высок человеческий взгляд, высоко и небо его. До наития и безмятежности, до одиночества и воспарения. Хрупок миг! Небо может упасть — стоит только мигнуть…

Я смотрю на тебя, свет мой близкий и ласковый: ты — родная росинка в дожде наших дней. Голос нашей любви — это голос детей, это — радость свершившихся планов и дел. Это — знак тишины между нами. Кто любим, тот обязан быть вечным и правым. Вечным в праве своём отвечать на любовь твою властью и силой. Красота поселяется там, где не холодны искры в глазах и где платой за верность никто не назначит монету. Бездна любви, из которой мы вдруг рождены, не зовет нас обратно. Потому что мы сами, скрестившие губы, новой бездною стали, продолживши путь бытия. Ты моя и я твой.

Ах, миры воедино едва ли сольются, если нет между ними небес!

Страстью, зовом инстинктов, силой таинственной веры, надеждой и кровным родством — этим полнятся взгляды, этим связаны давность и миг. Пусть обрушится жизнь твоя в жизнь мою и родится иное мгновение — вспышка Любви, создающая то, что двоих превосходит. Что разъято, то ищет друг к другу свой путь. То, что сложено, то неделимо. Как я счастлив, мой друг, быть с тобой! Целовать, обнимать и баюкать твой сон, охранять наше юное племя и строить жилище. От влюблённости юноши до любви старика я дарю тебе верность свою!

Любимая! Наше небо прекрасно, день и ночь в нём равны, как и мы на земле. Твоя вечная нежность смиряет мой бунт. Я ищу свою дерзость — ты даёшь мне дыханье на следующий шаг. Так парим мы над бездной в пути из неведомых далей в неведомый мир. И хорошо нам. И не страшно. Потому что вдвоём мы легки и крылаты. Легче времени, легче мыслей и слов.

Ах, куда мы спешим? Нити могут порваться... Но нельзя не спешить! Бьются птицы доверчивых чувств о великие стены рассчёта. И падают, падают замертво, веруя в небо. Милая, знаем и мы: крылья нужнее, чем башни. Как остаться нам в том и в другом?! Как не разбиться и как не упасть? Научи меня новой свободе, той, что не знает оглядок, неправых законов и яда земных компромиссов. Я склонюсь пред тобой, раболепный, как в Храме. Я тебе заплачу всем, что есть у меня. Эта плата — негромкая правда, мой шёпот смущённый: «Люблю!»

Любовь моя, милый друг! Воды времени бесконечны, они вытекают из прошлого и стремятся к будущему, а посередине — удивительный миг, в котором времени нет: колесо настоящего, круг естественной жизни и

Молох цивилизации, — место, в котором копится память, зарождается и растёт душа, совершенствуется ремесло и постигается небо. Время, задержавшееся на мгновение в настоящем, предлагает тебе самый щедрый из подарков — рождение себя самого, неподражаемый труд непрерывного пробуждения и действий: это — твоё время! Любимая! Миг человеческого бытия непрерывно растёт, усилия каждой жизни строят наш общий дом: свет и тьму, восхищение и разочарование, порядок и хаос. Мужество и счастье — участвовать в неподражаемой драме проснувшихся! Здесь ничего не бывает дважды: ни путника, ни его пути. Чувствуешь ли ты невидимый огонь в своём сердце? Жизнь одного воспаляет жизнь другого и это — единственная наша Неугасимая Свеча, наше настоящее рождение: только сегодняшний день и только сегодняшний миг. Твоё время. Назови его, как тебе нравится: своим собственным именем, или именем Бога, именем друзей, прекрасной Любви или просто звуком текущего куда-то ручейка… Все хорошо и правильно, потому что всё в этом мире — рождение, всё — день его бытия.

…Кто ты, человек, столь непохожий на меня? Откуда тянется нить твоей жизни и почему вдруг она перевилась с моей? Что происходит? Драгоценными узелками держится в памяти светлое время упоительных встреч и ненасытно длинна наша ночь. Я хочу тебя видеть, Другой Человек! Слишком бескрыла реальность рядом с мечтой. А Образ, живущий в душе, прекрасен и неуязвим; подойди же к нему и сравнись, ни о чём не жалея! Пусть иллюзия правит смиренной свободой. В тысячный раз я стану тобой. Призванный и объятый. Идущий от клятв до заклятий. Исчезнут, сгорят в бесподобном паренье любые суеты, отступят проворные страхи, и слухи людские умрут и колдовство талисманов окутает вещи. Это — Любовь. Перекрестие жажды сердец. Не познавши другого, не станешь собой. Любимая!

Не уходи незнакомкой! Не изменяй, не изменившись. Пей до конца предназначенный миг. Невозможно унять наши судьбы, если вязать нить ошибок и снов в одиночку.

Любимая! Единственное, что связывает, — пропасть меж временами. А лучшее из чувств — чувство недосягаемости. Ощущение глубины не позволяет живому уснуть. Всё торопится, всё несмиренно, время течёт, но нет в нём мятежной поспешности. Не торопись же и ты заполнять пустоту обещаниями. Тяжелы людские тела, но дерзки их души. От мычания глотки к поющему взгляду ведёт восхожденье родства. Сладко и страшно дышать, наклонившись у края; бездна, несметная бездна — наш дом! Свой своего узнает по прощанию — фантазия вольно играет здесь светом, и тьмой. Учимся быть, наполняясь несметным, чтобы однажды в несметное кануть. Только пустому глупцу это место — ничто. Послушай, как поёт тишина! Посмотри, как прозрачны вселенские тверди. Никто ведь не ждёт тебя здесь, но входишь ты долгожданным. Значит, есть ещё кто-то другой, одинокий и сильный, — твоя неразлучная пара. Потому что миры образуют сей мир. И волшебная дверца меж ними — Любовь.

Любимая! Землю выиграет тот, кто не проиграет себя самого.

Любимая! Вечность играет мгновением, мгновение — вечностью. В прикрытых глазах, затаённом дыхании и сладкой истоме владения друг другом рождается музыка жизни. Всё невозможное манит к себе и чарует: чувства пьяны, а фантазию дразнит случайность. Горизонты времён и пространств, глубины покоя и божеской воли, голод несытой любви и земные владения — всё, всё открыто для нас, пока невозможно! Непостижимо. Недосягаемо. Неодолимо. Путь — это то, чем владеть не дано. Лишь бы жизнь не свернулась в пожитки! Бежим от известного! Зачем бережём

мы всё то, что доступно? стремимся к тому, что чужое? ценим следы и питаем плоть призраков? — страшно забыть, потерять, отпустить нажитое. Жизнь! Вечная точка на вечном пути!

Дятятко моё родное! Никому тебя в обиду не дам — сам обижать буду, собственной мерою, чтобы знало ты силу пределов своих. Чтобы ласка и лесть, и угода, и слепость ликующих нянек не сделались правом на жизнь. Привыкает к преградам идущий. Поднимись, моё дитятко, выше преград и препятствий — пусть они тебе будут опорой. Утомляйся в делах на земле, чтоб не знать утомления в большем.

Ты наказ мой родительский выберешь так: отличив назидание от наказанья. Переступишь того, кто поднял твой твердеющй взгляд от владений. И добудешь тем взглядом из долгих колодцев времён пропитанье ума. Чтоб скрестились зрачки сквозь смежённые веки.

Я толкну тебя сам, пока мал ты и слаб, чтоб, упавший, ты знал, как подняться. Чтоб ты поднял меня, когда я упаду. Обожгу твоё сердце отрезанным чувством, чтобы знало оно одинокую власть над собой. Чтобы жгло и меня, когда кончится власть. Наклоню твои мысли к соблазнам и мраку, чтобы ярость души превзошла её лень. Чтобы мог опереться на сильного сильный в бессильном краю.

Называют родителем тех, кто встречает у входа. Но велик ли поход, если был ты спелёнут? Кто поможет отправиться вон?! Дитятко родное! Провожу тебя так: до иного сезона судеб, до границы, где выход опять будет вход. Не предай! — не посмей на обиду ответить обидой. Не предай! — с жизнью жизнь не встречай в унижении. Не предай! — провожай без оглядки и Смерть, и Любовь.

Шаг тяжёл, значит, будешь ты весел от сил, что плодит восхожденье. Узок путь, значит, лезвие жажды твоей ищет плоть своих дел. Чтобы сделалось так, я лишу тебя, веточка рода, ветвей, что низки. Сок земли

потечёт по тому, чего нет, и где нет ничего — будет прихотей цвет. Вновь созреют земные плоды, и в бездонную тьму упадут.

Укрепляйся, дитя, тем, что мир не становится лучше, что нечист он и нет в нём надежд. Укрепляйся, дитя, чтобы собственным миром сей мир укрепить.

В честной битве — за честью победа. Но считает победой и яд свою власть. Кто отравит тебя, мой малыш? Липкий взгляд и елейные речи проклятых? Трупный яд, что сочится с горящих полей? Самолюбец? Торговец? Учитель учений? Навеянный страх? О, дитя! Пей из уст моих яд — не смертельна из уст моих мера. Пей из сердца отраву — печаль. И болей, и терзай мою душу, но успей стать сильнее коварства.

Что могу тебе дать? Руку в первой ступени твоей. Во второй — обстоятельства, опыт. Отсечение всех пуповин, наконец. Посмотри: что держало тебя — держишь ты теперь сам. Я владею тобой, мой малыш, чтобы мог овладеть ты собой. Чтобы кровная связь отошла, превратившись в свободу и дружбу.

Милость от милостынь ты отличишь. И научишься брать и давать. Но не будешь ты слёзно просить, и подавать, прослезившись. Глупое детство плачет от боли, вечное детство — от боли за глупых. Слёзы — жемчужинки скрытых надежд — сыплются с порванной нити по имени Жизнь. Пусть крепка будет нить твоих слёз.

Дитятко родное! Не услышу надсады твоей — не кричи. Поднимайся само, и само огляди этот мир, и само говори, и само продолжайся. Пусть не смеют приблизиться те, кто калечит слепою заботой, кто не делает жизнь, а её выбирает, чья душа языка не имеет.

Ты прекрасно, дитя! Оставайся таким до седин. Где от входа до выхода круг постижений, как сон… Баю-баю, малыш. Баю-баю-баю… Ты в обиду не дай свой поход — обижай себя сам, мерой собственной. Чтоб не знала душа возвращений.

***

...Картины событий и диалоги людей в этой рассказанной истории видны едва-едва, всего лишь «фоном»... А как же действия? Ну, что действия! Это — всего лишь торчащие вешки меж снеговых облаков, по которым несутся сани русской судьбы! Как встарь: «Э-ге-гей! Гуляй, шевелись, залётные!»

Лев Роднов

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА

Корректор — А.В. Бекмачева
Дизайн обложки — Н.В. Саранчева
Компьютерная верстка — Н.В. Саранчева

ООО Издательский дом «ERGO»
Директор И.Н. Чиркова

E-mail: ergo@udm.ru

Сдано в производство 10.12.07. Печать офсетная.
Формат 60×90/16. Гарнитура Kudrashov.
Заказ № . Тираж 500 экз.

Отпечатано в России

ISBN 978-5-98904-026-1